

НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН

2009
ISSN 1683-6537

Научный рецензируемый журнал

Учредитель — Академия наук Республики Татарстан

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
29 октября 2009 года. Регистрационный номер ПИ № ФС77-37866

Журнал ориентирован на публикацию научных статей по следующим научным
направлениям: 07.00.00 (исторические науки), 09.00.00 (философские науки),
10.00.00 (филологические науки), 12.00.00 (юридические науки),
17.00.00 (искусствоведение), 23.00.00 (политические науки)

Главный редактор — президент АН РТ академик **А.М.Мазгаров**

Зам. главного редактора — академик **М.А.Усманов**

Выпускающий редактор, ответственный секретарь —
гл. редактор издательства «Фэн» АН РТ, к.и.н. **Б.Л.Хамидуллин**

Редакционная коллегия:

Багаутдинов Ф.Н. (Казань),
Бальдауф Ингеборг (Германия),
Васильев Д.Д. (Москва),
Вашари Иштван (Венгрия),
Ганиев Ф.А. (Казань),
Девлет Надир (Турция),
Загидуллин И.К. (Казань),
Кляшторный С.Г. (Санкт-Петербург),
Миннуллин К.М. (Казань),
Мухаметшин Р.М. (Казань),
Мухаметшина Р.Ф. (Казань),
Трепавлов В.В. (Москва),
Хакимов Р.С. (Казань),
Шамильоглу Юлай (США),
Ягудин Ш.Ш. (Казань).

Редактор
В.П. Лашенова

Переводчик

Д.К. Вахитова

Компьютерная верстка

В.В. Калинин

Адрес редакции:

420111, Казань, ул. Баумана, 20
Телефоны:
Гл. редактор — 292-40-34.
Зам. гл. редактора — 292-79-39.
Ответ. секретарь — 292-15-64.
e-mail: anrt@rambler.ru
(для редакции «НТ»)

Подписано в печать 24.12.2009.

Формат 70x108 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 14,50. Усл. печ. л. 20,30.
Тираж 500 экз.
Заказ 12-09/24-3.

Издательство

«Центр инновационных технологий».
420108, г.Казань, ул. Портовая, 25а
Тел./факс: (843) 231-05-46, 231-05-61
E-mail: citlogos@mail.ru
www.logos-press.ru

ИНСТИТУТУ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА – 70 ЛЕТ

Хисамов Н.Ш.

6 Этапы развития

ФИЛОЛОГИЯ

Арсланов М.Г.

13 Взаимодействие условности и достоверности в режиссуре татарского театра в 1906-1957 годах

Асылгараев Ш.Н., Губайдуллина Г.Т.

31 Истоки экспериментальной фонетики в татарском языкоznании

Ахунов А.М.

39 Трактовка коранических образов в поэме «Кыссса-и Йусуф» Кул Гали

Баязитова Ф.С.

46 Лексика традиционной культуры в диалектах и говорах татарского языка (этнолингвистический аспект)

Баширова И.Б.

50 История татарского литературного языка: письменно-традиционная норма и вариативность

Бятикова О.Н.

55 Синонимия в системе ихтионимов

Валиева М.З.

59 Семантические особенности татарских женских личных имён

Ганиев Ф.А.

62 К вопросу об интерфиксах в тюркских языках

Гаффарова Ф.Ф.

67 Деривация глагольной основы тар-/тыр- в алтайских языках

Исхакова З.А.

73 Институт семьи и его роль в сохранении родных языков

Калганова Г.Ф.

80 Финансово-экономическая литература на татарском языке в 1940-80-е годы и особенности специальной лексики

Махмутов Х.Ш.

88 Древние пласти татарских паремий

Мустафина Д.Н.

93 К проблеме сохранения языков на современном этапе

Нуриева Ф.Ш.

96 Опыт исследования поволжских рунических надписей

Рамазанова Д.Б.

102 Основные черты татарской системы родства и системы родственной терминологии

СОДЕРЖАНИЕ

Рамеев З.З.

112 Наследие классиков – в текстологических исследованиях

Садекова А.Х.

119 О религиозных жанрах татарского фольклора

Сафина Э.И.

122 Общеалтайский пласт орнитотерминологии татарского языка

Султангалиева Г.С.

125 Деятельность татарских переводчиков, толмачей Оренбургской пограничной комиссии в Казахской степи (XVIII-XIX вв.)

Тимерханов А.А.

139 Татарско-иностранные словари – актуальное направление развития современной национальной лексикографии

Урманчеев Ф.И.

144 Прорицание Субра-жырау в дастане «Идегей»

Хасанова Ф.Ф.

150 Новый жанр в татарской литературе: «татарская танка»

Хуснетдинов Р.М.

156 Татарский письменно-литературный язык на страницах газеты «Нур» («Луч») и журнала «Шура» («Совет»)

ИСТОРИЯ

Алеева А.Х.

159 Общественная жизнь Англии в начале XX века в саяхетнамэ Садри Максуди

Гильмутдинов Р.А.

165 Основные проблемы истории изучения средневековой Казани в дореволюционной российской историографии

Миннуллин Б.К.

175 Татарская периодическая печать Астрахани начала XX века

Мухамедова Р.Г.

179 К этнической истории татар Мещеры

Рахимзянов Б.Р.

191 Касимовское ханство в англо-американской исторической мысли

ПЕДАГОГИКА

Абдуллина А.А.

199 Методология и важнейшие предпосылки духовного развития личности

Фатхуллова К.С.

209 Реализация коммуникативных технологий в учебно-методических комплексах по татарскому языку

Шарифуллина Д.Р.

215 Восприятие и понимание татарской речи на слух: типология упражнений

220 ХРОНИКА ЖИЗНИ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

70YEARS TO THE INSTITUTION OF LANGUAGE,LITERATURE AND ART

Khisamov N.Sh.

6 Stages of development

PHILOLOGY

Arslanov M.G.

13 Interaction of convention and reliability in the direction of the Tatar theatre in 1906-1957

Asylgaraev Sh.N., Gubaidullina G.T.

31 Sources of experimental phonetics in Tatar linguistics

Akhunov A.M.

39 Interpretation of Koran images in the poem «Kyssa and Jusuf» by Kul Gali

Bayazitova F.S.

46 Vocabulary of the traditional culture in dialects and patois of the Tatar language (extralinguistic aspect)

Bashirova I.B.

50 History of the Tatar literary language: traditional written norm and variation

Byatikova O.N.

55 Synonymy in the system of ichtionyms

Valieva M.Z.

59 Semantic peculiarities of Tatar women's names

Ganiev F.A.

62 Issue on interfixes in Turkic languages

Gafarova F.F.67 Derivation of the verbal stem *tar-/tyr-* in the languages of the Altaic group**Iskhakova Z.A.**

73 Family institution and its role in the preservation of native languages

Kalganova G.F.

80 Financial and economical literature in the Tatar language in 1940-1980 and peculiarities of the special vocabulary

Makhmutov Kh.Sh.

88 Ancient layers of Tatar proverbs

Mustafina D.N.

93 Issue on preservation of languages at the modern stage

Nurieva F.Sh.

96 Experience of investigating runic inscriptions

Pamazanova D.B.

102 Main peculiarities of the Tatar kinship system and the system of kinship terminology

CONTENTS

- 112 Rameev Z.Z.**
The heritage of the classics in textoloqical researches
- 119 Sadekova A.Kh.**
Religious genres of Tatar folklore
- 122 Safina E.I.**
The common Altaic layer of ornitoterminology of the Tatar language
- 125 Sultangalieva G.S.**
Activity of Tatar translators and interpreters of Orenburg frontier committee in the Kazakh steppe (XVIII-XIX centuries)
- 139 Timerkhanov A.A.**
Tatar-foreign language dictionaries – perspective area of modern national lexicography
- 144 Urmanceev F.I.**
Prevision of Subra Jyrau in the dastan «Idegei»
- 150 Khasanova F.F.**
New genre in tatar literature «Tatar tanka»
- 156 Khusnetdinov R.M.**
The Tatar written literary language on the pages of the newspaper «Nur» and the magazine «Shura»

HISTORY

- 159 Aleeva A.Kh.**
Social life of England at the beginning of the twentieth century in the sayakhatnama by Sadri Macsudi
- 165 Guilmutdinov R.A.**
Main problems of middle-aged Kazan in Russian pre-revolutionary history
- 175 Minnulin B.K.**
Tatar periodical press of Astrakhan at the beginning of the XXth century
- 179 Mukhammedova R.G.**
Ethnic history of the Tatars – meshers
- 191 Rakhimzyanov B.R.**
Kasim khanate in Anglo-American historical conception

PEDAGOGICS

- 199 Abdullina A.A.**
Methodology and the most important preconditions of a person's mental development
- 209 Fathullova K.S.**
Realization of the communicative technologies in the educational methodical complex in the Tatar language
- 215 Sharifullina D.R.**
Perception and comprehension of the Tatar speech by ear: types of exercises

УДК 81:001.89

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ (к 70-летию ИЯЛИ)

*Н.Ш. Хисамов, доктор филологических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РТ*

70 лет исполнилось Институту языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Этапы его развития связывает в историческое целое преемственность поколений. Если окинуть взором весь исторический путь института, он предстанет эстафетой многих поколений выдающихся ученых, которые создавали и воплощали в себе славные традиции самоотверженного служения науке и народу. Хотя преемственность разных этапов представляла собой беспрерывный процесс, каждый этап отличался по своему статусу и по функциональным нюансам. Институт прошел долгий и сложный путь развития.

Его предыстория начинается с создания Академического центра как структурного подразделения Народного комиссариата просвещения ТАССР в 1921 г. Он просуществовал до 1930 г. Им в разные годы руководили Г. Максудов, М. Тагиров, С. Атнагулов. Примечательно, что в 1925–27-х гг. центром руководил великий Г. Ибрагимов. Годы, когда Академцентром руководил он, были весьма продуктивны в плане сбора рукописей, имеющих литературную и историческую ценность, материалов по творчеству выдающихся писателей. Работали или сотрудничали с Академцентром известные деятели науки, такие как Е. Чернышев, Н. Фирсов, М. Худяков, Г. Губайдуллин, М. Курбангалиев, Х. Бадиги, Гали Рахим, Дж. Валиди, Г. Алпаров, М. Фазлуллин и др. При них создавались школьные учеб-

ники, словари, концептуальные труды по татарскому языкознанию, первые образцы полной «Истории татарской литературы», труды по истории края. При Академическом центре работали комиссии по вопросам терминологии, орфографии, татарского литературного языка, по сбору фольклора, шрифта, образцов музыки, по составлению полного словаря татарского языка и по вопросам составления программ для различных типов школ. Академцентр проводил научно-краеведческую, научно-методическую работу по изучению истории татарского народа, наладил издательскую деятельность в республике.

В 1922 г. при Восточной академии было организовано «Общество востоковедения», которое через год было реорганизовано в «Общество татароведения», и оно стало работать при Академцентре. В 1925 г. было избрано правление этого общества. Туда вошли Н. Н. Фирсов, Г. Г. Ибрагимов, М. К. Курбангалиев и Н. И. Воробьев. Секретарями общества работали М. Г. Худяков, Е. И. Чернышев и Али Рахим. Среди почетных членов общества чисились академики М. Н. Горовский, В. В. Бартольд, А. Н. Самойлович и профессор И. Бороздин.

Научное общество татароведения по направлениям своей исследовательской деятельности имеет много сходства с исследовательскими направлениями ИЯЛИ. Например, разработка истории татарского народа, собрание рукописей на территории ТАССР, изучение архи-

вного материала, имеющего отношение к татарам, изучение археологических памятников и составление археологической карты. Разработка истории татарской литературы и театра, изучение диалектов и разработка литературного языка, изучение прикладного искусства, исследование татарского быта входили в круг исследовательской деятельности общества татароведения.

В сентябре 1939 г. был создан Татарский научно-исследовательский институт языка и литературы под эгидой Наркомпроса Татарской АССР. Он занимался изучением и разработкой проблем татарского языка, литературы и фольклора, разработкой вопросов изучения русского языка татарами. В институте трудились такие известные ученые, как профессора М. К. Курбангалиев, Н. И. Воробьев, признанные еще в годы работы в Академцентре, исследовательскую работу вели историки А. Н. Григорьев, Н. Ф. Калинин и Е. И. Чернышев. К 1 января 1941 г. в институте имелось четыре сектора: татарского языка, русского языка, татарской литературы и фольклора. Его штат состоял из 18 человек: 1 профессор, 6 старших научных сотрудников, 4 младших научных сотрудника, 2 библиотечных работника. В административно-управленческом аппарате работали 5 человек. Во всех четырех секторах было по 2 сотрудника.

С 19 февраля 1941 г. институт стал называться Татарским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории. В структуре его появился сектор истории.

С января 1946 г. институт вошел в состав вновь организованного Казанского филиала АН СССР. К этому времени его штат состоял из 24 человек. Кроме этого привлекались внештатные сотрудники на договорных началах. В структуре института имелось 3 сектора: языка, литературы и истории. Название его стало ИЯЛИ. Значительная часть проблем и тем перешли в план ИЯЛИ преемственно как продолжение работ предшествовавшей структуры.

Деятельность великого классика татарской литературы, ученого и организатора науки Галимджана Ибрагимова оставила глубокий след в истории института, и он вполне логично с 1967 г. носит его имя.

Нормальному развитию исследовательского процесса нанесли большой урон репрессии в отношении ведущих деятелей науки и культуры, таких как Г. Ибрагимов, Ф. Сайфи-Казанлы, М. К. Корбут, С. Атнагулов, Г. Нигмати, Г. Тулумбайский, Г. Сагди и Дж. Валиди. Место аргументов и доказательств заняли административные методы и идеологический диктат.

В результате деятельности перечисленных структур был собран богатейший библиотечный фонд. Он был сосредоточен в Центральной академической научной библиотеке Татнаркомпроса. В основу библиотеки легли богатые краеведческие и востоковедческие библиотеки «Научного общества татароведения», «Общества изучения Татарстана», а также «Общества истории, археологии и этнографии». Восточный фонд Центральной академической научной библиотеки включал в себя единственное в Европе собрание более 50 тысяч томов книг и рукописей на 67 восточных языках. Число рукописей, не подвергшихся изучению, достигало 3 тысяч томов, среди которых имелись неизданные материалы по Пугачевскому движению в Казани, записки очевидцев восстания декабристов и т.д.

В 1920–30-х гг. были достигнуты серьезные результаты в организации научных исследований в области истории Татарии, татарского языка и литературы. Были созданы труды, не потерявшие своего значения и в наши дни.

ИЯЛИ проводил крупные мероприятия исторического значения. В частности научная сессия, посвященная 60-летию со дня рождения Габдуллы Тукая, по масштабу поднятых проблем, по охвату документальных материалов явилась этапным событием. Оценка творчества великого поэта была очищена и освобождена от необоснован-

ных оговорок и ярлыков мелкобуржуазности и национализма. В центре всех мероприятий по научному освоению наследия Тукая был выдающийся туткаевед Гали Халит. Позже он издал ряд фундаментальных монографий, в которых разносторонне раскрыл социально-философское содержание произведений и художественное мастерство великого поэта, представил его творчество как закономерное явление в контексте литературного процесса начала XX века.

В 1950–60-е и 1970-е гг. в ИЯЛИ сформировалась плеяда крупнейших деятелей татарской гуманитарной науки. Латыф Залий, Мухаммет Гайнуллин, Хамит Ярми, Гали Халит, Хасан Хайри, Баян Гиззат, Мидхат Мухарямов, Замиль Гильманов, Альфред Халиков, Лейла Махмутова, Абрар Каримуллин, Нил Юзеев, Яхъя Абдуллин создали в науке свои школы, издали капитальные труды, воспитали талантливых учеников. Некоторые из них в качестве директора возглавляли институт или руководили отделами. Дольше всех был директором М. К. Мухарямов. В качестве директора его рекорд перекрыл, пожалуй, только академик М. З. Закиев. И учеников у М. Закиева было больше всех. Они стали не только кандидатами, многие из них стали и докторами наук.

Во второй половине 1950-х гг., т.е. после XX съезда КПСС, появились возможности более или менее объективно осветить историю литературы и отдельные проблемы истории татарского народа. Но эти свободы были до-зированные свободы. Например, стоило опубликовать в качестве забытых памятников татарской литературы статью профессора МГУ Э. Н. Наджипа в журнале «Совет әдәбияты» о творчестве Сейфа Сараи и других поэтов средневековья, появилась разгромная статья директивного характера с осуждением попыток вернуть феодально-ханские памятники. После этого ученые долго не осмеливались трогать средневековую тематику. Школьный учебник для 8

класса был резко раскритикован за положительную оценку творчества Мауля Кулый и Г. Утыз Имяни.

Но нет-нет да появлялись труды, требующие гражданской и научной смелости. Профессор Мухаммет Гайнуллин совместно с Джамал Вазиевой издали хрестоматию, в которой заняло довольно обширное место творчество отрицательно оцениваемых поэтов начала XX в. Дердменда и Сагита Рамеева. Мухаммет ага позже издал сборник произведений Дердменда с обширной вводной статьей.

В 1970-е гг. в ИЯЛИ создавались прорывные труды, которые предвосхитили новое мышление перестройки 1980-х гг. Яхъя Абдуллин опубликовал труды, в которых объективно осветил социально-исторические корни джадидизма, показал его роль в социально-культурной жизни татарского народа. В результате джадидизм предстал как прогрессивное и необходимое явление в историческом развитии татарского народа. Этот прорыв из консервативного застоя в общественной мысли с восторгом был воспринят научными кругами Средней Азии.

К таким прорывным трудам относятся работы историка Саляма Хатыповича Алишева. В своих монографиях он открыл новые страницы в освещении Пугачевского движения и особенно в оценке присоединения Казанского ханства к Русскому государству. В пугачевской тематике он предметно показал масштабы участия татарского народа в этом движении.

Работы всех крупных ученых тех лет представляют собой предвосхищение нового мышления. Они отличаются размахом, смелостью и новаторством. Библиограф-книговед Абрар Гибадуллович Каримуллин своими трудами открыл совершенно новое направление в истории татарской культуры. Предыстория и становление татарской книги в его монографиях раскрыты во всей драматической сложности и героической самоотверженности энтузиастов книгоиздания. Французские ученые оценили

его монографии как труды по колониальной истории Российской империи.

Новые выводы в изысканиях профессора А. Халикова позволили вести речь о ранней тюркизации края. Он определил нижнюю границу этого процесса III–IV веками. Особенно значительной заслугой профессора А. Х. Халикова явилась аэрофотосъемка Билярского городища.

Накопление опыта, творческий рост научных сил позволили ученым браться за проекты, которые имели эпохальное значение. Это прежде всего трехтомный «Толковый словарь татарского языка», выполненный под руководством Л. Т. Махмутовой, и академическая «Татарская грамматика» в 3 томах на татарском и русском языках, написанная под руководством академика М. З. Закиева. Толковый словарь с таким объемом в тюркской лингвистике был создан впервые, и он в советской науке и в среде ученых тюркских республик получил высокую оценку. К крупным достижениям языковедов нужно отнести капитальный труд «Диалектологический атлас татарского языка». С завершением этого сложного и кропотливого труда идут наши диалектологи к 70-летию института.

Издание академической грамматики является показателем развитости языка и высокой зрелости ученого коллектива. Серьезным итогом работы лексикографов с охватом огромного количества слов явилось издание капитального однотомного «Толкового словаря татарского языка» под руководством крупного языковеда, члена-корреспондента АНТ Ф. А. Ганиева. Достигнув этого рубежа, татарские лингвисты приступили к ответственному проекту – работе над многотомной академической лексикологией.

В рядах языковедов трудится целая плеяда известных ученых, таких как Д. Б. Рамазанова, Ф. С. Баязитова, И. Б. Баширова, Т. Х. Хайрутдинова. Они являются авторами капитальных трудов. Среди проблем общего языкоznания возникло самостоятельное

направление социолингвистики, которое возглавляет З. А. Исхакова. В профессиональном плане уверенно растут Фирая Гаффарова, Фарида Тагирова и Рамзия Барсукова. Особое место среди языковедов занимает известная ученая Фирдаус Гарипова. Она издала серию монографий по татарской топонимике. Этую тематику она ведет и в крупных журналах.

Историческим достижением института в 1970–80-е гг. было издание «Истории татарской литературы» в 6 томах (шестой том вышел лишь в 1990-е гг.). Этот грандиозный проект был принят впервые в тысячелетней истории татарской литературы. В течение нескольких десятилетий шла работа над его воплощением. Это было возможным лишь координацией работы большого круга ученых Казани, вузов республики, Башкортостана, Москвы и Ленинграда. Естественно, ядром всего этого процесса были ученые ИЯЛИ. Идеологический прессинг не позволил объективно осветить всю историю татарской литературы, особенно средневековый период и начало XX века. Однако этот шеститомник остается колоссальным достижением литературоведческой мысли, ибо он насыщен фактологическим содержанием, в нем произведены квалифицированная периодизация и систематизация. Над томами работали высококомпетентные ученые, такие как Г. Халит, М. Гайнуллин, Б. Гиззат, Ф. Хатипов, А. Тагирджанов, Х. Короглы, Т. Галиуллин, Ф. Мусин, А. Ахмадуллин, Х. Миннегулов, Ф. Галимуллин и многие другие. Всю работу по подготовке и изданию шеститомника в качестве главного редактора возглавил талантливый ученый с широким кругозором доктор филологических наук Нил Гафурович Юзеев.

1970–80-е гг. были годами больших обобщений и подведения итогов. Фольклористы в этом процессе участвовали в издании 13-томного свода татарского фольклора. Все научные силы под руководством известного фольклориста и организатора науки Илбариса Надирова

упорно и настойчиво работали над томами свода. Его издание стало важным событием в жизни татарской культуры, и «Свод» был отмечен Республиканской премией им. Габдуллы Тукая.

В атмосфере общего подъема в области исследований средневекового литературного наследия стали возможными завершение текстологической подготовки и издание великого поэтического памятника XIII века «Кысса-и Йусуф» Кул Гали. Такую грандиозную задачу выполнил языковед Ф. С. Фасеев. До этого, в 1979 г. в Москве, в издательстве «Наука» вышла наша монография «Поэма “Кысса-и Йусуф” Кул Али». Это был первый случай выхода татарского литературоведа в столичное издательство. В результате этих изданий прошли торжества в Москве по поводу 800-летия Кул Гали.

В 1997 г. из института отделился Институт истории, и ИЯЛИ стал называться Институтом языка, литературы и искусства.

Из этапных искусствоведческих работ необходимо отметить альбом-монографию Ф. Х. Валеева «Орнамент казанских татар». В 1970 г. в Москве вышла интересная работа М. Н. Нигметзянова «Татарская народная песня».

Плодотворно шла исследовательская работа в области татарского театроведения. Результатом коллективных изысканий было издание книги «Татарский советский театр». Доктор искусствоведения Гали Арсланов издал серию монографий о татарской режиссуре. Книги о Ширияздане Сарымсакове и Хусаине Уразикове оживили в памяти славные десятилетия истории нашего театра. Такие достижения позволили ему стать членом-корреспондентом АН РТ.

Необходимо отметить ускорение исследовательской работы после прихода на руководство отделом народного творчества профессора Ф. И. Урманчеева. Начался активный квалификационный рост кадров. Известный знаток афористических жанров Хузиахмет Махмутов стал доктором наук, сказковед Ленар

Замалетдинов защитил кандидатскую диссертацию. Несколько аспирантов (И. Закирова и Л. Ибрагимова) Урманчеева друг за другом стали кандидатами и готовят докторские диссертации. Интересной новизной стало открытие новой темы в области фольклористики: «Ислам и татарский фольклор». Блестяще справилась с этой темой Айсылу Садекова. Она защитила по ней докторскую диссертацию и издала интересную монографию. Особенно плодотворно работал сам заведующий отделом. Издал серию монографий об эпосе и мифологии.

М. З. Закиев в 1986 г., став директором ИЯЛИ, одной из программных целей провозгласил подготовку специалистов высшей квалификации по всем дисциплинам. «Критерием оценки работы заведующих отделами, — объявил он, — будут их усилия в подготовке докторов из среднего поколения». Его преемник на посту директора также придерживался провозглашенной им цели. Весьма нелегкой оказалась эта задача. Защищали докторскую в русле поставленной цели пока единицы. Это прежде всего Ким Мугаллимович Миннурлин, Рамиль Фанавиевич Исламов и самый молодой в этой плеяде Айнур Ахатович Тимерханов. Правда, через Диссертационный совет ИЯЛИ проходили молодые докторанты из других учреждений: Елабужского пединститута и Казанского педуниверситета. Речь идет о Д. А. Салимовой и Р. Р. Замалетдиновой, о нынешнем ректоре ТГГПУ.

Благодатной школой подготовки молодых кадров была и есть аспирантура ИЯЛИ. В настоящее время в ней учится около 80 аспирантов. Конечно же, не все выпускники остаются в институте. Но они идут в вузы, колледжи и гимназии Казани и республики. Многие квалифицированно трудятся в учреждениях культуры и просвещения. С 1946 по 2009 г. через аспирантуру ИЯЛИ прошли 657 человек, из них кандидатскую диссертацию защитил 261 человек. Ежегодный прием составляет 25 человек.

В Диссертационном совете института с 1982 по 2009 гг. было защищено 232 диссертации, из них 209 кандидатских, 23 – докторских диссертаций. 123 человека, защитивших кандидатскую, – выпускники аспирантуры ИЯЛИ, из 23 ученых, защитивших докторскую диссертацию, 11 человек – представители ИЯЛИ.

Издательское направление занимает существенное место в деятельности ИЯЛИ. Речь идет не только об издании исследовательских трудов. В институте работает специальный отдел текстологии, который занимается изданием сочинений классиков татарской литературы. Эта работа ведется на базе архивов писателей, которые сосредоточены в Хранилище рукописей ИЯЛИ. Плодами кропотливой работы над ними явились изданные многотомники Тукая, Фатиха Амирхана, Галимджана Ибрагимова, Мажита Гафури, Галиасгара Камала, Хади Такташа, Мусы Джалиля. Завершается издание 15-томника Гаяза Исхаки. Гордостью института является 5-томник полного собрания сочинений Тукая.

В хранилище сосредоточены также архивы композиторов и деятелей театра. Оно является благодатной базой источников не только для литературоведов и текстологов, но и для языковедов, лексикографов, фольклористов и искусствоведов. Короче, весь институт опирается на материалы хранилища, которое создано трудами многих поколений ученых ИЯЛИ. Более чем 50 тысяч старинных рукописей содержат образцы древней литературы. Труды по медицине, астрономии, юриспруденции, мусульманскому праву в средние века входили в единое понятие «литература». В последние десятилетия большой труд вложил в дело сбора и обработки рукописей энтузиаст этого дела М. И. Ахметзянов.

В издании произведений классиков яркий след оставил знаток литературы начала XX века Рашат Гайнанов. Самоотверженно трудятся в области тексто-

логической подготовки изданий Аниса Алиева, Зуфар Мухамметшин, Эльмира Галимзянова, Гульназ Хуснутдинова, Фания Файзуллина, Рашит Кадыров и Фирдауса Кадырова. Руководит всем этим процессом опытный текстолог, доктор наук Зуфар Рамеев.

Плодотворной работе института способствуют обширные научные связи с учеными академических и вузовских центров России и ближнего и дальнего зарубежья. В качестве официальных оппонентов при защите диссертаций на сложные или специфические темы институт приглашает ученых МГУ, Института мировой литературы, Института языкоznания РАН, из Башкортостана, Саранска и т.д. Видные ученые из Москвы, Петербурга и Уфы, такие как Х. Г. Короглы, Э. Р. Тенишев, А. Т. Тагирджанов, А. Б. Халидов, А. И. Алиева, А. А. Чиченов, А. В. Дыбо, Д. М. Насилов, А. М. Сулейманов, Ф. А. Надршина, были оппонентами или консультантами наших ученых.

В 2006 г. в институте директором был назначен доктор филологических наук, профессор (ныне он – член-корр. АН РТ) Ким Мугаллимович Миннуллин. Это, в сущности, означает наступление нового этапа в развитии института. Активизация координационной роли института, расширение научных связей с центрами нашего профиля, целенаправленная работа по укреплению кадрового состава и выработка новых проектов – вот аспекты перспективных планов нового руководства. Началом претворения в жизнь перечисленных целей явились крупные научные конференции с международным статусом. Последняя такая конференция прошла в июне с участием ученых из Москвы, Уфы, Баку, Горно-Алтайска, Казахстана и Турции. Конференция была посвящена выработке новых концептуальных подходов к современным проблемам фольклористики.

Масштабные планы наметил новый директор на ближайшие годы: издание фольклорного свода в 25 томах, акаде-

мическое издание произведений Тукая в 6 томах, написание новой версии «Истории татарской литературы» в 7 томах и т.д.

Короче, институт живет с новыми, большими планами на будущее и, чувствуя в себе достаточный творческий потенциал, уверенно идет вперед.

Аннотация

В статье дается обзор исторического пути ИЯЛИ, освещается его предыстория, раскрывается роль ИЯЛИ в культурном и духовном развитии татарского народа, приводятся имена выдающихся ученых и дается оценка особо значительных трудов.

Ключевые слова: ИЯЛИ, этапы.

Summary

The article is devoted to the stages of development of the Language, Literature and Art Institute. It describes the most important events and achievements of the establishment from the very beginning of its work. The author underlines the role of outstanding scientists whose work was and is still the ground for further development of tatar culture in general.

УДК 792.01

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УСЛОВНОСТИ И ДОСТОВЕРНОСТИ В РЕЖИССУРЕ ТАТАРСКОГО ТЕАТРА В 1906-1957 ГОДАХ

*М.Г. Арсланов, доктор искусствоведения,
член-корреспондент АН РТ*

Татарская режиссура с первых же дней своего существования была пронизана духом подлинного демократизма, идеями интернационализма и гуманизма, неизменно боролась за овладение реалистической образностью. Жизненная правда, национальные традиции, передовая русская реалистическая театральная школа — все это питало корни татарского театра, насыщало его живительной силой, сделало его способным к постоянному поиску и обновлению. Однако движущей силой и источником развития национального сценического искусства всегда были и есть поиски режиссуры в области формы спектаклей, которые колебались по широчайшей амплитуде: от максимального приближения к конкретному жизненному первоисточнику до столь же решительного отдаления от него в головокружительные высоты обобщений.

Проблема взаимодействия условности и достоверности в режиссуре татарского театра до сих пор никем не исследована. Между тем ценность такого исследования неоспорима в силу того, что противостояние, затем взаимопроникновение и взаимообогащение, постоянная готовность к взаимообмену и взаимоперетеканию между условным театром и театром прямых жизненных соответствий¹ являются и сейчас одним из главных факторов, движущей силой развития всего театрального искусства. Хотя, скажем сразу, в национальном сценическом искусстве борьба между различными театральными течениями не приняла столь ожесточенного ха-

рактера, что наблюдалось, к примеру, в русском театре 1920-х гг². Татарский театр в основном развивался по выбранному раз и навсегда «отцом татарского театра» Г. Кариевым пути достоверного воссоздания действительности на сцене, по пути психологического реализма. Но это не означает, что национальное сценическое искусство замыкалось только в рамках выбранного узкого направления. Татарский театр знает, помнит и использует поиски и открытия режиссеров К. Тинчурина, Г. Девишева, С. Сульвы-Валеева, Р. Ишмуратова, решительно выходящих за рамки общепринятых норм тогдашних реалистических постановок, обогативших национальное сценическое искусство новыми формами, приемами и навыками условно-метафорического театра и создавших определенные условия для синтеза между этими двумя творческими течениями уже в конце двадцатых, начале тридцатых годов.

Сейчас большинство современных спектаклей создается на основе синтеза достижений театров прямого жизненного соответствия и условного. Порой трудно, даже невозможно различить, что в постановке взято из хранилища выразительных средств условно-метафорического театра и что заимствовано у театра прямых жизненных соответствий. Однако современной науке необходимо узнать: что и откуда взято, каковы исходные принципы решения сценического пространства, костюмов, звуко-шумового и музыкального оформления, бутафории и реквизита.

Не менее важно определить изначальные принципы актерского исполнения, особенностей интонации, пластики и жеста. Интересно также проследить эволюцию всех этих средств сценической выразительности в исторической перспективе и в процессе их синтеза. Но сначала необходимо разграничить сферы влияния, принципы условного театра и театра прямых жизненных соответствий.

В статье «Театр (к истории и технике)», опубликованной в 1908 г.³, В.Э. Мейерхольд сформулировал основные принципы условного театра, а через семьдесят лет исследователь его творчества К.Л. Рудницкий провел их сравнительный анализ с требованиями театра прямых жизненных соответствий. По мнению К.Л. Рудницкого, первое и самое главное, чем отличаются данные течения в театральном искусстве, — это трактовка сценического действия⁴.

В театре прямых жизненных соответствий действие должно вызывать иллюзию доподлинно свершающихся «сегодня, сейчас, здесь», на глазах у зрителей, событий жизни. Театр должен быть идентичен самой жизни, должен давать точнейшую репродукцию «куска жизни». Действие имитирует «в формах самой жизни» все, что происходит на протяжении избранного драмой фрагмента бытия. Чем тоньше, чем достовернее информация, тем лучше. Задача актеров театра — по возможности в самом деле пережить все, что, согласно пьесе, должно пережить действующее лицо.

Наблюдения, почертнутые из окружающей действительности, театр прямых жизненных соответствий подчиняет определенной идейной концепции и эстетически их организует. Его образная природа уходит в глубину личного опыта человека, в психологию индивидуума. Выразительность, эмоциональная насыщенность и сила воздействия этого искусства проявляются и в актерском образе конкретного человека, и в общей сценической композиции — в режиссерской партитуре спектакля.

В условном театре сценическое действие поэтически преобразует действительность, стремясь сконцентрировать внимание на самых значительных, существенных моментах человеческого бытия. Сценическое действие изымает из жизни и выносит на подмостки динамические сгустки реальности, обостряя или укрупняя ее события, придавая им новый масштаб, извлекая из видимой повседневности суть, угадываемую художником. Такая интерпретация сценического действия сильно акцентирует момент творческой воли художника. Поэтому и актер условного театра обязан продемонстрировать способности самостоятельного творца. Способности эти могут быть очень разнообразны, в зависимости от жанра, формы и стиля того или иного зрелица⁵.

Согласно тому, как трактуется сценическое действие, определяются и все другие компоненты спектакля. К примеру, в сценографии театра прямых жизненных соответствий особо важным является наиболее точное, достоверное воспроизведение, приближение к жизненной первооснове. Именно поэтому в лучших спектаклях театра прямых жизненных соответствий все должно казаться «как в жизни». У рампы незримо должна вырастать «четвертая стена», и там, за нею, иди своя, лишенная всякой театральной условности, жизнь. Сценическое пространство обязано выглядеть протяженным, уходящим за горизонт, комнаты — обжитыми, изразцовые печи — теплыми. В окна должен хлестать дождь, в печных трубах выть ветер и т.д. Из этих деталей, пятен, штрихов должна складываться живая сценическая атмосфера⁶. В таких документальных картинах, будто составленных из отдельных пятен, мазков, точек, все как бы связывалось между собой — сутулая спина актера, полоса света из приоткрывшейся двери, брошенная на полу игрушка, унылый вой ветра в печи, все должно «работать» на общую атмосферу, вызывать единое настроение, утверждать чувство целого⁷.

Из вышеприведенного описания ясно видно, какое значение в театре прямых жизненных соответствий имеют для организации целостной картины с единым настроением, атмосферой каждой бытовая деталь, каждое средство сценической выразительности и как связан с ними актер, воссоздающий на сцене «жизнь человеческого духа».

Условный театр стремится к освобождению актера от тяжелой громоздкости декораций и всех ненужных, с его точки зрения, жизненных «мелочей». Он старается создать для него естественное пространство, где удобно было бы в полной мере продемонстрировать раскованное мастерство исполнителя. Притом сложная театральная техника, как ненужная, рушится, постановки доводятся до предельной простоты. Отменяя рампу, разрушая «четвертую стену» и опуская сцену на уровень партера, условный театр одновременно освобождает актера от ненужных аксессуаров и подчиняет его игру ритму дикции и пластических движений. Сценическая речь в условном театре организуется музыкально. Это помогает избежать жизненных интонаций и простого достоверного житейского произнесения текста. «Необходима холодная чеканка слов, совершенно освобожденная от вибрирования... — писал В.Э. Мейерхольд в вышеуказанном труде. — Звук всегда должен иметь опору, а слова должны падать, как капли в глубокий колодезь: слышен отчетливый удар капли без дрожания звука в пространстве»⁸. Данные суждения Мастера дополнялись требованиями, относящимися к актерской пластике. Здесь в качестве основного принципа режиссер выдвигал пластическую статуарность, которая обладала бы свойством укрупнения. И в целом условный театр не искал внешнюю динамику. Мизансцены в его постановках немногочисленны и монументальны. Разнообразие достигается за счет виртуозного владения линией, рисунком, композицией колористических пятен костюмов групп действующих лиц,

за счет умелого слияния и вибрации штрихов и красок⁹.

Заслуживает интерес сравнение взаимоотношений сцены и зрительного зала, исполнителей и публики в театрах условного и прямого жизненного соответствия.

Вовлекая в действие публику, условный театр ищет прямого контакта со зрительным залом. Что касается самой постановки, то она будто соткана из множества кратковременных, ярких эпизодов, которые разыгрываются быстро и мастерски, как бы провоцируя публику на аплодисменты.

В театре прямых жизненных соответствий подобные «вольности» невозможны, как невозможны прямые обращения исполнителя к публике, а также неоправданные житейской логикой апарты и монологи. Да и сама публика, условно отгороженная от исполнителей «четвертой стеной», как бы не существует. Театр прямых жизненных соответствий заинтересован в углубленном, сосредоточенном внимании зрительного зала, в сопереживании публики к происходящему на сцене. Именно поэтому ему не нужны аплодисменты, нарушающие атмосферу действия и отвлекающие от сути драматического конфликта. Постановки театра прямых жизненных соответствий избегают частых членений. Обычно они имеют достаточно большую протяженность.

Театр прямых жизненных соответствий и условный театр резко отличаются и в выборе жанра драматической первоосновы. Если первый обычно имеет дело со сравнительно нейтральными жанрами (драма, пьеса), то второй предпочитает произведения «крайних» жанров, требующие более резкого, обостренного отношения к действительности (сатирическая комедия, трагедия и т.п.)¹⁰.

Исходя из вышеприведенного сравнительного анализа основных принципов реалистического и условного театров, необходимо отметить то, что дореволюционный татарский театр развивался в основном как театр реалисти-

ческий, как искусство прямых жизненных соответствий. С самого начала он базировался на реалистической драматургии, отражающей жизнь «в формах самой жизни». Символические драмы Л. Андреева, М. Метерлинка, Г. Гауптмана, Г. Ибсена, К. Гамсун, А. Блока и др., к тому времени завоевавшие мировые сцены, деятелям только недавно зародившегося национального театра были еще недоступны. Единственная тогда в татарской драматургии пьеса «Две мысли» Г. Кулакметова, написанная с использованием отдельных приемов условно-метафорического театра, в силу запрета царской цензуры не дошла до сцены. Таким образом, национальная драматургия не могла питать сцену идеями условного театра, а молодая режиссура пока не была готова решать подобные проблемы самостоятельно. В таких условиях выбранный «отцом татарского театра» Г. Кариевым путь развития по модели реалистического сценического искусства был вполне логичным и закономерным.

Естественно, все проблемы, решенные национальными режиссерами в дореволюционный период развития, тесно связаны с принципами театра жизненного правдоподобия, психологического реализма.

Первым режиссером-постановщиком татарского театра по праву считается Габдулла Кариев. Высококультурный, широко образованный для своего времени человек, хорошо понимавший общественное и политическое значение создания профессионального татарского театра, он счастливо сочетал в себе изумительный актерский талант, организаторские способности и прекрасные качества режиссера, педагога.

Принцип жизненной правды был основным в актерской и режиссерской практике Г.Кариева. Кроме того, в режиссерской деятельности он всегда шел от драматургического материала, почти никогда не отступая, стараясь как можно полнее воплотить его на сцене. Но в трактовке образов он никогда не ограничивался одним драматургичес-

ким материалом. Жизнь была для него незаменимым источником несметных богатств, творческого потенциала. Если в эмоциональной памяти не имелось необходимого материала для работы, он шел туда, где собирались люди той среды, которая изображена в пьесе. Только после тщательного изучения реальных прототипов действующих лиц он снова продолжал работу. Как человек наблюдательный, он учил тому же своих актеров. Работая с актерами, Кариев рассказывал интересные эпизоды из личной жизни, проводил литературные параллели и, наконец, пользовался приемом показа, когда не получалось какое-то место роли у того или иного исполнителя.

Будучи режиссером реалистического направления, Г. Кариев стремился воссоздать на сцене «кусок жизни» во всей его полноте. Поэтому сценическое оформление его спектаклей всегда соответствовало принципу жизненной правды: если это интерьер, то это был интерьер со всей его бытовой достоверностью, правда, без излишней детализации, ибо условия передвижного театра не позволяли роскоши. На сцене почти всегда было только то, что нужно было актерам по ходу игры. Спектакли, поставленные Г.Кариевым в первый период развития национальной режиссуры, в основном камерные. Они шли в павильонах, поэтому не уделялось особого внимания их декорационному оформлению.

Но независимо от внешнего оформления на всех этапах режиссерской деятельности объектом пристального внимания Кариева был внутренний мир действующих лиц. Углубленно исследуя психологию каждого героя, мотивировки их поступков, черты характера, он создавал глубоко реалистические, полные психологизма сценические произведения.

Если попытаться охарактеризовать метод работы Габдуллы Кариева над спектаклем, то в первую очередь следует говорить о том, что он был прежде всего актером и к режиссуре подходил

с точки зрения актерского творчества. Приступая к постановке спектакля, Кариев больше думал о характерах, судьбах и поведении действующих лиц, дополнял драматургический материал конкретными наблюдениями из жизни. Затем, мысленно играя по очереди за всех актеров, вел их по линии внутренней логики персонажей. Режиссуру Кариева отличало стремление к простоте, осмыслинности, достоверности, правде. Мизансцены в спектаклях Г.Кариева строились, исходя из двух основных требований: интересов актера и жизненной правды.

Являясь зажигающимся, вдохновляющимся в процессе спектакля актером, особо склонным к импровизациям, Г. Кариев и в репетиционный процесс вносил много огня и темперамента. Он редко приходил в труппу с готовым разработанным планом. Поэтому сначала его репетиции шли как бы в замедленном темпе. Однако это длилось сравнительно недолго. Постепенно вовлекаясь в действие, загораясь сам и зажигая других, Г. Кариев добивался нужного творческого самочувствия актеров. Вот на этом этапе Г. Кариев давал волю актерам. Разбуженные режиссерской волей и фантазией актеры предлагали все новые приспособления, интересные детали. Постановщику оставалось отбирать и закреплять придуманное исполнителями. Если ход репетиционного процесса застопоривался, следовал каскад блестящих актерских показов, глубоко жизненных, ярких приспособлений, мизансцен. Поддержаный подобным образом творческий процесс возобновлялся с новой силой. Так рождались отдельные сцены, акты будущего спектакля. Но иногда в репетициях искорка вдохновения не зажигалась, подготовка к спектаклю шла медленно, вяло. В таких случаях Г. Кариеву вспоминалась какая-нибудь неотложная работа, и в дальнейшем репетиционный процесс вел В. Муртазин-Иманский (или с его уходом из труппы – К. Тинчурин).

В. Муртазин-Иманский, являясь человеком дисциплинированным, орга-

низованным, и в режиссерской работе оставался таким же. Как актер он приходил на репетиции, детально обдумав, выверив все части порученной ему роли. Вероятно, оттого, что работа над ролью велась больше дома, чем в коллективе, его исполнение отличалось некоторой нарочитостью, холодноватостью, «деланностью».

Эти особенности исполнительской манеры Муртазина-Иманского, отмеченные многими рецензентами, относятся к начальному периоду его творчества и в дальнейшем преодолевались, но своеобразно выражались в его режиссуре. Он требовал дисциплины актеров не только в труппе, во время репетиционного процесса, но и в каждодневной жизни. Об этом можно судить по документу, подписанному В. Муртазиным-Иманским, сохранившемуся в архиве ТГАТ им. Г. Камала. «Памятка для артистов и артисток труппы “Сайяр”» точно определяла порядок репетиций и спектаклей и требовала его неукоснительного соблюдения. Нарушители распорядка, как гласила «Памятка», штрафовались. Во время репетиций В. Муртазин-Иманский пользовался планом, составленным дома. Содержащиеся в плане мизансцены переносились и закреплялись на сцене почти без изменения. Это придавало мизансценическим построениям В. Муртазина-Иманского продуманность, стройность. Однако в них не было той импровизационной легкости, теплоты, какими были наполнены спектакли Г. Кариева. Заранее обдуманный расчет по-своему ограничивал, сковывал актерскую волю, и это сказывалось на качестве спектаклей, лишая их прелести сиюминутности.

Содружество Г. Кариева с ведущим актером В. Муртазиным-Иманским, хотя официально первый числился руководителем труппы, как бы ее выборным директором, а второй – режиссером, составляло своеобразную режиссерскую коллегию. Она возникла на основе их долгого совместного сотрудничества, начавшегося еще в 1907 г. в

Нижнем Новгороде, и продолжавшегося до ухода В. Иманского из труппы, то есть до лета 1915 г. В труппе право решающего голоса принадлежало Г. Кариеву, но он редко творческие вопросы решал единолично, не советясь с другими. Особо ответственно подходил Г. Кариев к приему в труппу нового человека. Это его заслугой являются отбор актеров и создание, организация актерского ансамбля дореволюционного «Сайяра».

Спектакли труппы создавались на основе сценического общения, взаимодействия творчески равноправных членов ансамбля. В труппе не было ни «премьеров», ни особо привилегированных актеров, подчинения всех других одному актеру, если того не требовал драматургический материал. Ансамбль по принципу «солиста и хора» создавался лишь тогда, когда это диктовала сама пьеса.

К концу первого пятилетия жизни «Сайяра» актерский коллектив труппы уже почти полностью отвечал требованиям ансамблевости. Стабильный состав работал в единой манере исполнения. При этом у каждого актера было свое, только ему принадлежащее место в репертуаре. Оно определялось уровнем его дарования. Знание их внутренних возможностей помогало режиссерам труппы в правильном распределении ролей. А это, в свою очередь, содействовало созданию ансамбля в спектакле, целостному воспроизведению его идей, содержания.

Значение Г. Кариева в становлении и развитии не только режиссуры, но и татарского театра в целом трудно переоценить. Еще при жизни он был воспринят как выдающийся талант своего народа. Не случайно в адресе, врученном в день празднования 5-летнего юбилея его сценической деятельности, были следующие слова:

«Признавая Ваши заслуги в неутомимом руководстве труппой «Сайяр» в течение этих пяти лет, за жертвы, принесенные Вами для развития татарского театра и за артистический талант, не

имеющий себе равных в артистическом мире татарского театра, татарский народ с этого дня считает Вас “отцом татарского театра”».

Эти строки, под которыми стоят подписи Х. Ямашева, Г. Тукая, Г. Камала, Ф. Амирхана, С. Гиззатуллиной-Волжской и многих других (всего расписались 37 человек), говорят о том, как высоко ценили и любили Г. Кариева прогрессивные деятели татарского народа.

В период революционного слома старого общества язык выразительности театрального искусства претерпел существенные изменения. Однако в татарском театре резкой смены режиссерских форм не происходило. Сразу же после Октябрьской революции началась усиленная идеологизация театрального искусства. Правящая партия и новая власть требовали от деятелей национальной культуры идеологической активности, агитационной тенденциозности. Татарские режиссеры, за редким исключением, без колебания принявшие революцию, немедленно приступили к решению этих задач. Их вера в возможность построения в стране самого гуманного общества была настолько велика, что они тружились, не жалея ни сил, ни времени. Умудренный историческим опытом современный человек знает, насколько наивны и беспочвенны были их надежды. Но тогда идеи социализма и коммунизма казались татарским режиссерам весьма убедительными и легко осуществимыми. А наивная вера помогла им свое искусство за короткий срок сделатьозвучным эпохе, отразить наиболее острые проблемы и задачи времени.

В целом внешняя форма большинства постановок того времени по-прежнему оставалась в традициях театра прямых жизненных соответствий. Принцип жизненной достоверности оставался едва ли не единственным возможным в сценографии многих спектаклей татарских режиссеров. И в манере актерской игры, и в создании сценических образов путем психологического оправдания их поведения и поступков не на-

блюдалось существенных изменений. Однако имелись отдельные спектакли и актерские образы, не вмешавшиеся в стилистические рамки реалистического театра. Это спектакли-митинги трупп фронтовых бригад, ставившие в основу своей деятельности агитационные задачи, а также такие спектакли, как «Зулейха» Г. Исхаки и Г. Кариева (1918), «Две мысли» Г. Кулахметова и К. Тинчурина (1919), «Гимн труду» А. Андреенко и Ш. Шамильского (1922) и др. В них в ткань реалистического спектакля вошли условно-аллегорические образы, приемы условного театра — наплыты. И что интересно, они не оказались чужеродными в реалистическом спектакле, созданном по законам «жизненного правдоподобия». Так естественно и закономерно происходило расширение рамок реалистического театра, его обогащение и обновление.

В период слома старого и освоения нового расширились и жанровые рамки татарского театра — возник новый жанр героико-революционной драмы. Естественно, перед татарскими режиссерами всталася проблема немедленного поиска жанрового решения. И здесь определились сразу два подхода к созданию спектакля: средствами возвышенно-романтического театра и испытанными приемами бытово-психологического театра на основе жизненной достоверности. Оказалось, оба эти подхода не противоречили, а наоборот, дополняли, развивали друг друга.

Участились случаи обращения режиссеров к произведениям «крайних жанров» — трагедии, романтической драме, сатирической комедии. Если до революции подобные примеры были малочисленны, то в послереволюционное пятилетие наблюдается явное усиление тенденций. «Разбойники» (1920), «Коварство и любовь» Ф. Шиллера (1920), «Отелло» (1921), «Гамлет» (1922) В. Шекспира в сценической интерпретации М. Мутина, сатирические комедии «Юсуф и Зулейха» (1918), «Капризный жених» (1918), «Берегись, взорвётся» (1919) и др., поставленные

их автором К. Тинчуриным, «Ревизор» Н. Гоголя (1921) в режиссуре М. Мутина отражали мятежный дух времени и явно расширили сферу влияния театра прямых жизненных соответствий.

Наиболее крупной фигурой данного периода развития татарского театра является Мухтар Мутин, виднейший деятель дореволюционного сценического искусства, выдающийся трагический актер, своеобразный режиссер и активный общественный деятель. Работавший до Октября в труппах «Ширкат», «Нур» Мутин принес в татарский театр революционный пафос, романтическую окрыленность, высокую патетику своего искусства. Сила трагического таланта и масштаб его личности были настолько велики, что поставленные им и с его участием спектакли стали еще одной ступенью в освоении жанра героико-революционной драмы и романтической трагедии.

Анализ теоретических взглядов К. Тинчурина на строительство нового театра, его музыкальных драм и сатирических спектаклей, а также дискуссии на страницах периодической печати Татарской республики позволяют судить о сложностях развития национальной режиссуры после вступления страны в период мирного развития. Тогда в газетах и журналах рассматривались пути развития национального сценического искусства, отношение к старому реалистическому театру, формы спектаклей, манера актерской игры. Сторонники «левого» искусства А. Мазитов, Ф. Саллави, Ф. Бакир и др., пропагандируя тип условного театра, целиком и полностью отрицали театр прямых жизненных соответствий, отказывали ему в умении понять и отразить современность, служить интересам трудового народа. Однако ни А. Мазитов, ни другие сторонники условного театра не стояли во главе полноценных художественных коллективов и не имели возможности доказать правоту своих творческих доктрин на практике. В аргументации творческих взглядов они опирались в основном на учебные

спектакли Татарского театрального техникума, которые, действительно, создавались по принципам условного театра, и на практику театра КЭМСТ. Но убежденные сторонники реалистического театра К. Тинчурин, Ш. Шамильский, З. Султанов на практике доказали несостоятельность обвинений, предъявленных их эстетическому направлению, и отстояли путь создания спектаклей жизненной достоверности. Однако их взгляды на предназначение сценического искусства, на форму постановок, на манеру актерской игры, на роль определенных сценических средств выражительности в контексте спектакля претерпели существенные изменения. В этом отношении весьма примечательна эволюция творческого мышления наиболее активного строителя нового театра Карима Тинчурина.

Верный ученик, друг и соратник Г. Кариева, с первых рук перенявший реалистические традиции «отца татарского театра», К. Тинчурин в своем творчестве соединял таланты актера, режиссера, драматурга, театрального педагога и трудно сказать, какое из этих качеств в нем было развито сильнее. Ибо без драматурга Тинчурина не было бы Тинчурина-режиссера. В свою очередь, актер Тинчурин помогал Тинчурину-режиссеру и драматургу. Как и Г. Кариев, он опирался в своем режиссерском творчестве на актера и в целях изучения секрета успеха артистов старшего поколения вел постоянные наблюдения, в результате чего прекрасно знал возможности каждого и писал во многих случаях в расчете на определенных исполнителей. Тинчурин очень часто сам ставил свои пьесы. В работе с актерами для него важнее всего были не внешний облик, не манера поведения, а раскрытие внутреннего мира, мировоззрения, психологии героя. Очень внимательный к творческой природе актеров, он сначала во всех подробностях объяснял характер, внутреннее состояние, логику развития образа. Однако если у исполнителя имелось другое решение и если замысел последнего был интерес-

нее или вернее, чем его, он никогда не настаивал на своем. Тем самым почти всегда на его репетициях были созданы условия для свободного творчества актеров. Исходя из тех же соображений, он очень редко пользовался приемом показа.

Очень часто его режиссерские работы окрашивались оттенками свойственного ему живого, веселого характера. Оптимизм, юмор, граничащий иногда с беззаботностью, были присущи ему и как человеку, и как драматургу и режиссеру. В его спектаклях очень ярко, причудливо, но всегда удачно и органически переплетались реалистическая манера актерской игры и театральность в хорошем смысле этого слова. К числу наиболее удачных в этом смысле дореволюционных постановок можно отнести спектакли «Чужие» (1916), «Первые цветы» (1917), «Капризный жених» (1917).

Спектакли К. Тинчурина периода гражданской войны неизменно отличались высокой идеейностью, зрелостью, высоким художественным вкусом. Их внешняя форма не выделялась особой активностью. В них, как всегда, сохранялась «четвертая стена», принцип жизненно-достоверного изображения действительности. Пространство сцены, предложенное Тинчурином оформление спектаклей больше изображали конкретное место действия, чем модернизовали его условно-обобщенный образ. Быт, привнесенный в постановки, манера актеров «жить на сцене» были достоверными и помогали режиссеру создать реальные «картины жизни». Именно через знакомый и близкий многим быт, через показ достоверных картин действительности из жизни народа спектакли Тинчурина достигали огромной силы воздействия на зрительские массы, волновали и потрясали публику, вызывая всеобщую любовь и уважение.

В 1920-х гг. К. Тинчурин по-прежнему твердо стоял на позициях реалистического театра. Но его спектакли и по форме, и по содержанию довольно

ощутимо отличались от его же спектаклей, поставленных, к примеру, лет четыре-пять назад. Вообще, в творчестве К. Тинчурина наблюдается существенный сдвиг в сторону условности. Как драматург, он один из первых обратился к «крайним» жанрам. Его сатира, сначала обращенная к семейно-бытовым проблемам («Капризный жених» (1918), «Юсуф и Зулейха» (1918), «Берегись, взорвётся» (1918)), впоследствии приобрела острую социальную направленность («Американец» (1923), «Без ветрил» (1926)). А его музыкальные драмы, мелодрамы, комедии, где музыке предоставлена особая организующая действие роль («Казанское полотенце» (1922), «Угасшие звезды» (1923), «Голубая шаль» (1926)), никак не назовешь лишь продуктами театра прямых жизненных соответствий. Поставленные самим автором, они были обогащены средствами выразительности условно-метафорической образности. К сожалению, в дальнейшем эти весьма любимые народом демократические жанры не получили развития. В 1930-е гг. они были надолго изгнаны с театральных подиумов.

Деятельность А. Мазитова, Ф. Бакира, Ф. Саллави и других приверженцев условного театра не пропала бесследно. Эти люди доказали возможность иных путей развития татарского театра и теоретически подготовили почву для творчества, поисков режиссеров-новаторов Г. Девишиева, Р. Ишмуратова и С. Сульвы-Валеева.

Г. Девишин, Р. Ишмуратов, С. Сульва-Валеев — это режиссеры-новаторы, открывшие новые страницы в истории татарского театра. Очень разные по уровню теоретической подготовленности, по характеру своего дарования и по принадлежности к определенному театральному направлению, они в конце 1920-х гг. вели активные поиски новых путей развития национального сценического искусства. Если сторонник резких перемен в языке сценических выразительных средств, режиссерских форм С. Сульва-Валеев в своем творчестве

решительно отходил от принципов реалистического театра и больше тяготел к канонам условного театра, то ученик Е.Б. Вахтангова Г. Девишин искал золотую середину между условным театром и театром прямых жизненных соответствий. В лучших спектаклях, таких как «Своячница» А. Кутуя (1927), «Разлом» Б. Лавренева (1928), Г.Девишин действительно достигал удивительной гармонии выразительных средств, художественной целостности режиссерских композиций. Вклады Г. Девишиева, С. Сульвы-Валеева и Р. Ишмуратова в развитие национального режиссерского искусства весьма значительны. Они уже в конце 1920-х гг. доказали возможность сближения и синтеза принципов условного и реалистического театров, стилевых течений, считавшихся тогда антагонистическими, опровергающими друг друга.

Идея синтеза, впервые исследованная П.А. Марковым в 1924 г. в труде «Новейшие театральные течения», в силу определенных причин в татарском театре 1930-х гг. не получила существенного развития. Но она оказалась весьма плодотворной в национальном сценическом искусстве во второй половине XX столетия.

В 1930-е гг. все больше усиливается идеологический нажим правящей партии и правительства на литературу и искусство. В 1935 г. был учрежден Всесоюзный комитет по делам искусств. А до этого надзор за культурой, искусством осуществлялся партийной цензурой через Главрепертком и партийной критикой через центральные журналы и газеты. Уже со времен сталинских пятилеток цензура и партийная критика все больше ужесточали идеологические требования, сужая фронт театральных исканий. В апреле 1932 г. был издан указ об упразднении пролетарских группировок в области литературы и искусства. Под вывеской «борьбы с левацкими загибами на культурном фронте» был сделан огромный шаг в создании единой тоталитарной системы контроля над всеми творческими

деятелями страны. Следующим ходом в этом направлении стал прошедший в 1934 г. Первый съезд советских писателей, где единственным верным методом литературы и искусства провозглашался метод социалистического реализма, который впоследствии стал грозным оружием борьбы со всяким инакомыслием, выходящим за рамки общепринятых идеологических норм.

За этим шагом последовало великое наступление на форму и стиль, начатое в январе 1936 г. Это означало завершение строительства тоталитарной системы идеологизации в области искусства. Отныне каждое произведение литературы и искусства должно было пройти через сетку нормативности и любое отклонение налево или направо жестоко каралось.

Татарское сценическое искусство входило в систему тоталитарной идеологизации весьма болезненно. В 1929 г. вынужден был уехать из Казани режиссер-новатор Г. Девищев. Под внешне благоприятным предлогом руководства Оперной студией при Московской консерватории от постановочной деятельности отстранился активный сторонник условного театра режиссер-экспериментатор С. Сульва-Валеев. После их печальной участи никто не осмеливался продолжить начатые ими поиски. Так насильственно была перекрыта еще одна альтернативная линия развития национальной режиссуры. Отныне она, отказавшись от всяких экспериментов и поисков новых путей, примерно до середины пятидесятых годов развивалась только по принципам театра прямых жизненных соответствий. Естественно, нормативность сужала творчество татарских режиссеров. Однако иных условий жизни и деятельности ни у кого из деятелей литературы и искусства не было.

Система тоталитарного идеологического контроля не щадила и сторонников реалистического театра. Так, в результате «не разрушающего творческую деятельность театра и не снижающего квалификации и художественного

лица Академического театра» сокращения вынуждены были уйти со сцены ТГАТ режиссеры-корифеи К. Тинчурин, Ш. Шамильский, молодой талантливый режиссер С. Булатов, актеры Х. Кулмамат, Г. Уральский, И. Шагдалиев и др.

Репрессии 1937 г. потребовали новых жертв из среды деятелей национального сценического искусства. На долгие годы из памяти народной были изъяты имена крупнейшего деятеля татарского театра, актера, режиссера, драматурга, театрального педагога К. Тинчурина, актера-трагика и режиссера М. Мутина, признанных крупных драматургов Ф. Бурнаша, Г. Ибрагимова, Ф. Сайфи-Казанлы и др. Гонениям подвергались талантливый молодой режиссер Г. Исмагилов, который спасся от репрессии, лишь немедленно уехав из Казани, и режиссер, драматург Р. Ишмуратов, долгие годы возглавлявший ТГАТ в качестве художественного руководителя, вынужденный немедленно отправиться учиться.

Как видно, потери были очень велики. Но, несмотря на это, татарский театр не только выжил, но и достаточно интенсивно развивался, благодаря накопленному в предыдущие годы внутреннему потенциалу. С 1933 г. один за другим входили в коллектив ТГАТ молодые режиссеры С. Булатов, Г. Исмагилов.

Что является характерным для этого нового поколения национальных режиссеров? Прежде всего — стремление в своей творческой практике применить систему К.С. Станиславского, воспринятую ими из первоисточника — от непосредственных учеников великого реформатора русской сцены Б. Сушкиевича, И. Судакова. Естественно, не все одинаково ладилось в работе режиссеров и далеко не все им удавалось. Да и различным был уровень их подготовки и таланта. Но бесспорно одно. Их постановочная деятельность действительно обогатила национальную режиссуру, которая стала многообразнее, ярче, интереснее, расширились

палитра ее выразительных средств и амплитуда поисков.

Судя по актерским работам, да и по выбранным для постановки произведениям, логично заключить, что Саид Садриевич Булатов — режиссер с широким, интернациональным охватом мышления. Его творческой натуре были ближе произведения русских и западноевропейских авторов. А национальные характеры, произведения, отражающие быт, культуру, национальные особенности татарского народа, удавались ему плохо. Именно поэтому в списках его актерских и режиссерских работ редко встречаются татарские имена и фамилии.

В сущности режиссерская деятельность С. Булатова в ТГАТ ограничивается лишь первой половиной 1930-х гг. Вторую половину данного десятилетия он почти целиком посвятил актерской работе и театральной педагогике. Но, несмотря на данное обстоятельство, он сумел поставить на сцене Татарского государственного академического театра несколько прочно вошедших в репертуар коллектива спектаклей, отличающихся оригинальным замыслом и последовательным воплощением.

В постановочной деятельности С. Булатова вновь возродились романтические традиции татарской режиссуры, так бурно проявившие себя в начале 1920-х гг. в творчестве М. Мутина. «Коварство и любовь» (1932), «Разбойники» Ф. Шиллера (1934), «Гибель эскадры» А. Корнейчука (1934), «Без ветрил» К. Тинчурина (1933) — вот лишь небольшой перечень постановок молодого режиссера, ставших этапными не только для его творчества, но и для всего национального сценического искусства.

В отличие от М. Мутина С. Булатов не преследовал цели создать чисто романтические спектакли. Поэтому в его работах трагедийные сцены переплелись с острокомедийными, романтическая приподнятость — с бытом, важнейшие исторические события — с жанровыми сценами, теплый юмор — с

сарказмом, с откровенной политической тенденциозностью, «массовостью» изображения народа — с вниманием к судьбам отдельных людей, к лирическим, личным мотивам. Тем не менее романтика существовала в спектаклях, хотя там не нашлось места ни для высокопарной интонации, ни для приподнятой речи. Это были очень суровые, даже жесткие, убедительно и достоверно изображающие «среду обитания» и психологию героев зрелища. Оформлял спектакли художник Петр Сперанский. Его декорации отличались точностью в изображении места действия, лаконичностью и соответствовали своеобразному «суворому» стилю произведений.

Наиболее активным, последовательным пропагандистом системы К.С. Станиславского в татарском театре 1930-х гг. стал режиссер Гумер Гимранович Исмагилов. Ярый сторонник реалистической режиссуры, глубокий tolkovatel' учения великого реформатора русской сцены Исмагилов — одна из самых ярких режиссерских фигур национального искусства указанного периода.

Окончив ГИТИС, Исмагилов освоил передовую школу режиссуры. Стремление к психологическим и социальным мотивировкам сценического действия, характеров, поступков героев пьесы, острое чувство современности, то есть все то, что было свойственно режиссерскому почерку педагогов, прежде всего И.Я. Судакова, усваивалось Г. Исмагиловым накрепко и навсегда. В 1934 г., приехав в ТГАТ, он первым делом организовал постоянно действующий семинар по изучению системы Станиславского.

Истинную профессиональную культуру, школу режиссерского мастерства продемонстрировал Исмагилов во время подготовки и выпуска спектаклей «За туманом» Ш. Камала (1934), «Искры» (1935), «Потоки» Т. Гиззата (1937), «Галиябану» М. Файзи (1937), «Профессор Мамлок» Ф. Вольфа (1935), «Враги» А.М. Горького (1936), «Каменный гость» А.С. Пушкина (1937). И здесь

необходимо подчеркнуть то, что система К.С. Станиславского, так страстно и последовательно пропагандируемая молодым воспитанником ГИТИС, оказалась весьма близкой актерам и режиссерам ТГАТ, перенявшим реалистические традиции кариевской школы. Именно поэтому им за столь короткий срок удалось освоить основные принципы системы и перестроить свою работу в соответствии с ее требованиями. Оттого столь непринужденно и органично сливались в творчестве мастеров национальной сцены учение великого реформатора русского театра и традиции школы Габдуллы Кариева.

К сожалению, в силу вышеуказанных причин ни С. Булатов, ни Г. Исмагилов не смогли долго работать в ТГАТ.

По-иному складывалась творческая жизнь молодых режиссеров Х. Уразикова, Ш. Сарымсакова и К. Тумашевой. Каждый из них пришел в режиссуру своим путем.

Воспитанный в реалистических традициях школы Г. Кариева Х. Уразиков пришел в режиссуру, глубоко и органично усвоив учение К.С. Станиславского, имея за плечами солидный опыт актерской работы. Уже первые опыты в области режиссуры открыли в нем серьезного, вдумчивого, ищущего художника. Самостоятельный режиссерский дебют Х. Уразикова в ТГАТ — спектакль по пьесе Т. Гиззата «Славная эпоха». Главная цель постановщика, которой он руководствовался в ходе работы, — это показ процесса проникновения социалистических идей, выработки нового отношения к труду, формирования человека нового общества. Идейный замысел спектакля находился в строгом соответствии с художественными средствами его воплощения. Полноценное его звучание достигалось не при помощи внешних постановочных приемов, или нарочито оригинальных мизансценических эффектов, а способом глубокого проникновения в характеры героев, реалистическим, жизненно правдивым изображением их на сцене. В первой же постановке

выразилось то, что в дальнейшем должно было стать определяющим в режиссерском стиле Х. Уразикова. Это — исключительно внимательное отношение к драматическому материалу, знание возможностей и психологии актеров, любовь к правде жизни, стремление к подлинному демократизму искусства сцены.

«Несложный, но замечательный сюжет пьесы с волнующей интригой, свежий и интересный материал, новые, еще не виданные на сцене типы передовиков животноводства в сочетании с удачной трактовкой (постановщик режиссер-артист Х. Уразиков) — все это способствовало созданию живого и интересного спектакля, вызывающего бурную реакцию зрителя», — писал о спектакле Ш. Усманов. Действительно, успех спектакля превзошел все ожидания, получил широкий общественный резонанс. «Славная эпоха» стала большим событием в культурной жизни республики. Для просмотра этого спектакля в Казань приезжали жители многих сельских районов. В печатных выступлениях колхозников отмечалось, что спектакль не только верно отражает жизнь колхозной деревни, но и показывает наиболее рациональные методы развития сельского хозяйства.

Ширъяздан Мухаметзянович Сарымсаков пришел в Татарский государственный академический театр летом 1935 г. в качестве практиканта режиссерского факультета ГИТИС им. А.В. Луначарского. Недавний выпускник Казанского театрального техникума, участник Олимпиады театров народов СССР 1930 г., Ш. Сарымсаков хорошо знал актерские силы национальной сцены. Для своего дебюта в ТГАТ Ш. Сарымсаков выбрал ни много ни мало... «Бронепоезд 14—69» Вс. Иванова. Классическое произведение, сыгравшее огромную роль в становлении нового советского искусства, которое в 1930-е гг. было определено как искусство социалистического реализма, конечно, тогда еще не соответствовало творческим возможностям молодого

режиссера и событием театральной жизни республики не стало. В печати лишь промелькнула информация о будущей премьере ТГАТ. В ней говорилось, что спектакль ставит молодой режиссер, комсомолец Ш. Сарымсаков, художник В.Г. Лугарев.

Широкую известность и признание Ш. Сарымсакову принесла «Шамсиамар» М. Аблиева. Пьесу начинающего драматурга, по своей основной профессии весьма далекого от искусства, о трудной и бесправной жизни татарской женщины в дореволюционной России, о пробуждении классового самосознания крестьянства в первоначальном варианте нельзя было назвать совершенной. Но она привлекла режиссера острым драматизмом изображаемых событий, яркими, четко очерченными характерами, неожиданной для молодого писателя — лейтенанта Красной Армии — изобретательностью сюжетных перипетий. Эти достоинства произведения с лихвой покрывали его недостатки: некоторую замедленность развития действия, расплывчатость, растигнутость композиции.

Премьера спектакля состоялась 26 февраля 1938 г. и прошла с триумфальным успехом. Зрители долго не отпускали актеров, вновь и вновь вызывали режиссера, автора и других создателей спектакля. С этого вечера началась его счастливая долголетняя сценическая жизнь. 29 декабря 1938 г. Татарский государственный академический театр впервые в истории национального сценического искусства отметил пятидесятий показ этого произведения. В связи с этим событием газета «Кызыл Татарстан» выпустила специальную страницу.

Следующей работой, ставшей этапной не только в творчестве режиссера Сарымсакова, но и всей татарской режиссуры, является спектакль по пьесе А. Файзи «Тукай». Основанный на изучении богатейшего исторического материала о жизни и творчестве народного поэта, правдиво воссоздающий быт и нравы эпохи, среду и людей, окружаю-

щих его, спектакль «Тукай» получился точным и стилистически выдержаным.

«Тукай» открыл цикл историко-биографических спектаклей национального театра, созданный режиссерами республики в основном в 1940-е гг. Интерес деятелей искусства к истории, культурным ценностям прошлого, жизни и деятельности выдающихся личностей своего народа был закономерным явлением в новой общественно-исторической обстановке, когда Вторая мировая война уже стояла на пороге и всякое проявление национального самосознания народа воспринималось особенно остро.

В конце 1930-х гг. на путь большого искусства вступила прибывшая на преддипломную практику выпускница ГИТИС Кашифа Кашафутдиновна Тумашева. В 1926 г. в составе первого выпуска окончившая Казанский театральный техникум, К. Тумашева довольно долго преподавала в воспитавшем ее техникуме и лишь в 1932 г. поступила в вуз. Для дипломной работы она выбрала пьесу молодого драматурга, студента-медика Х. Фатхуллина «Очи».

Вскоре К. Тумашева вернулась в Казань дипломированным специалистом. Ее приняли очередным режиссером Татарского государственного академического театра. С января 1939 г. этот коллектив стал носить имя одного из основоположников национального театра Г. Камала. В декабре того же года художественным руководителем ТГАТ им. Г. Камала приглашается Е.Г. Амантов. Последующие две работы К. Тумашевой — «Ромео и Джульетта» В. Шекспира (1939) и «Ходжа Насреддин» Н. Исанбета (1940) — были поставлены совместно с Е.Г. Амантовым и Х. Уразиковым.

Во второй половине 1930-х гг. татарская режиссура развивалась благодаря братской поддержке русских режиссеров. Почувствовав неопытность молодых коллег, неожиданно для себя оказавшихся у руля управления огромным театральным коллективом, они пришли

им на помощь. В 1938—1941 гг. художественное руководство в ТГАТ сначала осуществлялось Б.Великановым, а затем Е.Г. Амантовым. Широко образованные, глубоко интеллигентные мастера, они вели татарский театр к высотам подлинного искусства, благо для этого в предыдущие годы уже был подготовлен крепкий фундамент.

Таким образом, татарская режиссура довоенного периода прошла огромный путь развития. Он не был гладким и усыпан лишь цветами. В определенные периоды развития национальное постановочное искусство твердо двигалось по пути реалистического театра, иногда же, особенно в моменты судьбоносных поворотов в жизни страны, оно делало крен в сторону условного театра. Подобные «колебания маятника» — от условности до достоверности — являются неизменными источниками развития и движущей силой роста татарского сценического искусства. В процессе исторического развития татарской режиссуры принципы театров условного и достоверного проявили тенденцию к взаимному сближению. Идея синтеза в режиссуре татарского театра конца 1920-х гг. проявила себя в гармоничных, целостных спектаклях. Она достаточно четко и убедительно доказала свою жизнеспособность. Однако специфические условия развития искусства в 1930-х гг. не способствовали еще большему проявлению зарождавшейся тенденции. Татарская режиссура возвратилась к идеи синтеза лишь во второй половине XX столетия, когда подул свежий ветер, изменилась политическая, экономическая, социальная ситуация в стране, и обновление художественного творчества стало необратимым.

Великая Отечественная война принесла театрам Татарии тяжелые испытания. Режиссеры республики, как и другие деятели сценического искусства, вместе с народом вынесли все тяготы и лишения, страдания и горести военного времени. Но трудности не сломили их. Они работали активно, мужественно, целеустремленно. Именно

поэтому многим из них удалось создать подлинно гуманистические произведения, одухотворенные верой в торжество справедливости, в общечеловеческие идеалы.

В репертуаре театров Татарии 1941—1945 гг. ведущими стали военно-патриотические спектакли, рассказывающие о героизме простых советских людей на фронтах Отечественной войны, о ратных делах тружеников тыла. Такие спектакли, как «Парень из нашего города» Е.Г. Амантона и Х. Уразикова, «Таймасовы» Ш. Сарымсакова, «Марьям» Ш. Шамильского, «Минникамал» Х. Уразикова, раскрывали возможности советского человека, показывали силу его духа и крепость характера, а также выявляли истоки нравственного превосходства над иноземными захватчиками.

В годы войны история также становилась «на службу дня». Многие исторические и историко-биографические постановки режиссеров Татарии, такие, как «Идегей» Е.Г. Амантова и Х. Уразикова, «Тукай» Ш. Сарымсакова, «Каюм Насыри» Х. Уразикова, вызывали у народа законную гордость за свое историческое прошлое и воспитывали чувство высокого патриотизма.

Великие гуманистические идеи спектаклей, созданные по произведениям мировой, русской и национальной классики, пробуждали у публики идеи свободы и независимости, веру в победу добра над злом. Высокий авторитет театральной общественности и любовь зрителя завоевали такие постановки, как «Собака на сene», «Король Лир» В.М. Бебутова и К. Тумашевой, «Хаджи женится» Ш. Сарымсакова и «Банкрот» Х. Уразикова.

Все перечисленные работы постановщиков республики позволяют сделать вывод о том, что татарская режиссура военных лет являлась искусством, кровно связанным с жизнью народа. Достаточно полно выражая его интересы и чаяния, она достойно отвечала на духовные запросы фронтовиков и тружеников тыла.

Трудно назвать благотворным для развития национального искусства и послевоенное десятилетие. По всей стране наблюдалось снижение интереса к театру. Отрицательную роль в этом необратимом процессе играла так называемая «теория бесконфликтности», которая, ограничив свободу творчества сценических деятелей, толкала их на бесконечные повторы. Не исправили, а усугубили положение дел и Постановления ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению», «О журналах «Звезда» и «Ленинград», об опере «Великая дружба» В. Мурадели». Исключая из живого процесса творческую личность, они приносили ощутимый вред искусству. Вынужденные раз за разом решать надуманный конфликт между «хорошим» и «лучшим», художники создавали серые, безжизненные произведения. Если и рождались на сцене полноценные художественные произведения искусства, то это случалось не благодаря, а вопреки вышеназванным постановлениям.

Деятели национальной культуры, в том числе и режиссеры-постановщики, вели активную борьбу, приложили много сил и энергии для преодоления или хотя бынейтрализации отрицательного воздействия на искусство административно-управленческого аппарата. Как результат систематической, упорной, каждодневной борьбы рождались подлинно художественные произведения, правдиво, без прикрас говорящие об историческом прошлом народа, отражающие современное положение общества.

Первые успехи татарским режиссерам послевоенного десятилетия принесли историко-биографические и героико-революционные спектакли. В таких работах ТГАТ им. Г. Камала, как «Каюм Насыри», «Мулланур Вахитов» в постановке Х. Уразикова, «Человек с ружьем», «Пугачев в Казани» Ш. Сарымсакова, разрабатывались многие принципы постановки произведений подобного жанра. Это сочетание анализа конкретно-исторических и художес-

твенно-обобщающих начал, углубление во внутренний мир героев, раскрытие героического через конкретный исторически точный быт и т.д. «Человек с ружьем» Ш. Сарымсакова подтвердил правильность еще одного принципа режиссуры: «Создавая образы исторических личностей, относяться к историческому персонажу любой величины как к любому художественному типу».

Создание спектаклей на тему современности в послевоенное десятилетие велось режиссерами республики в двух параллельных направлениях. В первую очередь их интересовала возможность исследования источников подвига советского народа в дни Великой Отечественной войны. Такие постановки, как «Священное поручение» Ш. Сарымсакова, «За тех, кто в море» Х. Уразикова, «Песня жизни» К. Тумашевой, «Настоящая любовь», «Тайны», «Деревня Абли» Г. Юсупова, раскрывали силу и мощь народа-победителя, героизм его сыновей и дочерей.

Работа, отображающая героев и события мирных дней, велась татарской режиссурой в спектаклях «Шумит тихая поляна» К. Тумашевой, «Одинокая береза», «Зифа» Х. Уразикова, «Кушнарат» Г. Юсупова, «Райхан» Ш. Сарымсакова и Г. Шамукова, «Зять профессора», «Дорогие минуты» Г. Юсупова и К. Тумашевой, «В новой слободе» Ш. Сарымсакова. Однако, несмотря на большое количество работ на современную тему, не во всех постановках удалось отразить жизнь во всей ее полноте, в суровом, неприукрашенном виде. В качестве признанных, наиболее острых, проблемных работ ТГАТ можно назвать «Зифу», «Одинокую березу» Х. Уразикова и спектакль «Зять профессора» режиссеров К. Тумашевой и Г. Юсупова.

Зарубежная, русская и национальная классика в послевоенное десятилетие ставилась больше хрестоматийно. В период правления административно-бюрократического аппарата, когда очень легко вычеркивалась вся творческая деятельность отдельных художников, ре-

жиссеры старались не рисковать своей репутацией и не стремились создавать новаторские произведения. Однако, хотя и редко, появлялись сценические версии классических образов, отмеченные неугомонным духом поиска.

В творчестве режиссеров республики отчетливо видны два диаметрально противоположных подхода к классическому наследию. Первый из них характеризуется стремлением глубже проникнуть в социальное содержание драматургического материала и желанием наиболее выпукло раскрыть его. К таким спектаклям следует отнести следующие: «Варвары», «Последние» А.М. Горького, «Без вины виноватые» А.Н. Островского, «Несчастный юноша» Г. Камала, поставленные Ш.Сарымсаковым, «Галиябану» Р. Тумашева, «Красная звезда» Г. Юсупова.

В творческой практике существовал и второй подход к классике, отличающийся выдвижением на первый план общечеловеческих ценностей. Здесь вряд ли уместно говорить о целостном концепционном подходе режиссуры ко всему спектаклю, ибо сфера влияния постановщика по-прежнему оставалась весьма узкой и охватывала лишь одну какую-нибудь роль или несколько образов. В качестве примера новаторского прочтения классических ролей можно назвать Шмагу из «Без вины виноватые» режиссера Ш. Сарымсакова, Любима Торцова из «Бедность не пурок» К. Тумашевой, сыгранных замечательным актером Х. Абжалиловым. Нетрадиционно трактуются образы в спектаклях: «В старой Казани» К. Тумашевой и М. Литвинова, «Белый колпак» К. Тумашевой. Однако, несмотря на малое количество по-новому прочитанных ролей, спектаклей, следует отметить, что работа по обнаружению и усилению общечеловеческих мотивов классических произведений являлась весьма нужной и имела широкую перспективу развития в будущем.

В послевоенное десятилетие татарская режиссура обогатилась еще одним опытом постановки прозаического

произведения. Спектакль «Саубановы» Ш. Сарымсакова и Х. Уразикова позволил выработать определенные принципы постановки прозы на сцене, которые в будущем могли бы стать нужными для развития режиссуры татарского театра.

На рубеже 1940–50-х гг. в режиссуре татарского театра возродилась идея политического театра. Однако в национальной драматургии она опору не нашла. Переведенные с русского языка «Заговор обреченных» Н. Вирты, «Чужая тень» К. Симонова, «За вторым фронтом», «Жизнь начинается снова» В. Собко хотя и частично удовлетворяли потребности татарского театра, все же обогатили национальную режиссуру новой темой, новым содержанием. Но поставленные в рамках нормативного искусства режиссеры республики не могли вести поиск средств сценической выразительности собственно политического театра. Поэтому все вышеназванные пьесы решались ими в приемах и сценических средствах психологического театра, с тщательным соблюдением жизненной достоверности в оформлении сцены и в актерской игре.

Необходимо отметить, однако, что, несмотря на неблагоприятные условия, данный этап в развитии национальной режиссуры был достаточно плодотворным. Многие художники театра вели активные поиски в различных областях по многочисленным проблемам сценической культуры. Однако до сих пор оставалась закрытой область формотворчества. Национальная режиссура, подвергнутая всеобщей нивелировке «под МХАТ», как и вся советская режиссура в целом, в недалеком будущем должна будет порвать узы сдерживающего творческий рост административно-бюрократического аппарата и решительно перейти на качественно новый этап развития реалистического искусства.

Своеобразным подведением итогов всего предшествующего периода развития татарского сценического искусства в целом, и его режиссуры в частности, стала Декада татарского искусств-

ва и литературы, прошедшая с 24 мая по 4 июня 1957 г. в Москве. В Декаде участвовали три драматических театра — ТГАТ им. Г. Камала, Мензелинский колхозно-совхозный театр и Большой драматический театр им. В.И. Ка-чалова, а также Татарский театр оперы и балета им. М. Джалиля. ТГАТ им. Г. Камала столичной публике показал «Короля Лира» Б. Шекспира, «Голубую шаль» К. Тинчурина, «Потоки» Т. Гиззата, «Ходжи Насреддина» и «Зифу» Н. Исанбета, «Миннекамал» М. Амира, а Мензелинский колхозно-совхозный театр — «Галиябану» М. Файзи и «Неписаные законы» Ю. Аминова. Их в различные годы поставили В.М. Бебутов, Ш.М. Сарымсаков, Х.И. Уразиков, К.З. Тумашева, Р.Р. Тумашев, Х.Ю. Салимжанов, С.А. Амутбаев, М.Х. Мустафин. Показы декадных спектаклей прошли с триумфальным успехом. В многочисленных газетно-журнальных публикациях всестороннему анализу подвергались актерское и режиссерское искусство татарского театра, его

драматургия. В первую очередь отмечая высокое мастерство татарских актеров, столичные ценители сценической культуры отдавали дань искусству таких режиссеров-постановщиков, как Ш. Сарымсаков, Х. Уразиков, С. Амутбаев. По итогам Декады большая группа сценических деятелей была отмечена правительственные наградами, удостоена почетных званий. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 июня 1957 г. за выдающиеся заслуги в развитии театрального искусства страны Татарский государственный академический театр им. Г. Камала награждался самой высокой наградой того времени — орденом Ленина. Это одновременно было признанием заслуг целой плеяды мастеров постановочного искусства — Г. Кариева, В. Муртазина-Иманского, С. Гиззатуллиной-Волжской, К. Тинчурина, М. Мутина, Г. Девишева, С. Сульвы-Валеева, С. Булатова, Г. Исмагилова, Г. Ильясова, Р. Ишмуратова, Ш. Сарымсакова, К. Тумашевой и многих других.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Значение данного определения следует оговорить. В связи с расширительным толкованием смысла термина «реализм», который в последнее время стал включать в себя и условность, в работе вместо распространенного в довоенном искусстве и характеризующего определенное театрально-эстетическое направление понятия «реалистический театр» применяется определение «театр прямых жизненных соответствий». Данное определение впервые применено К.Л. Рудницким в книге «Режиссер Мейерхольд» (М.: Наука, 1969).

² Анастасьев А.Н. Движение к реализму / А.Н. Анастасьев // В поисках реалистической образности: сб. ст. — М.: Наука, 1981. — С.15-34.

³ Мейерхольд В.Э. Театр. Книга о новом театре/ В.Э. Мейерхольд. — СПб.: Шиповник, 1908. — С.123.

⁴ Рудницкий К.Л. Режиссер Мейерхольд / К.Л. Рудницкий. — М.: Наука, 1969. — С.120.

⁵ Там же. — С.121.

⁶ Строева М.Н. Режиссерские искания Станиславского 1917-1938 / М.Н. Строева. — М.: Наука, 1977. — С.6.

⁷ Строева М.Н. Режиссерские искания Станиславского 1898-1917 / М.Н. Строева. — М.: Наука, 1973. — С.366.

⁸ Мейерхольд В.Э. Статьи. Письма. Речи. Беседы / В.Э. Мейерхольд. — М.: Искусство, 1968. — С.141-142.

⁹ Там же. — С.133.

¹⁰ Рудницкий К. Режиссер Мейерхольд / К.Л. Рудницкий. — М.: Наука, 1969. — С.122.

Аннотация

Татарская режиссура 1906-1957 гг. прошла огромный путь развития. В определенные периоды развития (1906-1917) национальное постановочное искусство твердо двигалось по

пути реалистического театра, иногда же, особенно в моменты судьбоносных поворотов в жизни страны (двадцатые годы), оно делало крен в сторону условного театра. Подобные «колебания маятника» — от условности до достоверности — являются неизменными источниками развития и движущей силой роста татарского сценического искусства. В процессе исторического развития татарской режиссуры принципы театров условного и достоверного проявили тенденцию к взаимному сближению. Идея синтеза в режиссуре татарского театра конца 1920-х гг. проявила себя в гармоничных, целостных спектаклях. Она достаточно четко и убедительно доказала свою жизнеспособность. Однако специфические условия развития искусства в 1930-х гг. не способствовали еще большему проявлению зарождавшейся тенденции. Татарская режиссура возвратилась к идеи синтеза лишь во второй половине XX столетия, когда подул свежий ветер, изменилась политическая, экономическая, социальная ситуация в стране, и обновление художественного творчества стало необратимым.

Ключевые слова: татарский театр, режиссерское искусство, условность, достоверность, синтез.

Summary

The Tatar direction of 1906-1957 passed through a huge path of development. In certain periods of its development (1906-1917) the national stage art was moving firmly along the way of the realistic theatre, but sometimes especially at the critical moments of the country's life (the twentieth) it listed towards the direction of conventional theatre. Such 'swings of the pendulum' from convention to reliability are actually permanent sources of the development and driving force of the growth of the Tatar stage art. In the process of the historical development of the Tatar direction the foundations of conventional and reliable theatres exhibited a tendency to mutual agreement. The idea of synthesis in the direction of the Tatar theatre of the late twenties showed its worth in harmonious and complete performances. It proved its viability distinctly and convincingly enough. However the specific conditions of art's development in the thirties did not promote greater manifestation of the incipient tendency. The Tatar direction came back to the idea of synthesis only in the second half of the twentieth century when a fresh wind blew, the political, economic, social situation changed in the country and the renewal of the artistic creative work became irreversible.

УДК 81'34

ИСТОКИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ФОНЕТИКИ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

*Ш.Н. Асылгараев, кандидат филологических наук,
Г.Т. Губайдуллина, аспирант ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова*

Общение между людьми, средством которого является язык, осуществляется через его звуковую сторону благодаря ей. Звуковая сторона отражает реальность, только она и делает возможным развитие языка, передачу его от поколения к поколению. Речь человека – это звуковая речь, поэтому она представляет собой физическое явление, как и другие звуки в природе. Исследование ее в физическом плане относится к области физики, точнее сказать – акустики, где рассматривается тембр гласных, высота и сила звуков речи.

Необходимо отметить то, что язык – это биологическое явление. Всякая звуковая речь – человеческая, она не существует вне человека и является одной из важнейших функций человеческого организма. Речь здесь является сложным процессом, в котором участвует центральная нервная система, управляющая движениями органов речи и воспринимающая звуки извне. Из акустики нам известно, что все звуки, в том числе и звуки человеческой речи, представляют собой колебательные движения воздуха. В процессе речи эти колебательные движения вызываются действиями определенных частей речевого аппарата и воспринимаются нашим ухом. Среди работ всего речевого аппарата одно из главных мест занимают движения языка по направлению к твердому небу. Эти движения играют важную роль в создании необходимого разнообразия звукового состава человеческой речи. Особенности и детали этих движений языка являются одним из главных фак-

торов, характеризующих фонетические особенности отдельных языков и языковых семейств.

Рассмотрением всех вышеуказанных вопросов, касающихся звуковой стороны языка, занимается фонетика (раздел языкоznания), точнее ее экспериментальная часть, которая исследует звуки, исходя из разных аспектов.

Экспериментальное изучение татарской фонетики начинается трудами профессора В.А. Богородицкого. О значении его работ хорошо высказывался редактор 2-го издания его труда «Введение в татарское языкоzнание» /Казань, 1953/ проф. Н.К. Дмитриев: «Языковед с мировым именем, основавший в Казани первый в России кабинет экспериментальной фонетики, В.А. Богородицкий переводит его на рельсы татароведения и, впервые в науке, дарит нам блестящие экспериментально-фонетические исследования по татарскому языку»¹. Начало экспериментально-фонетических работ в Казани восходит к 1882-1884 гг., когда, будучи еще приват-доцентом университета, В.А. Богородицкий со своими учениками проводил опыты по наблюдению работы губ при произношении различных звуков в физиологической лаборатории с помощью губного прибора Розанелли, сконструированного по рисунку университетским механиком. Часть результатов была опубликована в его сочинении, касающемся гласных звуков². Это была первая в лингвистической науке попытка как в России, так и за границей воспользоваться экспери-

ментальными приемами, созданными в физиологической лаборатории Марея в Париже, и еще до работ Руссело, считающегося основателем экспериментальной фонетики.

Еще одной важной заслугой В.А. Богородицкого является то, что он «сделал попытку подготовить кадры эксперименталистов из местного населения»³. В работах В.А. Богородицкого «Движение тона в словах двусложных и трехсложных в татарском языке»⁴ и «Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками»⁵ освещены следующие вопросы. В первой статье на материале гласного *a* освещается не только движение тона, но и рассматриваются такие характеристики звука, как длительность и амплитуда колебаний. А в другой работе впервые по непосредственным наблюдениям и на основе экспериментальных данных звуки татарского языка сравниваются с русскими с качественной стороны. Автор установил, что «в отношении временной длительности ударяемые гласные татарского языка распадаются на две категории: более длительные – *a, ə, ый, ү, у*, и более краткие – *o, ө, ы, е*»⁶. Автор приводит спирометрические данные о количестве выдыхаемого воздуха при произношении разных слов (односложные, двухсложные) и слов (открытые, закрытые) и делает выводы об изменении сонорной длительности и изменении тона в зависимости от разных позиционных условий, классифицирует татарские гласные по ротовому резонансному тону, согласно опытам своего ассистента М.И. Берг.

Идеи В.А. Богородицкого успешно продолжил его ученик Г. Шараф. Его статьи «Палятограммы звуков татарского языка сравнительно с русскими» [ВНОТ, № 7, 1927] и «Сонорная длительность татарских гласных» [ВНОТ, № 8, 1928] хорошо известны не только российским, но и зарубежным языковедам. Первая статья Г. Шарафа посвящена изучению особенностей артикуляции звуков в разносистемных языках. Для этой цели автор заявляет о нали-

чии двух основных методов. Первый из них – субъективный, при котором в исследовании используются непосредственные впечатления (слуховые, зрительные, мышечные чувства), но дающий возможность установить только наиболее яркие закономерности без объективных средств для более точного закрепления тонких особенностей фонетики соответствующего языка. Второй, представляемый экспериментальной фонетикой, является объективным методом и пользуется приемами, принятymi в точных науках. К ним он относит графические методы, представляющие возможность определить каждую артикуляцию в отношении временной длительности до сотых долей секунды, в некоторых случаях и в отношении пространственных передвижений органов речи до сотых долей миллиметра.

Во второй статье Г. Шараф продолжает работу, начатую В.А. Богородицким. На основе 2000 графиков кинематографических записей определяется длительность гласного *a* в различных фонетических позициях, выявляется, таким образом, влияние ударения на длительность гласного, зависимость длительности от открытости – закрытости слога и др. В результате работы выясняется, что в татарском языке, как и во многих других языках, и согласные звуки могут принимать на себя ударение как в односложных словах, состоящих исключительно из согласных, так и в многосложных словах в живой речи. В пределах одного говора, даже у одного и того же лица, может быть и более быстрая, и более медленная речь, согласно возрасту; но взаимные соотношения длительности отдельных звуков речи в аналогичных положениях в значительной степени сохраняют постоянный характер.

Труды В.А. Богородицкого по татарскому языку так же, как и инструментальные исследования его талантливого ученика Г. Шарафа, являющиеся ценным вкладом в науку, и в настоящее время представляют собой не только исторический, но и ценный теорети-

ческий и практический интерес как для современного татарского языкоznания, так и для тюркологии в целом.

Вышеуказанные труды далеко не исчерпывают стоящих перед татарским языкоznанием проблем в области фонетики. «Отдельные положения и выводы этих авторов нуждаются в проверке и уточнении хотя бы уже по той причине, что сами авторы признают наличие известных неточностей в приводимых ими данных, не говоря уже о том, что современная наука ушла далеко вперед по сравнению с инструментальной техникой и методикой постановки опыта 1920-х гг. и это открывает новые области для исследования и новые перспективы развития экспериментального изучения звуковой стороны языка»⁷.

Метод экспериментального исследования в фонетике после долгого перерыва применяет в своей работе У.Ш. Байчура. Его законченный монографический труд «Звуковой строй татарского языка»⁸, по словам языковедов, «был и остается единственным подлинно научным источником, на который опираются фонетисты»⁹.

Наиболее интересна в теоретическом отношении первая часть работы. Здесь доказывается преимущество объективного метода, освещается история экспериментального изучения татарского и тюркских языков, дается определение фонемы, «исходя из работ Л.В. Щербы и его учеников и последователей, а также из конкретного языкового материала»¹⁰. В ней последовательно разработаны критерии выделения фонем и выяснения их состава в татарском языке. С помощью рентгеноснимков и палятограмм описан с качественной и артикуляционной сторон вокализм татарского языка, проведено сравнение гласных татарского и чувашского языков. Интересны сведения о длительности татарских гласных, полученные в результате анализа кимографических записей. Эти данные сопоставляются с данными, полученными автором о длительности чувашских, хакасских, азербайджанских, туркменских, казахских

гласных. Подробно и последовательно проведена классификация консонантизма татарского языка. К работе прилагается обширный иллюстративный материал в виде рентгенограмм, палятограмм, схем, кимограмм и таблиц.

Вторая часть посвящена рассмотрению вопросов, касающихся, во-первых, выпадения, оглушения, редукции, протезы гласных; во-вторых, степени длительности, звонкости, спирантности, а также придыхания, силы и слабости артикуляции согласных; и наконец, в-третьих, словесного ударения (интенсивность, высота тона, длительность гласных). Множество таблиц (около 120 страниц только в приложении), цифровых данных, примеров занимают в книге огромное место. Автор сравнивает и различные диалекты татарского языка, а также литературные варианты и диалекты различных тюркских языков. Но, как отмечает Х.Х. Салимов в своей работе, в экспериментальных материалах У. Байчуры «не хватает обобщающих таблиц и конкретных, точных выводов»¹¹.

Необходимо отметить, что некоторые авторские наблюдения У. Байчуры требуют проверки, пересмотра. Характеристика звуков с количественной стороныдается в «звуковом строе» на основе данных кимографических записей, относящихся к 1960-70 гг., и это выглядит немного примитивно, хотя автор отмечает, что «полученные данные проверялись путем вычисления длительности гласных в словах, записанных на осциллографе при помощи спектрографа»¹² (необходимо заметить: осциллограммы не снимаются при помощи спектрографа).

Несмотря на некоторые недостатки, с точки зрения сегодняшнего состояния экспериментальных исследований научный труд У.Ш. Байчуры является одной из крупнейших в области татарской экспериментальной фонетики.

К последним работам, выполненным с применением методов экспериментальной фонетики, можно отнести кандидатские диссертации Ш.Н. Асыл-

гараева¹³, Т.И. Ибрагимова¹⁴, М.Х. Бакирова¹⁵, Р.М. Балтаевой¹⁶, Х.Х. Салимова¹⁷.

Ш.Н. Асылгараев и Р.М. Балтаева свои исследования посвятили вопросам интонации в татарской речи. В работе Ш.Н. Асылгараева, в частности, рассматриваются такие вопросы, как деление татарской речи на синтагмы, роль, место и природа синтагматического ударения; роль паузы, интонационного контраста и др. Здесь автор использует методы аудиторского и осциллографического анализа. Работа Т.И. Ибрагимова интересна тем, что автор, употребляя современные методы, исследует вопросы образования словов, структуры и частоты употребления татарских словов, взаимосвязь фонем в слоге и др. М.Х. Бакиров исследует мелодику речи, рассматривает природу и роль ударения в связи с изучением ритмики татарского стиха.

Х.Х. Салимов, впервые применив метод спектрального анализа, изучает татарский вокализм и на основе полученных данных описывает гласные татарского языка с качественной стороны, сравнивает их с русскими звуками и гласными некоторых тюркских языков, а также описывает комбинаторные и позиционные изменения гласных. Комбинаторные изменения звуков обычно разделяют на ассимиляцию – диссилиацию и аккомодацию. Если первая группа изменений изучалась татарскими фонетистами, то второй вид изменений, возникающий между гласными и согласными, не нашел достаточного отражения в татарской фонетике, или это явление рассматривалось частично: описывалось лишь влияние гласных на соседние согласные. Однако по экспериментальным работам Х.Х. Салимова ясно, что в татарском языке наблюдается довольно значительно и обратное влияние, т.е. влияние артикуляции согласных на тембр смежных гласных.

Неразрешенных проблем и в области татарской фонетики, и в области татарской фонологии еще немало. Досадно, что методам эксперименталь-

ного анализа в работах исследователей татарского языка в последнее десятилетие уделяется недостаточно внимания. Не совсем оправдались и надежды В.А. Богородицкого относительно Казанской лаборатории экспериментальной фонетики¹⁸. Напротив, в других тюркских языках в последние годы возраст интерес к изучению звукового строя своих языков в фонологическом плане и экспериментальными методами.

Остановимся на некоторых вопросах, касающихся методик экспериментальной фонетики.

Исследования по экспериментальной фонетике свидетельствуют о разнообразии выбранных методик: рентгенографии, лабиографии, палятографии, лингвографии, осциллографии и спектрографии. Рентген, как и палятограммы, показывает место артикуляции, кимограммы говорят о способе артикуляции, позволяют выяснить длительность и некоторые акустические характеристики звуков, а спектрограф даёт сведения о том, какие обертоны усиливаются в резонирующих полосах при произношении того или иного гласного, даёт акустический спектр звуков языка. Рентгенографический метод позволяет нам увидеть в процессе артикуляции то, что недоступно палятографическому и ларингоскопическому методу. Это наиболее универсальный метод, так как он показывает положение и деятельность всех органов речевой артикуляции, начиная от голосовых связок и кончая губами. Экспериментально-фонетические методы включают метод слухового анализа, о необходимости которого говорил еще проф. В.А. Богородицкий¹⁹. Инструментальные данные вновь подтвердили важность слухового анализа, его объективность и достоверность. Эти данные во многом подтвердили справедливость высказываний В.В. Радлова о звуках татарского языка в его фундаментальном труде «*Phonetik der nördlichen Turksprachen*»²⁰, а также наблюдения других отечественных тюркологов. Эти методы, конечно, не могут быть заменены один

другим, и все они нужны для изучения звуков с различных сторон. Сопоставление результатов различных методов исследования допускает вариации в самом произношении, а также дает возможность учитывать индивидуальные особенности речи диктора, зависящие от анатомических особенностей органов артикуляции. Множество и разнообразие этих особенностей предъявляют особенно высокие требования к подготовке экспериментальных исследований. Не должно и не может быть фонетического исследования, которое не учитывало бы фонологического аспекта, не имело бы конечной целью выяснение тех или иных языковых отношений. Это означает, что метод, с которого должно начинаться фонетическое исследование, должен совпадать с методом анализа любых языковых явлений. Для того, чтобы правильно поставить задачу исследования, фонетист должен быть готов к слуховому анализу: несмотря на то, что в наше время в его распоряжении имеется разнообразная аппаратура, он должен развивать у себя фонетический слух и мышечное чувство. Регистрирующие приборы можно взаимно комбинировать и получать одновременно запись от двух и более работающих при произношении частей речевого аппарата.

Экспериментально-фонетические методы призваны помочь исследователю в обнаружении звуковых различий, в уточнении их характера. Благодаря им можно дать точное определение объективных свойств того или иного звукового явления, а также и соответствующих артикуляций произносительных органов. Они помогают раскрывать такие характеристики анализируемых объектов, которые малодоступны для субъективного слухового метода. Оценка надежности результатов при работе с определенным аппаратом является одним из крайне важных моментов в экспериментально-фонетическом исследовании. Чтобы добиться вполне надежных и вместе с тем наиболее ценных результатов при производимых опытах,

необходимо соблюдать строгую плановость в подборе исследуемого языкового материала, устанавливать при опытах соотношение по синхронизму между записями участвующих приборов и выполнять технические требования.

Рассмотрим некоторые вопросы, касающиеся системы звуков татарского языка. Система гласных татарского языка оказывается функционально полной за счет расширения в своем составе лабиализации передних гласных, наличие в системе гласных типа *e-ы* в татарском языке может служить своего рода показателем «национального типа» в артикуляции. Фонетические пространства гласных *ы, е, о, а* говорят о возможностях иной функциональной нагрузки в синтагматической цепи с согласными; о разных орфофонических стандартах; о вариациях в речевой моторике произнесения, если сравнить с русскими гласными. Действительно, в татарской речи русских отклонения наблюдаются на месте гласных *ə, ə, e, ы*, а в русской речи татар – на месте *а, о, е, ы*. Причем русские носители стараются произнести гласные эталоны как звуки более широкие, а татары – как более узкие.

В русской речи татар вполне допустима недифференциация (*о, е*); в татарской речи русских еще может наблюдаться и сверхдифференциация, в конечном плане нарушения фонетической структуры слова. Отсюда вытекает вопрос акцента в речи говорящего, а значит, основные точки локализации звуков в разных языках разные.

Следует отметить, чтоreprезентация в вокалической структуре слова в татарском языке регламентируется действием закона сингармонизма. Феномен сингармонизма был предметом интересов И.А. Бодуэна де Куртенэ, В.А. Богородицкого, многих тюркологов. Озвучивая татарские слова, коммуникант должен осуществлять программу симметрии гласных, начиная с первичных основ (корней). Русскоязычные, говоря по-татарски, начинают нарушать гармонию гласных и

редуцировать (*бълчиклану; бъдр’ил’эн’у; м’имкин*); татароязычные, напротив, не редуцируют в соответствии с правилами русской орфоэпии (*галус’истыје; водавус; в’ем’ерок*).

Согласные были предметом исследования В.А. Богородицкого и Г. Шарафа; развивались их идеи и в работе У.Ш. Байчуры.

В татарском языке существует 5 зон артикуляции: лабиальная, дентальная, среднеязычная, заднеязычная, гортанная. Для инвентаря согласных фонем это означает, что носители должны научиться различать такой ряд фонем, как *κ – ң; ә – ә; ҳ – ҳ; һ – һ*; например, *китап – қыш; ғомбә – ғашлә; ҳалык – ҳәреф; ҳикмәт – һичкәя; ҳолык – һа-ман*, т.е. не просто заднеязычную зону, но и гортанную. Дифференциация зад-

неязычных увулярных и гортанных, ларингальных согласных фонем определенным образом корректируется тенденциями коммуникативной выгоды или неудобства. Фонологически эти оппозиции должны быть последовательно и четко развернуты с тем, чтобы носитель или изучающий татарский язык мог во всей полноте в этом убедиться и прочувствовать, поэтому при постановке этих вариантов необходимо привлечь весь комплекс фонологической и фонетической обусловленности.

В заключение следует сказать – в исследовании языковых явлений, особенно его звукового строя и просодики, экспериментально-фонетический метод далеко не исчерпал свои возможности, поэтому требуются его дальнейшее развитие и совершенствование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артемов В.А. Экспериментальная фонетика / В.А. Артемов. – М., 1956.
2. Асылгараев Ш.Н., Сафиуллина Ф.С. Некоторые итоги изучения фонетического строя татарского языка // Вопросы татарского языкознания / Ш.Н. Асылгараев, Ф.С. Сафиуллина. – Казань, 1971. – С. 25.
3. Асылгараев Ш.Н. Синтагматическое членение татарской речи /экспериментально-фонетическое исследование // Ш.Н. Асылгараев. – Казань: АКД, 1968.
4. Байчура У.Ш. Звуковой строй татарского языка. – Ч. I. Экспериментально-фонетический очерк / У.Ш. Байчура. – Казань: КГУ, 1959. – 185 с.; Ч. II, 1961.
5. Бакиров М.Х. Закономерности тюркского и татарского стихосложения в свете экспериментальных исследований / М.Х. Бакиров. – Казань: АКД, 1972.
6. Балтаева Р.М. Интонационная структура общего вопроса в современном татарском языке / Р.М. Балтаева. – Казань: АКД, 1973.
7. Богородицкий В.А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками / В.А. Богородицкий. – Казань, 1934; 1954.
8. Богородицкий В.А. Движение тона в словах двухсложных и трехсложных / В.А. Богородицкий // ВНОТ. – 1929. – № 4.
9. Богородицкий В.А. О научных задачах татарского языкознания / В.А. Богородицкий. – Казань, 1935. – С. 11.
10. Богородицкий В.А. Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных / В.А. Богородицкий. – Казань, 1930. – С. 63.
11. Бодуэн де Куртенэ И.А. Фонетические законы; Разница между фонетикой и психофизией; Введение в языковедение; Проблемы языкового родства // Избранные труды по общему языкознанию / И.А. Бодуэн де Куртенэ. – М.: АН СССР, 1963. Т. II. – С. 189-208; 246-293; 325-330; 342-352.
12. Ибрагимов Т.И. Изучение образования слогов и структуры их сочетаний в татарском литературном языке / Т.И. Ибрагимов. – Казань: АКД, 1970.
13. Кульшарипова Р.Э. Сопоставительная фонетика русского и татарского языков: учеб.-метод. пособие для студентов-филологов / Р.Э. Кульшарипова. – Казань: УНИПРЕСС, 1998. – 61 с.
14. Радлов В.В. Phonetik der nördlichen Turksprachen / В.В. Радлов. – Leipzig, 1882.

15. Салимов Х.Х. Спектральный анализ татарских гласных: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Х.Х. Салимов. – Казань, 1975.
16. Татарская грамматика. – Казань: Татарское книжное издательство, 1993. – Т. I. – С. 54-129.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Дмитриев Н.К. Указ. соч. – С. 3-4.
- ² Богородицкий В.А. Гласные без ударения в общерусском языке. – Казань, 1884.
- ³ Байчура У.Ш. Звуковой строй татарского языка. – Казань: Изд-во КГУ, 1959. – Ч. I. – С. 14.
- ⁴ Богородицкий В.А. Движение тона в словах двухсложных и трехсложных // ВНОТ. – 1926. – № 4.
- ⁵ Богородицкий В.А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. – Казань, 1934; 1954.
- ⁶ Там же. – С. 38.
- ⁷ Артемов В.А. Экспериментальная фонетика. – М., 1956.
- ⁸ Байчура У.Ш. Звуковой строй татарского языка. – Казань: Изд-во КГУ. – Ч. I, 1959; Ч. II, 1961.
- ⁹ Асылгараев Ш.Н., Сафиуллина Ф.С. Некоторые итоги изучения фонетического строя татарского языка // Вопросы татарского языка. – 1971. – С. 25.
- ¹⁰ Байчура У.Ш. Указ. соч. – Ч. I. – С. 17.
- ¹¹ Салимов Х.Х. Спектральный анализ татарских гласных: дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 1974. – С. 16.
- ¹² Байчура У.Ш. Указ. соч. – Ч. I. – С. 46.
- ¹³ Асылгараев Ш.Н. Синтагматическое членение татарской речи /экспериментально-фонетическое исследование. – Казань: АКД, 1968.
- ¹⁴ Ибрагимов Т.И. Изучение образования слогов и структуры их сочетаний в татарском литературном языке. – Казань: АКД, 1970.
- ¹⁵ Бакиров М.Х. Закономерности тюркского и татарского стихосложения в свете экспериментальных исследований. – Казань: АКД, 1972.
- ¹⁶ Балтаева Р.М. Интонационная структура общего вопроса в современном татарском языке. – Казань: АКД, 1973.
- ¹⁷ Салимов Х.Х. Указ. соч. – Казань: АКД, 1974.
- ¹⁸ Богородицкий В.А. О научных задачах татарского языкоznания. – Казань, 1935. – С. 11.
- ¹⁹ Богородицкий В.А. Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных. – Казань, 1930. – С. 63.
- ²⁰ Leipzig, 1882.

Аннотация

Речь человека – это звуковая речь, поэтому она представляет собой физическое явление, как и другие звуки в природе, исследование ее в этом плане относится к области физики, точнее – акустики, где объектом являются тембр гласных, высота и сила звуков речи. Рассмотрением таких вопросов занимается экспериментальная фонетика, которая исследует звуки, исходя из разных аспектов.

Согласно мнениям ученых и фонетистов, которые внесли большой вклад в изучение фонетического строя татарского языка (В.А. Богородицкий, Г. Шараф, У. Ш. Байчура, Х.Х. Салимов и др.), только звуковая сторона языка делает возможным его развитие. Широкий спектр подходов к изучению звуковых систем языков может быть обусловлен развернутым пониманием стратегий речевой коммуникации, восприятием и пониманием речи, психологией речи и т.д.

Применение разных методик описания артикуляции звуков обогащает представления фонетистов о механизмах речи (рентгенография, лабиография, палатография, лингвография, спектрография и др.). Независимо от того, какая бы из методик ни использовалась при описании артикуляции звуков, озвучивая татарские слова, коммуникант должен осущест-

влять программу симметрии гласных, начиная с первичных основ, согласно закону сингармонизма.

Ключевые слова: палятограмма, экспериментальная фонетика, акустика, физиологическая лаборатория Марея в Париже, аудиторский и осциллографический анализы, просодика, лабиальная, дентальная, среднеязычная, заднеязычная, гортанская артикуляции, орфофонические стандарты, увулярные и гортанные, ларингальные согласные и др.

Summary

Speech of the person is a sound speech, therefore it represents the physical phenomenon, as well as other sounds in the nature, its research in this plan concerns the area of physics, to be more exact – acoustics where objects are a timbre of vowels, height and force of speech sounds. The experimental phonetics which investigates sounds, proceeding from different aspects is engaged in consideration of such questions.

According to opinions of scientists and phoneticians, which have brought the big contribution to studying phonetic building of the Tatar language (V.A. Bogoroditsky, G. Sharaf, U.S. Bajchura, H.H. Salimov etc.) only the sound side of the language makes possible its development. The wide spectrum of approaches at studying sound systems of languages can be caused by the developed understanding of strategy of the speech communications, perception and understanding of speech, psychology of speech, etc.

Applications of different techniques of the description of sounds articulation enriches representations of phoneticians about the mechanisms of speech. Irrespective of the fact from which techniques would not be used at the description of the articulation of sounds, sounding the Tatar words, a communicator should carry out the program of symmetry of vowels, since primary bases, according to the law of singarmonism.

УДК 821(091)

ТРАКТОВКА КОРАНИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В ПОЭМЕ «КЫССА-И ЙУСУФ» КУЛ ГАЛИ

*A.M. Ахунов, кандидат филологических наук,
заместитель директора ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова по науке*

Коранический образ пророка Йусуфа (в Библии – Иосифа) издавна проник в средневековую тюрко-мусульманскую литературу, в том числе и татарскую. Правда, в художественной интерпретации он был дополнен новым образом – красавицы Зулейхи. Не имевшая в Коране собственного имени эта героиня позже получит имя Зулейха. По мнению ученых, в литературный обиход это имя впервые было введено персидским поэтом Фирдоуси¹. Однако комментаторы Корана начали уделять данному образу достаточное внимание еще задолго до того, как появились первые художественные произведения на эту тему. Правда, они, в силу специфики своих трудов, не могли показать данный персонаж во всей красе и пышности, каким он позже предстал в художественных произведениях персидских и тюркских авторов, но и они сумели, несмотря на принятую в их времена традицию, показать историю отношений Йусуфа и Зулейхи достаточно откровенно.

Несомненно, что одним из первых авторов, решивших рассказать историю пророка Йусуфа без всяких прикрас и пелены мифических наслоений, стал известный историк и ученый-богослов X века Абу Джакир ат-Табари (839–923). В своих, написанных на арабском языке, двух трудах: «История пророков и царей» и тридцатитомном комментарии к Корану он нашел смелость показать своего героя таким, каким он был известен ему по всем доступным к тому времени ис-

точникам. Тем самым он навлек на себя огонь критики тех богословов, которые полагали, что изображение коранического пророка в таком «непотребном» виде умаляло авторитет мусульманской религии среди ее последователей. Особо резко против этой коранической суры, вплоть до ее полного отрицания, выступали «пуритане ислама» – хариджиты². Интересно отметить, что в числе критиков был и известный татарский ученый Ризаэддин бин Фахрутдин (1859–1936). Поддержав упреки ученого Замахшари (1074–1143) относительно излишней натуралистичности толкований ат-Табари, Р.Фахрутдин рассмотрел вольности ат-Табари отступление от ортодокса³. «Было бы лучше, если ат-Табари вообще не включал в свой труд подобных сообщений, которые не подобают не только для комментариев к Корану, но и неприемлемы даже для самых обычных рассказов», – отмечал татарский ученый в своем высказывании, сохранившемся в рукописи⁴. Правда, в своих опубликованных трудах Фахрутдинов, не изменяя своей точки зрения и не называя имени ат-Табари, уже обходился общими фразами. В них он говорил о том, что у арабов на стыке IX–X вв. появилось много авторов, которые стали относиться не столь серьезно к такому делу, как комментирование Корана, и что они даже стали упоминать в своих трудах различную странную и непонятную «отсебятину», не имевшую отношения к официальной линии ислама⁵. Большое внимание Р.Фахрутдин уделял личности ат-Табари в журнале «Шура»

(«Совет»), который он редактировал с 1908 по 1918 г. Здесь, рассказывая о трудах ат-Табари, он пояснял читателям, что известный тюркский перевод исторического труда ат-Табари под названием «Табари тәржәмәсе» («Перевод Табари») в значительной мере отличался от своего арабского оригинала. Пересказывая биографию ат-Табари, он сообщал о египетских и европейских изданиях его труда⁶. На письмо читателя Р.Хакимова о сомнительном, по его мнению, возрасте коранического персонажа Лукмана в 4444 года, упомянутом в тюркском переводе ат-Табари, Р.Фахрутдин отвечал, что надо доверять оригиналам, а не переработкам⁷.

Однозначное признание авторитета ат-Табари среди последующих поколений большинства мусульманских богословов и ученых-исламоведов показало, что персидский ученый оказался прав – нельзя выдавать желаемое за действительное, даже исходя из самых благих побуждений. В трудах ат-Табари красной нитью проходит идея восприятия Корана – целиком, без всяких исключений и купюр. Для него Коран – это, прежде всего, откровение Аллаха, которое должно восприниматься без всяких сомнений и оговорок – и в этом сила ислама, полагает комментатор Корана.

Что касается коранического персонажа, позже ставшего популярным под именем Зулейха, то ат-Табари также называет имя этой героини. Правда, она упоминается в его «Комментарии» и «Истории» лишь однажды, под именем Раиль дочь Рааиля⁸. И при этом ее образ не несет той огромной смысловой нагрузки, известной нам по средневековой татарской поэме «Кысса-и Йусуф» Кул Гали (XII в.). Но для нас является важным тот факт, что из надежного источника, вызывающего доверие, мы узнаем еще один, возможно, первоначальный вариант имени нашего персонажа. Насколько достоверны эти сведения – это другой вопрос, но в любом случае нам хорошо известно, что арабоязычный ученый использовал в своем

труде наиболее надежные сведения, добытые им как из мусульманских, так и иудейских источников, и поэтому данная версия имени кажется нам не менее верной, чем художественно-поэтический вариант Фирдоуси (т.е. Зулейха). Но одновременно с этим остаются опасения, что ат-Табари, так же как и его соплеменник, мог творчески подойти к выбору имени своей героини. На чем основаны эти подозрения? Выглядит довольно-таки странным, что два имени в труде историка звучат практически одинаково. Речь идет о жене пророка Йакуба и матери Йусуфа – Раиль и соблазнительнице и будущей жене Йусуфа – Раиль. Не является ли этот факт показателем того, что ученый хотел как-то объединить эти два персонажа, двух женщин, которые сыграли важную роль в жизни Йусуфа? Однозначно то, что речь здесь не идет о грамматической или технической ошибках. Ат-Табари в своих обоих основных трудах уверенно предлагает именно такую транскрипцию этих двух имен.

Что же мы знаем о Раиль? Нам известно, что ее отца звали Раайл, что она отличалась мягким и нежным характером и особой красотой⁹. Она была женой азиза (властителя) Египта – Кытфира. О прошлом Раиль нам ничего неизвестно. К известному нам портрету Раиль как нежной и привлекательной хозяйки можно добавить следующее – эта женщина отличается неуемной похотью. С самого момента появления Йусуфа в ее доме она загорелась огнем чувственных желаний. Если Кытфир взял юношу за сына, то его жена считает иначе. Йусуф – для скучающей, лишенной должного мужского внимания молодой женщины своего рода игрушка и находка, предназначенная развлечь ее.

В этом главное отличие жены Кытфира от главной героини поэмы Кул Гали¹⁰. Зулейха в «Кысса-и Йусуф» – образец духовной, платонической любви. Ее встреча со своим возлюбленным – своего рода кульминация, заключительный этап в развитии истории ее любви к Йусуфу. Этот поступок не

является спонтанным и тем более продиктованным чисто телесными желаниями. Все действия Зулейхи вполне закономерны и понятны, но насколько все это вяжется с мусульманскими принципами, соблюдение которых так важно для автора «Кысса-и Йусуф»?

Герои ат-Табари поступают и мыслят несколько иначе. Жена Кытфира, решив соблазнить юношу, поступает согласно своему восточному менталитету. Для возбуждения интереса к себе она начинает забрасывать Йусуфа потоком самых изощренных комплиментов. Если кулгалиевская Зулейха пыталась привлечь юношу статуей коня — пределом мечтаний тюркского джигита и делала упор на «дающий усладу» голос Йусуфа, то героиня комментария к Корану применяет более действенные на Востоке методы: тонкую лесть, вычурный слог и образное, поэтическое сравнение, описывающие внешние достоинства юноши.

Описывая этот момент, татарский литературовед Н.Ш. Хисамов высказал предположение, что у многих мусульманских поэтов именно в этом эпизоде сквозь образ Йусуфа, через своего рода «испытания героя на соответствие его главной миссии правителя, кормильца Египта» решалась проблема достойного руководителя великого государства¹¹. Ат-Табари преследует несколько иные цели — для его персонажа это прежде всего испытание на крепость воли, на верность Аллаху, которое, впрочем, косвенно также отразится на его дальнейшей судьбе (прежде всего, отрицательно).

Йусуф, парируя в ответ соблазнительнице фразами, вроде бы должны показать его отказ, в общем-то не стремится резко прервать диалог. Создается впечатление, что и он не прочь похвастаться своим красноречием. Юноша в этом эпизоде применяет широко распространенный на Востоке метод самоуничижения, сильно занижая все свои положительные качества. Впрочем, ат-Табари в данном случае строго следовал в том числе и традициям персидской литературы IX-X вв., в которой существова-

ли своего рода образные штампы, такие как: «черный как агат волос», «мускусный или амбровый запах» и т.д.¹² Йусуф явно любуется собой, он польщен вниманием, оказанным ему интересной и привлекательной женщиной, и не прочь оказаться в расставленных сетях:

«Как прекрасны твои волосы!», — начинает словесный поединок Раиль. «Это первое из моей плоти, что будет утеряно (рассыпано)», — отвечает ей Йусуф. Жена азиза продолжает: «О Йусуф, как красивы твои глаза!». «Это первое из моего тела, что растворится в земле», — отвечает он. «Но, Йусуф, как прекрасно твое лицо!», — не унимается охваченная страстью женщина. «Лицу предназначено сгинуть в земле», — произносит свое последнее слово пророк¹³.

Необходимо отметить, что звучание данного эпизода у самого Кул Гали невероятно близко к ат-Табари. Правда, тюркский поэт вместо прямолинейного табариевского заявления — «лицу суждено сгинуть в могиле» предлагает иной, более художественный вариант:

*Если красивое лицо, завернутое в саван,
поместят в могилу
И пробудет в могиле не более трех дней,
Какой бы друг его ни увидел,
Он бы, отвернувшись, чтоб больше
не видеть¹⁴.*

Дальнейшее изложение диалога создает впечатление, что Кул Гали хорошо был знаком с произведениями ат-Табари или его переработками¹⁵. Об этом говорят такие свойственные для обоих источников метафоры, как выпавшие волосы, погасшие в могиле глаза и др.

Однако вернемся к нашим героям. Как мы сказали, Раиль предстает здесь достаточно сладострастной женщиной. Комplименты, сказанные Йусуfu, были направлены на совращение юноши, считает ат-Табари¹⁶. Жена азиза хотела, чтобы юноша вступил с ней в интимную близость, — прямым текстом заявляет ученьй¹⁷. Все это случилось из-за нереализованной потребности Раиль в мужской ласке, — завершает свою мысль комментатор Корана.

Тут возникает самый щепетильный момент в повествовании. Кажется, что ат-Табари еще не готов дать ясную и определенную оценку произошедшему событию. Прямые, надо сказать, мессами даже очень откровенные эротические подробности встречи он перемежает туманными сентенциями, которые вроде бы должны создать впечатление, что Йусуп не мог совершить подобных действий. Некоторая двойственность персидского автора могла быть вызвана тем, что он, все-таки, хотел показать своего героя «во всей красе». Ведь наличие крепкого мужского начала, согласно восточной традиции, нисколько не умаляло достоинства его обладателя, а наоборот, только прибавляло ему авторитета и определяло его как обладателя доброго нрава и хорошего здоровья. Как справедливо отмечал известный английский исламовед У.М. Уотт: «Ислам выступает против монашеского образа жизни, и если безбрачие и встречалось среди мусульман, то в нем не видели никакой особой доблести»¹⁸.

Поэтому становится понятным недовольство татарского ученого-богослова Р.Фахрутдина, угляделевшего в этих строках грубейшее отступление от ортодоксальной линии ислама. Ат-Табари и сам хорошо понимает, что он несколько «перегнул палку» и устами «некоторых ученых» он задает следующий вопрос: «Как можно описывать Йусупа таким образом – ведь он пророк Аллаха? Ведь в отношении греха он был самым целомудренным из пророков?». Персидский ученый находит объяснение вышеупомянутым приметам. По его мнению, даже в этом случае проявилась воля Аллаха. Такой поступок – пример грешникам. По идее ат-Табари, милость Аллаха безгранична. Всевышний способен простить даже подобные грехи, но при условии, что грешники искренне покоятся своему Создателю. Легко говорить о том, что надо быть праведным, добрым и всепрощающим, не совершая грехов и т.д., и так трудно соблюдать все это в реальной жизни.

Почему же все-таки ат-Табари в своем труде привел вышеупомянутое, достаточно фривольное описание встречи Йусупа и Раиль? И не ограничился более благообразной, традиционной версией толкования данного сюжета? Помимо уже указанных нами причин, на творчество ученого могла оказаться влияние и известная особенность его родной персидской литературы – литературы, не исключающей определенного эротизма. Такую особенность, кстати, подмечали многие исследователи, занимающиеся изучением ираноязычных памятников. Например, ученым Н.Ш. Хисамовым была отмечена такая же направленность в произведении Ансари «Анис ал-мюридин»¹⁹, являющаяся также образцом ираноязычной литературы.

Интересно, что ат-Табари приводит и прямо противоположный описанному выше комментарий, из которого следует, что Йусуп никакого прелюбодеяния не совершал. И свидетелями тому выступают следующие персонажи: Сын Машиты, дочери фараона, свидетель Йусупа, Иисус, сын Марии и «сахиб» («владелец», «хозяин» Джурейджа)²⁰.

Таким образом, свидетелями Йусупа выступили четыре человека. Кто же эти люди? И откуда ат-Табари взял эти данные? Во-первых, точно говорится о том, что все свидетели были детьми. Во-вторых, из всего этого списка хорошо известно лишь третье имя – Иисуса сына Марии²¹. Что же касается сына женщины по имени Машита, то здесь могли найти свое отражение мусульманские предания, восходящие к египетским легендам, так или иначе связанные с жизнеописанием пророка Мусы.

Помимо этого, ат-Табари приводит еще два варианта толкования данного эпизода. По его мнению, свидетелями были два прямо противоположных персонажа: младенец из колыбели (из семьи жены Кытфира) и пожилой мужчина с бородой (из семьи Кытфира).

Из всех этих сообщений вытекает, что Йусуп остался стоек и не поддался чарам своей искушительницы, хотя все же «распустил шнурок на шароварах».

Особенно ярко его поступок проявляется во время встречи со знатными женщинами города, занятыми чисткой апельсинов и залюбовавшихся невероятной красотой Йусуфа. Лишь порезав руки, они начинают понимать причину «сумасшествия» Раиль. Впрочем, эта часть толкования полностью соответствует коранической и последующим литературным переработкам, так что не имеет смысла останавливаться подробно на этом событии.

Получив моральную поддержку от своих злопыхательниц, своего рода карт-бланш на новые действия, Раиль, распаленная словами и поступками своих гостей, вновь пытается соблазнить Йусуфа. В этом деле, судя по следующему комментарию ат-Табари, ее поддерживают и женщины: «И ответил Аллах на просьбу Йусуфа и отвел от него то, что хотели от него жена азиза и ее подружки. В этот раз юноша пытается удержаться от соблазна, но кажется, что этот поступок ему дается с большим трудом. Этим можно объяснить коранический аят: «Если Ты не отвешь от меня их козней, я склонюсь к ним и окажусь из числа неразумных» (Коран. – 12:33). Тем не менее Йусуф с божьей помощью удерживается от соблазна и выбирает тюрьму. Почему же Аллах вновь оказал свою поддержку Йусуфу? А потому что он «помогает всем благочестивым и покаявшимся, которые придут и после Йусуфа»²². Но и одновременно с этим темница – наказание. Ат-Табари уточняет, что заточение стало своего рода карой для юноши за его интерес к женщине, а также для искупления его грехов.

Ат-Табари заостряет внимание читателя на словах: «Потом вздумалось им, после того как они видели знамения, непременно заточить его на время» (Коран. – 12:35). Ученого смущает тот факт, что словосочетание «вздумалось им...» было поставлено во множественном числе, ведь, по его мнению, знамения (порванная сзади рубаха, царапина на лице Йусуфа, порезанные руки женщин) видел Кытфир и только он мог

своей властью заточить Йусуфа в темницу, и никто иной. С этой его мыслью вполне можно согласиться, ведь позднее мы увидим, что Кытфир внезапно погибнет, сразу же после освобождения Йусуфа, а Райан, не откладывая дела в долгий ящик, выдаст его вдову замуж за него. Не явилась ли эта странная и скорая смерть Кытфира своего рода наказанием Райана за то, что тот когда-то заключил в темницу Йусуфа, ставшего для него вдруг таким близким и необходимым?

Как отнеслась Раиль ко всем этим событиям? Она во всем поддерживает Йусуфа. Вышедший из тюрьмы пророк намерен оправдаться перед Кытфиром. Ему не дает покоя мысль, что он мог принести неприятности человеку, по сути спасшего и давшего ему приют в трудный момент жизни. Но жена азиза сообщает, что это она соблазняла Йусуфа и что она довела юношу до того, что он уже собрался было «распустить шнурок на своих шароварах». Все попытки Йусуфа взять вину на себя женщина пресекает резким возражением, а юноша, пытаясь как-то завершить затянувшийся спор, произносит известную по Корану фразу: «Я не оправдываю свою душу, – ведь душа побуждает ко злу, если только не помилует Господь мой. Поистине, Господь мой прощающ, милосерд!» (Коран. – 12:53), чем вызывает удовлетворение всех собравшихся.

В ответ на предложение Райана выйти замуж за Йусуфа: «А не та ли это новость, которую ты хотела услышать?», – Раиль пытается сделать вид, что она не особенно нуждается в этом и что она и раньше была счастлива со своим мужем. Во всяком случае, эта история заканчивается вполне благополучно. Мы не знаем, как сложатся взаимоотношения этих двух персонажей дальше. Ат-Табари выводит свою героиню за границы повествования. Известно лишь то, что у них рождаются двое детей, названные Афрасимом и Майшей – и более ничего.

Как мы видим из вышеприведенных примеров, табарииевский Йусуф нередко

сам является причиной своих бед. Из-за своей несдержанности он навлекает на себя гнев Аллаха. Впрочем, все это только способствует «воспитанию» будущего пророка, учит его жизни и необходимому на этом поприще терпению.

А как ведет себя Йусуф в поэме Кул Гали? Является он праведником, достойным подражания? Во время первой встречи Йусуфа и Зулейхи происходит чудо — в кумирне после проникновенной молитвы юноши внезапно разбивается и разлетается на десять кусков языческий идол. Мало того, он начинает вещать человеческим голосом: «Йусуф — вот он истинный пророк!»²³. Знакомая ситуация, упомянутая у ат-Табари. Правда, в «Комментарии» персидского автора — Йусуф в подобном случае сам разбивает языческие статуи Лабана. Однако идея та же самая. В первом случае Кул Гали хочет подобными несколько легендарными рассказами подчеркнуть особую праведность своего главного героя, в присутствии которого происходят чудеса. Табарийский Йусуф, будучи младенцем, сам разбивает идолы, что говорит о его большей активности и решительности.

Оказавшийся в сетях Зулейхи юноша, согласно идеи тюркского автора, снова проявляет свое благочестие, всячески спасаясь от охваченной страстью женщины. Однако и здесь мы видим, что Йусуфу нелегко сдержаться. Его метания, подобные метаниям зверя,

попавшего в клетку, выглядят достаточно нарочито. Видно, что юноша бежит прежде всего от себя, от своих инстинктов, желаний. Йусуфу остается лишь восклицать, взывая к небу:

*О господи, если будет иначе,
Если проклятый сатана одержит верх,
Если от тебя не будет помощи, спасения,
То сын Йакуба окажется в позоре!*²⁴

Как табарийскому Йусуфу, так и герою Кул Гали не обойтись без божеской поддержки. Но разница заключается в том, что Йусуф в «Комментарии» течет по волне волн и, в принципе, сам не прочь поддаться соблазну. Аналогично думает и «турецкий» Йусуф. Но эти же самые мысли наносят ему невосполнимую моральную травму. Юноша вынужден выбирать между зовом плоти и страхом перед Аллахом.

Как выясняется из всех этих примеров, оба героя оказались не в силах сдержаться перед чарами соблазнительницы — Зулейхи/Раиль. Если более активный «арабский» Йусуф пошел на прямое прелюбодеяние, то его тюркский собрат, не сумев сдержаться, избежал данного греха только благодаря Аллаху. В этом эпизоде они оба проиграли в борьбе между духовным и телесным, чем показали свое сильное земное, мужское начало. И в этом наиболее наглядно проявился процесс трансформации известного коранического сюжета на тюрко-татарской литературной почве.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Хисамов Н.Ш. Поэма Кысаи-и Йусуф Кул 'Али. — М., 1979. — С. 143.

² Массэ А. Ислам. Очерк истории. — М., 1982. — С. 66.

³ Хисамов Н.Ш. Там же. — С. 52.

⁴ Цитата по: Хисамов Н. Бөек язмышлы әсәр. — Казан, 1984. — Б. 70 .

⁵ Фәхретдин Р. Дини вә иҗтимагый мәсъәләләр. — Оренбург, 1914. — Б. 20.

⁶ «Шура», 1911. — № 7. — С. 215-216.

⁷ «Шура», 1914. — № 6. — С. 185.

⁸ Tabari: Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at Tabari cum aliis edited M.J. de Goeje. — Series I—III. — Lugduni Batavorum, 1879—1901. Далее: Табари. Комментарий, XII. — С. 104.

⁹ Ат-Табари. Тарих ал-умам ва-л-мулук. — Бейрут, 1988 (в 5 т.). Далее: Табари. История, I. — С. 203.

¹⁰ Как отмечает Н.Ш. Хисамов, трактовка Зулейхи как положительного героя впервые появляется в аналогичном произведении Фирдоуси. См.: Хисамов Н.Ш. «Кыссаи Йосыф» поэмасының идея проблематикасы һәм сәнгатьчә әшләнеше // Казан утлары. —1983. — № 9. — Б. 55.

¹¹ Хисамов Н.Ш. Сюжет Йусуфа и Зулейхи в средневековой тюрко-татарской поэзии XIII–XV вв. (Проблема версий: дис. в форме науч. докл. ... докт. филол. наук. – М., 1996. – С. 53.

¹² Пригарина Н.И. Образное содержание байта в поэзии на персидском языке // Восточная поэтика. Специфика художественного образа. – М., 1983. – С.92. Ср. также с Кул Гали (*Кол Гали. Сказание о Йусуфе...* С.356):

«Твои пальцы похожи на молодые ивовые ветки,
Ногти твои подобные жемчугам,
Белее кафура (камфоры) кисти рук твоих,
Мягче шелка твои ладони».

¹³ Табари. История, I. – С. 204.

¹⁴ Кол Гали. Сказание о Йусуфе. – Казань, 1983. – С. 357.

¹⁵ В подтверждение этой мысли, см. упоминание автором «Кыssa-и Йусуф» имени Табари, в строфах, ошибочно отнесенных текстологами к послеавторской интерполяции. См.: Кол Гали. Сказание о Йусуфе. – Казань, 1983. – С. 424. Кроме того, в поэме автор сам отмечает, что он обращался к трудам «толкователей Корана». См. Кол Гали. Указ. произв. – С. 168, 360.

¹⁶ Табари. Комментарий, XII. – С. 108.

¹⁷ Табари. Там же. – С. 106.

¹⁸ Уотт У.М. Влияние ислама на средневековую Европу. – М., 1976. – С. 102.

¹⁹ Хисамов Н.Ш. Поэма Кыса-и Йусуф Кул ‘Али. – М., 1979. – С. 161.

²⁰ Табари. Комментарий, XII. – С. 115.

²¹ Эта характерная особенность многих мусульманских комментаторов – Иисус, как один из признанных Кораном пророков не является «отверженным» персонажем и частенько фигурирует в том или ином виде в различных произведениях. Этую особенность, кстати, отмечали и некоторые христианские теологи. Напр., нем. пастор Рудольф Фрилинг, сказавший: «Нас не может не удивлять та благожелательность, с которой представлен в Коране Иисус». См.: Фрилинг Р. Христианство и ислам: Духовные борения человечества на пути к самопознанию. – М., 1997; См. также: Сагадеев А.В. Людям, которые не знают. – «ЛГ-Досье» (Приложение к «Литературной газете»), 1991. – № 7. – С. 7.

²² Табари. Комментарий, XII. – С. 126.

²³ Кол Гали. Сказание о Йусуфе. – Казань, 1983. – С. 349.

²⁴ Кол Гали. Там же. – С. 354.

Аннотация

В данной статье рассматривается вопрос о влиянии арабских источников, а конкретно, «Tafsira» («Комментария к Корану») и «Tariha» («Истории») известного арабоязычного эзекета Ибн Джарира ат-Табари (Х в.) на средневековый татарский литературный памятник «Кыssa-и Йусуф» Кул Гали (XII в.). Отмечается, что известный сюжет встречи Йусуфа и Зулейхи имел свои образные основы еще в древних комментариях к Корану. В связи с этим в статье анализируется общность сюжетной линии, а также говорится о самостоятельном творческом вкладе Кул Гали в развитие этого широко распространенного на мусульманском Востоке переходного сюжета.

Ключевые слова: средневековая татарская литература, комментарии к Корану, переходные сюжеты, Кыssa-и Йусуф, Кул Гали, Ибн Джарир ат-Табари, Ризаэддин бин Фахрутдин.

Summary

This article examines the influence of Arab sources, and, specifically, «Taafsir» («Commentary on the Koran») and «Tariikh» («Stori»), the famous Arabic-speaking exegete Ibn Jarir al-Tabari (X cent.) on the medieval Tatar literature monument «Kissa and Yusuf» Kul Gali (XII cent.). It is noted that the well-known story of meeting Yusuf and Zuleikha had its sources in the ancient commentaries on the Koran. In connection with this, the article examines the common story line, and also refers to Kul Gali's independent creative contribution to the development of this transition plot widespread in the Muslim East.

УДК 81'373

ЛЕКСИКА ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В ДИАЛЕКТАХ И ГОВОРАХ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА (этнолингвистический аспект)

Ф.С. Баязитова, доктор филологических наук

В настоящее время наблюдается повышенный интерес к языку народной духовной культуры. Материалы живых диалектов и народной культурной традиции являются ценным источником создания систематического корпуса сведений о духовной культуре в наше время.

Слово «традиция» прочно вошло в литературный, научный, бытовой лексикон. Заимствованное из латинского языка, оно сохраняет свое исконное значение: под ним подразумеваются культурное наследие, а также процесс трансмиссии культуры – передачи культурных традиций от поколения к поколению. Как известно, национальные традиции и обычаи являются одним из существенных этнических признаков, определяющих национальный колорит духовной культуры этноса и этническое лицо народа. В то же время они выступают в качестве действенного средства воспитания подрастающего поколения. На протяжении веков народ рассматривал как незыблемый закон своей жизни верность детей обычаям и традициям народов.

В изучении далекого прошлого тюркских народов, в том числе и татарского народа, особое значение имеет выявление и выделение глубинных пластов и специфических особенностей культур, которые во многом еще остаются вне поля зрения исследователя. Задача эта не из легких, ибо она требует сбора очень большого полевого материала.

Учитывая то, что «диалект – это явление не чисто языковое, а этноязыко-

вое и этнокультурное» (Толстой, 1995, 20), во время экспедиционных выездов последних десятилетий диалектологам удалось собрать богатый этнолингвистический материал, относящийся к традиционным и религиозным обрядам, мифологии. В экспедициях познаются тончайшие сферы духовной культуры и языка. Многочисленные диалектные тексты о верованиях и обрядах, фольклор, собранный по специальной программе и записанный на диктофон у представителей старшего поколения, дают очень много религиозно-мифологической информации для анализа образа жизни народа, являются достоверным источником для изучения лексики материальной и духовной культуры.

Изучение традиций, обрядов и обычаяв как составляющую часть духовной культуры есть междисциплинарная задача. В современной науке понятия «традиция», «обряды» и «обычаи» оказываются в кругу интересов как языковедов – диалектологов, фольклористов, так и этнографов. Методика сбора такого материала приобретает поэтому особую значимость и самостоятельную ценность. В рамках языкоznания сформировалась отдельная дисциплина – этнолингвистика, выработавшая комплексную методологию и соответствующую проблематику. Этнолингвистика включает в себя диалектологию, фольклор и часть истории языка, связанную с исторической диалектологией, культурной и этнической историей народа (Толстой, 1995:32).

Таким образом, речь пойдет о диалектологии языка и культуры, в частности, об обрядовой терминологии, которые зафиксированы нами в татарских диалектах. Они должны дать представление об общей структуре обряда, их последовательности и служить задачам реконструкции народной духовной культуры, а также решению многих собственно лингвистических задач. Занимаясь культурно-языковой диалектологией, исследователи видят в ней «живую старину».

Культурно-языковые термины обрядов, праздников, обрядовых предметов, действующих лиц, ритуальных действий, духов природы обычно входят в ряд синонимов, образующих определенную систему не только лингвистического, но и экстралингвистически-культурного (мифологического, ритуального) порядка. В ходе работы не остается без внимания и обрядовый фольклор, непрерывно связанный с самими обрядами. Поэтому исследование многоаспектное, оно включает лингвистические, этнографические и фольклорные черты. Обрядовые термины снабжаются необходимой документацией и точными географическими сведениями о приводимых фактах.

Лексический и этнографический (этнолингвистический) материал по традиционным обычаям и обрядам собран нами во время диалектологических экспедиций в районах Татарстана и за его пределами, где проживают татары. В наши дни информантами диалектной речи являются в основном люди старшего поколения. Записи живой речи в полевых условиях представляют для исследователей народной речи ценнейший материал.

Традиционная обрядность относится к наиболее консервативной сфере культуры народов. Лексика традиционной, т.е. народной, культуры представляет собой универсальный материал для научно-исследовательской работы по проблемам татарского народа, для реконструкции древнейших обрядов и верований. Под реконструкцией в

языкознании понимается установление, воссоздание ушедших в историю языковых и межъязыковых состояний филологическим путем – путем привлечения материалов диалектологии, лингвистической географии, путем учета истории народов, изучения древних надписей. В нашем исследовании реконструкция необходима для восстановления народных обрядов и обычаяев ушедших поколений, сохранившихся в языке представителей старшего поколения до настоящего времени.

Этнолингвистический подход к изучению духовной культуры на фоне диалектного языка значительно расширяет возможности реконструкции архаических корней и интерпретации накопленных материалов. Учитывая, что элементы сложной и целостной системы языка развиваются в тесной связи с материальной и духовной культурой народа, диалектологами делается упор на изучение и выявление терминов традиционной культуры, сохранившихся в диалектах.

Предметом для изучения избрали отдельные тематические группы: лексика семейных, календарных обрядов, верований, заговоров, заклинаний, мифологии. Таким образом, языковые особенности изучались в тесной связи с духовной культурой их носителей. Делали упор на изучение не отдельных слов, а на изучение целых звеньев языковых систем, словосочетаний. Для реконструкции мифологических представлений в настоящее время все шире привлекаются различные элементы культуры: язык, бытовая культура, обрядность и другие.

Семейные обряды: свадебные, родильные, похоронно-поминальные тесно переплетаются с мифологическими представлениями. В них отражается синкретизм мифологии и религии.

Календарные обычаи и обряды – важнейший элемент традиционно-бытовой культуры народа. К наиболее древним относятся обряды, связанные с изменением природного цикла, переходом от одного времени года к друго-

му, т.е. с циклом вращения Земли вокруг Солнца. Календарная обрядность, возникнув в глубокой древности еще во времена язычества, отражала мировоззрение народа, она изменялась в соответствии с развитием общества.

При сборе этнолингвистических и этнографических материалов собирателю кроме наблюдательности и тщательности нужна еще большая объективность. Подход к материалу с предвзятым мнением не может дать хорошие результаты. Записывать материалы нужно таковыми, какими они были в народе, не приукрашивая, не идеализируя и не подвергая осуждению.

Лексический и этнографический материал по традиционным семейным и календарным обрядам, по мифологии собран нами во время экспедиций в районах Татарстана и за ее пределами: в Башкирии, Мордовии, Удмуртии, Чувашии, Мари Эл, в районах Астраханской, Пензенской, Рязанской, Саратовской, Тамбовской, Ульяновской, Челябинской, Свердловской, Тюменской, Омской, Кемеровской, Томской областей. Для того, чтобы четко выделить типологические моменты обряда в различных областях, их своеобразие, местные особенности того или иного эпизода обряда, придающие ему подлинный этнографизм, цельные рассказы информантов разбиваются нами на фрагменты, которые группируются соответственно эпизодам обряда, придавая им большую полноту. При отборе иллюстративного материала (это образцы диалектологических текстов, фиксированные при помощи магнитофона) основное внимание уделяется на их ценность как с точки зрения языка, так и содержания, т.е. этнографические сообщения, фольклорные и другие материалы, которые могут квалифицироваться как «древние». Таким образом, в научный оборот вводится обильный новый материал, «памятники» народной культуры, целиком построенные на диалектных текстах, имеющих языковую и этнографическую ценность.

В цитатном материале содержатся явления из жизни народа, здесь собраны наша внутренняя история, неподкупная правда нашей жизни, народный быт, нравы, обычаи, поверья, разговорные диалоги и множество других этнографических сведений. Поэтому иллюстративный материал, записанный у информаторов старшего поколения, является надежной и незаменимой базой, основой для выявления обрядовой терминологии и фиксации бесценных богатств народно-разговорный речи, которые помогут в будущем в обогащении литературного языка народными словами. Иллюстративный материал служит также толкованием соответствующих терминов.

Долгое время вне сферы внимания фольклористов оставались своеобразные «малые» фольклорные формы: благопожелания, формулы угроз, магические приговоры и диалоги; краткие тексты, сопровождающие гадания; акты магической, знахарской практики и др. В них сохраняются образные элементы архаических уровней культуры.

Традиции выполняют сложную функцию связи настоящего с прошлым. Традиция – это то, что существует и передано нам из прошлого. Традицию нужно рассматривать в диалектике. В настоящее время идет процесс возрождения наций, их языков и традиционных обрядов. Чтобы не было в этом деле шаблона, прежде всего нужно крепко опираться на фольклорный, обрядовый и языковой потенциал, который существует в самом народе.

Главная задача наших работ – представить материал для реконструкции древней системы татарской народной культуры. Здесь большое значение приобретает ареальная характеристика толкуемых фактов, ибо надежная реконструкция может быть произведена только с учетом всех разновидностей каждого элемента или фрагмента культуры.

Каждый регион, каждая диалектная зона вносят свои неповторимые узоры в общую духовную культуру татарско-

го народа. Региональные языковые, культурные особенности являются достоянием не только татарского, но и духовным наследием многих тюркских народов, так как большинство особенностей восходит к периоду их историко-культурной общности.

Изучение региональных диалектных языковых и культурных особенностей, обрядовой терминологии в конечном счете будет способствовать общему нравственному развитию всего татарского народа, внесет свой вклад в мировую сокровищницу культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баязитова Ф.С.* Гомернәң өч түе. Татар халкының гайлә йолалары (Семейные обряды татарского народа). – Казан, 1992. – 298 с.
2. *Баязитова Ф.С.* Татар халкының бәйрәм һәм көнкүреш йолалары (Праздничные и бытовые обряды татарского народа). – Казан, 1955. – 197 с.
3. *Баязитова Ф.С.* Говоры татар-крышены в сравнительном освещении. – М., 1986. – 248 с.
4. *Баязитова Ф.С.* Керәшеннәр. Тел үзенчәлекләре һәм йола иҗаты (Крещеные татары. Языковые особенности и обряды). – Казан, 1997. – 248 с.
5. *Баязитова Ф.С.* Себер татарлары. Рухи мирас: гайлә-көнкүреш һәм йола терминологиясе, фольклор (Сибирские татары. Духовное наследие: семейно-бытовая, обрядовая терминология и фольклор). – Казан, 2001. – 309 с.
6. *Баязитова Ф.С.* Әлмәт тәбәгә татарлары. Рухи мирас: гайлә-көнкүреш һәм йола терминологиясе, фольклор (Татары Альметьевского региона. Духовное наследие: семейно-бытовая, обрядовая терминология и фольклор). – Казан, 2001. – 277 с.
7. *Баязитова Ф.С.* Эстерхан татарлары, рухи мирас: гайлә-көнкүреш, йола терминологиясе һәм фольклор (Астраханские татары. Духовное наследие: семейно-бытовая терминология и фольклор). – Казан, 2002. – 298 с.
8. Баязитова Ф.С. Урта Урал (Свердловск өлкәсé) татарлары. Рухи мирас: гайлә-көнкүреш, йола терминологиясе һәм фольклор (Татары Среднего Урала (Свердловской области). Духовное наследие: семейно-бытовая, обрядовая терминология и фольклор). – Казань, 2002. – 428 с.
9. Баязитова Ф.С. Татар-мишәр рухи мирасы. Гайлә-көнкүреш, йола терминологиясе һәм фольклор (Духовное наследие татар-мишарей: семейно-бытовая, обрядовая терминология и фольклор). – Саранск, 2003. – 285 с.
10. *Толстая С.М.* Терминология обрядов и верований как источник реконструкции // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы. – М.: Наука, 1989.
11. *Толстой Н.И.* О предмете этнолингвистики и ее роли в изучении языка и этноса // Ареальные исследования в языкоznании и этнографии. Язык и этнос. – Л., 1983.
12. *Толстой Н.И.* Язык и народная культура (очерки по славянской мифологии и этнолингвистике). – М., 1995.

Аннотация

В научный оборот вводится обильный новый материал, «памятники» народной культуры. Речь идет о диалектологии языка и культуры, в частности, об обрядовой терминологии. Обрядовая терминология одновременно принадлежит языку и культуре и поэтому заслуживает системного изучения с позиции комплексного этнолингвистического подхода.

Ключевые слова: традиция, лексика, материальная культура, духовная культура, диалект, этнолингвистика, лингвистическая география, семейные обряды, этнокультура.

Summary

The abundant new stuff, «monuments» of the folk-culture are introduced into the scientific use. The speech is about the dialectology of the language and culture, specifically, about the ritual terminology. The ritual terminology belongs to the language and culture at the same time and therefore it is worth of the systematic study from the position complex ethnolinguistic approach.

УДК 81'42; 801.7

ИСТОРИЯ ТАТАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА: ПИСЬМЕННО-ТРАДИЦИОННАЯ НОРМА И ВАРИАТИВНОСТЬ

И.Б. Баширова, доктор филологических наук

Тема «История татарского литературного языка» является одной из приоритетных в Программе развития науки в Республике Татарстан (Закон ..., 2005:25) и по плану изучается в отделе общей лингвистики Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова (2007-2015 гг.).

Актуальность исследования определяется несколькими основаниями, суть которых состоит в следующем.

1. С точки зрения тюрко-татарского языкоznания актуальность заключается в недостаточной разработанности теории литературных языков, в отсутствии «... целостного систематического анализа истории какого-либо тюркского литературного языка» (Тенишев, 1988: 77).

2. Объектом исследования выступает литературный язык, функционирующий во всех своих жанро-стилях (жанры прозы, поэзии и драмы образно-художественного стиля; научные и научно-популярные жанры научнопознавательного стиля; различные виды политico-публицистического, религиозно-дидактического, официально-делового и эпистолярного стилей и т.п.), который нуждается и в общем анализе, и в плане исправления ошибок, допущенных в свое время в отечественной социолингвистике.

3. Не снимается с повестки дня и по настоящее время необходимость изучения и показа непрерывной эволюции развития татарского литературного языка, разработки методов описания и систематизации всех уровней языка

(графика, орфография, грамматика и лексика) во всех письменных памятниках XIII–XIX вв., таким образом, « ...создание обобщающих трудов, направленных на восстановление основных структурных особенностей и словарного состава литературной традиции в целом ... Для выполнения этой задачи необходимо продолжить планомерное и кропотливое изучение языковых особенностей всех письменных источников, вовлекаемых в круг старотатарского литературного языка ...» (Хисамова, 1995:3). В то же время « ...необходимо выявить характерные черты в графике, в орфографии, в грамматике ...установить допустимые вариантные реализации» (Нуриева, 2004:24).

Формирование татарского национального литературного языка на основе общенародной разговорной речи, как известно, было исторической необходимостью, объективно-положительным явлением. За последние сто лет об этом процессе написано достаточно много научных трудов, монографий, статей и т.п. Данное явление оценено как «высшее достижение общественно-культурной жизни народа» (Госманов, 1990).

Однако, на фоне современного состояния тюркских языков и их разобщенности, стало ясно, что критика «панисламистов» и «пантюркистов» была актуальна и неизбежна лишь в начальный период борьбы за отдельные национальные языки, «...но довольно близорука, если смотреть на историческое развитие языка и стиля в широком

культурно-историческом масштабе» (Фасеев, 1982), так как многолетняя (вековая) критика и игнорирование общетюркских корней «...стали предпосылкой для отторжения от общего наследия и разъединения друг от друга родственных языков» (Эхмётҗанов, 1990), поэтому «...на современном этапе возникла необходимость по-новому объективно, научно осветить историю татарского народа и историю его языка» (Курбатов, 1987; Закиев, 1989; Хаков, 1992; Абдуллин, 1992; Баширова, 1999; Нуриева, 2004) и др.

Как известно, уже в XI–XII вв. «турки тил» становится классическим литературным языком с развитыми жанрами художественно-поэтического, повествовательно-исторического, канцелярско-делового, религиозно-житийного, эпистолярного и др. стилей. В этот период созданы выдающиеся памятники литературного языка («Кудатку Билик или Котлы Белек – Счастливое знание», 1069), начинается научное изучение тюркских наречий (М.Кашгари, «Дивану лугат-ит-турк – Диван тюркских наречий», 1073) (Фасеев, 1966: 812).

Благодаря трудам татарских ученых Д. Валиди, Ш. Рамазанова, Л. Заляя, Х.Р. Курбатова, В.Х. Хакова, М.З. Закиева, Ф.С. Фасеева, И.А. Абдуллина, М.А. Усманова, Ф.М. Хисамовой, Ф.С. Хакимзянова, Ф.А. Ганиева, Р.А. Ахметьянова, Л.Т. Махмутовой, Д.Г. Тумашевой, М. Мухамадиева, М.И. Ахметзянова и мн. др. открывается более или менее целостная картина формирования и развития татарского литературного языка.

В последние годы сделан новый шаг в изучении письменного наследия татарского народа.

Многие авторы изучали язык художественных произведений предыдущих эпох: Наджип (1975), Я.С. Ахметгалеева (1979), Х.Р. Курбатов (1983, 1984), А.М. Юсупова (1985), Госманов (1986), Р.З. Мухаметрахимова (1990), Г.Б. Шамарова (1991), А.Г. Исламова (1998), Х.Х. Кузьмина (1998), Ф.Ш. Нуриева (1999, 2004), Э.Х. Кадирова (2001, 2003),

Ф.Ф. Гилемшин (2001), А.Р. Исхакова (2005), А.Ф. Юсупов (2006) и др.

Во всех перечисленных выше научных исследованиях раскрыто индивидуально-своеобразное употребление языка каждого автора того или иного произведения по различным уровням языка. Так, в монографии Х.Х. Кузьминой осуществлен комплексный анализ лексического состава поэмы «Кысса-и Йусуф» Кул Гали, написанной в XIII веке в Поволжье; в монографии Я.С. Ахметгалеевой исследуются графо-фонетические, морфологические и лексические явления языка средневекового тюркоязычного памятника – дастана «Кисекбаш китабы»; в монографии Ф.Ш. Нуриевой ставятся вопросы, связанные с реконструкцией структурных особенностей языка памятника XIV века «Нахдж ал-Фарадис»; в работе Э.Х. Кадировой анализируется лексика поэм Мухаммедъяра «Тухва-и мардан» и «Нур-и содур» в сравнительно-историческом аспекте; в монографии А.Р. Исхаковой производится комплексное исследование графической, фонетической и морфологической структуры памятника XIV века «Кысас ал-анбия» Н. Рабгузи; в монографии А.Ф. Юсупова изучается морфологический строй языка поэтических произведений Ш. Заки XIX века и т.п.

Как видим, в трудах отдельных авторов исследованы только определенные части графо-фонетики, морфологии и лексики, т.е. не осуществлен единым методом полный анализ всех уровней языка (графика, орфография, грамматика и лексика) конкретного литературного произведения.

Таким же приемом были исследованы языковые особенности татарских исторических источников XVII–XVIII–XIX вв. (Усманов, 1972; Хисамиева, 1980; Хаков, 1987; Галяутдинов, 1990; Юзмухаметов, 2001 и др.), Жалованые акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. (Усманов, 1979; Хаков, 2003), старотатарской деловой письменности XVI – начала XIX вв. (Маннапова, 1982; Фасеев, 1982; Хисамова, 1990, 1995, 1999),

эпиграфических памятников (Ахметзянов, 1983; Хакимзянов, 1987), татарских шеджере (Ахметзянов, 1991), татарских путевых записок-саяхатнамэ (Алеева, 1991, 1993), религиозно-философских трудов Р. Фахруддина (Камалетдинова, 2000), М. Бигиева (Абдулхаков, 2007), языковые особенности различных словарей (Махмутова, 1982; Нуриева, 1982; Абдуллин, 1987; Хаков, 1990; Гайнутдинова, 2002; Батыршина, 2007), лингвистических трудов (Асылгараев, 2004; Хакимов, 2004; Мустакимова, 2005; Латыпов, 2007), периодической печати (Низамов, 1981; Гарифуллин, 1998; Гимадиева, 2000; Мухаметшин, 2007) и мн. др.

Таким образом, за последние годы сделан новый шаг в изучении многовекового письменного наследия татарского народа.

Но, несмотря на то, что данные научные труды хотя и являются достаточно тщательными исследованиями в плане раскрытия индивидуальности автора или своеобразия определенного текста как образца литературного языка соответствующей эпохи, они не изучены в плане выявления литературной нормы и ее вариативности единым методом и не рассмотрены в плане определенного этапа в непрерывной эволюции татарского письменного языка.

Так как любой литературный язык, в том числе и тюрко-татарский, характеризуется своими дифференциальными признаками (*традиционность, наддиалектность, обработанность, наличие нормы, вариативности нормы и функционально-стилистической вариативности*) (Тенишев, 1988; Хакимзянов, 1991; Закиев, 1998; Хаков, 2003), следовательно, при изучении любого литературного языка вообще, и тем более в плане представления в непрерывной эволюции развития, необходимо основываться на обозначенные признаки.

Для представления непрерывной эволюции различных уровней литературного языка основой выделения (анализа) могут служить разные признаки, например, на уровне лексики – это над-

диалектность, обработанность, на уровне графики и орфографии – это фиксирование соотношения нормативности и вариативности, т.е. выявление во всех письменных памятниках XIII–XIX вв. литературной нормы, вариативности нормы и функционально-стилистической вариативности.

Историю татарского литературного языка планируется издать в трех томах: первый – «Фонетика, графика, орфография: наличие нормы и вариативности»; второй – «Морфология: наличие нормы и вариативности»; третий – «Лексика: связи-отношения в тюрко-татарских словах и арабо-персидских и других заимствованиях» (125 ав.л., на татарском языке).

На протяжении 2007–2009 гг. был подготовлен первый том «Фонетика, графика, орфография: наличие нормы и вариативности» (25 ав. л.). Авторами отдельных глав монографии являются:

«История письменности в тюрко-татарском языке и ее изученность» – М.З. Закиев;

«История дифференциальных признаков татарского литературного языка (традиционность, наддиалектность, обработанность, наличие нормы, вариативности норм и функционально-стилистической вариативности) и их изученность», «Некоторые итоги по исследованиям формирования и развития норм татарского литературного языка и дальнейшие задачи по разделу «Фонетика», «Графика и орфография в поэтических и прозаических текстах XIX–начала XX вв.» – И.Б. Баширова;

«Рунические тексты, найденные в регионе Урало-Поволжья и их чтение», «Графика и орфография в письменных памятниках XIII–XIV вв.» – Ф.Ш. Нуриева;

«Графика и орфография в письменных памятниках XV–XVIII вв.» – Э.Х. Кадирова;

«Графика и орфография в тексте «Рисалля Газиза» Т. Ялчыгулова» – Р.Н. Давлетшина.

При написании раздела «Фонетика: некоторые итоги по исследованиям

формирования и развития норм татарского литературного языка» было выявлено, что разные авторы пользовались различным приемом при характеристике граffо-фонетических норм: а) одни авторы брали за основу тюрко-татарские звуки и объясняли их отражение арабскими графемами (Ахметгалиева, Хисамова и др.), б) другие авторы, наоборот, брали за основу гласные и согласные графемы арабского языка и показывали их функционирование для начертания тюрко-татарских звуков, в) единичные исследователи совмешали оба приема (Абдуллин, 1991; Хисамова, 1995, 1999).

Каждый автор, к тому же, исследовал граffо-фонетику языка памятников по своему усмотрению. Так, например, Я.С. Ахметгалиева констатирует: «Полный состав гласных, как известно, представлен в первом слоге, поэтому ниже речь пойдет о гласных первого слова языка памятника “Кисекбаш китабы”» (Ахметгалиева, 1979: 59). Другие исследователи в основном рассматривают написание гласных по всем позициям (в начале, середине и конце) слова, например, Ф.Ш.Нуриева пишет: «I (алиф без мадды) в начале слова обозначает звуки [a], [ə], [ы]... I (алиф без мадды) в середине и конце слова обозначает звуки [a] и [ə]» (Нуриева, 1999: 39-40) и т.п.

Итак, исходя из вышеизложенного при написании раздела «Фонетика. Графика и орфография: литературная норма и вариативности норм» «Истории татарского литературного языка» отдел общей лингвистики считает необходимым следующее.

При осуществлении анализа взять за основу гласные и согласные звуки

самого татарского языка и показать реализацию графемами арабского языка, соблюдая определенный план, например: звук [a] – широкий, негубной, нижнего подъема, заднего ряда в абсолютном начале слова обозначается Ī (с алифом с маддой). Тот же звук в середине и конце слова обозначается I (с алифом без мадды). Именно такое написание считается литературной нормой. Вариативностью нормы считается написание звука [a] в начале слова I (с алифом без мадды). Функционально-стилистической вариативностью считается написание звука [a] в середине слова Ī (с алифом с маддой), так как данное написание встречается лишь в текстах официально-деловой письменности (Маннапова, 1982: 6; Хисамова, 1990: 127).

Думаем, что подобный анализ по всем гласным и согласным звукам во всех письменных арабо-графических памятниках позволит представить эволюцию развития графики и орфографии татарского литературного языка.

При определении традиционной нормы и вариативности норм необходимо четко отделять тюрко-татарские слова от арабских и персидских заимствований, так как «...арабские, персидские, чагатайские, османские заимствования сохраняли, как правило, орфографию своих исходных письменных языков» (Фасеев, 1982: 49-50). Феноменальность классического старотатарского языка представляли те принципы письма, которые утвердились именно для тюрко-татарских слов, поэтому при анализе на это следует обратить особое внимание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закон Республики Татарстан о государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. – 25 с.
2. Тенишев Э.Р. Принципы составления исторических грамматик и истории литературных тюркских языков // Сов. тюр-ия. – Баку, 1988. – № 1.
3. Хисамова Ф.М. Функционирование и развитие старотатарской деловой письменности (XVII – начало XX вв.). – Казань: АДД, 1995.
4. Нуриева Ф.Ш. Исторические и лингвистические условия формирования тюрко-татарского литературного языка золотоордынского периода. – Казань: Изд-во КГУ, 2004. – 376 с.

5. Госманов М. Каһәрләнгән сүзләр хакына // Соц. Татарстан. – Казан, 1990. – 27 май.
6. Фасеев Ф.С. Старотатарская деловая письменность XVIII в. – Казань, 1982. – 170 с.
7. Эхмәтҗанов Р. Турайга кайтык // Соц. Татарстан. – Казан. – 1990. – 1 июль.
8. Курбатов Х.Р. Тексты – основа к изучению истории литературного языка // Анализы текстов по истории татарского литературного языка. – Казань, 1987. – С. 3-5.
9. Закиев М.З. Введение: Перспектива развития и история национального литературного языка // Формирование татарского литературного языка. – Казань, 1989. – С.3-11.
10. Абдуллин И.А. Әдәби тел тарихын һәм чыганаклар ойранунец төп концепцияләре // Некоторые итоги и задачи изучения татарского литературного языка. – Казань, 1992. – С. 4.
11. Бәширова И.Б. XIX гасыр ахыры – XX йөз башы татар әдәби теле: исем категорияләре һәм фигыль наклонениеләрендә әдәби норма, норма вариантылыгы һәм функциональ-стилистик варианттылык. – Казан: КДТУ нәш., 1999. – 576 с.
12. Кузьмина Х.Х. Лексика поэмы «Кысса-и- Йусуф» Кул Гали. – Казань: Изд-во «Дас», 2001. – 98 с.
13. Ахметгалеева Я.С. Исследование тюркоязычного памятника «Кисекбаш китабы». – М.: Изд-во «Наука», 1979. – 191 с.
14. Нуриева Ф.Ш. «Нахдж ал-фарадис» Махмуда ал-Булгари. – Казань: Изд-во «Фэн», 1999. – 208 с.
15. Исхакова А.Р. «Кысас ал-анбия» Насреддина Рабгузи. – Казань: Gumanitarya, 2005. – 180 с.
- 15а. Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. – Казань: Изд-во КГУ, 1972. – 223 с.
16. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. – Казань: Изд-во КГУ, 1979. – 318 с.
17. Кадирова Э.Х. Поэмы Мухаммедьяра «Тухва-и мардан» и «Нур-и содур»: лексика. – Казань: Изд-во «Фикер», 2001. – 232 с.
18. Хисамова Ф.М. Функционирование и развитие старотатарской деловой письменности XVI–XVII вв. – Казань: Изд-во КГУ, 1990. – 153 с.
19. Хисамова Ф.М. Татарский язык в восточной дипломатии России (XVI – начало XIX вв.). – Казань: Изд-во «Мастер Лайн», 1999. – 408 с.
20. Абдуллин И.А. Система графем, передающих гласные звуки в тюркских текстах // Старотатарский литературный язык: исследования и тексты. – Казань, 1991. – С. 4-27.
21. Алеева А.Х. Путешествие Исмагил ага в Индию (исследование языка татарских путевых записок XVIII в. «Исмагил ага сәяхәтнамәсе»). – Казань, 1993. – 166 с.
22. Ахметзянов М.И. Татарские шеджере (Исследование татарских шеджере в источниковедческом и лингвистическом аспектах по спискам XIX–XX вв.). – Казань: Тат. кн. изд-во, 2006. – 204 с.
23. Хакимзянов Ф.С. Варианты реализации поволжского литературного языка // Старотатарский литературный язык: исследования и тексты. – Казань, 1991. – С. 28-36.
24. Хаков В.Х. Тел-тарих көзгесе. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2003. – 295 с.
25. Маннапова А.Х. Язык татарской деловой письменности XVII века (Истоки и традиции): АКД. – Казань, 1982. – С. 21.

Аннотация

Статья посвящена истории татарского литературного языка. В ней подчеркивается актуальность исследования,дается описание историографии и основных дифференциальных признаков старотатарского литературного языка.

Ключевые слова: старотатарский литературный язык, письменная традиция, вариативность нормы, функционально-стилистическая вариативность.

Summary

This article is devoted to the history of Tatar literary language. Actuality of the research is emphasized, describing of the historiography and main differential features of the Old Tatar literary language are given.

УДК 81' 373

СИНОНИМИЯ В СИСТЕМЕ ИХТИОНИМОВ (на материале татарского языка)

О.Н. Бятикова, кандидат филологических наук

Синонимия относится к достаточно сложным феноменам, имеющим разное толкование. Большинство ученых под синонимией понимают такой вид семантических отношений, при котором слова выражают одно и то же значение, но имеют при этом разный предмет обозначения, т.е. синонимия по сигнификату. Другие считают, что синонимия должна быть по денотату, т.е. должно быть не только тождество значения, но и тождество предметов. Только в этом случае возможна полная (или частичная) взаимозаменяемость синонимов в тексте [Вендина Т., 2001: 155-156]. Например, эквивалентность ихтионимов определяется и по сигнификату, и по денотату: *carassius volgaris* табан балык, кәрәкә, карась.

В языке достаточно большое количество ихтионимов, называющих одну и ту же рыбу. К примеру, *эт балыгы* этем, *эт балық*, этләй балыгы, эти балық, этләч, этләч, этмәй, этәнәй, мыжый, мыжык, жылтай, жырнай, арыш балыгы ‘вьюн’. Они тождественны между собой, каждый из них относится прямо к обозначаемому.

Однако синонимия в терминологии (а ихтионимы входят в зоологическую терминосистему) является специфическим явлением. С одной стороны, она нежелательна, с другой – неминуема на всех этапах ее развития. Это объясняется тем, что терминология как составная часть языка, его подсистема развивается по законам, свойственным языку в целом [Крыжановская А., 187: 131]. Поэтому синонимичность ихтионимов отразилась и в словарях, в том числе в терминологических. К приме-

ру, *форель, керкә балыгы; жумба, налим; этләч, эт балыгы ‘вьюн’* [Сафиуллина Ф., 1986]; *севрюга, укбаш, укборын; тарань балыгы, Азов чабагы* [Русско-татарский словарь, 1997], *ала балык, чуар балык ‘ряпушка’; кырты балыгы, белуга; табан балык, кәрәкә ‘карась’; ташбаш, комкорсак ‘пескарь’; эт балыгы, елан балык, этләй, этләч ‘вьюн’* [Ханбикова, 1999]; *ялангач балык, тәңкәсез балык, жызымыек ‘голец’; горбуша, бәкрәч; мыеклач балык, барбус* [Азбука природы]; *укборын, чукыр ‘шип’ укбаш, сөврук ‘севрюга’; жылембалык, ак чабак ‘уклейка’* [Биологический русско-татарский толковый словарь].

К сожалению, в лексикографической практике встречаются случаи неточного подбора синонимических соответствий. Например, по данным «Русско-татарского словаря биологических терминов» (1985) ихтионим *рыба-прилипала* в татарском языке имеет следующие соответствия: *ябышкак балык, имгеч балык, имгечбаш*. Однако здесь нарушен принцип соблюдения эквивалентности сопоставляемых лексических единиц двух языков, так как русскому ихтионому *рыба-прилипала* соответствует татарский *ябышкак балык*, названию *рыба-присоска* – название *имгеч балык* (*имгеч ‘присоска’+балык ‘рыба’*). Затруднения вызывает ихтионим *имгечбаш*. Исходя из названия, присасывательный орган рыбы расположен на ее голове. Но присасывательный диск рыбы-присоски находится на нижней стороне передней части туловища, а у рыбы-прилипаль – на верхней части головы и передней части спины [Тероваль Ф., 2002: 202, 204]. Возможно, это неудачная калька

из русского языка. Поэтому они не являются единицами одной синонимической парадигмы.

Синонимические ряды определяют историю развития терминосистем. В них, как правило, представлены разные в хронологическом аспекте термины – некоторые из них выходят из употребления, другие продолжают функционировать в языке. Так, в толковом словаре термину *акула* дан синоним *купек балыгы*, но с пометой «устарелое», так как вышел из употребления. С этой пометой он зафиксирован и в переводных словарях последующих лет.

На современном этапе ихтиотерминология обогащается за счет составных ихтионимов – названий подвидов рыб, что также способствует развитию синонимии. Названия подвидов рыб, образованные от синонимичных названий видов рыб, образуют синонимические парадигмы: *шыртлака, кыртыши* ‘ерш’ → *Дон шыртлакасы, Дон кыртыши* ‘ерш донской’; *керкә, форель* → *елга керкәсе, елга фореле* ‘форель ручьевая’ → *Севан керкәсе, Севан фореле* ‘ишхан’. При образовании составных ихтионимов с синонимичным компонентом лишь в единичных случаях предпочтение отдается доминанте: *табан балык, кәрәкә* ‘карась’ → *алтын табан балык* ‘карась золотой’, *көмеш табан балык* ‘карась серебряный’. Синонимические ряды пополняются и за счет составных названий, в составе которых употребляются компоненты-общеупотребительные слова-синонимы: *очар балык, очучан балык* ‘летучая рыба’; *чәрәткәч балык, сиптергеч балык* ‘рыба-брызгун’.

Особое место в системе ихтионимов-синонимов занимают заимствованные термины, которые часто имеют преимущество перед национальными своей компактностью. Ихтионимы заимствуются из различных языков: русского (*горбуша, синец, осетр*), европейских (*смарда, катран, латимерия, форель*), финно-угорских (*шамбы*). Такие синонимические ряды чаще двучленны, они составляют около 40% от общего числа ихтионимов-синонимов. Например: *даллия, кара балык* ‘даллия’,

‘черная рыба’; *яшел балык, рулена; мыеклач балык, барбус* ‘барбус, усач’; *мәрсин, осетр; яшел балык, рулена; чукканат, латимерия* и др. В тех случаях, если рыба экзотическая или национальный ихтионим составной, многокомпонентный, а заимствованный – компактный, то доминантой в таких синонимических рядах выступают заимствования: *угай, көнчыгышының кызылканаты* ‘угай’; *барракуда, диңгез чуртана* ‘барракуда, морская щука’; *катран, чәнечкеле акула* ‘катран, колючая акула’; *иваси, Ерак көнчыгышының сардинасы* ‘иваси, сардина дальневосточная’; *смарда, диңгез алабугасы* ‘смарда, морской окунь’. Характерной особенностью таких синонимических парадигм является и то, что в них входят татарские ихтионимы, созданные с появлением заимствования специально путем калькирования. В редких случаях в синонимические ряды объединяются лишь заимствованные термины. Например, *чир, щокур; синец, сопа*.

Все вышеперечисленные синонимические парадигмы характеризуются абсолютной синонимией их членов.

Наибольшее количество синонимичных ихтионимов употребляется в говорах. В научной литературе диалектизмы, совпадающие по значению, делятся на синонимы и синонимические параллели. Синонимами являются названия, употребляемые носителями одного и того же говора, названия, характерные для разных говоров, считаются синонимическими параллелями. Синонимичными являются ихтионимы:

Gobio gobio ташбаш ‘пескарь’ этикәч, ком тәрткәч;

Leuciscus leuciscus йомры чабак ‘елец’ бирск. *йомры чабак, ағын ажсау;*

Lota lota жұмба ‘налим’ н.кам.-крш. жомба, жұмба, налим;

Leneisicus cephalus күшбаш ‘головль’ срж. *ажау, мұклиң;*

бояринка менз. *көркә, ыылға көркәсө;*

маймыч ‘малек’ байк. *мелек, мөләк;* н.кам.-крш. *майма, үрләү балык;*

чурагай ‘шуренок’ перм. *шошлой, шошле.*

Синонимические параллели объединяются в многочленные ряды. В неко-

торых случаях количество ихтионимов в их ряду достигает 20 диалектизмов:

Misgurnus fossilis *эт балыгы* ‘вьюн’ злт. *этем*, бирск. *эт балыгы*, перм., кргл. *эт балық*, н.кам.-крш. *этләч*, заказ.-блт. *этлүч*, *мыжый*, перм. *этмәй*, абдл. *этнәй*, заказ.-крш. *мыжык*, злт. *жылтай*, заказ.-атн. *жырнай*, дрож. *арыш балыгы*;

Anguilla anguilla *еланбалык* ‘угорь’ лш., перм. *жылан балық*, трх., менз., кргл., злт. *йылан балық*, срг. *йылан балыгы*, подб.-крш. *жылан балыгы*, менз. *жылан этләйе*;

Rutilus rutilus *чабак* ‘плотва’ мам. *идел чабак*, злт. *кызыл құз/сабақ*, перм., менз., кргл. *кызылқұз/чабак*, тоб. *опту*;

Leuciscus leuciscus *йомры чабак* ‘елец’ заказ.-дубъ. *жәоморо балық*, *йомор чабак*, байк. *йомры бәрде*, перм. *йомор чабак* /*қалын чабак*, менз. *агым күшбашы*, лш. *алдашыч*, пар. *нөгө*, бирск. *агын айчашы*, абдл. *суылғы*, перм. *йелчик*;

Alburnus alburnus *жүлембалык* ‘укледя’ перм. *йука чабак*, злт. *йоқа сабақ*;

Aramis ballerus *синец* лш., злт. *сана*, менз. *көсе балыгы*, абдл. *йәшәкә*, бирск. *йелтер*, кргл. *жәлтер*;

Lucioperca lucioperca *судак балыгы* ‘судак’ лш. *судак*, бирск., трбс. *сыла*;

Acerina cernua *шыртлака/кыртыши* ‘ерш’ лш. *шыртлака*, бирск. *қаты сарт*, *қыртыши*, перм. *қаты қанат*, подб.-крш. *эрғи/ырги*, злт. *лыртый*, атн. *зәңгеле балық*, [Р.Бариев] *ерткыч*;

Esox *чуртан* ‘щука’ заказ. *шамба/жүмба*, ичкин. *шурагай*, злт., абдл., кргл., кмшл. *шәкә*, тюм. *цорагай*, [Кызыклар дөньясында] *елтым*, *сөрәкәшкә*, *сөрпәлдек*, *сарака*, *сарак*, *сөртей*, *сөрней*;

Чурагай ‘шуренок’ [Кызыклар дөньясында] *чүрәй*, *сурагай*, *шүкә*, *елауқай*, *сөрләк*, *әмеке*;

Lota lota *жүмба/ шамбы* ‘налим’ лш., заказ.-дубъ. *жамба*, *шамбы*, перм. *жамбы*, *шамбы*, н.кам.-крш. *жүмба*, *жамба*, абдл. *йаллы шамбы*, перм., кргл. *налим/ нәлим*, [Кызыклар дөньясында] *мунчала балык*;

Thumaius vulgaris *бәрде* ‘хариус’ злт. *хайрус*, тпк. *багыр балыгы*;

Gobio gobio *ташаш* ‘пескарь’ абдл. *этекәч*, ком. *торткәч*, кргл. *бокортый*, трх., чст. *кутәмә*, дрож. *пискар*, *пискәр*;

Pelecus cultratus *қәлчәк* ‘чехонь’ лш. *қылчак/чахун*, злт. *қылыс балық*;

Chonolrostoma nasus *түбәнавыз* ‘подуст’ лш., кргл. *түбән аwyз*, менз., злт. *асты аwyз*, злт. *пүрүж*, *бурыж*, трх., злт. *надус*, перм. *пүрүж*, *прус*;

Leneiscus cephalus *кушбаш* ‘головль’ злт. *ажау/ қүшбаш*, менз., *ажау*, перм., *ажау/чабатабаш*, срг. *муклиц*;

Tinca tinca *кара балык* ‘линь’ перм. *лимбалык*, подб.-крш. *кара татар*, дрож. *шугалак*, *нәзюм балык*;

Carassius volgaris *табан балык* ‘карась’ перм., менз. *кәрәкә*, тюм. *йазбалық*;

Маймыч ‘малек’ н.кам.-крш. *майма*, үрләү *балық*, кмшл. *маймуч*, стрл. *майма балық*, миш. *бакабалык*, менз. *қашық баш*, перм. *чабата баш*, *мулем*, злт. *мал*, *мелек*, *мелтәй*, байк. *меле*, *молок*, *милек*, стрл. ком. *мелеме*, сиб.т. *егре*, *мелек*, *қүгал*.

Как видно, синонимичные названия в системе ихтионимов многочисленны. Они пополняются за счет заимствований, калек и диалектизмов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азбука природы. Русско-татарский, татарско-русский словарь биологических терминов / сост.: А.Б. Халидов, В.И. Гаранин. – Казань: Магариф, 2001. – 79 с.
2. Бариев Р. Балыкчи / Р. Бариев. – Казан: Хәтер, 2001. – 64 с.
3. Биологический русско-татарский толковый словарь / под ред. Ф.Г. Ситдикова, Р.К. Закиева. – Казань: Магариф, 1989. – 655 с.
4. Вендина Т.И. Введение в языкознание / Т.И. Вендина. – М.: Высш. шк., 2001. – 288 с.
5. Головин Б.Н. Лингвистические основы учения о терминах: учеб. пособие для филол. спец. вузов / Б.Н. Головин, Р.Ю. Кобрин. – М.: Высш. шк., 1987. – 104 с.
6. Крыжановская А.В. Сопоставительное изучение терминологии современного русского и украинского языков: Проблемы унификации и интеграции / А.В. Крыжановская. – Киев: Наук думка, 1985. – 204 с.

7. Кызыклар дөнъясында / төз. Р.Фәизов. – Казан: Раннур, 2000. – 337 б.
8. Русско-татарский словарь / под ред. Ф.Ганиева. – М.: Инсан, 1997. – 720 с.
9. Садыкова З.Р. Зоонимическая лексика татарского языка / З.Р. Садыкова. – Казань, 1996. – 129 с.
10. Сафиуллина Ф.С. Русско-татарский разговорник / Ф.С. Сафиуллина, К.Р. Галиуллин. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1986. – 303 с.
11. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: өч томда. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1979. – Т. 2. – 726 с.
12. Татар теленең диалектологик сүзлеге / Л.Т. Мәхмұтова ред. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1969. – 643 б.
13. Тероваль Ф. Морские рыбы в европейских водоемах / Ф.Терваль; пер. с нем. Е. Кузнецовой. – М.: Астрель, 2002. – 287 с.
14. Ханбикова Ш. Синонимнар сүзлеге / Ш. Ханбикова, Ф. Сафиуллина. – Казан: Хәтер, 1999. – 256 б.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

абдл. – абдуллинский говор
 байк. – байкибашевский говор мишарского диалекта
 бирск. – бирский говор
 дрож. – дрожжановский говор мишарского диалекта
 заказ. – заказанская группа говоров
 заказ.-блт. – балтасинский говор среднего диалекта
 заказ.-дубъ. – дубъязский говор среднего диалекта
 заказ.-крш. – говор кряшен среднего диалекта
 заказ.-мам. – мамадышский говор среднего диалекта
 заказ.-атн. – атнинский говор среднего диалекта
 злт. – златоустовский говор
 ичкин. – ичкинский говор
 кмшл. – камышлинский говор
 кргл. – каргалинский говор
 лиш. – лаишевский говор
 мам. – мамадышский говор
 менз. – мензелинский говор
 миш. – мишарский диалект
 н.кам. – говор нижнекамских кряшен
 пар. – параньгинский говор
 перм. – пермский говор
 подб.-крш. – говор подберезинских кряшен
 тпк. – тепекеевский говор
 сиб.т. – диалект сибирских татар
 срг. – сергачский говор
 стрл. – стерлитамакский говор мишарского диалекта
 тоб. – тобольский говор
 трбс. – турбаслинский говор
 трх. – тарханский говор
 тюм. – тюменский говор
 чст. – чистопольский говор мишарского диалекта

Аннотация

В статье рассматриваются синонимичные названия рыб в татарском языке.

Ключевые слова: синоним, синонимическая парадигма, ихтионим, заимствование, диалектизм.

Summary

The synonymous names of the fishes in the Tatar language are considered in the article.

УДК 81'373

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТАТАРСКИХ ЖЕНСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН

М.З. Валиева, кандидат филологических наук

Как и всякая открытая система, антропонимический фонд языка меняется, развивается с течением времени – какие-то его единицы выпадают из употребления, появляются новые, а какие-то имена остаются широкоупотребительными на продолжении нескольких десятилетий, веков. Именно поэтому одной из важнейших, всегда актуальных проблем ономастики является выявление различной мотивированности наречения теми или иными именами. К тому же в татарском языке существуют мотивы наречения, характерные именно для женских имен, в них до сих пор сохраняются древнетюркские элементы, которые вышли из употребления или претерпели серьезные видоизменения в современном татарском языке. Поэтому результаты исследования женских имен могут помочь прояснить многие сложные проблемы в области татарской лексикологии и диалектологии. Для рассмотрения имен в вышеуказанном аспекте в антропонимии существуют разные принципы группировки имен. К примеру, Х. Джурдубаев, занимающийся проблемами карачаево-балкарской антропонимии, выделяет имена описательные, охранные, теофорные¹. О. Молчанова рассматривает две категории имен, связанных с материальной и духовной сторонами человеческой жизни². В. Дарбакова, проводящая исследования в области калмыцкой антропологии, и А. Жукова, специалист по чукотской антропонимии, насчитывают семь лексико-семантических групп имен, аргументируя такое деление тем,

что в антропонимах находит отражение вся жизнедеятельность человека³.

Мы же в определении групп женских имен будем основываться на классификации, часто используемой во многих тюркских языках, предложенной венгерским ученым Л. Рашони и доработанной русским ономастом В. Никоновым, принимая во внимание лексико-семантические особенности, свойственные татарским женским именам. Эта классификация предлагает разделение имен на три группы: дескриптивные, дезиративные, меморативные⁴.

Каждая из трех групп, в свою очередь, подразделяется на многочисленные тематические подгруппы, дифференцированные с учетом лексико-семантических особенностей женских имен. Дескриптивные женские имена – это в основном имена, которые мотивированы физическими особенностями ребенка, временем и местом его рождения, чувствами и ощущениями его родителей, каким-либо природным или исторически-социальным, произошедшим в период его рождения. Наиболее распространенными из вышеуказанных в татарской традиции являются имена, указывающие на физические особенности ребенка. Особенно часто используются имена, образованные с применением прилагательных, обозначающих цвет, и некоторых других: Алтынчәч, Алтынсылу и т.д. Кроме этого встречаются женские имена, указывающие на дату и место рождения ребенка. К примеру, Ш. Хайдаров отмечает, что у малых народностей санталов, ораонов,

проживающих в Индии, встречаются имена, связанные с днями недели и названиями праздников⁵. Похожие примеры можно обнаружить и в татарском языке: Таңбикә, Иделия и т.д.

Большую часть татарского антропонимического фонда составляют дезиративные имена, относящиеся к древности. В их основе лежат имена, мотивированные пожеланиями долгой жизни, здоровья, счастья, ума, красоты и т.д. Из этой группы имен можно выделить антропонимы, мотивация которых заключена в пожелании красоты; эти антропонимы занимают заметную часть в группе антропонимов-пожеланий. Необходимо отметить, что женские имена, несущие в своей семантике значение красивой внешности, стройной фигуры, чистой души, женщины как символа красоты, довольно часты в татарской традиции наречения детей. Часть таких имен образована с помощью собственно тюрко-татарских антрополексем *курекле*, *куркәм*, *багд* (*яктылык*, *нур*); они встречаются в надписях на могильных камнях булгаро-татарского периода и материалах «Ревизских сказок» по Казанской губернии 1834 г.: Күреклебикә, Күреклесылу, Багданур и т.д. Имена, в образовании которых использованы антрополексемы *сылу*, *гүзәл*, актуальны и в современном татарском обществе: Айсылу, Гүзәл, Гүзәлия и т.д. В группе имен-пожеланий красоты также можно обнаружить антропонимический пласт, образованный на основе арабических компонентов *жәмал* (красивая внешность), *вәсим* (очень красивая, милая, прекрасная), *нәфис* (красивая, симпатичная), *жәэмил* (красивая, прекрасная, симпатичная) и т.д.: Гөлжамал, Вәсимәбану, Нәфисә, Жәэмилә и т.д. Персидские компоненты *раушан* – *рушан* (лучезарная, светлая), *фруз* – *фруза* (светлая, лучезарная, жизнерадостная) участвуют в образовании имен, мотивированных пожеланиями девочки лучезарности, красоты: Раушания, Диләфруз и т.д. Имена, образованные на основе названий цветов, драгоценных камней, также мотивированы

пожеланиями ребенку красоты, красивой внешности, утонченности. Среди имен с персидским элементом в составе наиболее распространены антропонимы, образованные при помощи слова *гәл*, которое «часто используется в образовании имен среди тюркских народов и кроме своего прямого смысла придает оттенки нежности, утонченности, чувствительности»: Гөлназ, Гөлдания и т.д. Такие имена, как Рәйхана, Рауза, Роза, Ландыш и т.д., также несут в себе пожелания красоты, утонченности.

Антропонимы, образованные с помощью названий различных ценных металлов и камней, образуют отдельную группу среди имен, подразумевающих красоту ребенка. Такие имена, как Энҗә, Энҗия, Энҗесылу, имеющие в составе элемент *энҗә*, сохранившийся в словаре М. Кашгари в форме «йәнҗү, йәнейү», употреблялись еще в древности⁶.

Отдельно стоит сказать об именах, посвященных небесным телам, которые также несут в себе очень положительную семантику. Как известно, древние тюрки, с одной стороны, поклонялись солнцу и луне, а с другой – желали своим детям стать такими же лучезарными, светлыми и жизнерадостными. В связи с этим употреблялись имена с компонентами *көн-кояш*, *ай*: *Көнбикә* – *Кояшибикә*, *Айбикә*, *Айсылу* и т.д. Кроме этого, встречаются имена с компонентом *йолдыз*, обозначающим небесное светило и являющимся символом лучезарности, света, красоты: *Йолдыз*, *Аййолдыз*. Антропоним *Йолдыз*, распространенный в нынешнее время, встречается уже в памятнике старокипчакского языка XIII в. Антропонимы *Чултан* – утренняя звезда, арабское имя *Зөһрә* – в том же значении и латинское Венера – утренняя звезда также используются татарами.

Меморативные женские имена сравнительно малочисленны. Одна из подгрупп меморативных антропонимов – теофорные антропонимы – преимущественно состоит из имен сестер пророка Мухаммеда: *Әминә*, *Хәдичә*,

Гайшә һ.б. Также в группу меморативных имен входят антропонимы, посвященные выдающимся личностям, историческим персонам. Среди вышеупомянутой подгруппы имен особое место занимает имя царицы Сююмбике, занимающей выдающееся место в татарской национальной истории и народном сознании. Антропонимы Клара, Индира в честь выдающихся женщин своего времени – Клары Цеткин, Индиры Ганди обогащают фонд меморативных антропонимов.

Подводя итог, нужно отметить семантику татарских женских имен – в антропонимах превалируют значения

красоты, утонченности, чистоты, светлости, любви, нежности. Исходя из этого следует вывод о том, что татарская антропонимическая традиция предпочитала женские имена, образованные из компонентов, несущих смысл красоты. В то же время мужские антропонимы образовывались с помощью слов, символизирующих надежность, независимость, выносливость, гордость, силу. Изучение лексико-семантических особенностей антропонимов показывает, во-первых, глубинность семантики, во-вторых, позволяет определить отличные от мужских антропонимов качества и стороны женских имен.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Джуртубаев Х.Ч.* Лексический состав и семантические типы карачаево-балкарских антропонимов: дис... канд. филол. наук / Х.Ч. Джуртубаев. – Нальчик, 2004. – С. 56.

² *Молчанова О.Т.* Мотивированные личные имена у алтайцев / О.Т. Молчанова // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. – М., 1970. – С.189-194.

³ *Дарбакова В.П.* Этнографический аспект изучения антропонимов калмыков / В.П. Дарбакова // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. – М.,1970. – С.236 – 241; *Жукова А.Н.* Этимология некоторых личных имен чукчей / А.Н. Жукова // Этнография имен. – М., 1971. – С. 44-53.

⁴ *Никонов В.А.* Имя и общество / В.А. Никонов. – М., 1974. – С. 178.

⁵ *Хайдаров Ш.* Антропонимия таджиков северо-западной части Ферганской долины: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ш. Хайдаров. – Душанбе, 1991. – С. 27.

⁶ *Саттаров Г.Ф.* Иsemен матур, кемнэр куйган? / Г.Ф. Саттаров – Казан: Тат. кит. нәшр., 1989. – Б. 46.

Аннотация

Одной из важнейших, всегда актуальных проблем ономастики является выявление различной мотивированности наречения теми или иными именами. Мы в определении групп женских имен опирались на классификацию, часто используемую во многих тюркских языках, принимая во внимание лексико-семантические особенности, свойственные татарским женским именам. Эта классификация предлагает разделение имен на три группы: дескриптивные имена, дезиративные имена, меморативные имена. Также следует отметить семантику татарских женских имен – в антропонимах превалируют значения красоты, утонченности, чистоты, светлости, любви, нежности.

Ключевые слова: антропоним, антропонимия, дескриптивные имена, дезиративные имена, меморативные имена, ономаст.

Summary

One of the most important and always actual problems of onomasiology is the showing up the motivation of the adverbs by different names. In the definition of the women's names groups we rested upon the classification that is widely used in most Turkic languages. Also we paid attention to the lexical-semantics features that are peculiar to the Tatar women's names. In this classification all names are divided into 3 groups: descriptive names, desirative names, memorative names. Also we should pay attention to the semantics of Tatar women's in the anthroponomy the main meanings are: beauty, finesse, purity, lightness, love and delicate.

УДК 81'366

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРФИКСАХ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Ф.А. Ганиев, доктор филологических наук

Аффиксы, как известно, по месту положения относительно корня или основы слова делятся на:

1) префиксы или приставки, помещаемые перед корнем, например, в русском языке **у-** (уехать), **вы-** (выехать), **при-** (приходить), **пере-** (переходить) и т.д.;

2) **суффиксы**, присоединяющиеся к корню или основе после них;

3) **инфиксы**, встречающиеся в середине корня и выражающие грамматические значения, например, в английском языке (*stoot* «стоял» и *sta+n+d* «стоять»);

4) **интерфикс**, служащие для связи корней со служебными морфемами или другими корнями, например, в русском языке (*шоссе+й+ный, дом+о+строй*);

5) **конфикс**, представляющие комбинацию из приставки и суффикса, например в русском языке (*за+читать+ся, за+речь+е, под+окон+ник*);

6) **флексии**, окончания и т.д.¹

В языках мира имеются и другие виды аффиксов, например, в арабском языке.

Вышеприведенная классификация аффиксов представляет собой деление их по месту положения в слове.

Существует еще другая классификация аффиксов – по функции, т.е. функциональная классификация.

Так, в тюркских языках один из видов аффиксов – суффиксы. По функциям они делятся на словообразовательные, грамматические, лексико-грамматические, стилистические (эмоциональные).

Словообразующими суффиксами, например, в татарском языке являются

-чи/-че (*таш* «камень» – *ташчи* «каменщик»), -даш/-дәш (*авыл* «село» – *авылдаш* «односельчанин»), -лык/-лек (*матур* «красивый» – *матурлык* «красота»), *таш* «камень» – *ташлык* «каменистое место»).

К грамматическим суффиксам в татарском языке относятся служебные морфемы, выражающие, например, значения падежей (*юл* «дорога» – иминительный падеж, *юл+дан* – исходный падеж, *юл+га* – направительный падеж), показатели категории времени, например, -ды/-де (-ты/-те) – суффикс прошедшего категорического времени (*кил+де* «пришел», *кайт + ты* «вернулся», *уки+ды* «читал») и т.д.

К стилистическим (эмоциональным) можно отнести суффиксы – *кай/-кәй* (*бала+кай*, *сандугач+кай*, *иптәш+кәй*) и -чи/-чек (*китпа+чи*, *өстәл+чек*).

В тюркских языках, в том числе в татарском языке, встречаются некоторые суффиксы, образующие как новые лексические единицы, так и грамматические формы. Например, суффикс *-ыш/-еш/-иш*: в глаголах *эшлә+иш* «помочь работать» выражает значение содействия, *торкылда+иш* «курлыкать – о многих» выражает значение множественности, *урла+иш* «заниматься воровством» – значение постоянства. Все эти значения представляют собой семантику взаимосовместного залога. Вместе с тем этот же суффикс может образовать новые лексические единицы, не относящиеся к категории залога (*коры+иш* «вянуть», *әче+иш* «кинуть», *авы+иш* «наклоняться», *ал+ыш* «схватиться»). Этот суффикс, как видно, выражает как лек-

сическое, так и грамматические значения.

В общем языкоznании они обозначаются терминами: 1) деривационные; 2) реляционные; 3) деривационно-реляционные 4) экспрессивные.

В тюркских языках, в том числе и в татарском, **по месту положения** в слове кроме суффиксов, следующих за корнем и основой, имеются и интерфиксы, представляющие один из видов аффиксов. Как было сказано выше, интерфиксы – это аффиксы, служащие для присоединения служебной морфемы, т.е. суффикса к корню или основе. Нами это явление было замечено уже в 1974 г.²

Как показывает исследование морфологической и словообразовательной структуры тюркских языков, в них на границе корня или основы и суффикса встречается интересное явление, а именно интерфиксация, на которую тюркологи до сих пор не обращали и не обращают внимания.

Интерфиксы, например, в морфологической и словообразовательной структуре русского языка занимают значительное место. Так, интерфикс «л» встречается между корнем и суффиксом: *суди+(л)+ище*, *вмести+(л)+ище* (ср. *убежище*), интерфикс «й» – в словах *кофе+(й)+ный*, *шоссе+(й)+ный* (ср. *сахар+ный*), интерфикс «н» в словах *чити+н+ский* (ср. *лондон+ский*)³.

В морфологической и словообразовательной структуре тюркских языков наблюдаются следующие интерфиксы: «й», «в» («w»), «н», «ш», «с» и т.д.

Так, в татарском языке в формах будущего категорического времени между корнем или основой, оканчивающейся на гласную фонему, появляется интерфикс «й»: *эшлэ+(й)+эчэк* «будет работать», *чэрелдэ+(й)+эчэк* «будет щебетать», *уки+(й)+ачак* «будет читать», *сана+(й)+ачак* «будет считывать», *сöйлэ+(й)+чэк* «будет говорить». В существующей орографии эти формы будущего категорического времени пишутся *эшлэячэк*, *чэрелдячэк*, *укиячак*, *санаячак*, *сöйлячэк*.

Примечание. Иногда говорят и пишут *сöйлиячэк*, что неправильно, ибо суффикс *-ачак/-эчэк* присоединяется к основе глагола (в данном случае основа глагола *сöйлэ*), а не к форме настоящего времени *сöйли*.

В академической грамматике татарского языка приведен суффикс *-ячак/-ячэк* (-ячак/-йячэк) как показатель будущего категорического времени (*уила+ячак* «будет думать» и *эшлэ+ячэк* «будет работать»)⁴. Как выясняется из высказываний, в татарском языке не имеется суффикса *-ячак/-йячэк*. В этом звукокомплексе элемент «й» не относится к составу указанного суффикса, является типичным интерфиксом, присоединяющим суффикс *-ачак/-эчэк* к корню или основе. Отнесение *-ячак/-ячэк* к показателю будущего времени является досадной ошибкой. Встает вопрос: почему в данном случае появляется интерфикс между корнем или основой, и суффиксом *-ачак/-эчэк* интерфикс «й». Это объясняется тем, что между корнем и основой, оканчивающими на гласную фонему, и суффиксом *-ачак/-эчэк*, начинающимся с гласной, образуется зияние (хиатус) – стечие двух гласных. Для ликвидации этого зияния язык использует согласный звук, что и представляет собой интерфикс. Вообще для татарского языка нехарактерно использование двух гласных рядом в одном слове. Русский язык тоже стремится избегать стечения двух гласных, например, в разговорном языке слово *поэзия* произносится *по+й+эзия*, слово *океан* произносится *оke+й+ан*.

Для тюркских языков, в том числе и для татарского, весьма интересным является интерфикс «в» («w»). Как известно, в татарском языке имеются словообразующие суффиксы *-ык/-ек* (*ват+ык*, *бастыр+ык*) и *-ыч/-еч* (*юан+ыч*, *сөен+еч*, *үкен+еч*, *таян+ыч*). При присоединении же данных суффиксов к корням и основам, оканчивающимся на открытые гласные, между основами и суффиксами *-ык/-ек* и *-ыч/-еч* возникает дополнительный элемент – согласный «в» («w»).

Татарский язык: яна+(в)+ыч «брюсок для заточки», терә+(в)+еч «подпорка», капша+(в)+ыч «щупальце», черна+(в)+ыч «моталка», үлчә+(в)+еч «весы», ялтыра+(в)+ык «блестящий», янғыра+(в)+ык «водопад», шалтыра+(в)+ык «побрякушка», тупла+(в)+ык «лежбище», лыгырда+(в)+ык «болтун», ләңгердә+(в)+ек «тявуша».

То же самое происходит и в других тюркских языках.

Туркменский язык: ойна+(в)+ач «игрушка», елле+(в)+еч «веер», шагла+(в)+ык «водопад», жүрле+(в)+ек «свисток». Однако туркменские исследователи звукокомплекс -вач/-веч, -ык/-ек рассматривают как единый комплекс, не вычленяя их на интерфиксы и суффиксы⁵.

Каракалпакский язык: шырма+(в)+ык «плющ», шытырда+(в)+ык «побрякушка», джыла+(в)+ык «плакса». Но звукокомплекс -ык в трудах по каракалпакскому языку исследуется как единый суффикс, не вычленяется на интерфиксы и на суффиксы⁶.

Анализ вышеприведенных примеров показывает, что элемент «в» ни в какой мере не входит в состав суффикса -ыч/-еч и -ык/-ек. Он является интерфиксом, присоединяющим суффикс к корню или основе.

Можно привести еще примеры на другой интерфикс в тюркских языках.

Так, интерфикс «ш» («с») в них очень четко выделяется.

Как известно, разделительные числительные в них образуются при помощи суффикса -ар/-эр.

Татарский язык: бер+эр «по одному», оч+эр «по три», дүрт+эр «по четыре», биш+эр «по пять», сизез+эр «по восемь», ун+ар «по десять».

Турецкий язык: bir+er «по одному», dord+er «по четыре», sekiz+er «по восемь», bes+er «по пять».

Карабаево-балкарский язык: бир+ер «по одному».

Ногайский язык: он+ар «по десять», бес+ер «по пять».

В тюркских языках при присоединении к разделительным числительным,

оканчивающимся на гласные, суффикса -ар/-эр, начинающегося с гласной фонемы, между ними появляется интерфикс «ш» («с»).

Татарский язык: алты+(ш)+ар «по шесть», жәде+(ш)+эр «по семь», егерме+(ш)+эр «по двадцать».

Турецкий язык: iki+(ş)+er «по две», altı+(ş)+ar «по шесть», elli+(ş)+er «по пятьдесят», jedi+(ş)+er «по семь»⁷.

Ногайский язык: алты+(с)+ар «по шесть», ике+(с)+ер «по две». Как видно, в ногайском языке вместо интерфикса «ш» появляется интерфикс «с» согласно фонетическим закономерностям данного языка⁸.

Карабаево-балкарский язык: төртю+(ш)+ер «по четыре», ону+(ш)+ар «по десять», беши+(ш)+ер «по пять», алты+(ш)+ар «по шесть».

Как видно из вышеизложенного материала, в тюркских языках появляющийся элемент «ш» («с») в разделительных числительных между корнем и суффиксом -ар/-эр не является элементом звукокомплекса -шар/-шэр. В нем имеется два аффикса: суффикс -ар/-эр и интерфикс «ш» или «с». Интерфикс служит для снятия зияния (хиатуса) между корнем или основой слова и суффиксом.

Как мы знаем, в тюркских языках третье лицо принадлежности в единственном числе выражается суффиксом -ы/-е: *ат* – *аты*, *эт* – *эте*, *китап* – *китабы*, *дәфтәр* – *дәфтәре*. Но когда корень или основа оканчиваются на открытый гласный звук, между ними и суффиксом -ы/-е появляется интерфикс «с»: *ата* – *ата+сы*, *әби* – *әби+с+е*, *һава* – *һава+с+ы*, *алма* – *алма+с+ы*.

Отсюда видно, что в татарском языке не имеется суффикса -сы/-се, выражающего категорию принадлежности. Этот звукокомплекс вычленяется на интерфикс «с» и суффикс -ы/-е.

Другая трактовка неадекватно отражала бы грамматическую природу данного суффикса.

В исследованиях иногда интерфикалы рассматривают как асемантические фонемы, что неправильно. При первом

приближении к выделению интерфиксов в тюркских языках мы тоже были склонны их интерпретировать как асемантические элементы. Вообще следует отметить, что в языках практически не имеется асемантических элементов. В данном случае все интерфиссы выполняют ярко выраженную языковую функцию, поэтому их невозможно считать нефункциональными (асемантическими).

В тюркских языках имеется еще и третий вид аффикса – приставка (префикс), правда, в ограниченном количестве. Он встречается в словах, где корень или основа являются тюркскими, префикс – заимствованием. Если же корень или основа слова заимствованы вместе с суффиксом, представляют одно целое заимствование, то его структура не вычленяется на значимые морфемы с точки зрения тюркских языков, поэтому оно не представляет тюркское словообразование (*антифриз*, *гипербала*). Здесь речь идет о структурно выделяемых частях слова в тюркских языках, где одна из частей является тюркской.

Так, в татарском языке встречаются слова с приставкой *анти* с татарской основой (*антикисәкчә* «антическая», *антижәсемнәр* «антитела», *антийонъ* «антимир»), в узбекском языке то же самое (*антипартиячи* «антипартийный», *антипартиячилик* «антипартийность») и т.д.⁹

В татарском языке имеют место слова с другой приставкой – служебной морфемой *гипер*: *гипер+тавыш* «гиперзвук», *гипер+тавышлы* «суперзвуковой», *гипер+кибет* «гипермаркет», которые вычленяются на структурные значимые части с точки зрения татарского языка.

Еще можно привести примеры с вычленяемой морфемой *ультра*: *ультра+тавыш* «ультразвук», *ультра+кыска* «ультракороткий», *ультра+кызыл* «ультракрасный», *ультра+миләүшә* «ультрафиолетовый», *ультра+кыскадулкыны* «ультракоротковолновый». Здесь элемент *ультра* в современном татарском языке пред-

ставляет морфему, используемую до корня или основы. Такое же положение наблюдается и в узбекском языке: *ультратовуш* «ультразвук».

Как видно, в татарском языке, как и в других тюркских языках, имеются приставки, заимствованные из других языков и представляющие в современном состоянии языка вычленяемые служебные морфемы – аффиксы.

Таким образом, языковой материал и его исследование доказывают, что в тюркских языках по месту положения имеется три вида аффиксов:

- 1) суффикс, присоединяемый к корню или основе после них;
- 2) интерфикс внутри слова, присоединяющий служебную морфему к корню или основе;
- 3) приставка, присоединяющаяся к корню или основе впереди слова.

Отсюда вытекает **первый вывод** о том, что употребление общего родового термина «аффикс» для обозначения суффикса не раскрывает сущности обозначаемой морфемы по месту положения.

Каждая из имеющихся служебных морфем в тюркских языках должна обозначаться своим термином: 1) служебная морфема, идущая впереди корня или основы, – приставкой; 2) служебная морфема, соединяющая корень или основу с суффиксом, – интерфиксом; 3) служебная морфема, идущая после корня или основы, – суффиксом (постфиксом). Использование термина *аффикс* для обозначения суффикса – это все равно, что, например, в ботанике назвать березу родовым термином *дерево* и использовать этот термин везде и всюду вместо видового термина *береза*, или в зоологии – лошадь назвать родовым термином *животное* и использовать это слово везде и всюду вместо видового термина *лошадь*. На наш взгляд, дальше так продолжаться не может.

Из вышеизложенного вытекает **второй вывод** о том, что звукокомплексы *-выч/-век*, *-вык/-век*, *-ячак/-ячәк*, *-шар/-шәр*, *-сы/-се* и т.п., которые в тюркских грамматиках рассматриваются в качест-

ве единого суффикса, на самом деле таковыми не являются. При тщательном их исследовании в звукокомплексах *-выч/-век*, *-вык/-век* элемент «в» («w»), в звукокомплексе *-йачак (-ячак)/-йәчәк (-ячәк)* элемент «й», в звукокомплексе *-шар/-шәр* элемент «ш», в звукокомплексе *-сы/-се* элемент «с» представляют собой интерфикссы, служащие для ликвидации зияния (хиатуса) при присоединении к корню или основе, оканчивающимся на гласные служеб-

ных морфем, начинающихся с гласного звука.

Включение этих звукокомплексов в указанной форме в тюркские грамматики, в том числе татарские, и исследования является досадным недоразумением. Нам представляется, что в тюркологии накоплен достаточный теоретический и фактический материал для понимания сущности этих звукокомплексов, состоящих из двух служебных морфем: из **суффикса и интерфикаса**.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 59.

² Ганиев Ф.А. Суффиксальное словообразование в современном татарском литературном языке. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1974. – С. 95–96.

³ Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. – М., 1973. – С. 105–113.

⁴ Татарская грамматика, II. Морфология. – Казань, 1993. – С. 122.

⁵ Туркменско-русский словарь. Краткий грамматический очерк. – М.: Русский язык, 1988. – С. 446.

⁶ Баскаков Н.А. Каракалпакский язык. – М., 1952. – Т. I. – С. 214.

⁷ Ergin M. Turk. dili. 6 baski. 1992. – С. 240.

⁸ Ногайско-русский словарь. Очерк грамматики ногайского языка. – М., 1963. – С. 518.

⁹ Ўзбек тили морфем лугати. – Ташкент, «Ўқитувчи», 1977. – С. 27.

Аннотация

Некоторые словообразовательные и грамматические суффиксы, имеющие в своем составе интерфикссы во всех тюркских грамматиках и исследованиях, рассматриваются как единый аффикс, не вычленяются на суффиксы и интерфикссы. В данной статье доказывается наличие в тюркских языках одного из аффиксов – интерфикаса. Отсюда вытекает вывод о необходимости их вычленения и уточнения структуры значительной части суффиксов тюркских языков.

Ключевые слова: интерфикс, аффикс, инфикс, префикс, звукокомплекс, турецкий язык.

Summary

Some word-building and grammatical suffixes including interfixes in all Turkic grammars and investigations are regarded as one affix, which is not disintegrated into suffixes and interfixes. In the given article the existence of one of the affixes – interfixes in Turkic languages is proved. It follows that it is necessary to single out and specify the structure of the most part of suffixes of Turkic languages.

УДК 81'366

ДЕРИВАЦИЯ ГЛАГОЛЬНОЙ ОСНОВЫ ТАР-/ТЫР- В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Ф.Ф. Гаффарова, кандидат филологических наук

Изучение земледельческой лексики в диахронии имеет большое значение не только для татарского языкоznания, но и для тюркологии и алтайстики в целом, так как этот пласт лексики имеет много общего на уровне языков не только тюркских народов, но и монгольских и тунгусо-маньчжурских. И эта лексика является одним из древнейших пластов в этих языках. Как отмечает А.Г. Шайхулов, «...односложные корневые основы (или слова) представляются важным составным элементом единого языкового устройства и организации хранения лексикона исходным пунктом развития концептуальной структуры слова. В первичных корнях и основах можно наблюдать процесс зарождения значения нового слова и дальнейшее его семантическое развитие» (2004, 55). Выявление слов, принадлежащих к общему исконному лексическому фонду в рамках общности алтайских языков, необходимо как для определения степени генетического родства между тюркскими, монгольскими, тунгусо-маньчжурскими языками, так и для уточнения взаимоотношений между этими народами. Сравнительно-исторические лексикологические исследования в области алтайстики по существу невозможны без выхода за пределы близкородственных групп, т.е. лишь тунгусо-маньчжурских или только монгольских или тюркских, с их гнездами слов с разветвленной, широко действующей системой живого словообразования. Такие лексические параллели лежат как бы в одной плоскости. Общий исходный словарный фонд в каждой из названных языковых

подсемей имел разные условия и неодинаковые возможности для участия в длительном многовековом процессе формирования словарного состава отдельных языков. Поэтому этимологические выводы и построения получают надлежащую временную перспективу лишь на фоне общеалтайских штудий, когда слова одного корня предстают как бы на разных этапах своей исторической жизни. В то же время следует заметить, что смысловые преобразования в разных лингвемах могут фиксироваться на неодинаковых ступенях, в результате чего анализ соотношения значений слов в разных языках, вполне вероятно, поможет наглядно представить пути развития семантических модификаций. Иными словами, в том спектре семем, которые наблюдаются у тех или иных генетически родственных лексем, можно выделить промежуточные, переходные звенья, позволяющие представить непрерывность семантического процесса.

В данной статье мы рассматриваем древнетюркский глагол *tarī-* ‘сеять, засевать’ (ДТС, 1969, 537), который в некоторых тюркских языках и по сей день не утратил своего значения: кирг. *тары-* ‘пахать, сеять, возделывать землю’; хак. *тары-* ‘сеять’. В.В. Радловым также были зафиксированы древние, первичные значения этого слова: уйг., алт., тел. *тары(v)* ‘пахать’, производные от этой основы: уйг. *тарыклык* ‘пастьба’, *тарыкчы* ‘земледелец’ (III, 846-850), а также *терікчылык* ‘земледелие’ (Малов, 1954, 203), *терилгу* ‘сев, посев’, *терим* ‘сбор урожая’.

Для реконструкции исходной семантики общеалтайского глагола *тар-* интересно было бы обратить внимание на древнетюркское слово *tarma-* ‘царапать, скрести’ (МК, II, 364), а также зафиксированное В.В.Радловым *тарын(v)*, означающее в кирг. ‘царапать, ногами рыть землю’ (III, 849). Очевидно, что эти основы так или иначе соприкасаются в семантическом поле ‘обрабатывание земли’, что может свидетельствовать о значительной древности земледелия у тюрков, «поскольку мотыжная обработка земли – раньше плужной и возникает еще в энеолите, причем понятие ‘мотыжить, взрыхлять, вспахивать землю мотыгой’ выражается исконным тюркским словом, восходящим к более глубокому, чем прайзиковое – протоязыковому состоянию» (СИГТЯ, 1997, 467).

Глагольная основа *тар-/тыр-* большую роль сыграла в образовании именно земледельческих терминов. Особенной деривацией и производными отличается тувинский язык: *тарыыр-/тары-* 1) ‘сеять’; 2) ‘пахать’; 3) ‘сажать’; 4) ‘делать прививку’; 5) ‘осеменять’, где земледельческий термин в результате переосмысления, основанного на ассоциациях, постепенно переместился из смежных в более отдаленные семантические поля. Производные: *тараажы* ‘хлебороб’, *тараазыг* ‘пахнущий хлебом’, *тараалаар-/тараала-* ‘ехать за хлебом’, *тараалаң* ‘хлебородный, хлебный’, *тараалыг* ‘хлебный’, *тараачы* ‘ тот, который едет за хлебом’, *тараачын* ‘земледелец, хлебороб’. Кроме того, эта основа в качестве компонента со значением ‘хлебный злак, хлеб’ выступает организующим центром в номинации других культур: *актараа* ‘пшеница’ (досл. белый хлеб), *чочак тараа* ‘горох’ (досл. хлеб в шариках), *аъттараа* ‘овес’ (досл. лошадиный хлеб), *тараа бажы* ‘колос’ (досл. голова хлеба), *тараа-быдаа* собир. ‘хлеба’ (досл. хлеб-каша). В чувашском можно обнаружить нечто похожее: *тыра* 1) ‘хлеб и хлеба’; 2) ‘посев и посевы’; *тыралла* 1) ‘имеющий запас зерна’; 2) ‘хлебный’; *тыр-пулă/*

тырпул собир. ‘хлеб и хлеба’; *тырăси* ‘жатва, уборочная кампания; страда’, *тырнулă* ‘богатый хлебом, хлебный’.

Самым распространенным названием с этой основой в тюркских языках является *тары* ‘просо’, имеющее одинаковую фонетическую оболочку и единую семантику для большинства языков, хотя древнетюркские памятники дают нам фонетическую форму *тарыг* с общим значением ‘вообще хлеб, зерно’. Значит, в процессе развития языка название по семантике сузилось до обозначения одной культуры.

В древних источниках: у М. Кашгари *tariy* имеет три значения, где первичным и самым древним является 1) ‘зерно, злаки, хлеб’ (МК, I, 194); 2) ‘просо’; 3) ‘земледелие, земледельство’ (МК, I, 373). Анализ терминов показывает, что *тарыг* употреблялось в словообразовании в общих значениях активнее, чем его другие значения, что и привело к утверждению лексемы как средства вторичной номинации, к развитию круга значений, группируемых вокруг общего значения: *tariyсى* ‘хлебопашец, земледелец’ (К.б-г.), *tariylay* ‘вспаханное поле, пашня’ (К.б-г.), *tariylan* ‘приобретать зерно, хлеб’ (МК, I, 501), *tariylîy*, *tariylîq* ‘амбар’ (МК, I, 503), *тара* ‘злак’ (Ат-тухфа...), *тары* ‘просо’ (Ат-тухфа...), *тары/дари* ‘просо’ (СС) и др.

Как видно из примеров, первое значение ‘зерно, злаки, хлеб’ является исконным и основным, а остальные – производными, образованными лексико-семантическим путем от этой основы позднее.

В тюркских языках: тат., башк., ног., каз., кбалк., ккалп., кар. *тары*, кумык., ктат. *тары*, тур. *darə*, аз. *дары*, тркм. *дары / дара*, узб. *тарик*, уйг. *терик*, кирг. *таруу / южн. тарык*, гаг. *тарас*, тув. *тараа*, алт., ойр. *тараан*, хак. *тарыг*, чув. *тыр / тыра* и др. В татарском как диалектный вариант в языке сибирских татар сохранилась древняя форма названия *тарык* в значении ‘просо’ (Тумашева, 1961, 198). Кроме этого В.В.Радлов указывает тар. *терик*, чаг. *тарик*, тел. *таруу* (III, I, 1905, 850-851).

Рассматриваемая лексема в тюркских языках имеет следующее семантическое поле: 1) почти во всех языках, кроме хак. и чув., распространено более современное значение ‘просо’; 2) тат., башк., каз., тув., кирг. ‘пшено’; 3) тур. диал. ‘кукуруза’; 4) самые древние, первичные значения наблюдаются в чув. ‘хлеб, зерно’, тув. ‘злаки’. Кроме этого, Ахметьянов Р.Г. указывает слово *тару* ‘пашня, зерновые’ (Эхмэтьянов, 2001, 192), в тат. оно сохранилось в виде второго компонента в парных словах: *игентару*, *ашлык-тару* в собирательном значении ‘всякие хлеба, урожай’; 5) аз. ‘род однолетних травянистых растений семейства злаковых’; 6) уйг. *тарык*, чаг. *тарык* – употребление в древней фонетической оболочке с основным значением ‘возделанная земля, поле, нива, пашня’ указывает В.В. Радлов (III, 846, 850); 7) хак. ‘посев, сев’; чув. ‘посев и посевы’; 8) тув. *тара* ‘жареное толченое просо, употребляемое как продукт питания’.

Как видно из примеров, образование земледельческой лексики от основы *тарыг* происходило в довольно давние времена, и мотивом во всех случаях служило исключительно самое древнее и первичное значение слова – ‘зерно, злаки, хлеб’, чем и доказывается первичность происхождения этого значения.

В тюркских языках широкое распространение и семантическое расширение имеет также производное от этого глагола слово *тарлау/тарнау*. В татарских диалектах оно означает ‘вспаханное поле’ (в лесу; среди лугов), ‘поле под посев’, ‘подсека’, ‘залежь’, ‘прогалина’, ‘пастище, выгон’, ‘речушка, протекающая в узком овраге’ (ТРС, 1966, 518; ДС, 1948, 179; ДС, 1953, 176; ТТДС, 1969, 399), *тарлау/тырлау* диал. ‘выгон, отгороженный участок’ (Эхмэтьянов, 2001, 192), оно встречается в древних источниках в форме *tarlay* ‘поле, нива’ (К.б-г.). В.В. Радловым зафиксировано несколько фонетических вариантов: саг. *тарлагг*, чаг. *maplag*, тоб., каз., кирг., ком. *тарлау*, осм., аз., ктат. *тарла* со значениями: 1) ‘пашня, обработанное место, вновь распаханное поле’;

2) кирг. ‘место, где растет трава различного цвета’ (Радлов, III, 855-856). Л.З. Будаговым отмечены следующие формы: тур., аз. *тарла*, *тарлау* ‘поле, вспаханное и засеянное’, тат. *тарлау* ‘пашня, вновь вспаханная; место пахотное или пустое, обнесенное забором; выгон’, кирг. *тарлау* ‘земля, на которой местами растет белая трава, местами черная’ (I, 331). В современных языках это слово перешло уже в пассивное употребление, в словарях зафиксированы только чув. *тарлав*, башк. диал. *тарлау* ‘хозяйство со всеми постройками’, башк. диал. ‘выгон’ (ДСБЯ, 2002, 306), аз. *тарла* ‘вспаханное и засеянное поле’ и тур. *tarla* ‘поле, плантация’, ног. *тарлав* ‘поле; пастище’.

Таким образом, тюркские языки демонстрируют развитие семантики древней основы *tar-*, начиная от самых ранних ее значений до самого последнего и самого распространенного в языках этой группы, при этом самого конкретного и узкого ее значения – ‘просо’.

В монгольских языках глагольная основа *tar-* также довольно активно участвует в словообразовании земледельческих терминов: в письм.-монг. *tari-* ‘сеять, засевать, сажать’, *тариа(н)* ‘хлеб, зерно; урожай’; ср.-монг. *tari'an* ‘посев’; *тариалан(г)* 1) ‘земледелие’; 2) ‘пашня, поле, нива’.

Слово *тариа(н)*, имеющее в монгольском общее значение ‘хлеб, зерно; урожай’, используется в образовании названий других культур. Однако с морфологической точки зрения эти названия представляют собой не архаические опрошенные сложные слова, а как бы живые определительные словосочетания и носят описательный характер: *хох тариа(н)* ‘роль’ (досл. черное зерно); *намарай тариа(н)* ‘озимые’ (досл. осенний хлеб), *хавар тариа(н)* ‘яровые’ (досл. весенний хлеб).

Слово активно также в бурятском языке: *tar-* ‘сеять, засевать, сажать’, *тарилга* ‘сев; посадка’, *таряан* ‘хлебороб, земледелец’; *таримал* 1) ‘злаковые культуры’; 2) ‘рассада’; *тариха* ‘сеять, засевать’. Так же как и в монгольском,

лексическая единица, имеющая общее значение, участвует в образовании названий других хлебных культур: *улаан таряан* ‘пшеница, на корню и в зерне’ (досл. красный хлеб); *хара таряан* ‘ржь’ (досл. черный хлеб), *намарай таряан* ‘озимые’ (досл. осенний хлеб) и др. В калмыцком *тэрэн* ‘хлеб, хлеба; зерно; посев’; *хар тэрэн* ‘ржь’ (досл. черный хлеб), *намрын тэрэн* ‘озимые’ (досл. осенние хлеба); *тэрөч* [*тэрәче*] ‘земледелец, хлебороб’.

Г.И. Рамстедт приводит для сравнения названия, образованные от этой основы в тюркских и монгольских языках как из одного языка-источника: «турк., монг. *tari-* ‘сеять, заниматься хлебопашеством’, в тюрк. *taryy* ‘злаки’, тур. *dary*, чув. *tira* ‘семя, злаки’, монг. *tarija*, калм. *taraa*, *taraan* ‘злаки’, тюрк. *taryyču* ‘хлебопашец’, монг.-лит. *tarijačin*, калм. *taraanci*, *taraansin* ‘крестьянин’» (1957, 125), где в последних названиях явно преобладает тюркский аффикс словаобразования, обозначающий исполнителя данного действия.

Таким образом, в языках монгольской группы основы семантика основы *тар-* развивалась от обозначения в основном понятий ‘злаки, зерно, хлеб’ в направлении вторичной номинации конкретных культур и далее.

В тунгусо-маньчжурских языках: эвенк. *тари-/таре-* ‘сеять’, сол. *тар-* ‘пахать’, *таргани бууа* (*тарган* ~ *таркан*) ‘пашня’, ороч. *тарико-/тарику-* 1) ‘сажать’; 2) ‘выращивать’; ульч. *тари-* 1) ‘сажать, сеять’; 2) ‘обрабатывать землю’; нан. *тари-*, *тарико* (*таори-*) 1) ‘сажать, сеять’; 2) ‘обрабатывать землю’; 3) ‘выращивать’; *тарико/-у* ‘сеялка’; маньч. *тари-* 1) ‘пахать, возделывать, обрабатывать землю, заниматься хлебопашеством, земледелием’; 2) ‘сеять хлеб, засевать семена в поле, сажать в огороде’; *тарин* ‘пахота, посев, земледелие’. В тунгусо-маньчжурских языках на глагольной основе *тары-/тари-* и ее производных зафиксировались общие понятия – в основном ‘обрабатывание земли’ и ‘обработанный участок’, что и позволяет думать, что этот

глагол фонетически тождественный во всех алтайских языках, с единым близким значением ‘сеять, засевать; пахать’ и большим числом дериватов с древнейших времен является главным наследием праязыка, определяющим землепашество как род занятия наших предков. В процессе формирования языка сохранились следы взаимодействия этих древних народов, то есть в их языковых взаимопроникновениях отражается их совместная материальная культура. Таким образом, наличие сходных лексических моделей с общей семантикой, образованных на единой глагольной основе, с совершенно идентичной фонетической оболочкой, свидетельствует о языковом контакте, существовавшем между ними в далеком прошлом.

Эти наблюдения сами по себе приводят к сопоставлению глаголов *тары-/тари-* ‘сеять; пахать’ и *тара-* ‘расчесывать, взбивать, трепать, сгребать’. Древняя зафиксированная производная форма от этой глагольной основы *taryaq* ‘гребешок, расческа’ (МК, I, 467). В СИГТЯ по поводу сопоставления этих глаголов делается вывод: «Единство данной пары, независимо от аффиксального или корневого характера конечных *-а/-ы*, восходит к раннему, праязыковому состоянию, так как в современных языках каждый из этих глаголов и их дериватов имеет свой круг значений, «пересекающихся» довольно редко» (СИГТЯ, 1997, 466). С точки зрения пересечения семантики, у В.В. Радлова зафиксирован глагол *тара(v)*, содержащий древнее значение: осм., ктат., каз., чаг., алт., тел., леб., саг., койбаль., качин., чулым., кирг., тар. 1) ‘чесать’; 2) ‘боронить, грести, ворошить граблями’; 3) чаг. ‘пахать землю’. Приводится также производное от этой основы *тарак*; чаг., тар., каз., алт., тел., леб., кирг., чулым. ‘гребень, чесалка’; осм. *топрак тарагы* ‘трабли’, *тарла тарагы* ‘борона’, *багча тарагы* ‘садовые грабли’ (III, 837-839). Если сравнить с той же точки зрения названия борон в тюркских языках, то прояснится

такая картина: тат., башк., каз., ккалп. *тырма*, кирг. *тырмоо / тырмоок*, гаг. *тырмык*, тур. *tırmık*, аз. *дырмых*, тркм. *дырмык*, ног. *тырнавыш*, кумык. *тырнавуч*, алт. *тырмууш*, хак. *тырбос*, уйг. *тирмугуч*, тирна, тармак, чув. диал. *тармавса*, кум. *тарак*, якут. *тараах*. В целом эти названия по семантике делятся на: 1) основное значение во всех языках ‘грабли’, ‘борона’ (в чув. ‘грабли без черенка’), в азербайджанском дается толкование а) ‘грабли’ (колодка с зубьями, насаженная на длинную рукоятку, для сгребания сена, соломы, разрыхления земли); б) ‘борона’ (орудие для неглубокого рыхления почвы и ухода за растениями); 2) гаг. ‘когти’; 3) тур. ‘крючок’; 4) якут. ‘гребень, расческа’; 5) тур. ‘царапина’; 6) уйг. ‘ветка’. В киргизском имеется многозначное слово *тырмак*, где наблюдается переход семантики в земледельческий термин: 1) ‘ноготь, коготь’; 2) ‘борона’; *тырмак тарттыр-* ‘бороновать’; 3) ‘грабли’ и глагол *тара* 1) ‘расчесывать, причесывать’; 2) ‘боронить, грести, ворошить граблями’; 3) *перен.* ‘расходиться, разбредаться’; 4) ‘распространяться, разноситься (слух, известия)’; 5) ‘быть родом, происходить от кого-л.’ (хотя 3-5 значений, очевидно, сюда приписываются ошибочно, т.к. относятся к омониму *таралу*, *таркалу*), в чув. *тармала* 1) ‘ерошить, лохматить, трепать’; 2) ‘царапать, царапаться’; 3) ‘чесать, расчесывать’; 4) ‘рыть, копать; разгребать (землю)’; 5) диал. ‘грести, сгребать (напр. колосья на стерне)’.

В финно-угорских языках эти названия также имеют распространение: мар. *tar*, удм. *tari* ‘просо’, ‘пшено’, венгр. *dara/daro/taro* ‘крупа’, *buzadara* (досл. *búza* ‘пшеница’+*dara* ‘крупа’) ‘манная крупа’, удм. *тарла/тарлау* ‘пастбище, загороженное место для скота’, ‘поляна’, *тарлау бусы/тарлау* ‘поле’, венгр. *tarlo* ‘жнива, жнивье, стернь, стерня’, мар. *тырма* ‘борона’, *тырмалаш* ‘боронить’, *тырмалымаш* ‘боронование’, *тырмальше* ‘бороновальщик’, *тырметормо* ‘очень ветвистый’. Это еще раз доказывает древность происхождения глагола *tar-* и его дериватов.

Таким образом, на основе выше-приведенного анализа можно прийти к следующим выводам:

— глагол общалтайского периода *tar-/тыр-* означает ‘обрабатывать землю под посев, сеять’; исходная семантика этого глагола сводится к значению ‘царапать, скрести’; суть обработки земли заключалась в разбрасывании семян и разравнивании земли чем-либо острым;

— по нашему мнению, современные слова татарского языка *тары* ‘просо’, *тарлау* ‘обработанное поле’, *тарау* ‘расчесывать’; ‘обрабатывать граблями’, *тарак* ‘расческа’, *тырнак* ‘ноготь; коготь’, *тырма* ‘грабли; борона’, *тырмалау* ‘обрабатывать граблями; боронить’, *тырнау* ‘царапать’ восходят к единой древней основе *tar-/тыр-*;

— семантическое развитие, по-видимому, шло в направлении ‘царапать, скрести, рыть землю ногами’ > ‘мотыжить, взрыхлять землю мотыгой’ > ‘вообще обрабатывать землю’ > ‘заниматься земледелием’ > ‘зерно, хлеб’ > ‘просо’;

— развитие семантики и деривация в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках происходили параллельно вокруг одного центрального значения с небольшими различиями;

— так, в тунгусо-маньчжурских языках земледельческая лексика сохранила близость к более древнему значению ‘обрабатывание земли и обработанный участок’;

— в монгольских языках развилось и распространилось значение ‘злаки, зерно, хлеб’;

— в тюркских же языках прослеживается все развитие семантики этой древней основы, начиная от обработывания земли до обозначения конкретной культуры — проса, это значение и является на данный момент самым распространенным.

Таким образом, глагол *tar-/тыр-* для языков алтайской общности является главным наследием прайзыка, определяющим землепашество как род занятия наших предков, и фактором, свидетельствующим о том, что эти народы вместе прошли истоки землепашства.

ЛИТЕРАТУРА

1. (Ат-тухфа...) Изысканный дар тюркскому языку / Ат-тухфа... – Ташкент: Фан, 1978. – 451 с.
2. Эхмәтъянов Р.Г. Татар теленең қыскача тарихи-этимологик сүзлеге / Р.Г. Эхмәтъянов. – Казан: Тат. кит. нәшр., 2001. – 272 с.
3. (ДС) Диалектологик сүзлек. Вып. 1-3. – Казань: Татгосиздат, 1948, 1953, 1958. – 263, 264, 260 сс.
4. (ДСБЯ) Диалектологический словарь башкирского языка. – Уфа: Китап, 2002. – 432 с.
5. (ДТС) Древнетюркский словарь. – М.: Наука, 1969. – 676 с.
6. Малов С.Е. Уйгурский язык / С.Е.Малов. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – 204 с.
7. Кашгари М. Туркий сузлар девони (Девону луготит турк): в 3-х т. / М. Кашгари, С. Муталибов таржимаси. Т. I-III. – Тошкент: Фан, 1960, 1961, 1963. – 499, 427, 466 с.
8. Махмутова Л.Т. Татарский язык в его отношении к древнеписьменному памятнику «Codex Cumanicus» по данным лексики / Л.Т.Махмутова // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. – Казань: Тат. кн. изд-во. 1982. – С. 68-153.
9. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий: в 4-х т. / В.В.Радлов. III. – СПб.: Тип. Императорск. АН, 1905. – 2204 с.
10. Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание. Морфология / Г.И. Рамстедт. – М.: Изд-во ин. лит-ры, 1957. – 254 с.
11. (СИГТЯ) Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика – М.: Наука, 1997. – 799 с.
12. (ССТМЯ) Сравнительный словарь тунгусско-маньчжурских языков. I-II тт. – М.: Наука, 1975, 1977. – С. 672, 992.
13. (ТТДС) Татар теленең диалектологик сүзлеге – Казан: Тат. кит. нәшр. 1969. – 643 б.
14. Тумашева Д.Г. Көнбатыш Себер татарлары теле. Грамматик очерк һәм сүзлек / Д.Г. Тумашева. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1961. – 239 б.
15. Шайхулов А.Г. К проблеме тюркских корневых основ и корневых слов / А.Г. Шайхулов // Диалекты и история тюркских языков во взаимодействии с другими языками. – Чебоксары: Чувашгоспединверситет, 2004. – С. 55-65.

Аннотация

Статья посвящена анализу дериваций основ *tar-/тыр-* в языках алтайской группы.

Ключевые слова: земледельческая лексика, глагол общалтайского периода *tar-*, обрабатывать землю, сеять, семантика и деривация в алтайских языках.

Summary

The article deals with the analysis of derivation of *tar-/тыр-* (*tar-/тыр-*) stems in the languages of the Altaic group.

УДК 37.018.1

**ИНСТИТУТ СЕМЬИ
И ЕГО РОЛЬ В СОХРАНЕНИИ РОДНЫХ ЯЗЫКОВ
(по материалам Республики Татарстан)**

З.А. Исхакова, кандидат филологических наук

Проблема сохранения и развития родных языков в условиях многонационального и многоязычного государства – одна из актуальных проблем современного общества. Поэтому она нашла отражение и в законодательстве Российской Федерации. Например, в соответствии с федеральным законодательством, в Российской Федерации никто не вправе устанавливать какие-либо ограничения при использовании того или иного языка¹ в различных общественных сферах. Равноправие языков народов Российской Федерации рассматривается как совокупность прав народов и личности на сохранение и всестороннее развитие родного языка, свободу выбора и использования языка общения. Конституция Российской Федерации гарантирует создание условий для его изучения и развития².

В Законе Республики Татарстан «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан», также в соответствии с законодательством, создаются условия для сохранения и всестороннего развития родного языка, обеспечивается свобода выбора и использования языка общения, воспитания, обучения и творчества. Как и в законодательстве РФ, равноправие языков народов РТ представлено как совокупность прав народов и личности на сохранение и развитие родного языка, право выбора и использования языка общения. Но, несмотря на существующие законы, проблема сохранения и развития родных языков продолжает быть актуальной.

Ученые, специалисты, общественность предлагают множество способов решения данного вопроса, в том числе с помощью основных социальных институтов, которые оказывают воздействие на языковые процессы. Одним из таких институтов является институт семьи, который, являясь частью социальной структуры, выполняет множество разных функций. Это: воспитательная функция, функция первичной социализации детей, экономическая, хозяйствственно-бытовая функция, функция эмоционального удовлетворения и др.³ Выполнение семьей всех этих функций происходит при помощи языка. Необходимо отметить, что в семье переплетаются не только экономические, психологические, демографические проблемы, но и языковые. Считается, что сфера семьи менее всех других сфер подвержена внешним влияниям и, как отмечают ученые, является «наиболее консервативной». Поэтому, какие бы процессы ни происходили в обществе, определенная изолированность семьи сохраняется, а это, в свою очередь, в некоторой степени «препятствует пропагандированию нововведений извне».

Несмотря на массовое двуязычие и активное использование русского языка вне семьи, которое чаще всего не зависит от конкретного человека, дома все возвращаются к принятой в семье модели речевого поведения. По результатам исследований ученых, «каждый язык, независимо от уровня развития народов, которому он принадлежит, пожалуй, наиболее полнокровно про-

являет свои коммуникативные функции, служа средством общения при домашних (семейно-бытовых) контактах⁴. Это относится как к русскому, так и к национальным языкам, в данном случае и к татарскому языку.

Учитывая ведущую роль института семьи в деле сохранения и развития родного языка, а также необходимость усиления роли семьи в национально-языковом воспитании, в данной статье предполагается рассмотреть характер и особенности использования татарского и русского языков в семье, формы и масштабы двуязычия, использование языков в однонациональных и национально-смешанных семьях, использование языков в семейно-бытовой сфере в городе и в сельской местности.

Сложно определить весь объем функций татарского и русского языков во внутрисемейных отношениях, в каждой отдельно взятой ситуации. Несмотря на то, что «простая фиксация языка общения не может отражать полностью содержания процесса»⁵, изучение функционального взаимодействия языков в семейно-бытовой сфере позволит полнее представить языковую ситуацию в республике и сделать прогнозы на дальнейшее развитие и использование государственных языков в РТ.

Прежде чем говорить о формах и масштабах языковых взаимоотношений в семье, а также о роли семьи в деле сохранения и развития родного языка, попытаемся уточнить, что такое родной язык.

Во-первых, обратимся к словарям. В первом в русской лексикографии однотомном толковом словаре С.И. Ожегова⁶ сказано, что «родной язык – язык своей Родины, язык, на котором говорят с детства». В «Толковом словаре татарского языка»⁷ записано, что родной язык – это язык, на котором говорят с детства (как правило, это язык своей национальности), материнский язык. По мировым стандартам родной язык – это также материнский язык или первый выученный язык.

В Татарстане (многонациональном и многоязычном) в качестве родного выступают татарский, русский или другой национальный язык. Необходимо отметить, русский язык является родным языком не только для этнических русских, но и для представителей других национальностей. Подтверждением тому являются материалы переписей, данные социологических исследований⁸. В связи с этим В.А. Тишков высказал мнение, что «нужно сменить некоторые старые доктринальные установки и начать считать родным языком не тот, который совпадает с национальностью одного или обоих родителей, а язык, который является для человека первым языком, включая и домашнее общение»⁹. В другой статье он пишет, что «родной язык – это язык, которым человек лучше всего владеет и на котором обычно говорит, это первый выученный в детстве язык, знание которого сохраняется»¹⁰. Некоторые предполагают считать родным тот язык, на котором человек думает. З. Валиев, директор средней школы Муслюмовского района в своей статье «Сузэ татлы» пишет, что родной язык – это не тот язык, которым ты лучше владеешь, а язык матери, которая тебя родила¹¹. Как видим, однозначного мнения нет.

Однако именно символичность родного языка заслуживает особого внимания.

К.Д. Ушинский писал, что «язык есть самая живая, самая прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое историческое живое целое»¹². Поэтому, если человек называет родным язык своей национальности, даже не владея им, значит, он считает себя частью этого «живого и целого».

Сохранение и развитие родного языка – сложная и неоднозначная проблема, поэтому существующие институты, в том числе и семья, в одиночку не в состоянии выполнить данную задачу. Необходимо объединение всех сил.

Но, наверное, никто не станет отрицать того, что в деле сохранения и раз-

вития родного языка большую роль может сыграть именно семья. Семья – это особый мир, своего рода мини-государство со своими традициями, обычаями, укладом жизни. Если государство в широком смысле понимания управляет образованием, СМИ и т.д., то в семье действуют свои законы, никто извне не может указать, на каком языке говорить дома с детьми, со старшими членами, с родственниками и т.д. Однако здесь уместно будет вспомнить то время (это 1960–70-е гг.), когда нашим родителям настойчиво рекомендовали говорить дома с детьми на русском языке.

Семья – это уникальный речевой коллектив и для всех семей характерна различная языковая установка. Но, несмотря на это, можно выделить два типа семей по языковым установкам:

- 1) семьи, характеризующиеся использованием только одного языка (независимо от возраста, образования, социального положения);
- 2) семьи, характеризующиеся «спorадическим, ситуативным использованием членами семей языковых средств двух языков» (татарского и русского).

Причина такого языкового поведения заключается не только в степени владения тем или иным языком, но и во внутрисемейных традициях. Использование языковых средств двух языков – характерная черта татарских семей (чаще всего городских). Русское население республики дома общается только на своем родном русском языке. Функционирование языков в татарских семьях существенно отличается, так как для них характерна дифференциация речевого поведения. Данная дифференциация чаще всего обусловлена одним из наиболее важных демографических факторов как возраст. Заметим, что старшее поколение татар, как правило, является татароязычным и татарский язык для них вполне самодостаточен как средство внутрисемейного общения. Но активность использования татарского языка от поколения к поколению уменьшается. Как показывают данные исследований¹³, в ситуациях об-

щения с лицами преклонного возраста в основном используется татарский язык. В общении с детьми (в городах) чаще всего используется русский язык или оба языка. Такое языковое поведение объясняется тем, что родители идут на поводу у юного поколения, так как выбор языка общения осуществляется именно детьми, которые воспитываются в дошкольных учреждениях и школах, где языком воспитания и обучения чаще всего выступает русский язык. Надо сказать, что использование русского языка в татарской семье в ситуациях общения с представителями старшего поколения, как правило, не поощряется, но использование его в общении с другими членами семьи никаких ограничений не имеет.

Но общая картина такова, что в городах русский язык все более активно вторгается в сферу татарской семьи. Ученые же отмечают, что «показателем глубины проникновения языка другой национальности в среду этнической группы является его использование в домашнем общении»¹⁴. Степень же «глубины проникновения» можно увидеть в представленной ниже табл. 1.

Как видим, более половины городских татар дома предпочитают говорить на русском или на обоих языках. В татарских селах такое явление скорее исключение. Здесь необходимо отметить, что сельская среда не отличается той динамичностью и изменчивостью, которые присущи городской среде. На селе нет интенсивного межэтнического взаимодействия. Село – среда, в отличие от города малоурбанизированная и преимущественно гомогенная по национальному составу, по существу как бы «глубинка» этнических традиций¹⁵. В то же время «... если говорить о сельском населении в целом, то сближение города и деревни, активно происходившее в 1960-70-е гг., приводит к постоянно увеличивающемуся сходству социальных явлений и процессов в его среде с тем, что происходит у горожан. Не случайно в научную литературу вошло понятие «урбанизация села», отражающее

Таблица 1

**Соотношение языков в речевой деятельности населения Татарстана
в семейно-бытовой сфере (%)**

Языки общения	Семейно-бытовая сфера	
	Город	Татары
На татарском	36,1	0,6
На русском	24,3	97,1
На татарском и русском в равной степени	37,1	1,2
На другом	—	0,3
Затрудняюсь ответить	2,6	0,9
<i>Село</i>		
На татарском	89,8	—
На русском	3	81,8
На татарском и русском в равной степени	4,8	12,1
На другом	—	—
Затрудняюсь ответить	2,4	6,1

отнюдь не только внедрение индустриальных методов в сельскохозяйственное производство, но и распространение городских стандартов в образе жизни сельских жителей, в их интересах и стремлениях»¹⁶. Между тем «городской стандарт жизни» предполагает помимо всего прочего владение двумя государственными языками, а также их использование по мере необходимости.

Традиционно в городах большую функциональную значимость имеет русский язык. В татарских селах сохраняется явное доминирование родного языка над русским.

Нет смысла доказывать, что «общение на двух языках или общение на русском сокращает «вес» татарского языка в домашнем быту городских татар. Но само сокращение у разных поколений происходит различными путями. Этот контраст проявляется, прежде всего, между молодежью и людьми старшего и преклонного возраста. Общение на татарском языке у татарской молодежи сокращается в основном за счет перехода на один только русский язык, в то время как у старших поколений это сокращение восполняется главным образом двуязычием»¹⁷.

Навыки этноречевого поведения человека приобретает в семье. Ни школа,

ни вуз не могут компенсировать это в полной мере. Именно в семье происходит формирование навыков родной речи, «воспитываются понимание и любовь к музыке родной речи». Поэтому «к функциям семьи..., несомненно, относится и функция этноязыковой репродукции, которая осуществляет воспроизведение этнической речевой компетенции и поведения»¹⁸.

Сохранение родного языка, а тем более его развитие, возможно только в том случае, если потенциальные носители языка превратятся в его активных пользователей.

Будущее языка, его функциональное восстановление в полном объеме зависят от того, в какой степени новое поколение будет его знать и использовать.

Необходимо отметить, что в использовании языков детьми всегда существует преемственность. Юные члены семьи, как правило, перенимают от родителей форму и способы общения. Основными причинами, способствующими отчуждению от родного языка, чаще всего являются:

- незнание родного языка родителями;
- постоянное использование только русского языка или двуязычия;

— воспитание и обучение в русскоязычных дошкольных учреждениях и в школе.

Данная проблема может быть решена положительно только при ответственном и осознанном подходе к языковому образованию детей и при наличии языковой установки в семье на общение на родном языке. Поэтому, «если родители сами в состоянии применять в общении со своими детьми родной язык, шансы на успешную этническую социализацию подрастающего поколения возрастут»¹⁹.

Довольно часто в однонациональных татарских семьях приходится замечать такое явление, когда дети и родители говорят на двух языках — дети на русском, родители на татарском. Отметим при этом, что понимание между детьми и родителями, как правило, полное. Родители чаще всего объясняют эту ситуацию желанием помочь детям как можно лучше овладеть русским языком, в то же время не замечают или не желают замечать того, что они сами способствуют отчуждению своих детей от родного языка. Естественно, в данном случае ребенок, являясь потенциальным носителем языка, бывает не способен стать его «активным пользователем».

Характерной особенностью сегодняшнего дня является рост числа межнациональных браков.

Исследования, которые были проведены в Татарстане, показывают, что удельный вес национально-смешанных семей в городе и на селе неодинаков. В связи с приведенными данными заслуживает внимания то, что свыше 50% межнациональных браков, заключенных в Татарстане, приходится на русско-татарские семьи²⁰. Естественно, в таких семьях важным моментом является определение языка внутрисемейного общения. По данным Г.Р. Столяровой²¹, в сельских национально-смешанных семьях Татарстана в 70,8% семей их члены говорят между собой по-русски, 16,3% — по-татарски, в 11,7% семей используют как русский, так и национальные языки супругов или одного из них. В городских семьях (русско-татарских) около 95% семей используют только русский язык, супруги в остальных смешанных семьях говорят и по-русски, и по-татарски.

Некоторые исследователи утверждают, что в таких семьях наблюдается высокая степень двуязычия. Однако здесь уместно будет говорить прежде всего о двуязычии татар, но не русских. Двуязычие русских в национально-смешанных семьях хотя и имеет место, но это не стало массовым явлением. Поэтому, не отрицая полностью влияния национально-смешанных семей на усвоение того или иного языка, отметим, что они

Таблица 2¹

**Изменение доли межэтнических браков
в общем числе заключенных браков в Татарстане (в %)**

Массив годы	Казань	Города РТ (без столицы)	Село
1950	10,8	10	4,1
1960	11,6	8	4,6
1970	20,3	13	10,2
1980	23,6	30	11,8
1990	28,1	31,5	15
1999	32	31,9	15,8

¹ Таблица дана по кн. Г.Р. Столяровой. Феномен межэтнического взаимодействия: опыт постсоветского Татарстана. — Казань, 2004. — С. 239.

«не являются сколько-нибудь значимым каналом распространения этого процесса»²².

Проведенный анализ показал, что «языковая политика», проводимая в семье, формирует разные языковые модели семей, которые определяют языковое поведение всех членов семьи, а также выбор языка внутрисемейного общения. Нам еще следует осознать, что родной язык – это семейный капитал, ценность семьи. Ценность, как правило, не только охраняют, но и преумножают и передают от старших к младшим и т.д.

Таким образом, несмотря на то, что семья играет важную роль в сохранении родного языка, однако в условиях масштабного двуязычия она (семья) не может служить «бастионом» родного языка и нельзя возлагать всю ответственность

за дальнейшую судьбу языка только на семью. В условиях Татарстана ориентация в обучении родному языку только на семью была бы также неправильной ошибкой. Видимо, следует прислушаться и к мнению ученых, которые считают, что «язык, загнанный в рамки семьи, не может быть эффективным средством общения...»²³. В то же время «соотношение употребляемости двух языков в целом и в отдельных конкретных языковых ситуациях не является раз и навсегда заданным. Многое зависит в конечном счете от реальных потребностей населения»²⁴ в том или ином языке, от языковой ситуации. Значит, главной задачей является сохранение языкового баланса в обществе, что, несомненно, благотворно отразится и на использовании языков в семье.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Закон РСФСР «О языках народов Российской Федерации (в ред. Федерального закона от 24.07.1998 № 126-ФЗ, от 11.12.2002 № 165-ФЗ).

² Конституция Российской Федерации. – М.: АСТ: Астрель, 2007.

³ Маврина Э.А. Эмпирические методы исследования современной семьи и демографических процессов // Семья в мире социальных изменений. – Казань, 2008. – С. 84.

⁴ Губогло М.Н. Современные этноязыковые процессы в СССР. – М., 1984.

⁵ Бажеева Т.П. Динамика функций бурятского и русского языков в семейном общении // Двуязычие в Бурятии: новые аспекты изучения. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра, 2002. – С. 128.

⁶ Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1990. – С. 680.

⁷ Татар теленец аңлатмалы сүзлеге (Толковый словарь татарского языка). Өч томда. III т. – Казан, 1981. – 146 б.

⁸ Исхакова З.А. Двуязычие в городах Татарстана (1980–90-е годы). – Казань, 2001; Язык и этнос на рубеже веков. Этносоциологические очерки о языковой ситуации в Республике Татарстан. – Казань, 2002. – С. 26.

⁹ Тишков В.А. Этнология и политика. Статьи 1989–2004 годов. – 2 изд. – М., 2005. – С. 313.

¹⁰ Тишков В.А. Язык и перепись // Этнология и политика. Статьи 1989–2004 годов. – 2 изд. – М., 2005. – С. 318.

¹¹ Валиев З. Сүзе татлы // Социалистик Татарстан, 20.08.1989 г.

¹² Ушинский К.Д. Избранные педагогические сочинения. – М., 1945. – С. 206.

¹³ Исхакова З.А. Двуязычие в городах Татарстана (1980–90-е годы). – Казань, 2001. – С. 26.

¹⁴ Социально-культурный облик советских наций (По материалам этносоциологического исследования). – М., 1986. – С. 166.

¹⁵ Современные этносоциальные процессы на селе. – М., 1986. – С. 5.

¹⁶ Социально-культурный облик советских наций (По материалам этносоциологического исследования). – М., 1986. – С. 395.

¹⁷ Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР. – М., 1973. – С. 252.

- ¹⁸ Галлямов Р.Р. Многонациональный город: этносоциологические очерки. — Уфа, 1996. — С. 137.
- ¹⁹ Язык и этнос на рубеже веков. Этносоциологические очерки о языковой ситуации в Республике Татарстан. — Казань, 2002. — С. 98.
- ²⁰ Итоги микропереписи населения 1994 года. Брак и семья. Т. II. — Казань, 1995. — С. 6, 48.
- ²¹ Столярова Г.Р. Феномен межэтнического взаимодействия: опыт постсоветского Татарстана. — Казань, 2004.
- ²² Социально-культурный облик советских наций (По материалам этносоциологического исследования). — М., 1986. — С. 166.
- ²³ Гуриев Т.А. Семья и проблемы обучения родному языку // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. — М., 1994.
- ²⁴ Губогло М.Н. Современные этноязыковые процессы в СССР. — М., 1984. — С. 206.

Аннотация

Статья посвящена анализу роли семьи в сохранении и развитии родного языка. Несмотря на то, что семья играет важную роль в сохранении родного языка, в условиях массового двуязычия она не может служить «бастионом» родного языка и нельзя возлагать всю ответственность за судьбу языка только на семью.

Ключевые слова: семья, Татарстан, двуязычие, родной язык, социальный институт.

Summary

The article is devoted to the analysis of the role of a family in the processes of development of native language. It is evident that family is an important part of these processes but in the context of bilingualism it can not serve as the only means of achieving the goals of language development.

УДК 81'373; 001.4

ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА НА ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ В 1940-80-е гг. И ОСОБЕННОСТИ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ

Г.Ф. Калганова, старший научный сотрудник

Функционирование специальной литературы и специальной лексики во многом зависит от общей политики, проводимой в стране, и существующей языковой ситуации. В истории страны прошлого столетия одним из новых поворотов в языковой политике в Советском Союзе в целом, и в Татарстане, в частности, выступает Указ Президиума Верховного Совета Татарской АССР от 5 мая 1939 г. о переводе татарской письменности с латинизированного алфавита на алфавит на основе русской графики. Перевод касался всех областей жизнедеятельности населения: образования, печати, делопроизводства и т.д. Этот период называют «годами стабильности», поскольку основой государственной политики все эти десятилетия оставалось распространение русского языка, общее русифицирование населения и сфер его жизнедеятельности. В этом направлении работала и школьная реформа 1958 г., после чего в 1960-е гг. русский язык официально был объявлен «вторым родным языком» для каждого нерусского гражданина СССР.

На наш взгляд, интересным было бросить ретроспективный взгляд на «застойный» период для представления действительной картины с точки зрения функционирования татарского языка в данной сфере. Отмеченный период в развитии экономики подразделяется на два этапа: 1940-50-е гг. и 1960-80-е гг., поскольку наблюдаются разные тенденции в развитии самой экономики и, как следствие, в освеще-

нии финансово-экономической сферы деятельности. До начала 1960-х гг. развитие экономики в стране происходило в рамках экстенсивного развития за счет освоения новых мощностей, новых земель, привлечения новых кадровых сил. В послевоенное время на руках у людей скапливалась большая сумма нереализованных денег, поэтому государство для уменьшения денежной массы в обращении и увеличения государственных доходов вводило новые налоги с населения, в принудительном порядке распределяло займы и облигации. С 1965 г. меняется курс на развитие экономики интенсивными методами, поскольку экстенсивный способ исчерпал себя – не было количественного прироста по отмеченным показателям, требовалось развивать экономику за счет внутренних ресурсов. Однако и этот путь не привел к экономическому процветанию благодаря командно-административному характеру управления экономикой.

Отмеченные вкратце факты развития экономики страны отражались в основном на татарском языке переводными с русского языка материалами. В 1940-50-х гг. выделяются следующие направления: 1) материалы о государственных планах таких авторов, как Л.Гатовский, М.Дасаев, И.Кузьмин, М.Первухин, М.Симакин и др.; 2) материалы о государственных займах, обязательном окладном страховании и государственных пошлинах: «Дәүләтнәң СССР халык хужалығын үстерү заемын шәһәрләрдә һәм авыл жирләрендә

эшче һәм хезмәткәрләр арасында, шулай ук шәһәрләрдә, поселокларда һәм шәһәрләр тибындагы поселокларда кустарылар һәм башка төрле халык арасында урнаштыру тәртибе турында инструкция № 448»; «Дәүләтнен 3% лы эчке отышлы заемы»; «СССР халык хужалыгын үстерүнен дәүләт заемы (1952 елгы чыг.).: пропагандистлар һәм агитаторлар өчен материал»; «Налог агентлары эше турында инструкция»; «СССРның холостой, ялгыз һәм аз семьялы гражданнарына налог турында инструкция»; «Мәжбүри окладной страхование үткәру турында инструкция № 614» и др.; 3) материалы о работе сберегательных касс: «СССР саклык кассаларына вкладлар»; «Саклык кассалары турында нәрсә белергә кирәк»; «Саклык кассалары турында колхозчы нәрсә белергә тиеш» А.П.Сахарова и др.; 4) информация о бюджете: «Татарстан АССР ның 1940 нчы елгы бюджеты үтәлеше турында отчет»; «Авылда бюджет-финанс эше» Х.С.Туюшева и др.; 5) материалы общего характера: «Совет власте елларында Татарстан АССР экономикасының үсеше» П.В.Абрамова, «Миллиардларча сумнарга экономия ясыйк» П.И.Мельникова, «Халыкның саклык акчаларын – жидеелык планны үтәргә», «Хәзерге заман капитализмының төп экономик законы» И.Тихонова и др.; 6) научная литература – учебники и брошюры по политэкономии для политшкол: «Политик экономия. Дәреслек»; «Политик белем нигезләре. Уку ярдәмләгә»; «Капитализм нәрсә ул?» Л.А.Леонтьева; «Ни өчен капиталистлар байыйлар һәм эшчеләр ярлыланалар» Д.Черномордика; «Социалистик жәмғыятьтә житештерүче көчлөрне урнаштыру» З.Бурлянда; «Житештерү ысулы һәм жәмғыять үсешенду аның роле» Г.Е.Глазермана и др.; 7) политко-экономические словари: «Политик-экономик терминнар», «Кыскача политик сүзлек».

Финансово-экономическая литература 1960-80-х гг. характеризуется сужением тематики: учебники по полит-

кономии и ежегодные государственные бюджетные отчеты и материалы по сельскому хозяйству. По первому направлению в 1968 г. были выпущены следующие издания: «Кыскача политик экономия» П.А.Леонтьева, «Политик белем нигезләре курсы буенча методик ярдәмлек»; «Политик экономиядән ярдәмлек». В 1973 г. вышли в свет два учебника по политэкономике: «Политик экономия»; «Экономик белем нигезләре: колхозчылар һәм совхозчылар эшчеләре өчен». Ежегодные отчеты по бюджету представлены в двух видах: непосредственный государственный бюджет Татарской АССР и отчет об его исполнении, например: «Татарстан АССР ның 1970 елга Дәүләт бюджеты» һәм «Татарстан АССР ның 1970 елгы Дәүләт бюджеты үтәлеше турында отчет». Достаточно объемной выступает сельскохозяйственная тематика (всего 52 издания)¹: «Авыл хужалыгы производствоын специальләштерү»; «Колхозларда һәм совхозларда хезмәтне оештыру, нормалаштыру һәм яна түләү» Ш.Галиева, «Колхоз экономикасы үсә» Ш.С.Хафизова и др.

Если сравнить названные учебники по политэкономике, то в учебниках 1950-х гг. сильно ощущается политизированность – «воспевание» социалистической революции и социализма. Например, в учебнике 1956 г. это видно по разделам: Социалистик революция; СССРда социализм төзү; Совет социалистик жәмғыятте; Совет социалистик дәүләтте; Коммунистлар партиясе – совет жәмғыятенен житәкче һәм юнәлеш бирүче көче и др.² Начиная с 1960 г., в учебниках по политэкономике появляется общая черта – все учебники подразделяются на две основные части: первая часть, как правило, посвящается капиталистическому строю, причем в классовом антагонистическом плане; вторая часть – «воспеванию» и характеристике социализма и коммунизма.

Учебник П.А. Леонтьева «Кыскача политик экономия»³ в традиционной

форме делится на два раздела: Капиталистик строй и Социализм һәм коммунизм. Основными вопросами первой части книги выступают: в главе «Капиталистик товар житештерүе» – проблемы товарного производства при частной собственности, роль денег при капитализме, действие закона стоимости; в главе «Капиталистик эксплуатациянең асылы» – вопросы трудовой силы (эш көче), капитала и наемного труда (капитал һәм яллы хезмәт), ухудшение положения рабочего класса (эшчеләр сыйныфының хәле начарлану); в разделе «Өстәмә кыйммәтнең эксплуататор группалар арасында бүленеше» – прибыль промышленности при капитализме (промышленность капиталистларының табышы), стоимость товара и его производственные источники (товарның кыйммәте һәм аның житештерү чыгымнары), капиталистическая прибыль (капиталистик табышы), торговый капитал и ссудный капитал (сәүдә капиталы һәм ссуда капиталы), земельная рента (жир рентасы) и др.; в разделе «Капиталистик кабат житештерү һәм экономик кризислар» – проблемы общественного продукта и национального дохода (ижтимагый продукт һәм милли доход) и т.д. Во второй части книги – о социалистическом экономическом укладе и переходе к коммунизму – автором рассматриваются следующие позиции: этап перехода от капитализма к социализму (капитализмнан социализмга күчү чоры); социалистическая система хозяйствования (хужалыкның социалистик системасы) со всеми сопровождающимися показателями; планирование экономического развития государства (социалистик экономиканың планлы үсеше); социалистическое товарное производство (социалистик товар житештерүе); хозяйствственный учет и рентабельность (хужалык исәбе һәм рентабельлелек) и т.д.

Структура учебника «Политик экономия» 1973 г. выпуска⁴ также представляет традиционные две части. Во

введении «Политик экономия нәрсә өйрәнә» обозначаются основные проблемы и цели курса политэкономии. В первой части учебника экономические законы капиталистического строя раскрываются по следующим темам: Капитализмда товар житештерүе (товар һәм аның эзлекләре; акча; кыйммәт законы); Капиталистик эксплуатациянең асылы һәм формалары (өстәмә кыйммәт житештерү; эшсезлек; капиталистик житештерү чыгымнары һәм табыш; капитализмда жир рентасы; капитализмда сыйнфый көрәш); Империализм һәм капитализмның гомуми кризисы (монополияләрнен төп формалары; конкуренция; финанс капиталы барлыкка килү; финанс олигархиясе һәм аның хакимлек итү системасы; колониаль системы h.b.). Во второй части учебника рассматриваются такие процессы, как капитализмнан социализмга күчү чоры; житештерү средстволарына жәмәгать милке; социализмның экономик законнары; социалистик дәүләтнең экономик политикасының төп принциплары; социалистик планлаштыру һәм планлылык; хужалык исәбе һәм рентабельлелек; предприятие фондларының составы, продукциянең үзкиймәт, саф доход һәм табыш; колхозларда хужалык исәбе (хозрасчет в колхозах) и др. И это – неполный перечень тем, рассматриваемых в учебниках по политэкономике.

Терминологические особенности финансово-экономической сферы исследуемого периода. Базовым лексикографическим изданием этого периода выступает словарь «Политик-экономик терминнар (русча-татарча, татарча-русча)», выпущенный в 1941 г. и содержащий 2936 слов и словосочетаний. Авторами этого издания являются Ф.Махиянов, Г. Шәфиев, Г. Нуғайбик⁵.

1420 лексических единиц, относящихся к финансово-экономической сфере с позиции генетического анализа, подразделяются на следующие пласти:

- 1) прямые заимствования из русского

языка; 2) полукальки с русскими элементами; 3) полные кальки; 4) исконно татарские лексические единицы.

Беспереводная терминология, т.е. заимствования из русского языка и заимствования с грамматическими изменениями, свойственные татарскому языку, составили 515 слов (36,3%); полукальки – 577 слов и словосочетаний (40,6%); полные кальки – 257 лексических единиц (18%) и татарские и арабские эквиваленты – 71 термин (5%). Можно констатировать, что заимствования из русского языка составляют больший объем слов (36,3%), чем татарский материал вместе с полными кальками (23%).

В раздел заимствований из русского языка можно отнести как точные заимствования, так и заимствованный материал, оформленный по законам словообразования татарского языка, или «слова, освоенные частично» (Э.Ахунзянов). В этом разделе выделяются следующие слова и словосочетания: абсолют рента, аванс фонды, автономия, актив сальдо, акциз политикасы, акцияле компания, акция капиталы, анализ; добавляется ряд словосочетаний с понятиями «банк» и «биржа» – банк капиталы, банк проценты, банк операцияләре, банк билеты, биржа конъюнктурасы, биржа операцияләре; целое гнездо со словом «бюджет» – бюджет дисциплинасы, бюджет политикасы, бюджет программы, бюджет дефициты, бюджет доходы, бюджет индексы, бюджет кредиты, бюджет лимиты, бюджет расходы; такая же ситуация с понятием «валюта» – валюта политикасы, валюта демпингы, валюта индексы, валюта кризисы, валюта курсы, валюта металлы, валюта резервы, вексель курсы; словосочетания со словом «экономика» – экономик категория, экономик кризис, экономик политика, экономик строй; из сокращений и аббревиатуры – Госплан, ГОЭЛРО и т.д.

Среди полукалек выделяются следующие лексические единицы: акцияле жәмгыять – акционерное общество;

аренда хакы – арендная плата; баланс курсәткечләре – показатели баланса; акчасыз расчет – безналичный расчет; кыйммәтле кәгазыләр биржасы – биржа ценных бумаг; биржа бәясе – биржевая цена; валюта базары – валютный рынок; үзара расчет – взаимный расчет; читкә капитал чыгару – вывоз капитала за границу; шәһәр бюджеты – городской бюджет; жирле бюджет – местный бюджет; дәүләт милеге – государственная собственность; акча операцияләре – денежные операции; озак сроклы ссуда – долгосрочная ссуда; залог таныклыгы – залоговое свидетельство; милек цензы – имущественный ценз; житештерү индексы – производственный индекс; чит ил валютаси – иностранная валюта; квалификацияле эшче – квалифицированный работник; коммуналь хужалык – коммунальное хозяйство; кооператив оешмалары – кооперативные организации; кредит түләү сәләте – кредитоспособность; материаль кыйммәт – материальная ценность; авыр (жиңел) промышленность – тяжелая (легкая) промышленность; ярым фабрикат – полуфабрикат; товар-акча әйләнеше – товарно-денежный оборот; эш хакы фонды – фонд заработной платы; максатлы кредит – целевой кредит; экономик мөнәсәбәтләр – экономические отношения; экономик күтәрелеш – экономический подъем; экономик нигез – экономическая основа; экономик бәйлелек – экономическая зависимость; экономик хәл – экономическое положение; агымдагы счет – текущий счет и др.

Из общего числа полных калек наиболее удачными можно отметить следующие: эчке базар – внутренний рынок; тышкы сәүдә – внешняя торговля; үзара бурычлар – взаимные долги; үзкийммәт – себестоимость; сәүдә чөлтәре – торговая сеть; хосусый хужалык – частное хозяйство; саф табыш – чистая прибыль; акча берәмлеге – денежная единица, сорая һәм тәкъдим – спрос и предложение, житештерү коралы – орудие производства; базар бәясе – рыночная цена;

хезмәт иясе – трудящийся; шәхси куллану – личное пользование; құпләп сәүдә – оптовая торговля; кыйммәтнең күренеше – выражение стоимости; күчермәи торган мәлкәт – недвижимое имущество; өстәмә кыйммәт – добавочная стоимость; байлык чыганағы – источник богатства и др.

К сожалению, татарские слова в данном словаре составляют всего 5%, часть из которых по происхождению арабские, но, в свою очередь, прочно вошедшие в татарский язык: биләүче – владелец; йолым – выкуп; бурыч – долг; йөкләмә – обязательство; бурыч йөкләмәсе – залоговое обязательство; бурыч түләүләре – долговые платежи; бурычлык – задолженность; табыш алу – извлечение прибыли; милек – собственность; мәлкәт – имущество; туплау – накопление; алмашу кыйммәте – меновая стоимость; оешма – организация; тармак – отрасль; кулланучы – потребитель; керемчыгым – приход-расход; житештерү – производство; хезмәт – должность, труд; зыян – убыток; зарар – убыток; сәүдә – торговля; ташлама – уступка; хажәт – потребность и т.п.

Собственно арабско-персидские заимствования в составе полукалек представлены единичными примерами (всего 7 словосочетаний), такими как: химая пошлины – покровительственные пошлины; истигъмаль кыйммәте – потребительская стоимость; иҗтимагый – социальный; иҗтимагый хезмәт – общественный труд; иҗтимагый житештерү – общественное производство и другие сочетания со словом иҗтимагый (в других словарях эти словосочетания отмечены как книжные устаревшие, например, в Татарско-русском словаре 1966 г. выпуска).

Отдельные слова имеют синонимы. К русским заимствованиям изыскивались татарские варианты, в редких случаях – арабские: апелляция – апелляция, мөражәгәть итү; аргумент – аргумент, дәлил; базироваться – база итеп алу, нигезләнү; выкуп – выкуп, йолым; потребительная стоимость –

потребитель (истигъмаль) кыйммәт; привилегия – привилегия, өстенлек; продовольствие – продовольствие, азык; работник – работник, эшче; уравниловка – уравниловка, тигезләүчелек; расточительство – әрәм-шәрәм итү, исраф.

С точки зрения функциональности в словаре выделяются и устаревшие, выбывшие из употребления, слова, в основном русского происхождения (боярлар, дворянство, калым, крепостнойлык, маниловчылык, алпавыт – помещик, самодержавие, Столыпин реформасы, царизм, феодал).

После словаря 1941 г. и по 1996 г. (год издания «Толкового словаря финансово-экономических и юридических терминов») словари подобного рода не издавались. Но, как уже отмечалось выше, в 1960-70-е гг. был выпущен ряд учебников по политической экономии, а также словарь «Кыскача политик сүзлек»⁶, в котором присутствует финансово-экономическая терминология. Последний был создан на основе политических словарей, изданных к этому времени в рамках Госполитиздата на русском языке. В написании его татарского варианта участвовали М.Ахметов, М.Гимадиев, А.Камалетдинов, С.Файзуллин, А.Хасанова, М. Шириязданов. Среди политических терминов выделяется 51 термин из области финансов и экономики. Из них 41 слово – заимствования из русского языка (аграрный кризис, арбитраж, аренда, акция, экономика, финанс, бухгалтерия, кредит, лицензия, экономия, режимы, пособиеләр, пошиналар, спекуляция, налог, конкуренция, кооперация, промышленность, бум, вето, виза и т.д.), 6 слов – полукальки (дәүләт бюджеты, дәүләт страхованиясе, бишельлик план, авыл хужалыгы артель уставы, акционер жәмгыять, банкротлык) и 4 – татарские и арабские лексические единицы (дәүләт милкә «государственная собственность», тигезлек «баланс», идарә итү «администрация», өстәмә кыйммәт «добавленная стоимость»). Данное лексикографическое издание

констатирует еще большую русификацию в области финансово-экономической терминологии.

Другими источниками специальной лексики данного периода можно рассматривать учебники по политэкономике. Например, в указанном выше учебнике «Политик экономия. Дәреслек» можно выделить около 760 единиц специальной финансово-экономической лексики, которые распределились по следующим категориям: а) татарские слова (8 %); б) полные кальки (10,5%); в) полукальки (29,1%); г) заимствованные слова из русского языка (51,9%). Как видно из соотношений, большую часть составляют слова, заимствованные из русского языка. Специальная лексика, основанная только на татарских словах, объединяет вместе с кальками только 20%, остальная лексика либо смешанная с русскими лексическими единицами (полукальки), либо полностью состоит из русских слов или из русских слов с татарскими грамматическими конструкциями (или корневые и производные заимствования соответственно).

К первой группе слов относятся татарские и арабские слова: милекче – собственник; сатучы – продавец; жир хужалары – землевладельцы; житәкчө – руководитель; хәерчеләнүе – обеднение; жиһазлар – оборудования; тәзминат иту – обеспечение; керемнәр – доходы; килешү – сделка; миќдар – количество; челтөр – сеть и др.

Кальки в тексте учебника представлены в основном словосочетаниями различной этимологии: ихтыяжларын канәгатьләндеру – удовлетворение потребностей; хезмәт кораллары – орудия труда; алу-сату – купля-продажа; бәтәндөнья акчасы – мировые деньги; куллану кыйммәте – потребительская цена; эшкәртелгән чимал – обработанное сырье; хезмәт базары – рынок труда; ваклап сәүдә – мелкая торговля; исәп-хисап кенәгәләре – бухгалтерские книги; куллану әйберләре – потребительские товары; сарыф ителгән житештерү – производство с издержками; житештерү тәҗрибәсе – произ-

водственный опыт; буш акча – свободные деньги; таләпләр һәм йөкләмәләр – претензии (требования) и обязательства; азык әйберләре – продовольственные товары; хезмәт житештерүчәнлеге – трудовая производительность; исәп-хисап эшләре – бухгалтерская, расчетная работа и др.

В качестве полукалеек можно выделить следующие словосочетания: колхоз-кооперация милке – колхозно-кооперативная собственность; конкуренция көрәше – конкурентная борьба; хезмәт средствосы – средства труда; чи материаллар – сырье; житештерү көчләре – производственные силы; житештерү процессы – производственный процесс; акча беремлекләре обороты – оборот денежных единиц; капиталның башлангыч тупланышы – первоначальное накопление капитала; кыйммәт законы – закон стоимости; тупланыш средствосы – средство накопления; сәүдә предприятие – торговое предприятие; милли доход – национальный доход; ватан промышленносте – отечественная промышленность; спекулятив сәүдә – спекулятивная торговля; акча резервлары – денежные резервы; акционерлар жәмгыяте – акционерное общество; вексель бурыч йөкләмәсе – вексельное долговое обязательство; кәгазъ акча девальвациясе – девальвация бумажных денег; расчет үзәкләре – расчетные центры; жыемта (жыем) ижтимагый продукт – валовой общественный продукт; массовый эшсезлек – массовая безработица; дәүләт аппараты – государственный аппарат; социаль нигезе – социальная основа; милли экономика – национальная экономика; капитал туплауның законнары – законы накопления капитала; статистика мәгълүматлары – данные статистики; вак товар производсоы – мелкотоварное производство; хосусый хужалык капитализмы – частнособственнический капитализм; планлы эш – плановая работа; товар-акча мөнәсәбәтләре – товарно-денежные отношения; авылхужалыгы производство кооперативлар – сельскохозяйствен-

ные производственные кооперативы; производство элемтәсе – производственные связи; колхозы хужалыгы милке – колхозная собственность; эш хакы фонды – фонд заработной платы; продукциянең үзкыйммәте – себестоимость продукции; гарантияле түләү – гарантийная оплата; специаллашкан магазиннар чөлтәре – сеть специализированных магазинов; дәүләт контроле – государственный контроль и др.

Самый большой объем специальной лексики занимают, как уже отмечалось выше, заимствования из русского языка, куда входит и международная терминология, например: экономик законнар, кооператив члены, товар продукциясе, социаль группалар, банк директорлары, капиталистик предприятиеләр, компания директоры, коммуналь предприятие, метрополияләр, предприятие управляющийлары, промышленность һәм финанс бюрократиясе, расценка, капитал элементлары, капиталист-промышленник, массовый товарлар, спекулянтлар, товар биржасы, универсаль һәм специаллашкан магазиннар, административлык методлары, баланслар системы, экономик рычаглар, новаторларның инициативасы, материаль стимул, производство участогы, экономик фактор, акцияләрнең контроль пакеты, депозитлар, запас фонды, инвестиция, индивидуаль предприятие, капиталистларның интереслары, капиталистик кредит ссуда, клиринг, ипотека һәм эмиссия банклары, фонд биржасы, капиталистик фермерлык, интенсивлаштыру, кабалалы кредит, монополистик союзлар, политклар, привилегия, финанс олигархиясе, суб-аренда, национализацияләнгән предприятиеләр, техника прогрессы, нагрузка, акцияләр курсы, положение, стихияле законнар, товар запаслары, буржуаз классик политик экономия, олигополия, эконометрика, дифференциацияләшү процессы, карточка системы, кооперативлаштыру, производство-техника базасы, сектор, производство заданиеләр, экономик һәм политик обстановка; финанс-креди-

тит системы, диспропорция, индустрималь держава, электрлаштыру, реальный доход, автоматик система, бюрократик элементлар, технология процесслары, механизкалаштыру, экономик базис, колхоз секторы, экономик инструментлар, работниклар категориясе, нормалаштыру, финанс нормативлары, прогрессив система, разряд, социальное страхование, страховой фонд, финанс органнары, эффектлылык, интенсификация, комплекслы бригада, МТС, пай взнослары, техник революция, нормаль товар запаслары, сезонлы товар запаслары, кредит операцияләре, регулировка и др.

Сравнивая лексический материал словаря 1941 г. и учебников 1960-х гг., заметна тенденция все большей русификации специальной лексики. Например, слово «национализация» в издании 1941 г. было представлено как «дәүләтләштерү» наряду с синонимом «национализация», а уже в учебнике 1960 г. – только лишь в заимствованном варианте; термин «расценка» – от «бәя кую» до заимствованного «расценка». Среди других примеров: «оборот денежных единиц» – «акча әйләнеше» до «акча беремлекләре обороты» соответственно; «рабочник» – от синонимичного использования «рабочник, хезмәтче» до заимствованного «рабочник» (рабочникларның материаль хәлен яхширу); «частное предприятие» – от полукальки «хосусый предприятие» до полного заимствования «индивидуаль предприятие»; «потребитель» – от двойного стандарта «кулланучы, потребитель» до единичного «потребитель» (потребитель кыйммәте, потребитель кооперациясе); «экономическое положение» – от синонимичного использования «экономик положение, экономик хәл» до заимствованного «экономик положение»; интересная ситуация со словом «производство» – в обоих периодах использовались татарское «җитештерү» и заимствованное «производство», однако в 1960-х гг. наблюдается все большее тяготение к русскому заимствованию, т.е. примеры со вторым

вариантом превалируют (житештерү стредстволары, житештерү сферасы, но производство-техник базасы, авыл хужалыгы производство кооперативлар, производство кооперациясе, производствонын алдынгы методлары, производство элемтәсе, производство-техник хезмәте и др.). В это же время появляются экономические неологизмы: клиринг, ипотека һәм эмиссия банклары, акцияләрнең контроль пакеты и другие только в рамках описания капиталистической экономики.

Сравнивая лексический материал отмеченных словарей и учебников, выявляется одна тенденция – все большая русификация специальной экономической терминологии. В плане специальной литературы – также сокращение изданий до нескольких учебников и ежегодных однотипных бюджетных отчетов и литературы по сельскому хозяйству. Период «расцвета социализ-

ма», как видим, сыграл отрицательную роль в плане функционирования татарского языка в данной области и также отрицательно повлиял на развитие татарской финансово-экономической специальной лексики.

Сейчас мы живем в «новой России». История страны с конца 1980-х гг. снова приобрела новый вектор развития как в экономическом направлении, так и в языковой ситуации с возрождением этнонациональной самодостаточности. В последние десятилетия специальная литература набирает обороты, что наблюдается по научным и периодическим изданиям в области финансов и экономики. Поэтому данный анализ может быть полезен для выработки новой финансово-экономической терминологии с возрождением исконно татарских слов или татарских слов арабского происхождения во избежание сплошной ее русифицированности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Книги Татарстана. Библиографический указатель. Т. 5: 1961-1980 гг. (на татарском и русском языках). – Казань: Изд-во «Магариф», 2004. – С. 147-151.
2. Политик белем нигезләре. Политмәктәпләр һәм үзлегеннән укучылар өчен. – Казан: Таткнигоиздат, 1957. – 558 б.
3. Леонтьев П.А. Кыскача политик экономия / П.А.Леонтьев. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1968. – 408 б.
4. Политик экономия. Марксизм-ленинизм нигезләрен өйрәнү өчен дәреслек. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1973. – 327 б.
5. Политик-экономик терминнар (русча-татарча, татарча-русча) / Төз.: Махиянов Ф., Шәфиев Г., Нуғайбик Г. – Казан: Татгосиздат, 1941. – 134 б.
6. Кыскача политик сүзлек / Төз. М. Әхмәтов, М. Гимадиев, А. Камалетдинов, С. Фәйзуллин, А. Хасanova, Ш. Шириязданов. – Казан: Татгосиздат, 1951. – 461 б.

Аннотация

Эта статья посвящена ретроспективному обзору финансовой и экономической литературы на татарском языке и специальной лексики татарского языка в период 1940-80-х гг. Этот этап отмечается сужением специальных тем, уменьшением изданий экономической специальной литературы и все большей русификацией татарской экономической терминологии.

Ключевые слова: функционирование языка, финансово-экономическая литература, специальная экономическая лексика, заимствования, кальки, лексические единицы.

Summary

This article is devoted to the retrospective review of financial and economical literature and special vocabulary in the Tatar language during the 1940-1980s. This period is marked by the restricting of special themes, decreasing of publications special books and materials on economics, more and more rusification of economical terminology.

УДК 398

ДРЕВНИЕ ПЛАСТЫ ТАТАРСКИХ ПАРЕМИЙ

Х.Ш. Махмутов, доктор филологических наук, профессор

Паремиологический фонд татарского фольклора начал формироваться в глубокой древности, и в течение многих веков — вплоть до становления современных тюркских языков — процесс этот шел в недрах общетюркского фольклора. Древнетюркские письменные памятники содержат в себе довольно много различных видов паремий, имеющих неоценимое значение для изучения малых жанров фольклора, особенно истории их возникновения и развития.

Насколько нам известно, первые образцы древнетюркских афоризмов были зафиксированы в так называемых орхонских памятниках, написанных руническим письмом на мраморных стелах и сосредоточенных главным образом в бассейнах реки Орхона и ее притоков на территории современной Северной Монголии. В VI—VIII вв. нашей эры здесь находился центр Тюркского каганата — государства народа *кок тюрк* ‘голубые тюрки’, владения которого занимали обширные пространства Центральной Азии от Маньчжурии до Каспийского моря. Вышеуказанные стелы с руническими текстами представляли собой надписи в честь выдающихся государственных деятелей Тюркского каганата. К таковым относятся, в первую очередь, Малая и Большая надписи прославленному витязю и полководцу Кюль-тегину (732 г.), надписи знаменитому Бильге-кагану, старшему брату Кюль-тегина (735 г.) и мудрому советнику каганов Тоньюкуку, бывшему одновременно и видным военачальником (734 г.). Содержание этих надписей значительно шире, чем биографии отдельных лич-

ностей. Повествуют они и о возникновении каганата, и о многочисленных военных походах, и о борьбе тюркского народа за свое освобождение из-под китайского ига, в котором он находился в 630–682 гг. Поэтому жанр надписей часто определяется как мемориальная хроника, а С.Г.Кляшторный называет их даже «летописью бурной истории Тюркского каганата», хотя он сам же указывает на целый ряд несоответствий в изложении исторических событий в надписях с действительно происходившими событиями в жизни государства кек тюрков¹. Как справедливо указывают отдельные исследователи, здесь дело в том, что надписи эти не историко-документальные сочинения, а литературные произведения. Автором первых трех из них, хотя повествование и ведется от имени Бильге-кагана, является родственник кагана Йолыг-тегин, о чем несколько раз упоминается в самих текстах: «Эту надпись написавший его племянник Йолыг-тегин». Полагают, что надпись в честь Тоньюкука написана им самим, во всяком случае делалось это по его прямому распоряжению: «Я приказал написать это для народа тюркского Бильге-кагана, я, мудрый Тоньюкук»².

Как яствует из художественного оформления текстов, и Йолыг-тегин, и Тоньюкук были большими знатоками как литературных канонов, так и фольклорных традиций своего времени. Известный исследователь орхонских надписей И.В. Стеблева вполне резонно допускает, что тексты памятников в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана, возможно, являлись литературной трансформацией песен и героических

сказаний, складывавшихся вокруг этих героев. Видный эпосовед Х.Г. Короглы также подчеркивает, что «в этих памятниках..., хотя повествование основано на историческом материале, события даны в эпическом плане»³.

Действительно, многими своими художественными особенностями – построением сюжета по генеалогическому принципу, общенародной проблематикой, озабоченностью судьбами страны, идеализацией и гиперболизацией как персонажей, так и событий и т.п. – орхонские памятники как бы перекликаются с эпическими произведениями тюркского фольклора.

Нас здесь интересует такой важный поэтический элемент народного эпоса, как использование постоянных клише, разнообразных стилистических формул и штампов. Ибо в роли таких эпических формул довольно часто используются как раз пословицы, поговорки или же другие типы паремий, придающие текстам надписей большую выразительность и эмоциональность. По нашим подсчетам, их всего более десяти и некоторые изречения повторяются по 3–4 раза. Иногда пословица вводится в ткань художественного произведения без каких-либо изменений как прямая речь, как апелляция к народной мудрости и делается это обычно при помощи слов «говоря», «как говорится» и т.п. Например, в Малой надписи в честь Кюль-тегина читаем:

«...анта аныг киси анча
башгуур өрмис
ырак өрсэр йаблак ағы бирүр
йагук өрсэр әдүг ағы бирүр
тип анча башгуур өрмис».

‘...там дурные люди так научали:
«Кто далеко, тому дают
плохие дары,
кто близко, тому дают
хорошие дары», –
говоря так научали’⁴

Если даже текст паремии в надписи специально не выделен, его нетрудно

узнать по художественному оформлению:

*«Иним Құл тигин көргәк болты
озым сакынтым.
Корур қозим көрмәз тәг
билир билигим билмәз тәг болты...»*

*‘Мой младший брат Кюль-тегин
скончался,
я сам заскорбел.
Зрячие очи мои словно ослепли,
вешний разум мой словно отупел...’*

Подчеркнутое нами двустишие восхищает своей поэтической отточенностью. Имеются в нем редифная рифма, аллитерация и ассонанс. Что касается ритмического строения, перед нами семисложник со звеноразделом после четвертого слога (4+3). Все эти поэтические приемы, в первую очередь, присущи фольклорному стиху. Видимо, поэтому профессор Х. Усманов полагал, что двустишие это должно быть извлечено из какого-то народного сказания⁵. И действительно, Н. Хисамов обнаружил его в огузском эпосе «Китаби Дәдә Горгуд», правда, в несколько ином варианте:

*Дәли Домруулун корәр козу көрмәз олду.
Тутар әлләри туттаз олду
‘Видящие глаза удалого Домрула пере-
стали видеть, держащие руки его пере-
стали держать’⁶.*

Итак, мы более-менее уверенно можем сказать, что поговорка *Корур қозим көрмәз тәг* является изречением фольклорного происхождения, проникшим и в письменный литературный язык. Что касается целого ряда стилистических формул типа *Башлыгыг йүкүнтурмис, тизлигиг сокүрмис* ‘Имевших головы они заставили склонить [головы], имевших колени они заставили преклонить [колени]’, они вполне могли быть сочинены авторами надписей и проникнуть затем в фольклорный репертуар. Как известно, в сочинении пословиц в древности активно участвовали чичени (поэты-

импровизаторы), старейшины родов и др. Одним из таких народных мудрецов вполне мог быть и Тоньюкук. В надписи, авторство которой приписывается ему, имеется ряд афористических выражений, не встречающихся в других орхонских памятниках: *Түн удуматы, күнтүз олурматы, кызыл каным токти, кара тәрим йүгүрти* ‘Ночью не имея сна, днем не имея покоя, проливая свою красную кровь, заставляя течь свой черный пот’ и др. «Речь Тоньюкука пестрит пословицами», — отмечает Х.Г. Короглы. Он проводит интересную параллель между историческим лицом Тоньюкуком и эпическим героям Деде Коркутом. Речь последнего также полна народной мудрости, пословиц и поговорок, которые впоследствии приобрели самостоятельную жизнь и как афористические произведения. Так, «в древнейшем сборнике «Пословицы и поговорки» («Аталарап созю»), сохранившемся в рукописи XVI в., все примеры приводятся от имени Деде Коркута»⁷.

Язык орхонских надписей для своего времени являлся единым, наддиалектным и общепонятным литературным языком. Им пользовались различные тюркские племена: огузы, уйгуры, киргизы, кыпчаки... Следовательно, и устойчивые выражения, паремии, встречающиеся в орхонских надписях, могли найти применение в литературных произведениях других тюркских регионов, в т.ч. Поволжья. Еще больший круг распространения они должны были иметь в устном бытении.

Исходя из таких предпосылок, мы попытались проследить, как упомянутое выше изречение *Корур козум кормәз тәг* ... бытовало в татарском фольклоре и литературе в последующие эпохи. И встретились мы с ним в различных списках знаменитого произведения «Нахдж-ал-фарадис». Автором этой книги является Махмуд Булгари, который родился в г. Булгар и творил в г. Сарай. Завершил он свое сочинение 8 (22) января 1358 г.

Изречение *Корур козум кормәз тәг* использовано в стамбульском списке

«Нахдж-ал-фарадис» в своем наиболее полном варианте:

*Күрүр күзүң күрмәз, тутар илкиң туттамаз, йүрүр азакун йүрмәз, сүзлөр тилин сүзлөмәз булгай*⁸.

‘Словно зрячие очи видеть, держащая рука держать, ходячая нога ходить, говорящий язык говорить перестали’.

Итак, крылатое выражение, зафиксированное руническим письмом на мраморе в первой половине VIII в. в верховьях реки Орхон, спустя шесть столетий появляется на страницах литературного произведения, написанного арабским письмом на бумаге в Поволжье.

Орхонские памятники стали известны науке сравнительно недавно. Чуть более ста лет назад — в 1889 г. Н.М. Ядринцев, сибирский краевед, археолог и этнограф, обнаружил в верховьях р. Орхон (Северная Монголия) три каменные стелы с руническими и китайскими текстами. 15 декабря 1893 г. на заседании Датской королевской академии В. Томсон доложил о результатах дешифровки рунического письма...⁹ Но за 13 лет до этого, т.е. в 1880 г., педагог М.Ш. Салихов выпустил в Казани сборник «Табышмаклар һәм һәртәрле халық арасында әйтлә торган мәкалъләр» (Загадки и различные пословицы, бытующие в народе). На 14-й странице сборника читаем: *«Киләсе каза булса, күрер күзәң күрмәс булыр, ишетер колагың ишетмәс булыр»*. Смысл изречения таков: коль предначертана беда, зрячие очи твои станут слепыми, слышащие уши станут глухими.

Следовательно, анализируемое изречение дошло из глубины веков до наших дней двумя путями: с одной стороны — зафиксированным на камне, а с другой — независимо от письменных источников, по непрерывающейся линии народной памяти. О том, что оно (изречение) в конце XIX в. активно бытовало в народе, свидетельствуют и другие источники. Как известно, видный татарско-башкирско-казахский поэт

М. Акмулла (1831–1895) в своих стихотворениях широко использовал народные афоризмы. Среди них встречается и исследуемое нами выражение:

«Бәлә килсә, күрер күз күрмәз улыр,
Каза килсә, аяклар йормәз улыр»¹⁰.

(Беда придет — зрячий глаз слепым станет, несчастье придет — ноги неходящими станут).

На этом следы древней поговорки не затерялись. В 1912 г. ее в свой сборник «Халык әдәбияты: Мәкалъләр» (Народная литература: Пословицы) включил Х.Габдельбадиг (Ходжа Бадиги) [с. 67]. Вошла она и в сборник «Татар теленец фразеологиясе, мәкалъ һәм әйтемнәре» (Фразеология, пословицы и поговорки татарского языка), составленный и изданный в 1957 г. в Казани Л.Залием, Н.Бургановой и Л.Махмутовой, где указан и ее переносный смысл: «Быть сильно обманутым» [с. 217]. Писал о ней в 1979 г. и Н.Исанбет¹¹.

Таким образом, в современном татарском фольклоре есть изречения, ко-

торые непосредственно связывают его с литературно-фольклорным памятником древних тюрков VIII в. Еще больше фактов подобного рода дают нам другие древнетюркские источники: рукописный сборник пословиц из библиотеки буддийского пещерного монастыря в Дуньхуане (Восточный Туркестан, X в.), словарь М.Кашгари «Дивану лугат-ит-турк» (XI в.), словарь кыпчакского (куманского) языка «Кодекс Куманикус» (1303 г.) и др., в которых, по нашим подсчетам, зафиксировано около 400 изречений, представляющих все жанры афористического творчества. Фронтальное сопоставление этих древних текстов с современными татарскими паремиями выявило среди них более 200 адекватов или очень близких вариантов, что свидетельствует о существовании между ними непосредственной преемственности и что значительная часть паремиологического фонда татарского народного творчества была вынесена народной памятью из общетюркского фольклорного наследия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. — М., 1964. — С. 43, 90, 91, 136 и др.

² Стеблева И.В. Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. — М., 1976. — С. 14, 49.

³ Курглы Х.Г. Борынгы төрки язмачылык // Татар әдәбияты тарихы. Алты томда. I. — Казан, 1984. — Б. 43.

⁴ Древнетюркские тексты и их переводы на русский язык приводятся по вышеуказанной книге И.В. Стеблевой «Поэтика древнетюркской литературы...».

⁵ Усманов Х. Древние истоки тюркского стиха. — Казань, 1984. — С. 76.

⁶ Хисамов Н.Ш. Поэма «Кысса-и Йусуф» Кул ‘Али. — М., 1979. — С. 207.

⁷ Курглы Х.Г. Борынгы төрки язмачылык ... Б. 47.

⁸ Eckmann J.D. «Nehcül feradis». С. 1. — Ancara, 1956. — S. 280—15—16.

⁹ Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники... С. 5—6.

¹⁰ Акмулла. Шигырьләр / Төзүчесе М.Госманов. — Казан, 1981. — Б. 135.

¹¹ Исанбет Н. Татар теленец фразеологик әйтемнәрендә тарихилык һәм үткән белән бүгенгенең чагылышы // Казан углары, 1979. — № 12. — Б. 126—127.

Аннотация

Богатый афористический фонд татарского фольклора начал формироваться в глубокой древности, и в течение многих веков — вплоть до становления современных тюркских языков — процесс этот шел в недрах общетюркского фольклора. В целом ряде древних письменных памятников зафиксированы тексты пословиц, поговорок, загадок и других ви-

дов паремий, которые являются серьезным подспорьем в изучении генезиса и эволюции афористических жанров. В статье Х.Ш. Махмутова подвергаются конкретному анализу паремии из Орхонских рунических памятников (VIII в.), проводится сопоставление их с современными татарскими пословицами, при котором обнаруживается их текстуальная и семантическая близость, а иногда и полная идентичность. Автор подчеркивает, что такая же картина характерна и для других памятников: словаря Махмуда Кашигари «Дивану лугат-ит-турк» (XI в.), «Кодекс Куманикус»а (1303 г.) и др. В письменных источниках VIII-XIV вв. автором обнаружено около 400 изречений, более половины которых имеют адекваты или очень близкие варианты в современном репертуаре татарского фольклора. Делается вывод, что значительная часть татарских паремий была вынесена и сохранена до наших дней из общетюркского фольклорного наследия.

Ключевые слова: древнетюркские афоризмы, орхонские памятники, Тюркский каганат, эпические формулы, фронтальные сопоставления, адекваты, близкие варианты, руническое письмо.

Summary

The rich aphoristic fund of tatar folklore started to be formed in an extreme antiquity and this process went in the bounds of Turkic folklore through many centuries. Texts of proverbs, sayings, riddles which are serious help in studying genesis and evolution of aphoristic genres are saved in variety of written monuments. In the article proverbs, sayings, riddles from Orhonsky runik monuments (VIII century) are exposed to concrete analysis and are compared with modern tatar proverbs at which their textual and semantic affinity are recognized and sometimes even full identity can be found. The author underlines that such monuments as «The dictionary of Turkic languages (XI century) by Makhmoud Kashgari», «Code of Kumanikus» (1303) and etc are characterized by the same picture. In written sources of VIII-XIV centuries the author found out about 400 sayings which have very close variants in modern repertoire of tatar folklore. That lets the author make a conclusion that a considerable part of tatar proverbs has been saved till nowadays as a part of Turkic folklore heritage.

УДК 81:001.12/18

К ПРОБЛЕМЕ СОХРАНЕНИЯ ЯЗЫКОВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Д.Н. Мустафина, кандидат филологических наук

Многообразие – основная характеристика жизни. Многообразием проникнуто все окружающее человека. Но самое многообразное явление – сам человек. И эта его уникальная характеристика на всем протяжении развития человечества являлась двигателем развития и прогресса. Национальное многообразие – неотъемлемый признак общества. Однако отношение к нему часто формировалось в зависимости от разного рода причин, преимущественно политического характера. На сегодняшний день ценность национального, культурного и языкового многообразия признана на уровне международных организаций, таких, как ООН, ЮНЕСКО, ОБСЕ и ЕС, а также на государственном уровне во всех развитых демократических странах.

XX в. стал переломным в мировой и особенно европейской политике в отношении общества к региональным или малоиспользуемым языкам. В начале века возникли стремления европейского общества в ограждении их от дискриминации. Следующим этапом стал период с момента провозглашения Всеобщей Декларации прав человека в 1948 г., когда языковые права стремились реализовать на основе равенства, и признаком третьего этапа, который наступил в последнее десятилетие XX в., стало осознание европейским сообществом необходимости признания и поддержки языкового многообразия и самобытности наций, что выразилось в принятии европейскими организациями ряда документов по защите прав национальных меньшинств,

в том числе и языковых. В связи с этим можно сформулировать основные аспекты общеевропейской языковой политики в сфере защиты языкового многообразия:

- 1) поддержание языкового разнообразия и поддержка использования, формирования и распространения возможно большего числа языков;
- 2) поощрение языкового разнообразия на всех уровнях образования, стимулирование изучения нескольких языков с раннего возраста;
- 3) включение традиционных педагогических систем в образовательный процесс с учетом сохранения и по возможности полного использования специфических для данной культуры методов общения и передачи информации;
- 4) поощрение публичного доступа к мировым информационным сетям, включая распространение языкового многообразия в киберпространстве.

ЮНЕСКО сформулировало причины, которые выявляют необходимость поддержки и защиты языков. Эти тезисы универсальны и применимы ко всем языкам:

- человечество развивается и нуждается в многообразии;
- языки отражают исторический опыт;
- языки являются инструментом социализации, выражения и передачи социальных и культурных традиций;
- языки способствуют увеличению человеческих знаний;
- языки являются поразительно богатыми и разнообразными продуктами творческого разума человека;

— языки являются средством самоидентификации, усиливают ее и представляют большую ценность для говорящих на них.

Российская Федерация — уникальное по национальному составу государство. Национальное многообразие России признано Конституцией достоянием страны. Президент Российской Федерации неоднократно называл принцип толерантности основополагающим в диалоге культур, наций и языков. Успешное решение проблем комфорtnого сосуществования многочисленных наций внутри единого Российского государства — основополагающая и приоритетная задача национальной политики страны. Стремясь к интеграции с Европой и другими развитыми демократическими государствами, Россия берет на себя обязательства по соблюдению основных прав и свобод человека. Многообразие наций и культур составляет ядро российского общества. От того, насколько эффективно в Российской Федерации решаются вопросы национального развития, неотъемлемой частью которых являются процессы развития языков, зависит общее благосостояние нации. Успешная реализация основных направлений языковой политики позволит достичь лишенного напряженности, комфорtnого состояния огромного числа наций внутри России. В современных условиях экономической нестабильности большое значение приобретает общая атмосфера внутри многонациональной страны, когда ее граждане осознают себя частью большой федерации, имеющих, однако, право на национальное самовыражение, предполагающее развитие языка в первую очередь. Язык — символ нации, ее первый признак. Языковая политика Российской Федерации направлена на регулирование языковых процессов в стране. Конституцией РФ регионам предоставлено право на разработку и реализацию нормативной базы по поддержке национальных языков. Русский язык — государственный язык Российской Федерации, что подтверждается

и региональным языковым законодательством, согласно которому русский и национальный языки признаны официальными государственными языками регионов. Однако реализация языковой политики регионов должна проходить в соответствии с федеральным законодательством, согласно которому национальное многообразие России признано ее достоянием и богатством и находится под защитой государства. Для России, которая стремится к сотрудничеству с Европой, очень важен европейский опыт в этой области именно для того, чтобы это сотрудничество было успешным и равноправным. На этом этапе важно изучение общеевропейской нормативной базы, проектов и программ общеевропейских организаций по поддержке языков для поиска точек соприкосновения России и Европы по данным вопросам и регионального использования европейского опыта в той мере, в которой это позволяют российское законодательство и региональные нормативные документы по языкам. Изучение опыта отдельных европейских федеративных государств, языковых ситуаций в их национальных регионах и автономиях позволит избежать ошибок в регулировании языковой ситуации в целом в РФ. Анализ таких документов общеевропейского законодательства, как Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств, а также опыт стран, ратифицировавших ее, позволит научно обосновать реальную применимость или невозможность таковой для Российской Федерации.

В настоящее время почти все регионы Российской Федерации перешагнули пятнадцатилетний рубеж после принятия законов о языках. Результаты, несомненно, есть, однако они не полностью оправдывают ожидания. Несмотря на явные сдвиги в языковых процессах, еще рано говорить о реализации государственного статуса национальных языков де-факто, а не только де-юре. Это связано с рядом причин, одной из которых является отсутствие

опыта по решению языковых проблем. Несмотря на тот факт, что языковые процессы обладают инертностью по своей природе и требуют значительного времени для реального трансформирования, тем не менее на современном этапе можно говорить об угасании первоначальной активности процессов языкового развития. Это связано с недостатком новых методов, путей для расширения функциональных возможностей языков. Остановка процессов развития языков опасна тем, что в условиях современного глобального мира это может привести к вымиранию многих языков.

Для Российской Федерации как для многонационального государства очень важно найти баланс между укреплением целостности единого Российского

государства и возможностью реализации национальной идентичности ее народов. Диалог в этом направлении должен осуществляться на региональном общефедеральном и международном уровнях.

Существует ошибочное мнение, что многообразие ведет к непониманию и конфликтам. Необходимо понимать, что лишь неуважение к многообразию и непринятие его порождают напряженность и конфликты. Поддержка языкового многообразия, опора на общепринятые демократические принципы при реализации языковой политики, равнение в этом отношении на наиболее развитые правовые государства позволят оптимизировать процессы сохранения, развития и поддержки родных языков.

Аннотация

Проблема сохранения и поддержки национальных языков особенно актуальна на современном этапе развития человечества, когда глобализация проникает во многие сферы общественной жизни. В связи с этим при планировании и реализации национальной языковой политики Российской Федерации — одного из самых полиглоссических государств в мире — перспективным представляется рациональное использование европейского опыта по языковым вопросам. Успешное решение вопросов комфортного существования наций внутри единого Российского государства — залог стабильности и процветания страны.

Ключевые слова: родной язык, сотрудничество, право, развитие, федерация.

Summary

The problems of support and development of native languages are especially urgent nowadays, when globalization becomes the main characteristic of reality. It is important and perspective therefore while realizing the national language policy and at the federative and regional levels to take into consideration the progressive experience of European federative or multinational countries as well as international legislative system on support of languages. Russia is a unique multinational country and the success of its language policy is guaranty of its stability and prosperity.

УДК 81'35; 81'42

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОВОЛЖСКИХ РУНИЧЕСКИХ НАДПИСЕЙ

Ф.Ш. Нуриева, доктор филологических наук, профессор

В настоящее время в Поволжье обнаружено больше десяти рунических надписей на таких археологических находках, как посуда, сабля, пряслица, на камнях и других предметах.

Районы распространения – Среднее Поволжье и Прикамье, предметы с руническими надписями встречаются в Самарской области, республиках Марий Эл и Удмуртии, где в древности находились военные укрепления Булгарского государства. Все находки известны в науке, описаны археологами (П.Н.Старостин, А.Ф.Клочкина и др.), прочитаны историками языка (Х.Р.Курбатов, Э.Р.Тенишев), проведен палеографический анализ (И.Л.Кызласов), определена хронология надписей, которая колеблется в пределах V-VI вв. и XII-XIII вв. (датировка некоторых надписей весьма приблизительна).

По мнению археологов и ученых-лингвистов, рунические надписи укладываются в рамках трех традиционных периодов истории Волжской Булгарии: раннебулгарский, домонгольский и золотоордынский. К раннебулгарскому этапу (вторая

половина VIII–X вв.) относятся Афанасьевская (Кировская область, верховья р. Кама – надпись из пяти знаков на дне серебряной кружки), Седьярская (д.Седьяр в Удмуртии, надпись на вертикальной ручке серебряного кувшина), Юриноская (с.Юрьево, Марий Эл, надпись на камне из восьми знаков) надписи.

Домонгольский и золотоордынский периоды (X по XIII в.) включают в себя все остальные надписи: Микушкинская (с.Микушкино, Самарская обл., надпись на камне из пяти знаков), Мурзихинская (р.Кама, Мурзихинское селище, пряслице с рунической надписью из восьми знаков на две строки), Сарабиккуловская (д.Сарабиккол Лениногорского района РТ, надпись на камне с пятью руническими знаками), Билярская (Билярское городище РТ, надпись из шести знаков на ручке сосуда) и Курашевская (Старокуйбышевское городище, надпись состоит из трех знаков) и другие (Тенишев, 2006, 170). Надписи на бытовых вещах и их содержание свидетельствуют о широком распространении умения читать и писать, а также убеждают о длительном бытovanии рунической графики на территории Поволжья и после появления арабского письма. Исследователи рунических надписей Поволжья считают, что руническая система письма была принесена в Среднее Поволжье той частью населения, которая непосредственно генетически была связана с салтово-маяцкой культурой и приняла активное участие в оформлении этнокультурного облика Волжской Булгарии в целом (Кочкина,

1985, 80). В свое время М.М. Артамонов отмечал, что рунические надписи, найденные на памятниках салтово-маяцкой культуры, скорее всего принадлежат тюркоязычным булгарам. Благодаря этим племенам такие знаки широко распространились в то время и в Дунайской Болгарии (Артамонов, 1954, 19). Исследователи при чтении текстов придерживаются мнения, что в Волжско-Камском регионе буквы и знаки рунических надписей «ближайшим образом напоминают буквы и знаки рунических письмен донского и кубанского ареалов» (Кызласов, 1994; Тенишев, 2006, 157).

При прочтении надписей наблюдаются сложности, исследователями предлагаются различные варианты толкования одного того же текста. Поэтому в своем выступлении я использую те тексты, которые имеют фотокопии, чтобы присутствующие здесь специалисты могли видеть текст с оригинала.

Билярская надпись

В 1983 г. при раскопках на территории Билярского городища археолог А.Ф.Кочкина обнаружила болгарский керамический сосуд XII в. Надпись из шести знаков прочерчена по сырой глине на ручке сосуда. Все знаки четкие, высота строки составляет 1-1,5 см; общая длина 4,7 см.

Публикации: Кочкина А.Ф. Рунические знаки на керамике Биляра // Советская тюркология. – Баку, 1985. – № 4. – С. 75-80; Халиков А.Х. Рунические знаци и надписи от Волжъка Болгария и техните дунавски параллели // Археология. – София, 1988. – № 3. – С.52; Байчоров С.Я. Древнетюркские рунические памятники Европы. – Ставрополь, 1989. С. 251-253; Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. – М., 1994. С. 274-275.

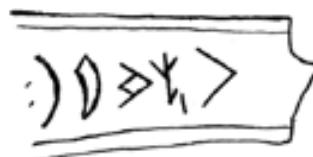
Попытки прочтения: Кочкина А.Ф. Рунические знаки на керамике Биляра, с.79; Байчоров С.Я. Древнетюркские рунические памятники Европы, с. 253; Курбатов Х.Р. Татар әдәби теленец ал-

фавит həm орфография тарихы. – Казан, 1999. – С.29; Тенишев Э.Р. Тюркские рунические надписи Поволжья. – Уфа, 2006. – С.159.

Ф.А. Кочкина, издавшая в 1985 г. фотоснимок надписи, предлагает следующее чтение: «Если следовать особенностям северокавказского варианта рунического письма, то знаки можно связать со следующими буквами: ī – а, ē θ – š, ī – t, 0 – j, ī – n. Образовавшееся сочетание не имеет точных аналогов в древнетюркском словаре. Однако сходные слова имеются, и они обнаруживают близость по смыслу: aš – есть, aš tat – отведать пищу, aš tatiy – пища, tajna – кислое молоко. Поэтому вполне можно допустить, что надпись на сосуде представляет собой благопожелание к принятию пищи» (Кочкина, 1985, 79).

В 1989 г. С.Я. Байчоров воспроизвел чтение надписи со своим толкованием. **Транскрипция:** у чемр(э)н. **Перевод:** «из этого ковша (кувшина). Местоимение у ... является диалектным вариантом болгарского гъу «этот». Что касается второго слова чемр(э)н, то это форма исходного падежа от чем «ковш, кувшин» (Байчоров, 1989, 253).

Чтение Х.Р.Курбатова:

:	)	þ	≥	ń	>
	и	q	t	š	a

Согласно прочтению Х.Р. Курбатова, на ручке сосуда написано слово «acutqan». **Перевод:** посуда для закваски.

Э.Р. Тенишев предложил новое прочтение надписи: ačn m(u)/(a) n «открывая благодать». Комментарий ученого: «Второй знак справа – лигатура: сочетание знака č (θ) со знаком ī (i) неполнно-

го образования. *Ačči* – деепричастие от *ač* = «открывать». Второе слово *tijal* [*< скр. riṇja*] «благодеяние, благодать, доброе дело», встречающееся в памятниках караханидско-уйгурской поры (Махмуд Кашигарский, Кутадгу билиг – Каирский список). Судя по надписи, сосуд служил для каких-то ритуальных целей: хранил ритуальную пищу или напиток, мог служить для сбора подаяний (Тенишев, 2006, 159).

И.Л. Кызласов эту надпись относит к кубанскому варианту рунического письма: «Любопытно, что билярский текст завершается словоразделительным знаком (он имеет вид вертикально расположенных косых черточек), как и надпись на черепке из Маяков. Эта общая особенность указывает на направление написания и чтения обеих надписей справа налево. Три билярские буквы из пяти хорошо знакомы по общему составу донских и кубанских рун. На отнесение надписи к текстам кубанской письменности повлияла форма одного из знаков, который представляется не достаточно ясно прописанным. Пятая руническая буква надписи сопоставима со знаком, известным в донском письме. Однако на билярской находке руна снабжена дополнительными начертаниями. Хронологический разрыв между салтово-маяцкой культурой и материалами Волжской Болгарии предмонгольского времени можно расценивать как препятствие к безусловному отнесению билярского текста к памятникам кубанской письменности... Поэтому, восстанавливая состав кубанского алфавита по совокупности известных материалов, воздержимся от учета специфических особенностей билярской надписи, включив ее данные в подсчет встречаемости знаков» (1990, 15-16; 1994, 274-275).

Сарабиккуловская надпись

Надпись на камне серого цвета длиной 50-60 см с пятью руническими знаками, расположенными ближе к правому нижнему краю камня. Послед-

ний слева знак, заканчивающий фразу, строго вертикален и раза в три-четыре превышает высоту остальных знаков. Датировка надписи отсутствует. По характеру букв надпись Э.Р. Тенишев относит к XI-XII вв. Обнаружено проф. КГУ В.Х. Хаковым в 1967 г. во время научной экспедиции в Лениногорском районе Татарстана вблизи деревни Сарабиккулово.

Публикации: В.Х. Хаков. Камень с рунической надписью из деревни Сарабиккулово Лениногорского района Татарии // Истоки татарского литературного языка. – Казань, 1988. – С. 12-13.

Попытки прочтения: В.Х. Хаков. Камень с рунической надписью из деревни Сарабиккулово Лениногорского района Татарии, 12-13; Курбатов Х.Р. Татар әдәби телененә алфавит һәм орфография тарихы. – Казан, 1999. – С.24-25; Тенишев Э.Р. Турецкие рунические надписи Поволжья. – Уфа, 2006. – С.159.

Первым прочитал надпись сам

В.Х. Хаков. Большую букву

 относит к символу. Рядом с символом находится первая буква, текст нужно читать слева направо (Хаков, 13). И.Л. Кызласов знак расценивает как тамгу(1994, 68).

Транскрипция

.	.	.	.	.

В.Х. Хаков надпись прочел *sübaš*, т.е. «глава войска, военачальник».

Э.Р. Тенишев вносит корректировку в чтение надписи: «Читать букву как *ї* недопустимо, для *ї* в западной рунике есть серия знаков. Следовательно, правильная версия **subaš**, т.е. «источник реки». Но есть ли в том месте река или русло иссохшей реки? Если есть, тогда чтение оправдано» (Тенишев, 2006, 161). Э.Р. Тенишев предложил еще один вариант прочтения **subaš** справа

налево. «Первую букву **ы** можно читать как *ы*, но и как *ы*. Тогда получается поучительная надпись, состоящая из (a)č «милость» (встречается в одном из египетских памятников) и повелительной формы II л. мн.ч. от глагола *jasa* «строй, делай, устраивай» (встречается в большей надписи памятника Кюль-Тегину): (a)č *jas(a)j*. **Перевод:** Делайте добрые дела (милости).

Трой-Урийская надпись

Надпись из пяти рунических знаков на обломке глиняного сосуда, относящегося к Именьковскому периоду. V–VI вв. н.э., обнаружена 27 сентября 1987 г. во время археологической экспедиции в Тройскую Урию Рыбно-Слободского района Республики Татарстан. Нахodka впервые опубликована П.Н. Старостиным, читал Х.Р. Курбатов. Э.Р. Тенишев склонен отождествлять последний «знак с заднеязычным *q*. Словообразовательный аффикс -liq вместе с основой обозначает различные емкости для жидкостей: suliq – кувшин [сосуд для воды]» (Тенишев, 2006, 160).

Именьковская надпись

В 1909 г. известный коллекционер В.И. Заусайлов продал в национальный музей Финляндии в Хельсинки археологические находки, обнаруженные в конце XIX – начале XX вв. в Прикамье. Среди них оказались две булгарские сабли XI–XII вв. с руническими надписями, на которые обратил внимание казанский ученый-археолог П.Н. Старостин.

Публикации: Старостин П.Н. Сабля с рунической надписью из села Именьково Казанской губернии // Истоки

татарского литературного языка. – Казань, 1988. – С.14-16.

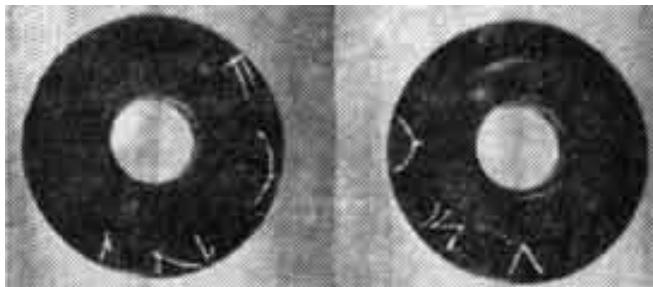
В каталоге (инв. номера 4318 и 4319) отмечено, что обе находки происходят из села Именьково Лаишевского уезда Казанской губернии (ныне Лаишевский район Республики Татарстан). На сабле (№ 4319) возле рукоятки П.Н. Старостиным были зафиксированы рунические надписи, длина строчки 13 см, ширина 1 см. Надпись прочитана Х.Р. Курбатовым.

Чтение – справа налево: Imən kiskə üzə bəkü alqyjış kişi küçlüş čikügin süňüş qylčy.

Перевод: Боевая сабля бека (над) Имен-киске – человека прославленного, сильного Джигуга.

Мурзихинская надпись

Пряслице из сланцевого материала с рунической надписью найдено Е.А.Беговатовым во время археологической экспедиции в разливе левого берега Камы на месте Мурзихинского селища среди других булгарских вещей (керамика, бусы, металлические изделия). Пряслице содержит две строки с руническими знаками, прочерченными острым предметом на обеих боковых сторонах его. Пряслице сделано в XI-XII вв., по-видимому, в это же время была нанесена и надпись. Хранится пряслице у Е.А.Беговатова.

Публикации: Беговатов Е.А. Руническая надпись на пряслице с булгарского селища // Истоки татарского литературного языка. – Казань, 1988. – С. 17-19.

Имеются три версии чтения надписи: 1) Е.А. Беговатова и Р.Г. Ахметьянова: надпись на первой строке прочитана как *brk 'подарок'*, вторая – как *rkn*.

Транскрипция надписи такова:
 $b(e)rk(e) (e) rk(e)\eta(e)$ 'подарок Эркене'.

2) Х.Р.Курбатова, чтение – справа налево. Схема букв и их звуковые обозначения:

Транскрипция надписи: b(a)g(y)š
k(ü) bəzi 'радость для зрения'.

3) Э.Р. Тенишев предложил новое чтение надписи: а) *j(a) y(i)š* б) *(a)lčij(ə)k* ‘а) «жертвенный подарок», б) «возьми-ка, демон!». Термин *jayiš* встречается у Махмуда Кашгарского в значении «жертвенные приношения у доисламс-ких тюрков» (МК III 10). Слово *jæk* оз-начает «демон», встречается в древне-турецких и караханидско-уйгурских текстах. Три слова в целом составляют сберегательное заклинание – оградить владелицу прядилица и ее близких от не-чистой силы (Тенишев, 2006, 162).

Рассмотренные попытки чтения и разные трактовки текстов показывают, что по настоящее время работы с источниками не закончены. Также на-зрела необходимость создания единого архивного хранилища для сохранения и изучения оригиналов рунических памятников, прорисовок, эстампажей, так как они являются свидетельством ранней письменности татарского народа.

V	W	Y
v w y	g	a

i	e	o	o	u

Аннотация

В настоящее время в Среднем Поволжье и Прикамье обнаружено больше десяти археологических находок с руническими надписями, определена их хронология. При прочтении наблюдаются разные трактовки текстов. Назрела необходимость создания единого архивного хранилища для сохранения и изучения рунических памятников Поволжья.

Ключевые слова: рунические надписи, археологические находки, периоды истории, районы, памятники.

Summary

At present more than ten archaeological findings with runic inscriptions were found in the Volga region and their chronology was defined. On reading different interpretations of texts are observed. There is also an urgent necessity to create a single archive repository for the preservation and study of original runic monuments of the Volga region.

УДК 81'366

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ТАТАРСКОЙ СИСТЕМЫ РОДСТВА И СИСТЕМЫ РОДСТВЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Д.Б. Рамазанова, доктор филологических наук

1. Татарская система родства

Она в основе своей едина с системой родства других тюркских народов. Вместе с тем в ходе формирования татарского народа постепенно складывалась своя система родства, имеющая некоторые специфические моменты. Они отразились и в лексико-семантическом составе татарской терминологии родства.

Как показали наши исследования, основные черты системы родства тюркских народов проявились в системе родства у татар следующим образом.

1. Четко различаются кровное родство и родство по браку, что получило соответствующее оформление и в составе татарской родственной терминологии.

2. В татарской системе родства отсутствует деление кровного родства на отцовскую и на материнскую стороны. Родственники по отцу и родственники по матери обозначаются одними и теми же терминами. Исключения следующие. В кряшенских, мензелинском, бирском говорах наблюдается выделение деда и бабушки (у кряшен: также и других родственников) со стороны матери при помощи атрибутива *жырак/йырак*, каргалинском *альс*, досл. далекий: *жыраг ёби* или *жырак*, *картинэй* ‘бабушка со стороны матери’, *жыраг агай* ‘дядя со стороны матери’, *жырак жинги* ‘жена дяди со стороны матери’ и т.д.

В чистопольско-кряшенском дед и бабушка со стороны отца выделяются с помощью определения *yz*, досл. свой. В говоре татар Свердловской области

для обозначения бабушек с материнской и отцовской сторон употребляются различные термины. Аналогичные моменты отмечены и у некоторых групп башкир.

Отсутствием деления кровного родства на отцовскую и на материнскую стороны татары проявляют общность с западнокыпчакской группой тюрков. В языках же восточнокыпчакской группы продолжают бытовать специальные термины, обозначающие родственников со стороны матери (например, в ногайском *нагаши*, каракалпакском *нагашы* и др.). Ср. также в алтайских и других восточнотюркских языках *тайы* в аналогичной функции. У татар термин *нагажи* зафиксирован в словаре И. Хальфина (XVIII в.), в более поздних словарях не встречается, не обнаружен и в говорах.

3. Боковые линии родства слиты с прямой линией родства. Некоторое исключение составляет западный диалект, где дети родных сестер или братьев, в отличие от других говоров и литературного языка, обозначаются отдельным термином, заимствованным из русского языка. Например: в темниковском *пелэмэнек* – если он, *пелэмэнча* – если она.

4. В отличие от ряда тюркских (киргизского, казахского, восточнотюркских и др.) языков употребление терминов для обозначения сестры не зависит от пола говорящего.

5. Общетюркский принцип обозначения одним термином целого класса лиц различных степеней родства характерен для татарской терминологии

родства. И в материнском родстве, и в отцовском родстве одинаково соблюдается дифференциация старшинства по поколениям.

5.1. Татарской системе родства, так же как и системе родства народов всей урало-алтайской общности, присущ скользящий характер поколений, заключающийся в том, что младшая ветвь одного поколения объединена в одну категорию со старшей ветвью следующего за ним нисходящего поколения. Такое смещение поколений рассматривается учеными как следствие последовательного проведения возрастного принципа; считается, что оно восходит к самым ранним состояниям развития общества, когда каждый человек делил своих сородичей только на старших и младших.

В настоящее время в татарском языке скользящий характер поколений не имеет четкого терминологического выражения. Термины, совпадающие по смыслу с назвлением поколений, закрепились за одним определенным индивидом данного поколения, причем за тем индивидом, который стоит на верхней границе поколения. Так, например, *ата* ‘отец’, в это поколение – поколение отцов – входят еще такие ветви: его (т.е. отца) младший брат и его же старший сын; *баба(и)* ‘дед’, в это поколение – поколение дедов – входят его (т.е. деда) младший брат и его старший сын и т.п. Для выражения же представителей этих младших ветвей в татарском языке и говорах употребляются другие термины, образованные описательным путем: *дәү эти* или *зур этәй* ‘старший брат отца’ (иногда и матери), *әниңең энесе* ‘младший брат матери’; *бабайның энесе* ‘младший брат деда’ и т.д. Т.е. термином *ата* никогда не назовут брата или термином *ага* не назовут отца, хотя эти два термина связаны с одним поколением. Хотя, если исходить из совокупности диалектного материала (общеизвестно, что терминология родства литературного языка и терминология родства диалектов или говоров не совпадают между собой,

т.е. система терминов родства в литературном языке и говорах отражает одну и ту же систему родства каждая по-своему), то обнаруживаются следы такого явления. Например, тат.литер. *әби* ‘бабушка’, *бабай* ‘дедушка’ в приуральских говорах выражают старших родных сестер или братьев отца или матери. Т.е. в данном случае они обозначают индивидов, представляющих не стоящую ветвь на верхней границе поколения, а следующую нижнюю ветвь поколения дедов.

Аналогичные явления обнаруживаются и в общетюркском масштабе. Так, в татарском *ага* ‘старший брат’, ‘старший родственник вообще’, а в якутском: *ага* ‘отец’. В башкирском языке в отдельных говорах *ана* ‘мать’, *инә* ‘тетя’, а в некоторых других говорах, наоборот, *ана* ‘тетя’, *инә* ‘мать’. Но такие факты все же носят ограниченный характер и наблюдаются в основном при сопоставлении нескольких систем, а не внутри одной системы.

В этом смысле татарский и другие тюркские языки отличаются от финно-угорской ветви урало-алтайской общности. В последних один и тот же термин в одно и то же время обозначает представителей обеих ветвей поколения. Так, например, у удмуртов дед по отцу и старший брат отца называются одним термином (*пересь айы*); термин *агай* употребляется для обозначения и отца, и дяди по отцу (Плесовский, 1960: 109). У финно-угорских групп сохраняется и деление родственников по отцу и по матери. Тем самым татарская система родства несколько отличается от системы родства финно-угорских народов.

Скользящий характер поколений и различие их границ в татарском языке довольно системно отражены в категории форм обращения. Так, формой обращения к моей старшей сестре и младшей сестре моей матери, т.е. к представителям обеих ветвей поколения матери, служит в говорах одно и то же слово (напр.: *тәтәй*). Или форма обращения *абзий/әзий* или *дәдәй* в

мишарских говорах употребляется по отношению к младшему брату отца говорящего (т.е. по отношению к поколению отцов), тогда как формой обращения к старшему брату отца говорящего и младшему брату его же деда (т.е. к поколению дедов) служит другая форма: соответственно *дәдәй* или *бабай*, *абыз дәдәй*, где *абыз* приобретает значение старший, большой, великий.

5.2. Любопытные данные, показывающие границы поколений, обнаруживаются при сравнительном исследовании ареальных терминологических систем татарского языка. Так, понятия *бабушка*, *дед* передаются в говорах и литературном языке терминами соответственно *әбий*, *бабай*. В приуральских же говорах, в тоболо-иртышском, барабинском и томском диалектах в этой функции выступают определительные лексикализированные сочетания *картинәй*, *картәти*, а терминами *әби*, *бабай* обозначаются другие родственники, входящие, однако, в это же поколение: старшие сестры и братья отца или матери. Как видим, в ходе упрощения системы родства и при определении индивидов родства синонимичные пары утвердились за различными индивидами, входящими в одно и то же поколение.

6. Как и у других тюркских народов, одной из характерных черт системы родства татар является строгая дифференциация родственников по старшинству лет относительно к говорящему. В татарской системе родства она также проводится в обоих (и в отцовском, и в материнском) видах родства, причем при помощи одних и тех же средств и принципов: возрастная дифференциация осуществляется терминологически, хотя в нукратском говоре для обозначения старших и младших сестер мужа для жены употребляется один и тот же термин (*бикә*;ср. русск. сестра, золовка и др.). Различие же по возрасту осуществляется морфологическим способом, *бикәм* < *бикә + афф. -м* – старшая золовка, *бикәчәм* (< *бикә + уменьш.-ласк. афф.*

-ч + афф. принадлежности -эм) – младшая золовка, где показатель уменьшительно-ласкательности служит для дифференциации по возрасту (см. ниже).

II. Система терминологии родства в татарском языке и говорах

1. Системы терминов родства в татарском литературном языке, его диалектах и говорах в основе своей едины. Различия же проявляются, главным образом, в лексическом составе, фонетико-морфологическом оформлении терминов, семантических функциях, мотивации образования индивидуальных и описательных терминов и т.д. По нашему мнению, в булгарский период в условиях интенсивной консолидации различных племен в одну народность, также и формирования письменного литературного языка происходила, видимо, и унификация систем терминов родства (естественно, такие крупные процессы не могут развиваться синхронно). Однако в словарях до настоящего времени фигурируют по два термина для передачи понятий свекор (*каената* и *биата*), свекровь (*каенана* и *биана*), старший деверь (*каенага* и *биага*).

С другой стороны, на местах шел процесс консервации субстратных терминов, стабилизации и индивидуализации отдельных слов и описательных терминов при помощи локальных средств, возникновения новаций, проникновения заимствований и т.д.

В результате сложилась сложная структура терминологии родства татарского языка (Рамазанова, 1991). При этом необходимо отметить то, что система родственной терминологии литературного языка наибольшую общность (за небольшим исключением) проявляет с системой западного диалекта.

2. Соответственно двум видам родства (кровному и брачному) выделяются две большие группы родственной терминологии: группа терминов родства по крови и группа терминов родства по браку. Они отличаются по составу терминов, историей сложения и особенностями функционирования.

3. В татарской родственной терминологии выделяется своей уникальностью мордва-каратеевская система терминов родства, состоящая из трех генетических пластов: мордовского, тюркского и русского.

Она сложилась на фоне тюркизации группы мокша-мордвы, т.е. в результате столкновения двух различных систем родства и систем родственной терминологии.

Выявилось, что в группе терминов родства по крови при взаимовлиянии терминологических систем двух неродственных языков наибольшую устойчивость проявил мордовский пласт в той подгруппе, которая связана со старшими родственниками по прямой линии (ләлә ‘старший брат’, баба ‘бабушка со стороны отца’, пусча ‘дед’, аука ‘бабушка со стороны матери’). Следующие три термина этой подгруппы объясняются на тюркском материале: ад’а ‘мать’, тәтә ‘отец’, aka ‘старшая сестра’, но передают они противоположное значение по полу, чем в тюркских (ад’а – ата ‘отец’, тәтә – тәтә ‘старшая сестра’, aka – aka/agä ‘старший брат’) языках. Любопытно то, что параллели к терминам аналогичного характера имеются в чувашском (довольно цельная система) и, частично, в финно-угорских языках. Кроме того, в подгруппе, связанной со старшими родственниками по прямой линии, обнаруживаются термины, отсутствующие в татарском языке, имеющиеся, однако, в различных других тюркских (туркменском, карлукских, ногайском) языках и в древнетюркских памятниках (уйя, бебе, уку).

Термины же, связанные с младшим поколением, в основном тюркского происхождения, включают также и диалектизмы, характерные для данного региона, русские заимствования.

Анализ терминов родства по браку говора мордвы-каратеев показал, что при взаимовлиянии двух систем наибольшую устойчивость сохраняют подгруппы терминов, обозначающих

кровных родственников и родных братьев и сестер мужа для жены: акыл’и, аван’и, ал’а, мазнас, кытсас, кифтай; аба и др., которые восходят к мордовскому языку.

Термины же, обозначающие свойственников со стороны жены, тюркские. Тюркского происхождения и термины, выраждающие основных лиц брачного союза: ир, катын, килен, кийәү, балдыз/пайдыз, кайнагач, кайнага, база, жизний, кыдагий, кыдача и т.д. Иными словами, подгруппы терминов, связанные с брачующимися и родственниками со стороны жены, оказались наиболее слабыми звеньями, подверглись сильному влиянию извне и были заменены терминами неродственной, т.е. татарской, терминологической системы.

Выявленные особенности позволяют предположить о татаризации мордвы-каратеев в результате брачных союзов между представителями мокша-мордвы с представительницами тюркской народности (скорее всего, предков мишарей), в речи которых еще сохранялась древнетюркская шкала гласных: кайнагач < кайын + агач (< әгәч(i), тат. игәч). Ср.: подб. кан’агач/кайныгач, в говоре села Азево кан’егәц/кайнагач; Codex Cumanicus ўәц (Махмутова, 1982: 93).

Наличие ряда тюркизмов в составе терминов родства мокшанского языка (куда, балдоz/пайдоz, базя, бальзя/пазя, кудава, эзна, дуга/туга/туган, дугиней/дугинем, кудат и др.) свидетельствует о том, что взаимодействие мордовской и тюркской систем терминологии родства началось гораздо раньше. Состав приведенных примеров полностью относится к свойственной терминологии, что еще раз свидетельствует о проницаемости при взаимодействии двух систем терминологии родства прежде всего группы терминов родства по браку, а внутри нее – подгруппы, связанной со свойственниками со стороны жены. Такая последовательность говорит в пользу закономерности рассматриваемого явления.

В свете этого вышеупомянутой тройки – *ад’а, тәтә, ака* – уводит наши размышления о тюркизации мокша-мордвы в еще большую глубь истории.

4.1. Татарская система родственной терминологии характеризуется четким делением терминов по функционированию на две категории: категория терминов обозначения (ТО), отражающая дифференциацию родственных связей, степень родственной близости и т.п., и категория форм обращения (ФО), определяющая нормы поведения одних родственников или свойственников по отношению к другим. В финно-угроведении метод дифференцированного подхода к этим двум категориям утвержден, приобрел традиционный характер, тогда как в тюркологии формы обращения не исследованы как категория, не выявлен их арсенал, истоки и закономерности сложения.

4.2. Диалектика взаимосвязи между категориями терминов обозначения и форм обращения: а) Основная часть форм обращения образуется морфологическим способом на основе терминов обозначения. Активно выступает как форма обращения и древняя посессивная форма на *-ым*; б) Некоторые формы обращения могут превратиться в термины обозначения (*абый, эний, графич. эни, бабай, эбий, графич. эби* и т.п.). Некогда являлись формами обращения и такие производные, как *бийем, печкәчәм*. Однако употребление форм обращения в роли терминов обозначения – ограничено; в) Как более подвижная группа, формы обращения выполняют посредническую роль в проникновении и семантическом развитии заимствованных терминов родства (брать: ФО к младшему брату → младший брат или младший родственник → любой родной брат → сродственник вообще). В этом отношении показательным является также и то, что тюркский звательный афф. *-й* в современном мордовском и других финно-угорских языках представлен как довольно системная морфологическая категория.

4.3. Категория форм обращения отдельных говоров характеризуется некоторыми специфическими чертами: а) Наличие в подберезинском, частично, нукратском, ичкинском говорах среднего диалекта, восточных диалектах звательного афф. *-ay/-øy* (общетат. и общетюрк. *-й*), имеющегося и в чувашском языке. б) Употребление со стороны жены поэтических слов с оттенком ласкательности по отношению к младшим братьям и сестрам мужа в западном диалекте. Распространено также в различных языках Кавказа, славянских языках. в) Дифференцирование по старшинству младших братьев и сестер мужа для жены при обращении к ним в подберезинском, мордва-каратаевском, частично пермском, говорах. Причем эти формы обращения по семантике совпадают с аналогичными формами обращения у чувашей и мордвы.

5. По лексическому составу терминов родства все пять татарских диалектов и литературный язык совпадают. Отклонения носят частный характер, сводятся к единичным примерам типа *йадаи* – сестра (в касимовском), *апсын* – сношенница (в касимовском, пермском говорах, восточных диалектах), *тәтәй* – отец (в чистопольско-кряшенском, мордва-каратаевском, ичкинском, частично заказанко-кряшенском говорах, тоболо-иртышском, барабинском, томском диалектах), *печкә* – золовка (в кряшенских), *каенбикә* (в приуральских говорах), *игәч, тудык* – сестра, двоюродные и т.п. (в западном диалекте) и некоторые другие.

Термины родства по крови составляют древнейший пласт лексики. Основные номинативные термины (*ана, ата, эби* < др.-турк. *аба, ана, ага* < др.-турк. *ана, эне, ул* и т.п.) зафиксированы еще в древнетюркских письменных памятниках. Древние варианты или термины более устойчиво и более системно сохранились в говорах западного диалекта (за исключением говора мордвы-каратаев). Терми-

нология кровного родства данного диалекта более единообразна, более стабильна, чем в говорах среднего диалекта. Наличием терминов *тудык(a)*, *игәч* западный диалект наибольшую общность проявляет с западнокыпчакскими языками.

Средний диалект выделяется употреблением переднерядных вариантов главных терминов (*әний*, *әтий*, *әбий*) кровного родства. В его говорах наблюдается вариативность (в при- и зауральских говорах *әнә*, *әтә*, *әбә* и др.). В тюркологии переднерядные варианты терминов родства считаются продуктом более поздней эпохи (Севорян, 1974: 279). Наличие их в казанских, нагорных и приуральских говорах и восточных диалектах, видимо, связано с угорским субстратом.

Ареальный подход к анализу терминов кровного родства позволяет выдвинуть предположение о том, что носители говоров указанных ареалов или относились в глубокой древности к разным племенам, или же прошли несколько различный путь этнического формирования.

6.1. Мнение о том, что группа терминов по браку сложилась позднее на базе терминов родства по крови, подтверждается и материалами татарского языка. В формировании данной группы значительную роль сыграли также социальные термины (*бий*, *бикә*, *хатын* и др.) и некоторые другие слова (*балдыз* < др.-турк. *балдыр* – молодой, ранний, *йортчы* < др.-турк. *йурчы?*, *йортагай* < *йорт* – дом + *агай* – старший брат, господин, т.е. будущий хозяин дома, и др.).

6.2. В западном диалекте термины родства по браку образуются путем сочетания показателя свойства *кайын* с терминами кровного родства. При этом такие термины выражают родственников как со стороны мужа, так и со стороны жены, т.е. показатель *кайын* имеет двусторонний характер. Аналогичным образом сформировались системы терминов родства по браку татарского литературного языка

и ряда периферийных говоров среднего диалекта (касимовского, пермского, златоустовского, ичкянского) и восточных диалектов. То же самое наблюдается почти во всех тюркских языках, за исключением чувашского, тувинского и якутского (Покровская: 71-72).

Следует особо отметить то, что система родственной терминологии западного диалекта по лексическому составу терминов кровного родства, имеющая наибольшую общность с западнокыпчакскими языками, по лексическому составу терминологии брачного родства совпадает с восточнокыпчакскими языками.

6.3. Значительное разнообразие представляют системы терминов свойства, сложившиеся в говорах среднего диалекта.

В ряде говоров (в казанской, нагорной, кряшенской группах говоров, параньгинском, частично, нукратском, мензелинском, бирском, бугурусланском, каргалинском) термины родства по браку образуются в сочетании с показателем свойства *бий* (тогда как в литературной, мишарской системах – *кайын*). Компонент *бий* носит односторонний характер. Примечательно, что он выступает в составе тех терминов, которые употребляются лишь по отношению к старшим родственникам мужа (*бийана/бийем*, *бийата*, *бийага*). Ср.: наибольшая устойчивость этой же подгруппы терминов и наблюдалась у мордвы-каратав. Это позволяет предположить, что на основной территории формирования татарского народа произошло когда-то столкновение двух систем родственной терминологии.

На наш взгляд, о столкновении в нашем ареале двух терминологических систем родства свидетельствуют и термины-дуплеты типа *апай-тәтә* (в мамадышском), *апәний* (в касимовском), *апакә* (в тоболо-иртышском, барабинском диалектах), состоящие из слившихся воедино синонимичных терминов.

В подавляющем большинстве говоров среднего диалекта подгруппа тер-

минов, обозначающих свойственников со стороны жены, представляет собой своеобразную группу, состоящую из разнообразных по образованию терминов (*әбий* ‘теша’, *бабай* ‘тесть’, *кайнага* ‘старший брат жены’ и др., тогда как в западном диалекте соответственно *кан’ана*, *кан’ата*, *кан’ага*).

Большое разнообразие по происхождению представляют термины, выражающие старшую сестру мужа для жены и старшую сестру жены для мужа. В тех периферийных говорах (например, в пермском, златоустовском), для которых характерно двустороннее функционирование показателя свойства *кайын*, в этой роли выступает слово *бикә* с атрибутивом *кайын*: *кайын бикә* (в восточных диалектах *кайынпикә/нигә*). Характерно, что в нукратском говоре термином для выражения указанного понятия стала посессивная форма слова *бикә*: *бикәм/бикийем*. В остальных приуральских говорах (в мензелинском, ичкиском, бирском), также и в литературном языке, западном диалекте и бастанском, касимовском говорах среднего диалекта, сложившихся в мишарском окружении, в рассматриваемой функции выступает термин *кайнегәч/кайнигәч*. В казанских, нагорных говорах среднего диалекта понятия «старшая сестра жены» и «старшая сестра мужа» передаются термином кровного родства *тутма(сы)* или описательными выражениями и типа *хатынының тутасы*, *ире белән бертуган тутасы/тәтәсе* и т.п. Аналогичные выражения в таких же значениях не чужды и западному диалекту.

6.4. Своеобразную подгруппу составляют термины, употребляющиеся по отношению к младшим братьям и сестрам брачующихся сторон. В большинстве говоров в этой функции выступают общетюркские термины *кайын эне*, *кайынсөцел*, *балдыз* в различных фонетических вариантах. Специфика данной подгруппы такова, что она сложилась позднее и за счет различных, часто местных средств

и поэтому в ней выявляются узколокальные термины, представляющие собой либо субстратные явления, либо семантические переосмысления некоторых известных терминов, либо местные образования или заимствования и т.д.: *йортцы* в восточных диалектах, в ичкиском говоре; *бала* в пермском, *сарул/сары ул* в подберезинском ‘младший брат мужа’, *бикәчем* в нукратском, *кыз бала* в пермском ‘младшая сестра мужа’, *балдыз* в пермском ‘младшие брат и сестра жены’, *кечкенә кодача* в мордва-каратаевском ‘младшая сестра жены’, *йанагай* в сергачском, *йыртагай* в лямбирском ‘форма обращения к младшему брату мужа’ и др.

7. Анализ всей совокупности татарской родственной терминологии показал наличие ряда ареалов, выделяющихся употреблением некоторых терминов.

Ареал, почти совпадающий с основной территорией расселения татар и охватывающий заказанские, нагорные, кряшенские, нукратский, частично мензелинский, камышлинский, каргалинский и бугурусланский говоры среднего диалекта (*бийем/бийана*, частично *бийагай* и др.).

Приуральский ареал, охватывающий говоры, распространенные в При-и Зауралье, а также восточный диалект (*карт инә* или *ата*; *инә*, *бикә* и *каймбикә*, *әбий*, *бабай* и др.).

Мишарский ареал, куда входят мишарские говоры, а также касимовский и бастанский говоры среднего диалекта (*иғәч*, *тудыка*). Здесь отмечается полное совпадение терминов, обозначающих родственников как со стороны мужа для жены, так и жены для мужа.

Выделяется еще один ареал, охватывающий мордва-каратаевский, подберезинский говоры западного, частично, пермский говор среднего диалектов, чувашский и частично мордовский языки (дифференциация младших родственников мужа для жены по старшинству).

Мордва-каратаевский, чистопольско-кряшенский, частично, заказанс-

ко-кряшенский, ичкянский говоры и тоболо-иртышский, барабинский, томский диалекты объединяются по употреблению терминов кровного родства *тәтә* – отец (или дед) в противоположном значении по полу (ср. тат. *тәтә* – старшая сестра или родственница). В этом проявляется общность их с чувашским и, частично, с другими финно-угорскими языками.

Необходимо отметить объединение сергачского, дрожжановского говоров с кряшенскими говорами по употреблению термина *йанагай*.

Употреблением термина *туган* (тат.литер. и в говорах: родственник) в значении младший брат объединяются сергачский, байкибашевский говоры, говор алтатинской группы сел (термин обозначения) со стерлитамакским говором (форма обращения).

III. Терминология родства – как лексико-семантическая группа

Как известно, с середины 1980-х гг. одним из ведущих направлений татарской диалектологии стало исследование лексики по лексико-тематическим группам в этнолингвистическом аспекте. Как показали проведенные исследования, процесс развития и формирования различных лексико-тематических групп лексики шел, приобретая некоторые своеобразные черты как в словарном, так и генетическом составе, также и в способах словообразования и др.

Система терминов родства татарского литературного языка и говоров представляет собой небольшую, однако сложную как по составу, так и по особенностям функционирования лексико-семантическую группу.

1. Как известно, данная тематическая группа характеризуется относительно замкнутостью, строго регламентированностью. Вместе с тем, как показали наши исследования, она в определенной степени также проницаема, а именно, когда существуют длительные и тесные культурно-экономические контакты при смежном проживании (западн. диалект, кас., баст., перм., нукр.говоры *брат*; литер.

и в говорах *онык*; редко лмб. *узакай*, чст. *акылы*); когда изменяется какой-либо атрибут культуры, например религия (крш. *кума*, м.-кар. *күрүснәт'ү* и др.), и когда происходят ассимилятивные процессы, приводящие к смене родного языка на неродственный (мордовские термины родства в говоре мордва-каратай: *ал'a*, *мазнас*, *кифтай*, *ләләй*, *пұсча*) и т.д.

2. Термины родства представляют собой один из наиболее древних обще-турецких лексических пластов. Параллели большинства из них находятся не только в других тюркских, но и в монгольских (*агай*, *апсын*, *кода*, *кодагый*, *хатын* и др.), тунгусо-маньчжурских языках. Изоглосса переднерядного варианта (*ин-*) термина *ана* охватывает все языки урало-алтайской общности, корейский язык. К периоду урало-алтайской общности относятся термины: *ага*, *акай*, *инә*, *әбий*, *бажа*, *балдыз*, *катын/хатын* и т.д.

3. Локальные фонетические варианты терминов родства связаны и с отдельными этапами истории развития татарского языка. Например: тат. литер. *ул*, серг. *ол*, *оwyл* (Codex Cumanicus *oul*), восточные диалекты *ыуыл*, др.-турк. *oýul* и др.

4.1. Термины родства бывают простыми или корневыми (*ата*, *ана*, *энэ*); причем большинство из них выражает кровное родство, сложными (*кайнана*, *картәти*), описательными (*кызымыңың* *кызы*). Последние возникли в определенный период развития системы родства в связи с необходимостью уточнения, конкретизации индивида. Как категория, сложившаяся в относительно позднюю эпоху, описательные термины образовались на базе существующих простых терминов родства (или других слов) путем словосочетания, словосложения и последующего сращения входящих в данную словесную группу полнозначных слов.

Все термины родства по браку являются вторичными или производными.

4.2. Термины, представляющие собой определенные лексикализован-

ные сочетания, образуются в говорах теми же способами, что и в других тюркских и алтайских языках в сочетании:

а) со словом «большой», «старший» при образовании наименований лиц по восходящей линии: приурал. *карт + эти* – дед, мам. *дәү эти* – старший брат родителей;

б) со словом, обозначающим родство по браку: тат. литер., западн. диал. *каен + ата* – свекор, средн. диал. *бий + ана* – свекровь;

в) с определением, выражающим родство со стороны матери (крш., минз. *жыраг + әбий* и т.п. – бабушка со стороны матери) или со стороны отца (чст., крш., мам. *уз әби* – бабушка со стороны отца);

г) со словами, выражающими пол называемого: перм., бирск. *ир балдыз* – младший брат жены, *кыз балдыз* – младшая сестра жены, м-кар., нагорн. *кыз малай* – дочь, *ир малай* – сын;

д) с особыми словами, выражающими замещение роли кровных родственников: *үгүй инәй* – мачеха, *үгүй кыз* – падчерица и др.

4.3 Имеются термины, представляющие собой и аффиксальные вторичные образования: нукр. *бабай* – дед, *баба(ч)* – брат деда, *бикә* – старшая золовка, *бикәч* – младшая золовка, *бабай* – дед, карс. *бабыкай* – дед, брат деда, у кряшен: *эний* или *нәнәй* – мать, *әнекий* – крестная мать и т.д. Как видно из примеров, уменьшительно-ласкательные аффиксы в роли словообразовательных используются в основном для филиации значений по возрастной линии (Ср.: так же в алтайских языках: Цинциус: 18).

5. С точки зрения структурного анализа необходимо обратить внимание на такие пары: *этә/тәтә*; *әбә/аба* – *бәбә/баба*; *энә/ана* – *нәнә/нана*; *ака* – *кака*; *әмә/ама* – *мама*.

6. Исследование показало богатство синонимичных лексем в системе родственной терминологии. Однако каждый термин, входящий в синонимический ряд, связан с определенным ареалом. Исключение составляют тер-

мины кровного родства *ана ~ тута* или *тәтә*, *ага ~ әбый* или *абзый*, *әний ~ инә* или *әнәй*, *әний ~ анай* или *нәнәй* и др., объясняемые ролью влияния литературного языка или диалектов на традиционные особенности, либо смешанным характером того или иного говора.

7. Антонимия в данной лексико-семантической группе выражает противопоставление полов (*ана – ата*, *эне – сецел*), возраста (*ана – сецел*, *ага – эне*) и т.д.

8. Полисемантичность возникает в связи с классификационным характером термина родства (*ана* – старшая сестра, младшая сестра отца, младшая сестра матери, любая женщина, старше говорящего и т.д.), или в результате семантического развития термина в различных ареалах в различном направлении: в ряде говоров среднего и западного диалектов *тәтә* старшая сестра, старшая родственница, а в мордва-каратайском, чистопольско-кряшенском говорах – отец, в тоболо-иртышском, барабинском, томском диалектах – дед.

9. Эта лексико-семантическая группа характеризуется образованием парных слов, выражающих собирательное значение. При этом компонентами выступают: антонимы по полу (*ата-ана* или *ана-ата* – родители и т.д.) или по возрасту (мам. *агайны, ага-эне* – родственники), синонимы (*хатын-кызы* или *кызы-хатын* – женщины, *ата-баба* – предки, *бала-чага* – детвора) и др.

Суммируя вышеизложенное, нужно подчеркнуть, что терминология родства, как древнейший пласт словарного фонда языка, представляет собой не только важный лингвистический материал, но и историко-этнографический источник. Поэтому исследование их имеет большое значение как для отдельных отраслей языкознания, так и для выяснения вопросов этногенетического характера.

Необходимо также отдельно указать на бытование ряда татарских терминов родства в удмуртском, марийском и других финно-угорских языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Махмутова Л.Т.* Татарский язык в его отношении к древнеписьменному памятнику Codex Суманис по данным лексики (краткий анализ и приложение) // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. – Казань, 1982. – С. 68-153.
2. Мордва-каратай: Язык и фольклор. – Казань, 1991. – 153 с.
3. *Плесовский Ф.В.* К вопросу о развитии семьи у коми и удмуртов (по терминам родства) // Историко-филологический сборник. – Вып. VI. – Сыктывкар, 1960.
4. *Покровская Л.А.* Термины родства в тюркских языках / Историческое развитие лексики тюркских языков. – М.: Наука, 1961. – 467 с.
5. *Рамазанова Д.Б.* Термины родства и свойства в татарском языке. – В двух книгах. – Казань, 1991. – Кн. I. – 87 с. – Кн. II. – 192 с.
6. *Севорян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). – М.: Наука, 1974. – 767 с.
7. *Трубачев О.Н.* История славянских терминов родства. – М., 1959. – 212 с.
8. *Цинциус В.И.* К этимологии алтайских терминов родства // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. – Л.: Изд-во «Наука». Ленинград-е отд-е, 1972. – С. 15-70.

Аннотация

Обозначены: особенности системы родства татарского народа и его этнографических групп; особенности системы терминов родства и свойства татарского языка и его говоров; особенности родственной терминологии как лексико-тематической группы.

Ключевые слова: система родства, система терминов родства, скользящий характер поколений, термины обозначения, формы обращения.

Summary

The article considers the following features: peculiarities of the Tatar kinship system and its ethnographic groups; peculiarities of kinship terminology in connection with characteristic features of the Tatar language and its dialects. Kinship terminology is described as a lexical-semantic group.

УДК 801.73

НАСЛЕДИЕ КЛАССИКОВ – В ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ*

**3.3. Рамеев, доктор филологических наук,
заслуженный деятель науки РТ**

Первые шаги в текстологическом изучении богатого литературного наследия татарского народа были сделаны уже в самом начале существования института. Учитывая и переход в 1939 г. татарской письменности с латинской графики на кириллицу, прежде всего было обращено внимание на подготовку к изданию литературного и публицистического наследия классика татарской поэзии, одного из основоположников современного татарского литературного языка Габдуллы Тукая (1886–1913). Время текстологической работы над изданием пришлось и на годы Великой Отечественной войны. Оно вышло в Татгосиздате в двух томах в 1943 и 1948 гг. Издание названо академическим («Академик басма: 2 томда»; соответственно, 472 с. и 568 с.), что позволило, несмотря на партийный диктат в сфере идеологии, классовый подход к литературному наследию, включить в него и некоторые тексты Тукая (составители – Якуб Агишев и Хай Хисматуллин; ответственные редакторы – Хамит Ярмухаметов и Шигап Рамазанов), которые не вполне соответствовали тогдашней идеологии. Кстати, по наблюдениям Нила Юзеева, оно еще «не дотягивает» до строгого академического уровня¹,

издание это можно квалифицировать в основном как издание научно-массовое. Тогда же было запланировано и текстологическое изучение творческого наследия классика татарской (и башкирской) литературы, поэта и писателя Маджита Гафури (1880–1934; в 1940 г. институту удалось приобрести большую часть его богатого личного архива). Но, к сожалению, по некоторым причинам, был подготовлен и выпущен в Татгосиздате лишь 4-й том («Эсәрләр жыелмасы». Пьесы, рассказы; Казань: Татгосиздат, 1949. – 571 с.), который был составлен Гали Халитом, защитившим кандидатскую диссертацию о дооктябрьском периоде творчества М.Гафури. В связи с семидесятилетием со дня рождения Г.Тукая в середине 1950-х гг. готовится научно-массовое издание «Сочинений» поэта уже в четырех томах («Эсәрләр: 4 томда»; Казань: Таткнигоиздат, 1955–1956; составители – Х.Хисматуллин и Я.Агишев; редактор – Г.Халит). В конце 1950-х гг. первые успешные шаги в текстологии литературы сделал молодой исследователь Рашат Гайнанов, составивший сборники произведений ряда татарских поэтов начала XX века, творчество которых начало «возвращаться» в годы «оттепели» (конец

---

* Отдельные вопросы текстологического изучения литературного наследия татарского народа в институте нашли отражение в статьях Н.Г. Юзеева «Развитие текстологии» (50 лет поисков и открытий. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1989. – С. 78-86) и Н.Ш. Хисамова «Текстология и рукопись» (Институту языка, литературы и искусства имени Г.Ибрагимова – 60 лет. – Казань: Фикер, 1999. – С. 122-124).

1950-х – начало 60-х). Учитывая это и некоторое ослабление тоталитарного режима, он за короткое время подготовил «Сочинения» Тукая в четырех томах («Әсәрләр: 4 томда»; редактор – Г.Халит), издание которых было приурочено к 90-летию поэта (1975–1977).

Во второй половине XX в., после смерти Сталина, стало возможным возвращение доброго имени и творческого наследия татарских писателей, репрессированных во время культа личности. Среди них был классик татарской литературы, выдающийся ученый (литературовед, языковед и историк) и общественный деятель Галимджан Ибрагимов, небольшая часть наследия которого (проза и драма) увидела свет в 1956–1957 гг. («Сайланма әсәрләр: 3 томда») в Татарском книжном издательстве. Отметая большую роль Г.Ибрагимова в развитии татарской литературы и в культурном строительстве Татарской АССР в 1920-е гг. в 1967 г. институту было присвоено его имя, что поставило перед литературоведами и текстологами института новую, неотложную и сложную задачу: тщательный сбор и текстологическое изучение и его огромного, весьма разнообразного наследия (личный архив не сохранился), и подготовку его многотомных сочинений к печати, хотя в тот момент отсутствовала даже библиография его произведений и литературы о нем. В советское время права автономной республики – Татарской АССР были весьма ограничены и институту было разрешено подготовить его «Сочинения» лишь в восьми томах². К подготовке этого издания были привлечены специалисты и со стороны. Так, редактор отдела Татарского книжного издательства Г.К.Камалиев составил 1-й том³, писатель Афзал Шамсов (в 1935 г. ему поручалось редактирование в Татгосиздате «Избранных сочинений» Г.Ибрагимова в четырех томах) участвовал в составлении 2-, 3-, 4-го томов, в подготовке текстов к ним, в написании комментариев⁴. Мансур Хасанов был среди составите-

лей и авторов комментария 5-го тома⁵. В подготовке отдельных томов издания участвовали сотрудники института – историк Салям Алишев⁶, языковеды Фазыл Фасеев, Лена Гайнанова⁷. Но большую часть исследовательской работы по подготовке первого в истории текстологии татарской литературы издания в восьми томах провел Рашид Гайнанов.

С целью усиления научного уровня текстологических исследований и в связи с насущной необходимостью организации планомерной подготовки в институте собраний сочинений классиков татарской литературы начала XX в. в мае 1976 г. в составе тогдашнего сектора литературы (заведующий – Нил Юзеев) приказом директора института была создана текстологическая группа в составе 7 человек (руководитель – Зуфар Рамеев). В связи с приближающимися юбилеями было принято решение составить силами сотрудников молодой творческой группы многотомные научные издания прежде всего поэта и писателя Маджита Гафури (1880–1934), драматурга Галиасгара Камала (1879–1933) и поэта Хади Такташа (1901–1931). Хотя не все тома их литературного наследия увидели свет к самим юбилеям, они были подготовлены и изданы⁸. Все указанные издания явились результатом большой исследовательской работы, проведенной на основе достижений текстологической науки того времени. Конечно, чувствовалось и давление тоталитарной идеологии, что отразилось в подборе самих текстов и в комментировании.

В начале 1980-х гг., учитывая ценный опыт текстологического изучения литературного наследия Рашида Гайнанова, ему была поручена подготовка «Сочинений» Габдуллы Тукая в пяти томах, издание которых посвящалось 100-летию со дня рождения поэта. Им вновь были проведены сверка текстов Тукая со всеми выявленными к этому времени печатными и рукописными источниками, атрибуция ряда публика-

ций в «тукаевских» газетах и журналах («Фикер», «Уклар», «Альгасрельджадид», «Яшен», «Ялт-йолт»), в составе некоторых томов появились разделы *dubia*. В результате в этих «Сочинениях» вновь включено 125 произведений Тукая и произведения, он же автором которых, возможно, и является. Текстологами отдела впервые подготовлена книга «Габдулла Тукай. Летопись жизни и творчества»⁹.

В советское время, в особенности в 1920-40-е гг., богатое литературное наследие писателя, драматурга, сатирика, публициста-журналиста Фатиха Амирхана (1886–1926) оценивалось с позиций вульгарного социологии. Объективную оценку этому феномену можно было дать только лишь в результате тщательного текстологического изучения его рассказов, повестей и романов, пьес, статей и фельетонов, дневниковых записей и других материалов, сохранившихся в личном архиве писателя. Учитывая это, а также приближающееся столетие со дня рождения, руководством института было принято решение о подготовке «Сочинений» Ф.Амирхана в четырех томах¹⁰. Правда, не все тома успели выйти из печати к юбилею. Вообще-то это издание явилось заметным событием в татарской литературной текстологии. Кстати, составитель успел включить в состав 3-го тома восемь статей и рецензий о творчестве Гаяза Исхаки, только что возвращенного усилием общественности после семидесятилетнего шельмования тоталитарным режимом. Все тексты в них впервые прокомментированы. Следует заметить, что весьма ценные и интересны комментарии М.И.Ахметзянова, тщательно подготовлены произведения, помещенные в 4-й том.

С 1 февраля 1987 г. текстологическая группа начала функционировать в составе вновь организованного отдела рукописей и текстологии (руководитель отдела – Н.Г.Юзеев). Радикальные реформы в политической и общественной жизни страны открыли новые возмож-

ности и в текстологическом изучении татарского литературного наследия. Было снято табу на исследование творчества писателей, оказавшихся после Октября 1917 г. в эмиграции. В группе начали работать молодые исследователи, защитившие кандидатские диссертации. В начале 1990-х гг. текстологи Зуфар Мухаметшин и Анися Алеева взялись за составление «Сочинений» драматурга, переводчика, составителя календарей Фатиха Халиди (1850–1923) в пяти томах. Работа давно завершена, но издана неполностью: вышел только один том¹¹, включающий материалы, запланированные для 1- и 2-го томов; остальные три тома¹² находятся в состоянии рукописи, которые желательно издать в одной книге. З.З. Рамеевым подготовлен однотомник¹³ «Сочинения и письма» Сагита Сунчелляя (1888–1937), видного поэта тукаевского круга, который был репрессирован в годы сталинского режима. Много новых малоизвестных произведений лирической и эпической поэзии начала XX в. впервые предложено татарскому читателю в двух сборниках, составителями которых явились З.З.Рамеев и Ф.З.Яхин¹⁴.

Объектом текстологического изучения в институте являются и ранние периоды многовековой истории татарской литературы. Большой удачей в этом направлении должен быть назван выход в Татарском книжном издательстве шедевра литературы периода Волжской Булгарии – поэмы «Киссан и Йусуф» Кол Гали¹⁵, основной текст которой подготовлен языковедом института Ф.С.Фасеевым, он же является автором описаний многочисленных рукописей поэмы и комментария. Два издания выдержал сборник произведений поэта Казанского ханства Мухамедьяра, составленный литератором Ш.Ш.Абиловым¹⁶. Долгие годы текстологи не в должной мере изучали татарскую прозу XVI – начала XIX вв., литературное наследие XVIII в. В последние годы и к этому возросло внимание. Так, два тома произведений,

написанных в XVIII в., созданы коллективом сотрудников института под руководством М.И.Ахметзянова. Первый из них – издан¹⁷, второй пока остается в состоянии рукописи. Большой опыт приобрел в текстологическом изучении татарских рукописных книг и сборников Н.Ф.Исмагилов. Подготовленные им «Сборник хикаятов»¹⁸, «Поучительные хикаяты»¹⁹, «Калила и Димна» Ибн ал-Мукаффы²⁰, «Достоинство месяцев, или Добрые деяния» Джамалетдина Биктаси²¹ намного углубляют наши представления об истории татарской прозы прошлых веков. З.Р.Шайхисламов подготовил и издал книгу Каюма Насыри «Хавасе набатат (целебные травы)»²².

В начале 90-х гг. XX в. усилиями ряда ученых, писателей и общественных деятелей было возвращено доброе имя писателя, драматурга, журналиста-публициста, видного деятеля татарского национально-освободительного движения Гаяза Исхаки (1878–1954). 26 апреля 1993 г. Кабинет Министров Республики Татарстан принял специальное решение о подготовке к печати «Сочинений» Г.Исхаки в 15-ти томах и текстологи взялись за решение этой задачи. Правда, подготовка 1–4 томов проходила без участия членов текстологической группы института, они выпущены в 1998–2003 гг. в Татарском книжном издательстве, без утверждения в печать на заседании Ученого совета института. Сотрудники текстологической группы приступили к подготовке 6–15 томов указанных «Сочинений» лишь после завершения ранее принятых планов научно-исследовательской работы – в конце 1990-х гг. К настоящему времени завершена подготовка 6-, 7-, 8-го томов²³, включающих в себя публистику Г.Исхаки 1902–1916 гг., а также статьи о творчестве писателя, опубликованные в татарской печати до Октября, и материалы Казанского губернского жандармского управления.

11-й том (публистика 1934–1936 гг.), составленный З.Г. Муха-

метшиным, находится в процессе ре-дактирования в Татарском книжном издательстве²⁴. В настоящее время ведется работа по подготовке 9, 10-го (Э.М. Галимзянова, Г.А. Хуснутдинова, Ф.Х. Кадырова, З.З. Рамеев), 12, 13-го (З.Г. Мухаметшин), 14-го (Ф.Г. Файзуллина), 15-го (Р.М. Кадыров) томов. Но отсутствие научной библиографии писателя (к сожалению, в институте нет отдела библиографии и источниковедения), разбросанность его письменного наследия (писатель после Октября жил за рубежом: в Турции, Германии, Польше, Китае, Японии) весьма затрудняют работу текстологов отдела, источники текстов можно выявить только при тщательном изучении периодической печати этих стран (зарубежные научные командировки не предоставляются), многие материалы для комментирования текстов Г. Исхаки также находятся вне России.

Надо сказать и о том, что текстологи опубликовали ряд научных и научно-популярных статей, в которых отражены актуальные проблемы текстологии татарской литературы, вопросы изучения письменного наследия, выступали с докладами на научно-практических конференциях, посвященных исследованию творчества Г.Тукая, Г.Ибрагимова, Ф.Амирхана, М.Джалиля и др. Были выпущены тематические сборники²⁵. В 1998 г. была издана (посмертно) книга видного ученого Н.Г.Юзеева «Литературное источниковедение»²⁶. Предмет изучения его – теоретические и практические вопросы сбора и изучения литературного наследия. З.З.Рамеев написал две монографии²⁷, где исследуются проблемы атрибуции, основного текста и хронологии на примере творчества татарских классиков начала XX в. 20 октября 2005 г. проведена научно-практическая конференция «Вопросы текстологии татарской литературы (средние века – нач. XX в.)»²⁸, материалы которой вышли книгой.

На базе текстологической группы 1 января 2007 г. был создан отдел тек-

стологии (заведующий отделом – З.Р. Шайхисламов, с ноября 2007 г. заведующий отделом – З.З. Рамеев), штат которого состоит из 9 человек (заведующий отделом, 1 главный научный сотрудник, 1 ведущий научный сотрудник, 4 старших научных сотрудника, 1 научный сотрудник, 1 младший научный сотрудник). В настоящее время в отделе ведут текстологические исследования 1 доктор филологических наук, 5 кандидатов филологических и исторических наук. 2 сотрудника занимаются изучением литературного наследия XVI-XIX вв., остальные – начала XX в. Отдел и в дальнейшем продолжит текстологическое исследование богатого литературного наследия татарского народа, прежде всего классического наследия начала XX в. Остро стоит проблема подготовки академических собраний сочинений Габдуллы Тукая, Галимджана Ибрагимова. Из-за малочисленности отдела остается вне текстологического изучения наследие

таких классиков татарской литературы, как Фатих Амирхан, Галиасгар Камал, Маджит Гафури (их прежние, подготовленные в советское время многотомные сочинения явно устарели), Шариф Камал, Хади Такташ, Сагит Рамиев, Наджип Думави, Хасан Туфан, Муса Джалиль, Сибгат Хаким, видные поэты и писатели Зариф Башири, Миргазиз Укмасый и др. Пора составлять антологии татарской средневековой литературы, литературы XIX в. (по жанрам). Весьма важная задача – возвращение литературного наследия татарского народа – может успешно решаться только при принятии дополнительных мер по укреплению отдела.

За время существования текстологической группы, затем и отдела текстологии сотрудниками по планам научно-исследовательской работы подготовлено и в Татарском книжном издательстве издано 42 книги с литературным наследием, еще примерно 25 книг подготовлено вне плана.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Юзиев Нил. Эдәбият чыганаклары белеме / Нил Юзиев. – Казан: «Фикер» нәшрияты, 1998. – Б.40.

² Правда, годы спустя вышел и 9-й том («Письма и документы»; Казан: Фикер, 2000.– 464 б.) (составление, подготовка текстов и комментариев Ф.И.Ибрагимовой).

³ Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1973. – 1 том. – 512 б. (подготовка текстов и комментариев Р.Р.Гайнанова).

⁴ Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1975. – 2 том. – 480 б.; там же, 1975. – 3 том. – 456 б. (составители: А.Ш.Шамов, Х.Я.Губайдуллин; подготовка текстов и комментариев А.Ш.Шамова, Р.Р.Гайнанова); там же, 1975. – 4 том. – 456 б. (составитель, автор комментариев А.Ш.Шамов, подготовка текстов А.Ш. Шамова и Р.Р.Гайнанова).

⁵ Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1978. – 616 б. (составление, подготовка текстов и комментариев М.Х.Хасанова, Р.Р.Гайнанова; в подготовке тома участвовали М.В.Гайнутдинов и Н.И.Садыкова, именной указатель составлен Р.Р.Гайнановым и З.З.Рамеевым). М.Х.Хасанов был председателем, Н.Г.Юзеев – заместителем редакционной коллегии этого восьмитомного издания.

⁶ Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1984. – 540 б. (составление, подготовка текстов и комментариев С.Х.Алишева).

⁷ Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1987. – 432 б. (подготовка материалов Л.Р. Гайнановой; составление и подготовка текстов Ф.С.Фасеева и Р.Р.Гайнанова; комментарии Ф.С.Фасеева).

⁸ Гафури Мәжәит. Эсәрләр: 4 томда. – Казан: Татар.китап нәшрияты. – 1 т. – 1980. – 535 б.; 2 т. – 1980. – 598 б.; 3 т. – 1983. – 391 б.; 4 т. – 1981. – 496 б. Составление, подготовка текстов и комментариев 1- и 3-го томов З.З.Рамеева, 2- и 4-го томов – Ф.И.Ибрагимовой.

Камал Галиәсгар. Эсәрләр: өч томда. – Казан: Татар. китап нәшрияты. – 1 т. – 1978. – 408 б. (составление и подготовка комментариев Баяна Гиззата, тексты подготовили Б. Гиззатов и др.).

зат, М.Хабибуллин, М.Хайруллин); 2 т. – 1979. – 544 б. (составление и подготовка текстов и комментариев Н.Г.Ханзафарова); 3 т. – 1981 б. (составление, подготовка текстов и комментариев З.З.Рамеева, Ф.И.Ибрагимовой, А.Х.Алеевой, М.Хабибуллина).

⁹ *Такташ Һади*. Эсәрләр: өч томда. – Казан: Татар.китап нәшрияты. – 1 т. – 1980. – 328 б. (составление, подготовка текстов и комментариев Н.Садыковой); 2 т. – 1981. – 444 б. (составление, подготовка текстов и комментариев М.И.Ахметзянова, Л.Р.Гайнановой); 3 т. – 1982. – 480 б. (составление, подготовка текстов и комментариев М.И.Ахметзянова, Л.Р.Гайнановой).

⁹ *Габдулла Тукай*. Тормыш һәм ижат ельязмасы. – Казан: Татар. китап нәшрияты, 2003. – 271 б. (составители А.Х.Алеева, Ф.И.Ибрагимова; редакторы Н.Г.Юзеев, А.Х.Алеева, З.З.Рамеев).

¹⁰ *Әмирхан Фатих*. Эсәрләр: Дүрт томда. – 1 т., 1984 . – 479 б. (составление, подготовка текстов и комментариев Ф.И.Ибрагимовой); 2 т., 1984. – 488 б. (составление, подготовка текстов и комментариев Н.И.Садыковой); 3 т., 1989. – 522 б. (составление, подготовка текстов и комментариев З.З.Рамеева); 4 т., 1986. – 400 б. (составление, подготовка текстов и комментариев М.И.Ахметзянова). Сочинения вышли в Татарском книжном издательстве.

¹¹ *Халиди Фатих*. Мен дә бер сәхәр. – Казан, 2005. – 632 б. (составление, подготовка текста и комментариев З.Г.Мухаметшина).

¹² В них перевод знаменитого восточного произведения «Тысяча и одна ночь». Они составлены А.Х.Алеевой, ею же подготовлены тексты и комментарии.

¹³ *Сүрчәләй Сәгыйтъ*. Эсәрләр һәм хатлар. – Казан: Татар. китап нәшрияты, 2005. – 367 б. (составление, подготовка текстов и комментариев З.З.Рамеева).

¹⁴ Татар шигърияте: XX гасыр башы. – Казан: Мәгариф, 2004. – 447 б. (составление, подготовка текстов и комментариев З.З.Рамеева; в сборнике представлены образцы творчества 81 поэта); Эпик шигърияте: XX гасыр башы. – Казан: «Хәтер» нәшрияты, 2002. – 463 б. (составление и комментарии Ф.З.Яхина).

¹⁵ Казан, 1983. – 543 б.

¹⁶ *Мөхәммәдъяр*. Төхфәи мәрдан. – Нуры сүдур: поэмалар. – Казан: Татар. китап нәшрияты, 1966. – 150 б. (тексты, комментарии и словарь подготовлены Ш.Ш. Абиловым); *его же*. Нуры содур. Поэмалар, шигъры. – Казан: Татар. китап нәшрияты, 1997. – 336 б. (критический текст произведений, перевод на современный язык, комментарии подготовлены Ш.Ш.Абиловым).

¹⁷ XVIII гасыр татар әдәбияты. Поэзия. – Казан: «Дом печати» нәшрияты, 2006. – 363 б. (составление, комментарии подготовил М.И.Ахметзянов; тексты – М.И.Ахметзянов, А.Х.Алеева, Ш.Ш.Абилов, М.В.Гайнутдинов).

¹⁸ *Мәжмугыл-хикәят*. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1994. – 446 б. (подготовил адаптацию текста на современный татарский язык Н.Ф.Исмагилов).

¹⁹ Гыйбрәтле хикәятләр. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2004. – 175 б. (перевел на современный татарский язык Н.Ф.Исмагилов).

²⁰ *Ибн Мокаффаг*. «Кәлилә вә Димнә». – Казан: Татар. китап нәшрияты, 2008. – 352 б. (подготовил адаптацию текста на современный татарский язык Н.Ф.Исмагилов).

²¹ *Биктәши Җамалетдин*. Фазайлеш-шәһүр, яки Саваплы гамәлләр. – Казан: «Иман» нәшрияты, 1994. – 112 б. (подготовил адаптацию текста на современный татарский язык Н.Ф.Исмагилов).

²² *Насыри Каюм*. Шифалы үләннәр. –Казан: Раннур, 1999. – 192 б. (текстологическая подготовка З.Р.Шайхисламова).

²³ *Исхакый Гаяз*. Эсәрләр: унбиш томда. – Казан: Татар. китап нәшрияты. – 6 т. – 2005. – 447 б. (составители – З.З.Рамеев, Ф.И.Ибрагимова; тексты подготовила Ф.И.Ибрагимова, комментарий написан З.З.Рамеевым; в подготовке текстов и комментариев участвовали Э.М.Галимзянова, Г.М.Ханнанова и Ф.Х.Кадыйрова); 7 т. – 2008. –366 б. (составители: Ф.И.Ибрагимова, З.З.Рамеев, Э.М.Галимзянова; подготовка текстов Ф.И.Ибрагимовой и Э.М.Галимзяновой; комментарии написали З.З.Рамеев, Э.М.Галимзянова, Г.М.Ханнанова, Ф.Х.Кадыйрова); 8 т. –2001. – 447 б. (составление, подготовка текстов и комментариев Ф.И.Ибрагимовой).

²⁴ З.Г.Мухаметшин составил также сборник: «Солнце народа. Габдулла Тукай по материалам татарской эмигрантской печати» («Ил йолдызы: Татар мөһажирләре матбуатында Габдулла Тукай»). – Казан: Татар. китап нәшрияты, 2006. –190 б.

²⁵ Мәгърифәт һәм азатлык өчен көрәш. – Казан: Г.Ибраһимов исем. ТӘТИ, 1987. – 142 б. (составитель Ф.К.Баширов, ответственный редактор Н.Г.Юзиев); Язучы биографиясенә яңа чыганаклар. – Казан: Г.Ибраһимов исем. ТӘТИ, 1989. – 124 б. (составитель А.Х.Алиева, ответственный редактор Н.Г.Юзеев); Әдәби мирасның яңа катламнары. – Казан: Г.Ибраһимов исем. ТӘТИ, 1990. – 120 б. (составитель А.Х.Алиева, ответственный редактор Н.Г.Юзеев); Әдәбият чыганаклары һәм текстология. – Казан: Г.Ибраһимов исем. ТӘТИ, 1992. – 110 б. (ответственный редактор Н.Г.Юзеев); Әдәби мирас һәм текстология (мәкаләләр жыентыгы). – Казан, 2008. –164 б. (составитель З.Р.Шайхисламов, научный редактор А.Х.Алеева).

²⁶ Юзиев Нил. Әдәбият чыганаклары белеме (әдәби мирасны җыйнауның, өйрәнүнен теоретик һәм гамәли мәсьәләләре) / Нил Юзиев. – Казан: «Фикер» нәшрияты, 1998.–176 б.

²⁷ Рәмиев Зөфөр. XX йөз башы татар әдәбияты: авторлық, төп текст һәм хронология мәсьәләләре / Зөфөр Рәмиев. – Казан: РИЦ «Школа», 2000. – 180 б.; Рамеев З.З. Текстология татарской литературы начала XX века /Зуфар Рамеев. – Казань: «Алма–Лит», 2008. – 188 с.

²⁸ Материалы конференции опубликованы в сборнике: Татар әдәбияты текстологиисе мәсьәләләре: (Урта гасырлар – XX йөз башы). Казан, 2006. – 152 б.

Аннотация

Статья посвящена изучению истории текстологических исследований в Институте языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова. Особое внимание в ней уделено научной подготовке сочинений классиков, прежде всего поэтического и публицистического наследия Габдуллы Тукая. Последние годы текстологи, наконец, обратились к изучению богатого творческого наследия Гаяза Исхаки, запрещенного как злейшего врага советской власти и возвращенного в литературу лишь в годы перестройки.

Ключевые слова: текстологическое изучение, литература, татарская поэзия, сочинения, том, Тукай, Гафури, Ибрагимов, Исхаки, составление, комментарий, наследие.

Summary

This article is devoted to the history of textual studies in G. Ibragimov Institute of Tatar Language, Literature and Art. A special attention is given to scientific preparatory work on writings of the Classics, first of all on the poetical and publicistic heritage of Gabdulla Tukai. Last years textologists have started to study very reach art heritage of Gayaz Ishaki, previously forbidden to be mentioned and studied during long years as the worst enemy of Soviet regime and returned to literature only recently during the perestroika period.

УДК 398

О РЕЛИГИОЗНЫХ ЖАНРАХ ТАТАРСКОГО ФОЛЬКЛОРА

А.Х. Садекова, доктор филологических наук

Фольклор отражает определенным, художественным образом жизнь человека, чутко реагирует на изменения в жизни общества. В 20-30-х гг. XX в. произошли негативные изменения в духовной жизни, в бытии всех народов России. Религия была объявлена опиумом для народа, и начались гонения на служителей веры, разрушались храмы, уничтожалась религиозная литература. Так нарушалась связь времен и культур. Религия, вера в единого творца является важной ступенью абстрактного мышления и поэтому саму веру нельзя было уничтожить. Татарский народ в течение многих веков (официально с начала X в. – с 922 г.) исповедовал ислам. Репрессии изменили патриархальное течение жизни, но внутренняя, духовная жизнь продолжалась.

Воцарение духа ислама, проникновение его идеологии во все сферы жизни народа доказываются тем, что ею были пронизаны как мировосприятие, философское отношение к бытию, его устное творчество, так и ритуально-бытовые стороны жизни татар.

Последние десятилетия в жизни страны, в жизни татарского народа оз-наменовались стремлением к новому подъему своей культуры, литературы, духовности, которые, как известно, невозможны без обращения к традициям, в том числе и к религиозным. Как составная часть культуры, фольклор тоже переживает подъем. Раз религия и фольклор получили новый импульс, то и религиозный фольклор обрел возможности для развития. В народе исполняются, возрождаются классические религиозные произведения — мунаджаты, написанные нередко известными поэтами прошлых веков,

давно ставшие народными, фольклорными. Но много и вновь созданных песен духовного толка. Главное достижение – это появление возможности для исследования этого феномена – религиозного фольклора.

Высокие обобщения и личные не-взгоды отразились в творениях, посвященных создателю, – в религиозных мунаджатах, дастанах, легендах о пророках. Исламские идеи ярче всего отразились в жанре мунаджатов, проникнутом исламскими представлениями о жизни и смерти, воплотившем основные жизненные принципы, выраженные в столпах веры. Этот философский жанр включает произведения, которые служат поэтическим воплощением религиозного содержания. Мунаджат в переводе с арабского языка – беседа в одиночестве с собой, очищение, обращение к Аллаху с мольбой о прощении. Как жанр народного творчества, он содержит в себе философские раздумья народа о бытии, жизни и смерти. Основное чувство, пронизывающее все мунаджаты, – это трагизм. В них содержатся мотивы разлуки, печали по поводу утраты Родины, расставания с детьми, с родными. Они пронизаны мотивами бренности бытия, старости, смерти близких:

Туган илем минем бигрөк ерак калды,
Эти-эни, туганнарым ерак калды,
Кайчан сезне кайтып берэр күрөм инде,
Бар эчмене-йорөгемне сагыши алды¹.

Многие мунаджаты носят обучающий характер, пропагандируя те или иные положения священного Корана. Они нацелены на воспитание тех качеств, которые восхваляются в священной Книге, напр., терпения, стремления к знаниям, уважения к родителям, исполнения религиозных предписаний.

*Ачып күй алдыңа Коръән,
Укы ихлас илә һәр ан.
Табарсың дәртәңә дәрман
Укы ясип, укы Коръән².*

*Коран раскрой перед собой,
Читай с умом, читай с душой.
Благой исход для рвенья дан
Читай ясип, читай Коран.*

(пер. С.Малышева)

В сочетании с прекрасными мелодиями эти песнопения обладают большой силой воздействия.

В народе исполняется много мунаджатов, посвященных пророку. Эти произведения многочисленны, освещают в поэтической форме весь жизненный путь великого пророка Мухаммеда.

С древних времен восточные, в том числе и татарские, поэты любое литературное произведение начинали с салаватов, восхвалений Аллаха и пророка. Жизнь пророка освещается в первую очередь в сказочно-легендарном ключе («Кисекбаш китабы», «Дастан голубя», «Кыйссай авық»).

В произведениях есть и реальные сведения о рождении пророка, его семье, соратниках и, главное, о действиях во благо распространения ислама:

*Барча потларны чыгарып
Кәгъбәзне пакълады;
Мәккә берлән Мәдинәне
Нуры белән каплады³.*

*(Идолов выкинул,
Каабу очистил.
Мекку и Медину
Лучами осветил).*

Здесь отражено главное дело всей жизни пророка – борьба с многобожием, с язычеством. Величие пророка Мухаммеда признавали во все века.

Вера в Творца – Аллаха отражена и в других жанрах народного творчества – риваятах, легендах, исторических песнях, пословицах и поговорках. Если в мунаджатах, часто и в дастанах, философия жизни и смерти выражается непосредственно из Корана, следуя неуклонно его предписаниям, то в других жанрах связь более опосредованна. В одних она выражена назидательно-четко (например, в пословицах, поговорках), в других, казалось бы, не включающих религиозных тем, звучит полутонально (в песнях, прибаутках), но тем не менее и они отражают веру в Аллаха.

Во многих произведениях олицетворены коранические персонажи, пророки. Они вошли в произведения разных жанров – мунаджаты, легенды и предания. Эти персонажи давно стали популярными героями народного творчества. Они освещают, символизируют разные стороны мировосприятия народа. Пророк Мухамед в народном творчестве предстает как религиозный образец, Хызр-Ильяс – неизменный спутник и помощник, Зулькарнайн – напоминание о бренности бытия, Йусуф – символ прекрасного и преданности Аллаху.

В памяти народа надолго остаются лишь по-настоящему талантливые произведения, которые проживают долгую жизнь.

В религиозном фольклоре запечатлелся уникальный период цельной ментальности татарского народа, которая формировалась в неразрывном единстве с исламскими идеями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мөнәжәтләр. – Казан: Таткнигоиздат, 2005. – Б. 19, 49.

² Мөнәжәтләр. – Б. 7, 39.

³ Мөнәжәтләр. – Казан: Иман, 2000. – Б. 101.

Аннотация

В статье А.Х.Садековой освещается роль ислама в развитии религиозных жанров татарского фольклора – мунаджатов, байтов, исторических песен, легенд и преданий. Ислам глубоко проник во все сферы жизни татарского народа, органично слился с его культурой, литературой и фольклором. Последние десятилетия (90-е гг. XX – нач. XXI вв.) дали импульс новому духовному возрождению. В фольклоре наблюдается расцвет религиозных жанров, что дает возможность для научного анализа этого феномена.

Ключевые слова: татарский фольклор, ислам, жанры, мунаджат.

Summary

The article of A.H. Sadekova is devoted to the role of Islam in the development of religious genre of tatar folklore – **mundzhanats, bayets, histirical songs and legends**. Islam has deeply penetrated into all the spheres of life of tatar people, tatar culture, literature and folklore. The Last decades gave a new impulse to spiritual development. The way in which the religious genre is developing nowadays gives us a chance for its scientific analysis.

УДК 81'373; 001.4

ОБЩЕАЛТАЙСКИЙ ПЛАСТ ОРНИТОТЕРМИНОЛОГИИ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Э.И. Сафина, кандидат филологических наук

В формировании лексики языков тюркской группы древнейшим периодом является эпоха, в которую современные тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские и другие народы еще не составляли отдельных групп с различными структурами языков. Таких наименований, общих для тюркских и монгольских языков, немало и в орнитолексике татарского языка. Рассмотрим это на примере общеалтайского орнитонима *торна* ‘журавль’.

Название крупной птицы отряда журавлеобразных – *торна* ‘журавль’ (*Grus grus Linnaeus, 1758*) функционирует во многих современных тюркских языках: аз. *дүрна*, алт., караб.-балк., кирг., кумык., узб., хак. *турна*, башк. *торна*, каз., ккалп. *тырна*, тув. *дуръяна*, тур. *turna*, туркм. *durna*, чув. *тårна* ‘журавль’. В тунгусо-маньчжурских и монгольских языках: эвенк. *туруя*, монг. *тогоруу*, бурят-монг. *тохорюун*, калм. *тоhрун*.

Такая распространенность рассматриваемой лексемы в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках позволяет предположить, что она относится к общеалтайскому фонду. Кроме того, это название журавля в близких фонетических вариантах встречается в **финно-угорских** (мар. *турня*, удм. *тури*, коми. *тури*, вепс. *турна*, перм. *turig*, доперм. *tarzкz*, манс. *tari / tariy*, хант. *tors* (*turyem*), венг. *daru*), **кавказских** (лезг. *дурна*), иранских (тадж. *турна*), **славянских** (болг. *турна*) и **германских** (швед. *trana*, норв. *trane*, дат. *trane*) языках. По нашему предположению, орнито-

ним был заимствован германскими языками через финно-угорские языки. В остальных нетюркских языках это название, по-видимому, также является заимствованием из соседних тюркских языков.

Древней формой орнитонима можно рассматривать др.-уйг. *turuja*, от которой закономерно развиваются остальные формы: *туруйа/дуруйа; туруна/турна/торна/тырна* и т.д. Похожее наименование журавля – *turuja gus* – зафиксировано в «Древнетюркском словаре».

По поводу этимологии данного орнитонима существуют разные точки зрения. Так, некоторые исследователи (Р.Г.Ахметьянов, В.Г.Егоров, Д.Х.Базарова, Э.Ф.Ишбердин и др.) возводят орнитоним *торна* к звуко-подражательной основе. На первый взгляд, с легкостью можно согласиться с этим мнением, так как в татарском языке курлыканье журавлей передается звукоподражанием *торыйк-торыйк* (*toriyq-toriyq*). Д.Х.Базарова ссылается на специальную орнитологическую литературу, в которой отмечается, что, помимо трубного курлыканья, журавли вблизи друг от друга издают более тихие звуки «тюрр-тюрр» [1:40]. По мнению других исследователей, наименование *торна//турна* состоит из корня *тор-//тур-* и словообразующего суффикса *-на*, где корень *тур-//тор-* рассматривается в качестве глагольной основы ‘стоять’ [3:302; 2:69]. В этом случае элемент *тор-//тур-* ‘стоять’ мотивируется характерной для журавля позой.

Проводя этимологический анализ чувашского слова *тärна*, Л.П.Петров приводит точку зрения Г.Рамстедта, который показал семантику данного орнитонима через калм. *turug* в значениях ‘худой’, ‘длинный’ и ‘тощий’, по происхождению являющегося тюркским словом. В пользу данного мнения можно привести и слово бурят. *туранги* ‘тощий’, ‘исхудавший’. В данном случае наблюдается такой переход: калм. *turug* ‘название какой-то птицы’ ← др.-турк. *turuna* ‘журавль’, общ.-турк. *turna* ‘журавль’. Сам автор также склоняется к этой точке зрения и выделяет основу *тура-* ‘тощий’, сравнивая с др.-турк. *tur* ‘худеть’, ‘тощать’ [2:69]. Ю.Г.Юсифов, анализируя происхождение орнитонима азербайджанского языка *дурна* ‘журавль’, предполагает, что в основе орнитонима *дурна/турна* может лежать слово «дуру» ‘прозрачный’, ‘чистый’ (от которого и образовалось *туру//дуру + на → турна//дурна*), характеризующее чистые, прозрачные и лучезарные глаза журавлей, являющиеся важной отличительной особенностью этих птиц. В азербайджанском языке часто употребляется слово *дурна* в сравнении ‘журавлиные глаза’. Автор отмечает, что прозрачную, чистую родниковую воду также сравнивают с журавлиными глазами [4:10]. На наш взгляд, для мотивировки орнитонимов других тюркских языков это утверждение является менее убедительным. Мы придерживаемся мнения, что наименование восходит к звукоподражательному корню.

Таким образом, в основу орнитонима ложится самая яркая, специфическая отличительная черта птицы, как правило, касающаяся «внешней», «видимой» характеристики.

Народ обращает внимание и на другие доминирующие признаки, являющиеся частью характера, темперамента, поведения птиц, формирующие в нашем сознании определенные ассоциации. По отношению к журавлям у каждого народа сложилась своя оценка и характеристика [5]. Мы их объ-

единили и получили ряд ассоциаций. Вот некоторые из них:

1) Журавль – *осторожность, бдительность*. Чтобы не заснуть, он стоит на одной ноге, а в другой держит камень. В связи с этим типичным является изображение журавля именно в такой позе. Эта коннотация подтверждается выражениями «чуткий, как журавль», «стой, как журавль, на страже».

2) Журавль – *бессмертие*. В китайской мифологической традиции журавли переносят по воздуху ангелов, сопровождают умерших. Также существует поверье, что черный журавль может жить до тысячи лет. Принято изображать журавля рядом с долговечными, вечнозелеными кипарисами и соснами.

3) Журавль – *предвестник*. Во-первых, он прилетает в самом начале весны, являясь вестником весны, тепла и света. Во-вторых, громко клекоча перед дождливой погодой, журавль предсказывает хороший урожай. Для греков, к примеру, клекот журавля был сигналом для начала сева, а затем и для начала жатвы. В-третьих, по народным приметам, появление журавля предвещает приятные события и служит добрым знаком. Противоположные ассоциации эта птица вызывала в Индии и у некоторых кельтских народов, где журавль является символом предательства и считается предвестником несчастий.

4) Журавль – *изящество*. Ведет открытую, полную дружелюбия к окружающим, жизнь; имеет грациозную походку, умеет поистине элегантно располагаться в своем гнезде.

5) Журавль – *возрождение*. Его весенние перелеты, ставшие символом духовного и телесного возрождения, отразились в христианском искусстве.

6) Журавль – *божественное*. На Руси журавли считались «божьими птицами». В Японии журавль рассматривался как особо сакральная птица, которая фигурировала во многих религиозных обрядах. О древности этого

культы свидетельствуют его изображения на стенах пещер, в которых, очевидно, совершались ритуальные действия.

В целом отношение народа к журавлям положительное. Во многих культурах журавль – аллегория справедливости, долголетия, праведности, милосердия, в фольклоре

различных народов – символ мудрости, добродушия. Как правило, в терминах, обозначающих журавля, эти оценочные характеристики не отражаются. В нашем случае в основу номинации орнитонима *торна*, употребляющегося во многих тюркских и некоторых других языках, был положен характерный звук.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базарова Д.Х. История формирования и развитие зоологической терминологии узбекского языка / Д.Х.Базарова. — Ташкент: Фан, 1978. — 224 с.
2. Петров Л.П. К этимологии чувашских орнитонимов / Л.П.Петров // Исследования по лексикологии и фразеологии чувашского языка: сб. ст. — Чебоксары, 1982. — С.56-74.
3. Севорян Э.В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке / Э.В.Севорян. — М.: Наука, 1966. — 437 с.
4. Юсифов Ю.Г. Зоологическая лексика азербайджанского языка (на основе орнитонимов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.Г.Юсифов; Азербайджанский государственный педагогический институт им. В.И.Ленина. — Баку, 1985. — 20 с.
5. <http://www.simbolarium.ru>

Аннотация

В данной статье предпринимается попытка выяснения этимологии общеупотребительного наименования *торна* и рассматриваются ассоциативные представления различных народов о журавлях.

Ключевые слова: мотивирующий признак, принцип номинации, этимология.

Summary

The paper presents an attempt to reveal the etymology of the commonly used term *torna*. There also considered associative conceptions of the crane among various peoples.

УДК 81(091)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТАТАРСКИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ, ТОЛМАЧЕЙ ОРЕНБУРГСКОЙ ПОГРАНИЧНОЙ КОМИССИИ В КАЗАХСКОЙ СТЕПИ (XVIII–XIX вв.)

Г.С. Султангалиева, доктор исторических наук

В XVIII в. Оренбургский край занимал особое место в стратегической политике русского правительства. Вхождение казахов Младшего и части Среднего жуза в состав Российской империи (30-е гг. XVIII в.), образование Оренбургской губернии (1744) поставило перед российской властью задачу поиска новых форм управления населением, отличающимся хозяйственно-культурным типом (кочевое скотоводство), языком (кыпчакская группа тюркских языков) и вероисповеданием (ислам суннитского толка). Деятельность первых начальников Оренбургского края по освоению новой территории и установлению сотрудничества с представителями казахской элиты столкнулась с определенными сложностями. Во-первых, потребность в тесных и повседневных контактах региональной администрации с казахским населением и развития дипломатических, торговых отношений с сопредельными среднеазиатскими ханствами обусловила необходимость создания корпуса переводчиков и толмачей (для устных переводов). Однако обеспечить органы регионального управления достаточным количеством переводчиков, толмачей из русских чиновников было невозможно из-за незнания ими казахского языка и обычая народа, и отсутствием достаточных материальных средств на соответствующую оплату работы переводчиков в приграничной зоне, сопряженной с трудностями, по сравнению с внутренними губерния-

ми России. Во-вторых, представители казахской знати не знали письменно-го тюркского литературного языка, не говоря о русском, что, естественно, затрудняло официальную переписку с ними. Исходя из сложившейся ситуации (недостаточная обеспеченность местной администрации переводчиками) и стратегической роли Оренбургской губернии в восточной политике России, правительство сочло необходимым рекруттировать их из татар Волго-Уральского региона, как подданных Российской империи с XVI в., имевших традиционные контакты с казахами в силу общности этнолингвистической и конфессиональной системы. В связи с этим известный востоковед В.В. Григорьев (1816-1881), находясь на службе в Оренбурге, констатировал, что правительство в первой половине XVIII в., не зная обычая, язык, религию казахов и «пружину, приводящую их в действие», посчитало, что казахи тождественны этнографически с половецкими татарами, и перенесло опыт управления нерусскими народами Поволжья в Казахскую степь и внедрило татарский язык в делопроизводство региональной администрации, будучи «в полной уверенности», что обращаются к казахам «... на их родном, вполне понятном наречии...»¹.

Первые администраторы Оренбургского края (И.Кириллов, А.Тевкелев, В.Татищев, И.Неплюев) уже в середине 30-х гг. XVIII в. в штат региональной администрации рекруттировали татар в качестве толмачей, которые

естественным образом могли выступить посредниками в процессе политической интеграции Казахской степи в общеимперскую систему. Наиболее известными толмачами в 30-40-х гг. XVIII в. были Араслан Бекметев², Роман Уразлин³, неоднократно «посылаемые» в Степь для выяснения внутренней обстановки в Младшем и Среднем жузах, степени взаимодействия хана Младшего жуза Абулхаира с башкирскими повстанцами (1737-1738). К этому времени они уже имели опыт работы, ибо оба были переведены в Оренбургскую экспедицию из Уфимской провинциальной канцелярии. В 40-х гг. XVIII в. А.Бекметев участвовал как толмач на переговорах Абулхаира хана с начальниками Оренбургского края (В.Татищевым, В.Урусовым, И.Неплюевым), на принятии присяги у Абулхаира хана, биев и старшин Младшего жуза в 1740, 1742 гг. в Орске, а Р.Уразлин – у хана, известных сultanов и старшин Среднего жуза. В конце 40-60-х гг. XVIII в. известными толмачами Оренбургской губернской канцелярии были Яков (Юмагул) Гуляев⁴, Усман Арасланов⁵, ставшие уже свидетелями взаимоотношений хана Младшего жуза Нурали и влиятельного султана Среднего жуза Абляя с Оренбургской администрацией и со-предельными государствами.

Региональная администрация прекрасно понимала роль и значение деятельности переводчиков в политическом Оренбургском крае и неоднократно поднимала вопрос об этом перед верховной властью. И только спустя более 30 лет, после образования Оренбургской губернии, Екатерина II утвердила доклад Сената «О имении в Оренбургской губернии переводчиков и толмачей» (29 июля 1770 г.). В соответствии с данным указом в губернской канцелярии письменными и устными переводами положено было заниматься одному переводчику и трем толмачам с «турки», одному переводчику с калмыкского. Конечно, этот штат переводчиков не соответс-

твовал потребностям и задачам, стоявшим перед региональной администрацией. Вопрос о переводчиках встал остро и в связи с созданием в 1782 г. Пограничной экспедиции – специального управления «для отправления пограничных дел», касавшихся казаков. В 1799 г. на базе этого управления была создана Коллегия пограничных дел, переименованная позже в Оренбургскую пограничную комиссию – своеобразный филиал Министерства иностранных дел в Оренбургском kraе, что свидетельствовало о роли региона в решении не только пограничных, но и внешнеполитических вопросов. В начале XIX в. штат Оренбургской пограничной комиссии расширился, были утверждены новые должности: председатель комиссии (ранее возглавлялась оренбургским обер-комендантом), советник (две вакансии) и чиновник «для политических сношений» с Казахской степью, среднеазиатскими ханствами и странами Среднего Востока, канцелярские служащие, толмачи и конфиденты. Через 50 лет корпус переводчиков в штате Оренбургской пограничной комиссии, по сведениям дореволюционного исследователя А.В. Васильева, состоял из десяти человек: два переводчика, три толмача и конфиденты в количестве пяти человек «для отправки» в степь⁶.

О целенаправленной тактике российских властей по инкорпорированию татар Волго-Уральского региона на государственную службу во вновь созданные органы управления в оренбургском регионе свидетельствовали указы Екатерины II⁷, изданные фактически одновременно, а именно в 80-х гг. XVIII в. Они позволяли представителям татарского населения получить чины, вознаграждения, почетные звания и войти в привилегированное сословие имперской России – дворянство. Должности толмачей и переводчиков региональных пограничных администраций занимали в основном представители титулованной татарской знати (из потомственных дворян

или мурз). Это связано с тем, что в словной имперской России избрание на государственную службу и соответственно определение в табельный чин предполагало принадлежность кандидатов к привилегированным группам. Конечно, были и исключения, но местная администрация старалась присвоить им первый чин, т.к. согласно «Табели о рангах» каждый, выслуживший первый (низший) классный чин, получал личное дворянство. Переводчики региональных администраций подбирались тщательно «со строгой осмотрительностью», основным критерием, конечно, были «...ловкость, благонадежность избираемого и содействие благим целям правительства»⁸. Это определяло характер и сущность деятельности переводчиков в Казахской степи, которые кроме своих непосредственных обязанностей должны были дать казахам понятие о российских законах, чем «способствовали бы сохранению между ордынцами тишины и спокойствия»⁹.

Кроме того, деятельность толмачей, переводчиков обуславливала ролью Оренбургского региона в центрально-азиатской политике империи, от них требовалось знание не только казахского или татарского, но и других восточных языков. Не случайно председатель Оренбургской пограничной комиссии Г.П. Веселицкий в своем ходатайстве о назначении на должность переводчика Абдуллы Амирова (татарин из деревни Стерлибашево знал персидский и др. языки) подчеркивал, что канцелярии местной администрации «нужны знающие восточные языки, особенно для перевода письма»¹⁰.

В XVIII–XIX вв. сложилась династия татарских толмачей, переводчиков. Это известные фамилии – Бигловы¹¹, Батыршины¹², Аитовы¹³, Еникеевы¹⁴, Субханкуловы¹⁵, начавшие свою деятельность с регистраторов, младших толмачей и достигнувшие высоких наград и рангов. Формирование династий свидетельствует о выраженной

тенденции складывания определенной профессиональной группы переводчиков. Более того, анализ послужных списков показал, что браки заключались внутри этой социальной группы, которая отличалась определенным уровнем образования, образом жизни, системой ценностей. Возникла даже, как заметила И.М. Гвоздикова, новая социальная категория канцеляристов «из переводческих детей»¹⁶.

В исторической литературе восстановлена в определенной степени общая тенденция и эволюция политики имперской власти к посреднической функции татар, их роли в трансформации казахского кочевого общества в процессе имперской интеграции на протяжении XVIII–XIX вв.¹⁷ Определенное внимание в историографии уделено деятельности и судьбе татарского дипломата, переводчика Коллегии иностранных дел К.М. Тевкелева (1674/75 – 1766)¹⁸. Вместе с тем татары, выполнившие коммуникативные функции при региональной администрации, владели конкретно-исторической информацией по социально-политической и культурной жизни казахского народа, которая представляет интерес для исторической науки. Поэтому представляется важным системное изучение деятельности татарских переводчиков, толмачей в процессе интегрирования казахских земель в состав империи, их административной карьеры, круга общения как с представителями казахской элиты, так и с рядовыми кочевниками. Осмысление разносторонней деятельности этих лиц, выполнявших вторые или третьи роли в реализации политики региональной власти, имеет особое значение, поскольку именно через их опыт, знания и действия можно глубже понять модели, конструкции и механизм политики Российской империи по отношению к Степи и среднеазиатским ханствам в XVIII – XIX вв.

Многовекторная деятельность татарских переводчиков

a) политическая разведка

Деятельность татарских толмачей, переводчиков сводилась «не столько в отправлении их прямой должности», сколько «к разведыванию тамошних обстоятельств», особенно в первой половине XVIII в., когда российские власти не имели достаточных сведений о природно-географических условиях, хозяйстве, культуре, обычаях и языке казахского народа¹⁹. Их сведения имели различный характер: от взаимоотношений представителей казахской элиты с соседними народами и странами до внутриполитической обстановки, месторасположений кочевий, составление досье на влиятельных казахских старшин или биев, отслеживание настроения представителей казахской элиты и т.д. Все их доклады, сообщения находились в особом отделении канцелярии Оренбургского губернатора, что указывало об особой значимости, важности и секретности их сведений. Все они сортировались, из них составлялись отчеты, и вырисовывалась общая картина внутриполитического положения Казахской степи, контуры дальнейших действий и направлений политики центральной власти империи. Оренбургское губернское правление на этих донесениях очень часто ставило резолюцию: «...одобрить за составление обстоятельных сведений, обещать внимание начальства и прочее...»²⁰. При этом каждый переводчик или толмач, так сказать, специализировался на том или ином регионе в Казахской степи, где он был узнаваем казахским населением, устанавливал дружественные отношения с ними, имел доверенных лиц, которые информировали его об изменениях, происходивших в этой части казахских кочевий. Так, переводчик Роман Уразлин собирал сведения о деятельности ханов и султанов, старшин и батыров Среднего жуза, информацию о Младшем жузе доставляли Усман Арасланов и Араслан Бекметов. Первый Оренбургский губернатор

И.И. Неплюев подчеркивал в своих докладах в Сенат и Коллегию иностранных дел, что информация его основана на «известиях» переводчиков, которых он отправлял в Степь с конкретной «инструкцией» и задачами.

Донесения генерал-губернатора Уфимского и Симбирского наместничества барона О. Игельстрома в Петербург о внедрении новой системы управления (Пограничный суд и Пограничная расправа) и движения казахов под предводительством Срыма Датова (1783-1797) в основном были основаны на сообщениях коллежского асессора М. Бекчурина и ахуна Сетовской мечети М. Хусаинова. Не случайно, что расцвет их карьеры падает на 70-90-е гг. XVIII в.

С введением в первой половине XIX в. института приставства при казахских ханах, позже при султан-правителях и попечительства при при linearных казахах сообщения стали носить более полный и системный характер. Пристав имел широкие полномочия как официальный представитель русского правительства и советник султана-правителя, он «тщательно и зорко» наблюдал за нравами и обычаями казахов вверенной ему территории, направлял деятельность султана-правителя в нужном империи русле и собирая подробную информацию. Назначались на эти должности в основном переводчики-чиновники Оренбургской пограничной комиссии, т.к. эти лица должны были показать не только хорошее знание казахского языка, но и Степи. Именно такой разносторонний вектор обязанностей выполнял толмач М.-Ш. Аитов, получивший 18 ноября 1849 г. назначение на должность попечителя у казахов Оренбургской дистанции²¹. Будучи на этой должности, Мухамед-Шариф Аитов выполнял обязанности пристава при султан-правителе Восточной части Младшего жуза полковнике А.Джантюрине во время его поездки в Санкт-Петербург в 1849 г. За хорошее выполнение им обязанностей М.-Ш. Аитов в марте 1850 г.

был награжден орденом св. Анны третьей степени²².

б) посредническая роль татарских переводчиков

Знание татарскими переводчиками языка и быта казахского народа было использовано русской администрацией и в решении важных вопросов на рубеже XVIII–XIX вв.: возвращение русских пленных, урегулирование отношений между прилинейными казахами и русскими, разрешение земельных споров между казахами и башкирами, казахами и калмыками, казахами и казаками; введение административных реформ, создание новых органов управления в Степи и т.д. Так, генерал-губернатор Уфимского и Симбирского наместничества барон О. Игельстром неоднократно отправлял переводчика М.Бекчурина в казахские кочевья (1785, 1787, 1790) при создании первых административных учреждений в Степи – Пограничного суда и Пограничных расправ. М.Бекчурин участвовал в переговорах оренбургской администрации с казахскими старшинами. В период движения сопротивления казахов под предводительством С.Датова принимал присягу у старшин Младшего жуза в верноподданстве в 1785, 1787 гг. О.Игельстром при отправке М.Бекчурина рассчитывал на то, как «способнейший, благонадежный ... мусульманин» мог «более всех» разрешить возникшие конфликтные ситуации²³. И это не случайно, потому что казахское население доверяло переводчику, а Айшуак хан, старшины, бии Младшего жуза всегда советовались с ним и подчеркивали проницательный и острый ум М. Бекчурина²⁴.

В первой половине XIXв. в состав различных комиссий по вопросам, касающимся Казахской степи, независимо от того, создавались ли они региональными или центральными властями, обязательно входили татарские переводчики Оренбургской пограничной комиссии. Учитывался не только фактор знания ими языка, но и хорошее

знание ими кочевого быта казахов, ибо они становились и экспертами в принятии тех или иных решений. Членами комиссий были М.-Ш. Аитов (комиссия по ревизии уплаты кибиточной подати родов адай, шомекей, табын, 1845); Салих Биглов (комиссия по административному устройству и разделению Азиатской России и Оренбургского края (1866); С.Батыршин (комиссия по распределению земли вдоль левого берега р.Урал между Уральскими казаками и казахами (1866) и т.д.

Кроме того, переводчики постоянно находились при казачьих отрядах, закладывавших военные укрепления в степи: Уральское, Оренбургское, форт Карабутак и др.²⁵

Посредническая деятельность татарских переводчиков хорошо прослеживается и в период отчаянного сопротивления казахского народа в процессе глубокого реформирования степи. Они выступали в качестве арбитров в урегулировании взаимоотношений казахского населения и региональных властей, для «разъяснения противоправных действий» восставшим в период освободительного движения казахов под руководством И. Тайманова и М. Утемисова (переводчики Искандер Батыршин и М.-Ш.Аитов)²⁶ и под руководством Есета Котебарова (переводчик С. Батыршин)²⁷.

Исключением явилась карьера старшего переводчика Оренбургской пограничной комиссии Сулеймана Батыршина, который не только выполнял свои непосредственные функции, но и исполнял в течение 4-х месяцев (с 13 ноября 1865 по 13 марта 1866 г.) должность султана-правителя Западной части области оренбургских казахов. На этом примере можно наблюдать, что региональная администрация наделяла татарских переводчиков реальной властью в степи и через них предприняла первую попытку замены казахов в среднем звене управления представителем русской власти в лице чиновника Оренбургской пограничной комиссии.

в) татарские переводчики и среднеазиатская политика России

Близость казахских кочевий к Каспийскому и Аральскому морям, границам Хивинского и Кокандского ханств, с одной стороны, и роль Оренбурга как опорного центра в проведении центральноазиатской политики, соответственно, расширяли сферу деятельности татарских переводчиков. Уникальное расположение региона, его удаленность от Петербурга ставили перед оренбургскими губернаторами отличные от внутренних губерний задачи. В Оренбург прибывали официальные посольства и торговые караваны из Хивы, Коканда, Бухары. Сопровождать эти дипломатические и торговые миссии поручалось переводчикам региональной администрации. Естественно, общаясь с их свитами, они получали «нужную информацию» о характере и назначении посольств, о влиятельных чиновниках, о численности, боеготовности армии сопредельных государств и первичные данные на них²⁸. Все это выливалось в докладные татарских служащих о внутреннем положении ханств (Бухары, Коканда и Хивы), об отношениях между ними и казахами, о природно-климатических и географических ресурсах региона, которые позволяли выстроить стратегию и тактику действий русской власти. Особо внимательно к «сведениям» «о здешних пограничных делах», происках английских агентов в Средней Азии, об установлении торговых отношений со среднеазиатскими ханствами, о взаимных претензиях между казахами и Хвой, Кокандом относился Оренбургский губернатор В.Перовский (1795-1857), занимавший эту должность дважды – с 1831 по 1841 г. и с 1851 по 1857 г.²⁹ Не случайно, что именно В.Перовский являлся инициатором российских походов в Хиву (1839 и 1853).

Татарские переводчики сопровождали русские посольства в Хиву и Бухару (М.-Ш.Аитов, С. Батыршин,

М. Бечурин, С.-Г. Чанышев³⁰), Бухарские и Хивинские посольства в Петербург (Н. Банкшеев³¹, С. Батыршин).

За активное содействие в среднеазиатской политике империи ряд татарских переводчиков были повышены в чинах и награждены медалями: Абдулнасыр Субханкулов «за усердное исполнение» своих обязанностей в период пребывания в Бухаре был награжден 23 марта 1811 г. золотой медалью на красной ленте и единовременным пособием – 750 рублей³², Мухамед-Шариф Аитов за содействие в освобождении более 500 русских пленных в Хиве в сентябре 1840 г. получил чин поручика³³; С. Батыршин, неоднократно сопровождавший дипломатические миссии в Хиву и Бухару, получил в 1862 г. чин надворного советника³⁴.

г) вклад татарских переводчиков в изучение истории и культуры казахского народа

Длительные поездки в степи давали возможность татарским переводчикам, толмачам глубже познать жизнь, быт, нужды казахов, собрать этнографические материалы о кочевниках, проводить опросы казахских биев, старшин о нормах обычного права, регулируемых имущественные, семейно-брачные отношения казахов. В силу выполняемых ими специфических функций они вели служебные дневники, «путевые журналы». В государственном архиве Оренбургской области имеется «Журнал учиненный с описаниями издержанных коллежским регистратором и переводчиком Мендияром Бекчуриным во время путешествия по порученной ему секретной экспедиции в Бухарию по возвращении в Оренбург, записок, лежащему тракту»³⁵. Кроме официальных сведений в данном документе имеются сведения по истории и этнографии казахского народа.

Попечитель прилинейных казахов М.-Ш. Аитов собрал интересный материал об имущественных, семейно-брачных отношениях казахов, регулируемых нормами обычного права. Он полагал, что преступления «кои по

закону должны бы разбираться и судиться в степи по народным обычаям, невозможно определить», ибо существует тонкая грань между делами, которые подлежали бы общим законам империи и народным обычаям. Одним из ярких примеров является барымта. М.-Ш. Аитов считал, что осуждение казахов по общеимперским законам за барымту не искореняет ее, ибо она будет продолжаться до тех пор, пока не будет вынесено решение по народным обычаям. Поэтому он предлагал «полезным исходатайствовать о смягчении меры наказания за барымту, которая строгостью наказания, обвиненным в оной, не прекращается, но усиливается взысканием куна за осужденных и сосланных». Кроме того, М.-Ш. Аитов собирал материал об обрядах, выполняемых казахами при перекочевках и при погребении умерших.³⁶

Коллежский секретарь Оренбургской пограничной комиссии Салих Рахматуллиевич Биглов представил 12 марта 1846 г. в региональную администрацию подробные сведения о судах биев и мерах наказания по обычному праву казахов, кочующих в районе Уральского укрепления. Ценность его доклада заключалась в том, что он включил имена наиболее известных своим умом и опытом биев родов шомекей, торткара, шекты с указанием их летних и зимних кочевок³⁷. В представленных ими материалах отражается глубокое понимание ими особенностей правовой жизни кочевников и живой интерес к быту и нравам казахов, среди которых они служили. Кроме того, Салих Биглов, командированный на два года (с 19 мая 1845 г. по 10 мая 1847 г.) в Уральское укрепление на р.Иргиз, не только был свидетелем основания крепости отрядом Уральского казачьего войска под руководством Назарова, но и вел «Дневную запись», представляющую интерес в изучении этнографии и культуры казахского народа.

Значимость материалов, представляемых татарскими переводчиками, определяется и тем, что они состав-

лены очевидцами событий в Казахской степи XVIII-XIX вв. К тому же личное знакомство с представителями казахской элиты (ханы, султаны, бии, старшины), от которых они получали объяснение тех или иных явлений в жизни казахского народа, собственные наблюдения повышают содержательность их материалов. С другой стороны, на основании их сообщений региональные власти разрабатывали дальнейшие направления политики по расширению транзитной торговли, разработке административно-политических мероприятий и изменению социальной жизни кочевого общества и т.д.

Заключение

Деятельность татарских переводчиков на территории Казахстана была неоднозначной. Будучи чиновниками региональной администрации, татарские переводчики выполняли более широкие задачи, чем непосредственно их обязанности. Не случайно Н. Ильминский писал, что «татары – первые посредники между русским правительством и казахской Ордой и единственные почти до последнего времени – переводчики и толмачи»³⁸. Они выполняли миссию в установлении диалога и понимания между региональной властью и казахской элитой, в организации и приеме дипломатических миссий из сопредельных государств и отправлении русских посольств в среднеазиатские ханства, в налаживании торговых трактов между Россией, Степью и Средней Азией и т.д. Татарские переводчики занимали важное звено в реализации имперской политики в степи: неоднократно выезжали в казахские кочевья для сбора сведений, сопровождали различные экспедиции в степи, выступали арбитрами в конфликтных ситуациях и, наконец, были свидетелями основных событий, происходивших на казахских землях. Конечно, характер, содержание деятельности, круг обязанностей и полномочий переводчиков, толмачей зависели от политики региональных

властей в полиэтничном регионе на том или ином этапе.

Татары Волго-Уральского региона, раньше инкорпорированные в административные органы управления империи, несомненно, оказали влияние на постепенное изменение ценностных ориентаций и поведенческих стереотипов представителей казахской элиты. Во-первых, татары, работая в органах управления, являли в сознании единоверцев-казахов образ нерусского чиновника, находящегося на российской службе, пользующегося влиянием и уважением как у своих соплеменников, так и у власти. Для представителей же казахской знати важно было сохранить влияние в изменившихся условиях, поэтому «татарские» переводчики были образцом «инородца», сделавшего карьеру и использующего свое положение для улучшения состояния и продвижения по службе детей.

Вместе с тем и в сознании рядовых кочевников в первой половине XIX в. образ татарского переводчика также воспринимался уже не столько как образ единоверца, а больше как представителя русской власти, к которому можно апеллировать. В первой половине XIX в. наряду с татарами – чиновниками административных органов управления появились и казахи, выпускники русских учебных заведений Оренбурга, Омска. Все они в основном были представителями казахской элиты, которые раньше адаптировались

к новым условиям и в силу традиции, уровня образованности, организационно-управленческих навыков сумели сохранить свое влияние. Деятельность казахских чиновников Мухамед-Гали Тякунина, Альмухамед и Тлеу Сейдалины, Сейтжан Джантюрина, естественно, пересекалась с деятельностью татарских переводчиков. Они могли встречаться и работать в одних комиссиях, принимать участие в обсуждении вопросов административного устройства казахов Оренбургского ведомства, открытиях школ и медицинских учреждений в степи, выделения стипендий для казахской молодежи в учебных заведениях Казани, Оренбурга и т.д. Кроме того, их объединял и исследовательский поиск, направленный на изучение истории и культуры своих народов. Так, казахские чиновники С. Джантюрин, Альмухамед и Тлеу Сейдалины, татарский переводчик Мендиляр Бекчурин являлись членами Оренбургского отдела РГО. Наряду с переводчиками С.-Г. Чанышевым, Т.-Б. Еникеевым в работе чрезвычайной комиссии по выработке правил об устройстве учительских школ для инородцев Оренбургского края принимал участие и Сейтджан Джантюрин³⁹.

Это были контакты представителей первой генерации казахской, татарской интеллигенции, заложивших основу в развитии общественно-политической мысли родственных народов в начале XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Григорьев В.В. Русская политика в отношении к Средней Азии. Исторический очерк. Сборник государственных знаний. Под ред. В.П. Безобразова. Т. 1. – СПб., 1874. – С. 233-234.

² Араслан Бекметев – переводчик Оренбургской экспедиции в 30-40-х гг. XVIII в. Начал службу в Уфимской провинциальной канцелярии в 20-х гг. XVIII в. в качестве толмача. Переводил письма Абулхаир-хана к императрице Анне Иоанновне, иранскому шаху Надиру, хану Хивы. В феврале 1738 г. по поручению начальника Оренбургской экспедиции В.Н. Татищева выехал к хану Младшего жуза Абулхаиру, который находился у восставших башкир Ногайской даруги Тамьянской волости Уфимского уезда. На основании донесений А. Бекметева о взаимоотношениях хана Абулхаира с башкирскими повстанцами на совместном совещании начальника Оренбургской экспедиции В.Н. Татищева и начальника Комиссии башкирских дел Л.Я. Соймоновым от 4 марта 1738 г. было принято решение «по обе стороны иметь старание», чтобы Абулхаир-хана «как возможно наискорее из Баш-

кирцев вывести». В 1755 г. ушел в отставку. Имел собственность: дом в Сейтовом посаде Оренбургской губернии, две мельницы на р. Каргала, две мельницы и хутор с различными постройками для скота на р. Татир и 25 душ обоего пола крепостных крестьян. Все это было завещано сыновьям: Усману (переводчик Оренбургской канцелярии), 6-летнему Сайфулле и 3-летнему Хабибулле // Материалы по истории БАССР. Сборник документов и материалов. – М., 1949. Т.3. С. 588; Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. Сборник документов и материалов. Алма-Ата. – 1961, док. 369. – С.134; док. № 74. – С.170-171; Материалы по истории БАССР. Сборник документов и материалов. – М., 1956. Т.4. Ч.1, док. № 62. – С.104; Материалы по истории БАССР. Сборник документов и материалов. – М.–Л., 1936. Ч.1, док. № 164. – С.360-361; док. № 166 – С. 365.

³ Роман (Рахманкул) Уразлин поступил на службу в качестве толмача в Уфимскую провинциальную канцелярию, в середине 30-х гг. XVIII в. был переведен на службу в Оренбургскую экспедицию. 13 июня 1737 г. был командирован в кочевья хана Младшего жуза Абулхаира. Он должен был не только передать письмо от начальника Комиссии башкирских дел Л.Я. Соймонова о выдаче Абулхаир ханом башкирских повстанцев, но и выяснить обстановку в Младшем жузе. 7 сентября 1742 г. был отправлен в кочевья хана Среднего жуза Абулмамбета, т.к. хан не явился 23-30 августа в Орск для принятия присяги. 13 ноября 1742 г. Роман Уразлин вернулся в Оренбург и привез присяжные листы не только хана Среднего жуза, но и 62 «лучших тамошних старшин» и 4 каракалпаков. С июля по октябрь 1745 г. вновь находился в кочевьях Среднего жуза у султана Барака для предотвращения отправки им своего сына в аманаты джунгарскому хану. Оренбургскому губернатору И.И.Неплюеву собирали информацию о внутреннем положении Среднего жуза и взаимоотношениях представителей казахской знати с Джунгарским ханством, Цинской империей. Кроме того, он должен был в процессе постоянного взаимообщения с Абулмамбет ханом оказать на него влияние, чтобы казахская знать Среднего жуза не отправляла своих сыновей аманатами джунгарскому хунтайджи.

Имел сына Михаила, который в 80-х гг. XVIII в. работал переводчиком Оренбургской губернской канцелярии// Материалы по истории БАССР. Сборник документов и материалов. – М.–Л., 1936. Ч.1, док. № 147. – С. 323-324; док. № 167. – С.368; Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1961, док. № 79. – С.186; док. № 96. – С.252; док. № 103. – С.268; док. № 105. – С.270; док. № 127. – С.325.

⁴ Яков (Юмагул) Степанович Гуляев службу начал с середины 40-х гг. XVIII в. в качестве переводчика Оренбургской губернской канцелярии. И.И. Неплюев характеризовал его как человека надежного и хорошо знающего быт казахов. С августа по октябрь 1748 г. был командирован в Младший жуз для выяснения причин убийства Абулхаир-хана и доставки письма-соболезнования от оренбургского губернатора И. Неплюева родным Абулхаир-хана, для оказания им «вспомоществования в такой их печали» и для «обнадеживания их е.и.в. высочайшего милостию». Фактически с этого момента Я. Гуляев выполнял посреднические функции в переписке родных Абулхаир-хана с оренбургской администрацией. Так, он был переводчиком писем ханши Бопай оренбургскому губернатору И.И. Неплюеву с просьбой о наказании султана Барака за убийство Абулхаир-хана, писем биев и старшин Младшего и Среднего жузов имп. Елизавете с просьбой об утверждении султана Нуралы ханом Младшего и Среднего жузов. С 26 мая по 19 июня 1758 г. Я. Гуляев находился в кочевьях Нуралы хана для выяснения взаимоотношений его с известным султаном Среднего жуза Аблаем, поддерживавшим тесные контакты с Цинской империей. С ноября 1759 г. по апрель 1760 г. находился в Среднем жузе по распоряжению оренбургского губернатора А. Давыдова, выяснял обстановку в Среднем жузе и взаимоотношения султана Аблая с Китаем // Казахско-русские отношения в XVI – XVIII вв. Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1961, док. № 152. – С.394; док. № 153. – С.398; док. № 166. – С.25-432; док. № 234. – С.603-605; док. № 236. – С.607-610; док. № 250. – С.639.

⁵ Усман Арасланов – переводчик Оренбургской комиссии, сын переводчика Араслана Бекметева. В 1740-1741 гг. сопровождал поручика Оренбургского драгунского полка Дмитрия Гладышева во время его поездки в Хиву через кочевья Абулхаир-хана. Усман не только

переводил письма Абулхаир-хана к персидскому шаху Надиру (1736-1747), но и доставлял их шаху. С ноября 1746 г. по 29 июня 1747 г. находился в плену у Абулхаир-хана, став заложником ухудшившихся отношений хана с оренбургским губернатором И.И. Неплюевым. Абулхаир-хан выдвинул требование вернуть сына Кожахмета (находился в Казани в качестве аманата) и тогда он выслал бы толмача из Степи. В 50-х гг. XVIII в. был переводчиком писем хана Младшего жуза Нураги // Казахско-русские отношения в XVI – XVIII вв. Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1961, док. № 129. – С.330-332; док. № 139. – С.356; док. № 141. – С.358; док. № 142. – С.361; док. № 207-208.

⁶ **Васильев А.В.** Материалы к характеристике взаимных отношений татар и киргиз с предварительным кратким очерком этих отношений. Оренбург, 1898. – С.4.

⁷ «О разрешении приема на военную службу и награждение офицерским званием татарских мурз и чиновных людей» (от 1 ноября 1783 г.) и «О позволении князьям и мурзам татарским пользоваться всеми преимуществами российского дворянства» (от 22 февраля 1784 г.) // ПСЗ-1 Т.21. №15861; ПСЗ -1.Т.22. № 15935.

⁸ **Золотов П.О.** О сибирских переводчиках и толмачах во второй половине XVIII в. // Акмолинские областные ведомости. 1873 г. № 9.

⁹ ГАОрО. Ф.6, оп.10, д.2096, л.208 об.

¹⁰ ГАОрО. Ф.6, оп.10, д.209, л.3.

¹¹ **Биглов Салих Рахметуллинович** (род. 1812/1813) родом из мурз, получил домашнее воспитание. 29 мая 1834 г. поступил на службу толмачем Оренбургской пограничной комиссии. 13 мая 1837 г. за усердную службу награжден чином коллежского регистратора, в последующем получил чин губернского секретаря (13 мая 1841г.), 13 мая 1845 г. – коллежский секретарь. 15 марта 1869 г. – титулярный советник, 15 марта 1872 г. – коллежский асессор.

С 19 мая 1845 г. по 10 мая 1847 г. находился в Уральском укреплении на р. Иргиз. Участвовал в основании крепости как посредник для установления диалога между начальником отряда Уральского казачьего войска Назарова и казахами, кочующими в окрестностях. С 26 мая по 3 августа 1864 г.по распоряжению Оренбургского и Самарского генерал-губернатора был командирован в Восточную часть области оренбургских казахов для примирения казахов Оренбургского и Сибирского ведомств. С 10 июня по 30 июля 1866 г. по распоряжению Оренбургского генерал-губернатора И.А. Крыжановского находился в качестве переводчика при членах комиссии по административному устройству и разделению Азиатской России и Оренбургского края, генерал-майоре К.К. Гутковском и генерального штаба полковника А.К. Гейнса.

15 марта 1869 г. был переведен на должность переводчика Тургайского областного правления. Вышел в отставку 31 августа 1884 г. Согласно положению Комитета Министров, утвержденном императором Александром III 23 декабря 1884 г., С.Р.Биглову была назначена пенсия 400 руб. в год.

Награжден орденами Св.Станислава 3-й степени и Св.Владимира 4-й степени, знаками отличия бесспорочной службы за 15, 20, 25 лет, бронзовой медалью на Владимирской ленте в память войны 1853-1856 гг., неоднократно был премирован денежными пособиями в размере от 150 руб.

Женат на Гульсанде Аитовой, от которой имел сыновей: Мухамеджана, Мухамедияра, Мухамедрахима, Мухамедкарима и дочь Гайникамал.

Из сыновей двое (Мухамедрахим и Мухамедияр) пошли по стопам отца, а двое (Мухамеджан и Мухамедкарим) состояли на службе Оренбургского казачьего войска в чине поручиков / ЦГА РК, ф.25, оп.5, д.245, л.186-192; ГАОрО, ф.6, оп.10, д.5699, л.18 об.; ф.25, оп.2, д.117, л.8-9, ф.4, оп.1, д. 2194, л.47-49; д.3128, л.1-5; д. 3129, л.1-5; д.11.

¹² **Батыршин Сулейман Аллюкович** – 1825 г.р., из дворян Оренбургской губернии, выпускник Оренбургского Неплюевского военного училища. Поступил на службу в 1842 г. в качестве толмача Оренбургской Пограничной комиссии с чином коллежского регистратора. 4 мая 1844 г. переведен на должность младшего переводчика. 29 мая за выслугу лет получил чин губернского секретаря, 21 июля 1850 г. переведен на должность старшего переводчи-

ка. 24 ноября 1850 г. получил чин коллежского секретаря. В июле 1855 г. распоряжением Оренбургского и Самарского генерал-губернатора командирован на Оренбургскую линию для преследования, разъяснения и наказания восставших казахов под предводительством Е. Кутебарова. 18 ноября 1854 г. произведен в чин титулярного советника. С 18 июля по 19 сентября 1856 г. по распоряжению Оренбургского и Самарского генерал-губернатора сопровождал казахскую делегацию от Внутренней Орды в Москву для участия в коронации императора Александра Николаевича. За отличную службу награжден денежной суммой в размере 350 руб. серебром.

В 1857 г. сопровождал Бухарское посольство в г. Санкт-Петербург в качестве пристава. 24 октября 1857 г. произведен в коллежские асессоры. 20 апреля 1858 г. сопровождал русское посольство в Хиву и Бухару в качестве драгомана. В 1859 г. сопровождал Бухарское посольство в г. Санкт-Петербург в качестве пристава. 8 февраля 1862 г. произведен в чин надворного советника.

31 мая 1862 г. награжден единовременным денежным пособием в размере 700 руб.

С 18 апреля по 20 августа 1863 г. исполнял должность советника судного отдела и Временного стола по управлению Внутренней Ордой.

В 1866 г. являлся членом комиссии, учрежденной императором Николаем I, по распределению земли вдоль левого берега р. Урал между уральскими казаками и казахами. 11 февраля 1866 г. «за отличную службу и тяжкие труды» во время работы данной комиссии награжден орденом Св. Анны 2-й степени.

С 13 ноября 1865 г. по 13 марта 1866 г. исполнял обязанности султана-правителя Западной части оренбургских казахов.

С 10 апреля 1868 г. по 22 января 1869 г. исполнял должность советника уголовного отделения Оренбургской Пограничной комиссии.

22 января 1869 г. определен на должность советника Тургайского областного правления.

За период службы награжден орденами Св.Станислава 3-й и 2-й степени, Св.Анны 2-й и 3-й степени, знаком отличия за беспорочную службу за 15 лет, бронзовой медалью в память войны 1853-1856 гг.

По сведениям известного исследователя А.И. Добросмылова, С.Батыршин был оклеветан муллою Курманом перед военным губернатором Тургайской области Л.Ф.Баллюзеком и сослан в Уфимскую губернию, затем в г. Онегу Архангельской губернии, где пробыл 5 лет, затем получил прощение и право службы. В последующем жил в г. Ташкент, занимал должность члена городской управы // Формулярные списки. ЦГА РК, ф.25, оп.5, д.245, лл. 45-60; *Добросмылов А.И. Тургайская область. Исторический очерк. Оренбург, 1898. – С.470.*

Батыршин Искандер Алюкович – 1819 г.р., из дворян Оренбургской губернии, выпускник Оренбургского Неплюевского военного училища. В 1837 г. поступил на службу в Оренбургскую Пограничную комиссию в качестве толмача.

В 1837 г. распоряжением Оренбургского генерал-губернатора был командирован во Внутреннюю Орду в качестве толмача при К.К. Геке, возглавившего отряд против восставших казахов под руководством И. Тайманова. В 1838 г. был командирован в казахские степи для разъяснения о противоправных действиях казахов, намеревавшихся под руководством И. Тайманова напасть на аулы султана-правителя Западной части Баймухамеда Айшуакова.

31 декабря 1838 г. был пожалован в коллежские регистраторы «за отличное усердие» в экспедиции против национально-освободительного движения казахов под предводительством И.Тайманова и М.Утемисова.

В 1839 г. был командирован казачьим отрядом для устройства укрепления при урочище Шошка-куль и Эмба.

С 1841 по 1845 г. находился на должности учителя татарского языка в Оренбургском Неплюевском военном училище.

В 1845 г. произведен в чин титулярного советника.

В течение 1846 г. распоряжением Оренбургского губернатора находился в г.Гурьеве и на Манғышлаке в качестве переводчика.

В 1848 г. принимал участие в закладке укрепления Раимское на р. Сырдарья.

В 1849 г. произведен в чин коллежского асессора.

В 1850 г. переведен младшим переводчиком Оренбургской Пограничной комиссии.

Имел двух сыновей: Джангир (1851 г.р.) и Шейхуль-Ислам (1849 г.р.) // Формулярные списки. ЦГА РК, ф.4, оп.1, д. 2729, л.1-7.

¹³ **Аитов Мухаммед-Шариф Рахметуллинович** – 1802 г.р., из дворян Оренбургской губернии, получил домашнее воспитание.

В 1817 г. поступил на службу в Бугульминский земский суд подканцеляристом, в 1818 г. переведен на должность канцеляриста. В 1820 г. получил первый классный чин – коллежский регистратор и одновременно переведен на вакансию толмача в канцелярии Оренбургской пограничной комиссии.

11 января 1839 г. «за отличные действия» при освобождении зауряд-хорунжего Шустикова и 15 казаков Уральского казачьего войска, захваченных в плен восставшими казахами под предводительством И. Тайманова и М. Утемисова, был произведен в корнеты.

В декабре 1839 г. Оренбургским генерал-губернатором В.Перовским был командирован в казахские степи для найма верблюдов, в качестве гужевого транспорта для Хивинской экспедиции 1839 г.

С декабря 1839 г. по август 1840 г. находился в плену в Хиве. В сентябре 1840 г. произведен в поручики.

В 1841 г. сопровождал хивинского посла в Санкт-Петербург.

В 1841 г. распоряжением Оренбургского губернатора командирован в Хиву.

18 ноября 1849 г. был назначен попечителем оренбургских прилинейных киргизов.

Награжден орденами Св. Анны и Св.Станислава 3-й степени.

31 декабря 1850 г. за «усердную и безупречную» службу награжден знаком отличия высшей степени – знак 20-летнего достоинства, выданный из капитала Российской империи и царских орденов.

28 июня 1856 г. вышел отставку с пенсионом за 38 лет службы и с мундиром. Согласно ст. 527 о военных чинах заслуги за службу пенсион был назначен по чину штабс-капитана, а не по разряду, к которому относилась занимаемая им должность и составила 290 руб. серебром //ГАОРО, ф.6, оп.10, д.7230, лл.1-21об.; ф.167, оп.1, д.24; ЦГА РК ф.4, оп.1, д.2786; д.2728;

¹⁴ **Еникеев Темир-Булат Сулейманович** – 1854 г.р., из потомственных дворян Уфимской губернии, выпускник Татарской учительской школы.

С 1 декабря 1877 по 1 февраля 1879 гг. работал учителем русского класса при медресе г.Оренбурга.

С 18 февраля 1879 г. по 9 ноября 1880 г. – переводчик татарского и казахского языков при Оренбургском военно-окружном суде.

С 1 февраля 1881 г. – переводчик татарского и персидского языков при Тургайском областном правлении. 16 ноября 1881 г. получил чин коллежского асессора.

15 ноября 1884 г. за выслугу лет произведен в чин губернские секретари.

31 марта 1888 г. произведен в чин коллежские секретари.

Апрель 1890 г. – за выслугу лет произведен в титулярные советники.

1893 г. – коллежские асессоры.

В 1896 г. за выслугу лет переведен в чин надворные советники.

С 19 апреля по 1 июня 1888 г. по распоряжению военного губернатора находился в качестве переводчика Его превосходительства во время посещения им Тургайской области.

28 февраля 1891 г. – утвержден в звании директора Тургайского областного комитета попечительства.

С 1 апреля по 3 мая 1892 г. распоряжением военного губернатора находился в Илецком уезде для собрания сведений о голодающих казахах и раздачи им денежного пособия.

27 октября 1897 г. за выслугу лет произведен в чин надворного советника.

Награжден орденами Св. Анны и Св. Станислава 3-й степени.

Был женат на дочери коллежского асессора С.Р. Биглова Гайникамал, имел сына Касыма (1894 г.р.), дочерей Гульсум (1889 г.), Камал (1895 г.) / Формулярные списки. ЦГА РК, ф.25, оп.2, д.290, лл.1-7; д.291, лл.1-5об.; д.292, лл.1-7; д.294, л.2; ф.25, оп.5, д. 180, лл. 1-5.

Еникеев Нигметжан – выпускник Казанской татарской учительской школы 1894 г. С 1894 по 1903 г. работал учителем в русско-татарском училище Мамадышского уезда Казанской губернии и Елабужского уезда Вятской губернии. С 1 сентября по 15 ноября – делопроизводитель дирекции народных училищ Тургайской области / ЦГА РК, ф. 27, оп.1, д. 40, л.15-15 об.

¹⁵ **Субханкулов Абдул-Кадыр** – 1818 г.р., титулярный советник, старший переводчик Оренбургской Пограничной комиссии. 26 ноября 1838 г. был награжден единовременным денежным пособием и знаком отличия за отличную и бесспорочную службу за 15 лет // ГАОрО, ф.6, оп.10, д. 5699, л.29 об.; ЦГА РК, ф.4, оп.1, д.2843, л.11-12.

¹⁶ *Гвоздикова И.М.* Башкортстан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е.Пугачева. Уфа, 1999. – С.44.

¹⁷ *Васильев А.В.* Материалы к характеристике взаимных отношений татар и киргиз с предварительным кратким очерком этих отношений. Оренбург. 1898; *Галиев В.З.* Татары-переводчики, путешественники и дипломаты // Казан утлары /Огни Казани/. 1975. № 1. – С. 147-151; *Франк А.* Татарские муллы среди казахов и киргизов в XVIII – XIX вв. // Культура, искусство татарского народа. Казань. 1993. – С.125-131; *Султаналиева Г.С.* Татарские и башкирские служащие в казахской степи в XVIII –XIX вв. // Этнопанорама. Оренбург, 2000 г. №3 – С. 48-54; *ее же:* Татарская диаспора в конфессиональных связях казахской степи XVIII –XIX вв. // Вестник Евразии. – М., 2000. № 4. – С. 20-37; *ее же:* Сейтовский посад в новой истории Казахстана // Из истории татар Оренбургья (к 260-летию Татарской Каргалы) Сборник материалов научно-практической конференции. Оренбург, 2005. – С. 56-62; *Ремнев А.* Татары в Казахской степи: соратники и соперники Российской империи // Вестник Евразии. – М., 2006. № 4. – С.5-32.

¹⁸ См. Журналы и служебные записки дипломата А.И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731–1759) // История Казахстана в русских источниках. Т.3. Алматы, 2005.

¹⁹ ГАОрО, ф.6, оп.6, д.172, л.1-1об.

²⁰ ЦГА РК, ф.4 оп.1, д.5594, л.569

²¹ ГАОрО, ф.167, оп.1, д.24, л.25.

²² ЦГА РК, ф. 4, оп.1, д. 2786.

²³ Материалы по истории Казахской ССР (1785-1825). – М.–Л., 1940. Док. № 9. – С. 65-66; ЦГА РК, ф.4, оп.4, д.1223.

²⁴ Материалы по истории Казахской ССР (1785-1825). Т.4. – М.–Л. Док. № 65. – С.212.

²⁵ ЦГА РК, ф.25, оп.5, д.245, лл.1-62; лл.186-192; ф.4, оп.1, д.2786; д.2728.

²⁶ ЦГА РК, ф.4, оп.1, д.2786, л.3; д.2006, л.8-10, д.2729, л.1-7.

²⁷ ЦГА РК, ф.25, оп.5, д.245, л.47.

²⁸ ГАОрО, ф.167, оп.1, д. 2428, лл.1-28об; КРО-2. А., 1964. Док. №53; ЦГА РК. ф.4, оп.1, д.4910, л.1-5; д.2467, л.165.

²⁹ Материалы по истории Казахской ССР (1785-1825). – М–Л. Т.4. Док.182; 183; 185.

³⁰ **Сахиб-Гирей Чанышев** – 1825 г.р., из дворян Оренбургской губернии, получил домашнее воспитание. 22 декабря 1845 г. начал службу письмоводителем земельного стола Оренбургского губернского правления. 5 мая 1851. был переведен младшим толмачем в Оренбургскую пограничную комиссию, через четыре года занял должность старшего толмача. 18 декабря 1854 г. получил первый чин – коллежского регистратора, через год губернского секретаря (25.09.1855), а 24 ноября 1857 г. был произведен в чин коллежского секретаря. В 1852 г. был командирован в Уральское укрепление по урегулированию взаимоотношений начальника укрепления с казахским населением. Февраль-март 1856 г. – исполнял должность надзирателя школы для казахских детей при Пограничной комиссии. 14 апреля 1857 г. распоряжением Оренбургского губернатора был назначен приставом к Бухарскому посольству, прибывшему на Оренбургскую пограничную линию. Эти обязанности выполнял и в 1859 г., когда в Оренбург вновь прибыло Бухарское посольство. В 1863 г. по распоряжению оренбургского губернатора П.Безака в течение 5 месяцев (с 15 марта по 10 августа) находился в качестве переводчика при начальнике Аральской флотилии.

13 августа 1868 г. занял должность младшего переводчика Оренбургского губернского правления // ЦГА РК, ф.25, оп.5, д.245, л.179-186.

³¹ **Назар Банкшев** – переводчик Оренбургской пограничной таможни. В 1796 г. сопровождал Бухарское посольство в Санкт-Петербург // ГАОРО, ф.166, оп.1, д.1.

³² А. Субханкулов был командирован в Бухару для поимки фальшивомонетчика Х. Валитова. Он не только выполнил свою миссию, но и собрал сведения о количестве русских, каракалпаков в Бухарском ханстве, о прoisках англичан в Афганистане //Галиев В.З. Караванные тропы (Из истории общественной жизни Казахстана XVII –XIX вв.). Алматы, 1994. – С.51.

³³ В ГАОРО имеется дело «О пребывании в хивинском плenу корнета М.Ш. Аитова 1839-1840 гг. // ГАОРО, ф.167, оп.1, д.24, лл.1-28.

³⁴ ЦГА РК, ф.25, оп.5, д. 245, л.47. Драгоман (от арабского тарджуман — переводчик). Переводчик восточных языков при дипломатических и консульских представительствах, при послах, консулах и пр.

³⁵ ГАОРО, ф.6, оп.10, д.494.

³⁶ Материалы по казахскому обычному праву. Алматы, 1998. – С.98-104.

³⁷ Материалы по казахскому обычному праву. Алматы, 1998. – С. 107-112; ЦГА РК, ф. 4, оп. 1, д. 3466, лл. 16-16 об.

³⁸ Ильминский Н.И. Воспоминания об И. Алтынсарине. Казань, 1896.

³⁹ ЦГА РК, ф.25, оп.2, д.257, л.1 об.

Аннотация

В статье освещается многогранная деятельность переводчиков и толмачей из татар на юго-восточной окраине России в XVIII-XIX вв.: сбор информации о среднеазиатских государствах и общественно-политической ситуации в степи, сопровождение русских посольств, посреднические функции между местной русской администрацией и казахской феодальной элитой, их вклад в изучение истории и культуры казахского народа.

Ключевые слова: толмачи, переводчики, степь, попечитель, Оренбургская пограничная комиссия, коллежский секретарь.

Summary

The article considers the many-sided activity of Tatar translators and interpreters in the southeastern part of Russia in the XVIII-XIX centuries: the collection of information about Middle Asia countries, social and political situations in the steppes, accompaniment of the Russian embassies, mediatory functions between the local Russian administration and the Kazakh feudal elite, their contribution to the study of the history and culture of the Kazakh people.

УДК 81'374

ТАТАРСКО-ИНОСТРАННЫЕ СЛОВАРИ – АКТУАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

А.А. Тимерханов, доктор филологических наук, доцент

В последние годы все больше внимания уделяется систематизации и исследованию теоретических основ национальной лексикографии, составлению и изданию татарских словарей различных типов. Развитие данного направления приобретает в нынешний период особую актуальность, так как все больше возникает потребность в фиксации многочисленных изменений в языке, прежде всего в наиболее проницаемой его части — лексической системе, обусловленных бурными процессами в общественно-политической, экономической, культурной жизни в стране и мире. Эти условия способствуют в целом динамичному и плодотворному развитию национальной лексикографии и всего татарского языкоznания.

Татарская лексикография имеет давние и богатые традиции, которые во многом основаны на опыте составления двуязычных словарей, преследовавших разные цели. Это были, главным образом, русско-татарские и татарско-русские словари, что вполне естественно, так как на протяжении многовекового соседства и сосуществования между татарским и русским народами сложились прочные социально-экономические и культурные связи, сформировалось общее духовно-культурное пространство, ставшее впоследствии достоянием всех народов бывшего СССР и современной России. Такое тесное взаимодействие с давних пор вызывало необходимость в создании переводных словарей и

разговорников разных типов. Нередко эти издания служили основным справочным пособием в процессе перевода татарских текстов на русский язык и наоборот.

Впоследствии значительный положительный опыт в составлении этих и других словарей, накопленный на протяжении нескольких столетий, стал надежной основой для разработки и успешной реализации более масштабных лексикографических проектов на современном этапе. Лучшие традиции тюрко-татарской лексикографии советского и постсоветского периода нашли отражение в *Толковом словаре татарского языка в 3-х томах* (Казань, 1977–1981), *Русско-татарском словаре* (Москва, 1984), *Татарско-русском словаре* (Казань, 1998), *Татарско-русском словаре в 2-х томах* (Казань, 2007) и ряде других фундаментальных изданий. Очередным значительным достижением татарской лексикографии новейшего периода стал выход в свет однотомного *Толкового словаря татарского языка* (Казань, 2005), подготовленного коллективом ученых Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова Академии наук Татарстана под научным руководством проф. Ф. А. Ганиева. Это плод большой и долгой кропотливой работы на основе углубления и совершенствования научных принципов построения такого рода словарей, а также использования всего современного положительного опыта в данной области. В словарь вошло около 58 тысяч слов и фразео-

логических единиц. Он будет служить богатейшим источником, отражающим духовно-культурное наследие татарского народа и национально-языковую картину татарского, а в определенной степени и тюркского мира.

Продолжается интенсивная работа по созданию новой, еще более полной и совершенной версии толкового словаря татарского языка в 4-х томах, первый том которого уже на стадии завершения, а остальные части находятся в разработке.

Наряду с этим в разные периоды создавались и другие двуязычные, реже многоязычные словари с привлечением иностранных языков, западных и восточных: английского, арабского, персидского, турецкого. Однако их было значительно меньше. Всего насчитывается, например, около пятнадцати арабско-татарских и татарско-арабских словарей, относящихся к разным периодам. В связи с этим можно отметить небольшой многоязычный словарь Г.Ишмуhamметова *Төрки, фарсы, гарәп һәм казахча, татарча, русча сүзлекчә* (Казань, 1954).

Выход наиболее объемных изданий такого рода, составленных на материале татарского и других языков, относится ко второй половине XX в. и новейшему периоду. Среди таких трудов, несомненно, следует выделить *Арабско-татарско-русский словарь заимствований*, увидевший свет в 1965 г. (Казань, 854 с.) и переизданный в 1993 г. (Казань, 448 с.). Это своего рода хранилище той богатой и неповторимой лексики, часть которой отошла в пассивный словарь татарского языка или полностью вышла из оборота в процессе всеобщей советизации национальной культуры. Богатейший материал из арабского языка с переводом на татарский и русский языки, отдельные объяснения, приложение с кратким грамматическим очерком арабского языка делают этот труд поистине ценным и единственным пока источником такого рода для лингвистов и широкого круга читателей.

В последние годы издаются небольшие по объему новые терминологические словари, составленные на материале татарского и арабского языков. В частности, увидел свет *Словарь мусульманской терминологии* (Казань, 2006). В условиях возрождения, развития национальной культуры и религии как важнейшей ее составляющей части мусульманской терминологии, в основе своей арабского происхождения, вновь актуализируется и все активнее претендует занять свою нишу и утвердиться в современном татарском языке. А другая часть требует разработки и включения в лексикографические пособия. Поэтому составление таких словарей, хотя и преследующих узкоспециальные цели и не претендующих на полноту представленности лексикографического материала, является важным направлением развития современной татарской лексикографии.

Из двуязычных татарских словарей также достойны внимания довольно объемные *Татарско-турецкий словарь* (Казань-Москва, 1997) и *Турецко-татарский словарь* (Казань-Москва, 1998), составленные совместными усилиями татарских и турецких ученых. В них сосредоточен тот объем богатого материала, который отражает общность наших исторических корней и отвечает современному уровню развития сотрудничества между Татарстаном и Турцией в самых разных областях социально-экономических, культурных и др. отношений.

Вместе с тем все более широкое сотрудничество Республики Татарстан с другими странами выдвигает новые требования и к процессу общения и диалога между представителями разных лингвокультур. В этой ситуации возникает потребность в создании больших двуязычных и многоязычных словарей татарского языка с активным привлечением иностранных языков. В условиях глобализации и стремительного развития международных связей как на уровне государств, так и отде-

льных регионов России увеличивается обмен специалистами в самых разных областях жизни, расширяется участие отечественных ученых, представителей бизнеса, культуры в международных конгрессах и симпозиумах, политических и экономических мероприятий, открываются новые широкие перспективы сотрудничества с зарубежными фирмами. В большинстве случаев основным средством коммуникации при этом выступает английский язык. Согласно оценке ученых, сегодня до полутора миллиардов человек во всем мире в целях общения и обмена информацией пользуются именно этим языком. Глобальные процессы в экономике, политике, стремительное развитие высоких технологий, активная, а в определенной степени даже агрессивная, экспансия интернета — все это значительно расширяет границы распространения английского языка, выводя его далеко за пределы Великобритании, США, Канады, Австралии и других стран, традиционно считающихся англоязычными. Английский язык, таким образом, постепенно превращается в глобальный язык общения. В условиях такой перспективы владение английским языком становится не только престижным, но и практически необходимым атрибутом современного человека, способным существенно повлиять на успех его профессиональной деятельности. С учетом этих тенденций в международной лексикографической практике стало уделяться больше внимания созданию словарей на основе национального (татарского) и иностранного (английского) языков.

Наряду с другими мерами такой подход обеспечивает возможность носителям разных культур органично вливаться в лингвистические процессы общемирового масштаба, сохранив при этом лингвоэтническую идентичность. Более того, межъязыковые контакты такого характера способны положительно повлиять не только на обогащение и развитие национальной языковой системы, но и на качество и эффектив-

ность межкультурной коммуникации носителей данных языков.

Наряду с этим сегодня все больше ощущается необходимость перевода произведений татарских писателей на английский и другие широко распространенные языки мира с тем, чтобы сделать классическую и современную татарскую литературу доступной читателю в мировом масштабе. Лексикографическая практика в этой деятельности составляет одно из ключевых звеньев. Поэтому сегодня как никогда актуально создание двуязычных словарей татарского и английского языков.

В настоящее время существуют школьные, вузовские двуязычные и трехъязычные словари небольшого объема, такие как *Татарско-немецкий словарь* (Казань, 1989), *Англо-русско-татарский словарь физических терминов* (Казань, 1996), *Англо-татарско-русский словарь обществостроительной лексики* (Казань, 1996), *Немецко-татарско-русский словарь обществостроительной лексики* (Казань, 1996), *Учебный англо-татарско-русский словарь-минимум* (Казань, 1999); *Термины информатики и информационных технологий: Англо-татарско-русский толковый словарь* (Казань, 2006) и др. Имеются также двуязычные словари с английским языком, изданные в различных тюркских республиках и за рубежом (*Tatar-English/English-Tatar Dictionary*, 1994, 200 р.). Наиболее полной представленности языкового материала выделяются турецко-английские и англо-турецкие словари.

В контексте русско-татарского двуязычия создание таких словарей учебного типа без посредничества русского языка вызвало бы у большинства пользователей определенные трудности, ибо изучение английского языка в основном происходит посредством русского языка. Хотя следует заметить, в последнее десятилетие также развивается направление, ставящее целью обучение иностранному языку

на базе родного, татарского, языка. Двуязычные словари, созданные на основе трехъязычных, являются более полными и точными. С учетом этих тенденций в качестве первого опыта в направлении создания более объемных татарско-английского и англо-татарского словарей недавно в Институте языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова Академии наук Татарстана подготовлен к изданию трехъязычный *Татарско-русско-английский школьный словарь* объемом около 30 авторских листов.

Словарь составлен на основе словаря хорошо известного читателю *Татарско-русского учебного словаря* (Москва, 1993, 416 с.) с сохранением его основных лексикографических принципов. Цель словаря — дать правильный и наиболее точный перевод татарских слов на русский и английский языки с указанием их основных грамматических характеристик. В него вошло около 12 тысяч слов и словосочетаний, в том числе около 1000 актуальных фразеологических единиц с их точными эквивалентами, а при отсутствии таковых — описательными вариантами на русском и английском языках. В словаре также учтены те изменения и новообразования, которые характерны для современного этапа развития татарского языка, что в определенной степени вызвало необходимость обновления существующего татарского словарника.

За основную форму подачи татарского глагола принят инфинитив на -ырга/-ергә, который по своим функционально-семантическим показателям соответствует неопределенной форме глагола русского языка. Английские глаголы во многих случаях указаны с послелогами, употребление которых наиболее характерно в данном значении глагола. В словарной статье также отдельно указаны словосочетания терминологического характера, составные слова, в том числе в определенном объеме и составные глаголы — все те едини-

ницы, которые со временем, очевидно, приобретут в словарях татарского языка статус отдельной самостоятельной вокабулы.

В словаре также учтены случаи употребления слов одной части речи в функции другой. Ряд слов, характерных для американского варианта английского языка, а также стилистически окрашенные слова отмечены соответствующими пометами.

В конце словаря дается приложение на татарском языке с кратким очерком грамматики английского языка. Этот материал справочного характера призван помочь понять и усвоить основные правила грамматики и облегчить процесс изучения иностранного языка на базе родного.

Словарь адресован широкому кругу лиц: всем тем, кто стремится расширить свой словарный запас и совершенствовать знания по татарскому и русскому языкам, а также овладеть английским языком, претендующим на статус глобального средства общения. Данный труд может служить практическим пособием для учителей школ, студентов, аспирантов и преподавателей высших учебных заведений, работников радио и телевидения, для всех изучающих английский язык на базе родного (татарского, русского) языка или в силу профессиональной деятельности пользующихся иностранным языком. Словарь также будет полезен в переводческой деятельности и работе средств массовой информации.

В условиях стремительного расширения международного сотрудничества и твердого стремления к организации многогранной деятельности по обеспечению еще более динамичного развития республики, активной пропаганде на международном уровне посредством перевода на иностранные языки нашего богатейшего духовно-культурного наследия актуальность и важность создания татарско-иностранных словарей будут только возрастать.

Аннотация

В статье рассматриваются достижения и основные тенденции развития татарской лексикографии. При этом подчеркивается важность составления татарско-иностранных словарей. В частности, автор рассказывает о *Татарско-русско-английском школьном словаре*, который подготовлен и сдан в печать в сентябре 2009 г.

Ключевые слова: татарская лексикография, татарско-английский словарь.

Summary

In the paper the author reviews the achievements and major tendencies in the development of Tatar lexicography, concentrating on the importance of compiling Tatar-foreign language dictionaries. In particular, the author talks on the Tatar-Russian-English school dictionary made and submitted for the publication in September, 2009.

УДК 398.22

ПРОРИЦАНИЕ СУБРА-ЖЫРАУ В ДАСТАНЕ «ИДЕГЕЙ»

Ф.И. Урманчеев, доктор филологических наук, профессор

По случаю приезда Субра-жырау Токтамыш-хан по распространенной давней традиции решил провести большой пир, для чего построил множество белых царственных юрт, пригласил всех уважаемых мужей ханства, богатырей, баев и др. Подготовили бочками мед. При этом хан назначил Идеgeя раздатчиком меда, что считалось почетной обязанностью при ханском дворце. Когда Субра-жырау угостили тремя чашками меда, мудрый певец немедля начал свои прорицания-пророчества. И сразу же можно отметить, что пророчества Субра-жырау от начала до конца основаны на древних и глубоко положительных традициях тюркского эпоса, о чем прежде всего свидетельствует их форма, напоминающая распространенную в тюркском эпосе толгай:

*Если помчится конь, торопясь,
Выйдет пот из бегуна.
Выйдет из белого хлопка – бязь,
Выйдет слово от мудреца.
Я же гляжу на суетный свет
Сто девяносто пять лет,
Расшатались, исчезнуть спеша,
Кости, зубы мои и душа.
Чтоб не упала, в белый шелк
Завязана моя щека;
Из такого, как я, старика,
Какой же может выйти толк?
Аи, какой же может выйти толк?*

Эти слова Субра-жырау, почти полностью состоящие из мудрых афористических стихов, созданных в стиле творчества импровизаторов-чичянов, с

самого начала овладевают вниманием слушателей. О том, что его слова основываются на традициях древних чичянов, говорит и сам Субра-жырау:

Говорят, говорят: «слова скажи». Говорят, говорят: «стихи скажи». Но что вам скажу, что вам сложу. Но что же вам в усаду пойдет, и что же мне в награду пойдет?

На эти слова хан, по обычаю, обещает певцу-импровизатору многое: соболью шубу, охотничьего сокола, красавицу лучше ханских дочерей Хаинеке и Кюнеке. Единственная просьба хана – чтобы певец раскрыл ему, кто же такой Кубугыл. Как и принято в традициях тюркского эпоса, Субра-жырау не собирается сразу ответить на волнующий хана вопрос. Чтобы выяснить, кому же должен ответить и чего достойны сидящие перед ним, он сначала испытывает Джанбая и Идегея, Джанбая и Токтамыша, рассказывая им некоторые случаи из ранней истории монголо-татар. После очень краткого и, очевидно, приблизительного ответа Джанбая певец с тем же вопросом обращается к Идегею. Показательно, что Идегей обнаруживает прекрасное знание истории своих предков, подробно рассказывает о ней, дополняя то, чего Субра-жырау недоговаривал (возможно, специально). После такого ответа Субра-жырау дает очень высокую оценку уму и проницательности молодого Идегея. Испытание богатырей продолжается. Субра-жырау предлагает им чашку меда и спра-

шивает: кто из них осмелится выпить первым. Пока Джанбай раздумывает, Идегей берет чашку и выпивает мед. По этому случаю «Весело воскликнул Субра, – старый прорицатель мудрец: «Вот он, истинный молодец, вот он, оказывается, – батыр. Ты, оказывается – батыр» [44, 53]. Видя смелость и решительность Идегея, Субра-жырау задает ему один из самых опасных вопросов: что бы сделал он, если бы был другом хана? И что – если бы был его врагом? На этот коварный вопрос Идегей дает очень ясный, безусловно, безбоязненный ответ:

Дружбу выявить захочу – На чубарого я вскочу, На враждебную рать полечу, И враждебную рать растопчу, И добычу я захвачу, Дань богатую получу, Хану ее поспешу отдать, Буду хану во всем угоджать. Если вражду проявить захочу, Я на чубарого бодрого вскочу, Ястребом на дворец налечу, Ястребом хана в когти схвачу, За народ ему заплачу: Голову ему откручу, Голову его превращу В разодранную овцу, Шапку сделаю из нее, – Шапка будет мне к лицу. Отниму у хана казну И народу ее верну. Если же слова я не сдержу, Пусть буду я в прах поверженный сын. Пусть я прозвание заслужу: «Отца своего отверженный сын».

Даже только из этих слов Идегея видно, тем более это становится ясно Субра-жырау, да и обыкновенный слушатель прекрасно понимает, что перед ним человек исключительный, смелый, мужественный. Он не боится трудностей, опасностей. При необходимости, безусловно, может противостоять хану. Эти качества присущи многим героям эпических сказаний. В связи с этим резкие ответы Идегея, кроме всего прочего, подчеркивают его ум, проницательность, самоуверенность и в известном смысле жестокость, что, кстати, неоднократно подчеркивается в дастане, его большое интеллектуальное развитие. Он прекрасно знает подробнейшие детали истории своего народа и ханства. Кажется, что все

дальнейшие предсказания и пророчества Субра-жырау основаны именно на этих глубоких высказываниях самого Идегея. Мудрость и проницательность старого певца заключаются в том, что он на основе небольших, но значительных вопросов сумел выяснить самые важные качества Идегея. К тому же ведет он диалог так, что постоянно создает возможности сопоставить ответы тоже умного и проницательного, одновременно хитрого и коварного Джанбая с ответами Идегея. После этого певцу Субра-жырау нетрудно дать общую характеристику двух богатырей, притом – отнюдь не противопоставляя их друг другу. В Джанбае старец подчеркивает его мужество, умение выходить в бой и отстаивать свою честь и честь своего хозяина. Поскольку Джанбай – прекрасный чичян-импровизатор, может дать умные советы хану, что подтверждается всем ходом развития действий дастана и поведением Джанбая при этом; по словам Субра-жырау, хан, безусловно, может рассчитывать на постоянную и неизменную поддержку Джанбая.

Гораздо подробнее и детальнее останавливается Субра-жырау на характеристике Идегея. И это вполне естественно. Потому что хан знает своего преданного визиря Джанбая, верит ему и в его преданности не сомневается. Другое дело Идегей, известный хану под именем Кубугыла.

После всех приведенных повествований, связанных с испытаниями богатырей, Субра-жырау начинает, пожалуй, говорить о главном. Последующая часть его песни связана с ответом на основной вопрос Токтамыша, да и большинства представителей ханского дворца. Перед ответом на него Субра-жырау дает общую и весьма емкую характеристику Идегея, постоянно подчеркивая единство, гармонию его внешнего облика и внутреннего, духовного мира. Так, певец сравнивает его с волком. Следовательно, он должен быть смелым и мужественным. Далее подчеркивается, что он, судя по

выразительности его лица и губ, должен быть чичяном-импровизатором, как и большинство других героев тюркоязычных сказаний: Коркут-ата, Алпамыш, Кер-оглы и другие:

*Младший воин перед ханом стоит.
Вот он, с волчьим станом стоит.
Ноги крепкие у него, Руки цепкие у него.
Он – татарин, видать по всему, Аи, татарин,
видать по всему. Речи звонкие у него,
Губы тонкие у него, – Красноречив,
видать по всему. Сияют, как месяц, волосы,
Пальцы – как медь, как звезды – глаза,
Статен, красив, видать по всему.
Длинная шея, широкая грудь, Сделаны руки,
чтобы лук натянуть, – Меток в стрельбе, видать по всему,
Грозен в борьбе, видать по всему.*

Весьма интересным является обращение Субра-жырау к истории Золотой Орды. Как это обычно в изложении истории различных народов, начинает он с повествования о легендарном прошлом ханства. В связи с этим в его песни появляются имена таких правителей, как Башлык-хан, Абыл-хан, имена которых не засвидетельствованы историческими документами. При этом певец-импровизатор опирается, естественно, не столько на данные истории, сколько на традиции тюркского героического эпоса, где некоторые из приведенных имен являются достаточно популярными. Например: Кара-хан, Ал-хан и некоторые другие.

Постепенно певец все ближе подходит к реальной действительности и начинает говорить о ханах исторических, таких как Томавыл-мэрген, который изображается как дед Чингиза, Яучы-хан, Баянду-хан, Сайн-хан, Берке-хан, Узбек-хан, который был ханом Золотой Орды в 1312-1342 гг. В период правления Узбек-хана Золотая Орда переживала период наибольшей стабильности, даже расцвета. Не остаются без внимания певца и такие ханы, как Тинибек, Джанибек, Бирдебек – сын Джанибека. Как раз в период правления чрезвычайно жестокого

Бирдебека, который ханствовал в середине XIV в., начинаются та смута и бесконечные смены ханов и правителей, которые продолжались до эпохи Идегея и Токтамыша, да и в этот период не были прекращены.

Поскольку Субра-жырау исполняет свою песнь во дворце хана Токтамыша, заканчивает он эту часть повествования именами деда и отца Токтамыша, и в нескольких словах говорит о его детстве и начале правления. Тем самым певец как бы завершает вторую часть своей песни, посвященной истории Золотой Орды и так или иначе связанной с родословной одного из ведущих героев сказания – с Токтамышем-ханом. Надо заметить, что эта часть повествования дает очень многое для правильного понимания и объективной оценки как самого Токтамыша, так и его деятельности.

Однако песнь Субра-жырау была бы односторонней, если бы она ограничилась изложением официальной политической истории Орды. Поэтому, естественно, в дальнейшем певец обращается к другой, быть может – более важной части песни, которая уже связана с образом главного героя – Идегеем. Мудрый певец-импровизатор начинает эту часть песни с повествования о богатырях всего тюркско-монгольского мира, начиная с истории Древней Монголии, продолжая Средней Азией и заканчивая Средним и Нижним Поволжьем. Певец говорит о том, что за свою долгую жизнь он увидел десять богатырей древних монголов на берегу реки Онон^a. Среди них самым могущественным был один – Кук батыр:

Если бы ты знал, как древен мир. Жил на Уяни Кук-батыр. Самый сильный из десяти, – Равных ему нигде не найти. Радуга есть меж небесных луг, – Равен радуге был его лук. Прозван небесным Богатырем, В синий целился окоем, В небо стрелял батыр иногда – Падала на стреле звезда. Воистину Кук-батыр велик:

Я – знавший его старик.

В данном случае речь идет о богатыре – персонаже героико-мифологического эпоса, о чем говорит само сравнение его лука с радугой, с явлением небесным. Об этом же свидетельствует и имя героя – Кук батыр, то есть – Богатырь-небо. Однако еще более интересны следующие слова из песни Субра-жырау: «Когда он стрелял из этого лука, исчезала звезда на небе». Эти слова заставляют вспомнить знаменившегося героя древнекитайской мифологии – меткого Стрелка И. Самый трудный и знаменитый его подвиг был связан с тем, что неожиданно на небе появилось десять солнц, отчего на земле невозможно стало жить. Тогда Стрелок И начал уничтожение лишних солнц: «Он вновь и вновь без устали натягивал лук, и стрелы летели в солнца». Так на небе осталось лишь одно солнце и возродились нормальные условия жизни.

Далее Субра-жырау обращается к богатырям Средней Азии, Аму-дарьи и Сыр-дарьи и говорит о пяти знаменитых богатырях, некогда живших здесь. Самым могущественным среди них был Тау-батыр (Богатырь-гора). Богатырь с таким именем представлен и в татарских народных сказках). Одним ударом он мог разрушить гору. Врагов уничтожал беспощадно.

Из четырех богатырей Яика и Идели ему запомнился батыр по имени Утчагыр алмас, что в переводе значит – и пушка не возьмет. Так Субра-жырау подробно характеризует могучих и непобедимых богатырей, с которыми ему приходилось встречаться. Художественная функция всех этих эпизодов связана с желанием певца подчеркнуть, что при всем том:

*Многих властелинов я знал, Многих я исполнинов знал. Сто девяносто пять лет Я гляжу на суетный свет. Многих батыров я пережил, Многих я пережил владык, Но такого, как муж Кубугыл,
Я – никогда не видавший старик.*

Все приведенные данные и описание портрета, которое мы цитировали

чуть ранее, говорят о том, что Идегей – не просто один из витязей хана Токтамыша, что речь идет о человеке особенном, незаурядном, о чем говорят его следующие черты: Идегей – не простой человек из этого мира, он – происхождения потустороннего или даже божественного; он – могучий богатырь, какого 195-летний Субра-жырау ни разу не встретил за свою долгую жизнь; сила, мощь и мужество прежних богатырей не могут идти ни в какое сравнение с мощью Идегея; он статен, красив, у него – лучистое, божественное или пророческое лицо; он – чичян-импровизатор, мудр и проницателен; смел и мужествен, бесстрашен, очевидно – беспощаден к своим врагам. Все это значит, что вступать с ним в борьбу, единоборство чрезвычайно опасно. Также опасно стать его врагом. Здесь можно отметить, что эта характеристика Идегея, данная певцом Субра-жырау, во многом очень близка к характеристике исторического Идегея Ибн-Арабшахом, который, как отмечалось, тоже, возможно, основывался на устных источниках.

К приведенной весьма выразительной характеристике Идегея надо добавить, что в варианте М. Госмана певец дает Токтамыш-хану очень серьезные наставления. Старец предупреждает хана, что он зря роет яму Кубугылу, что в нее может попасть сам; что нельзя бороться против Идегея, что хан делает это неправильно, что от этого пострадает и он сам, и вся его Орда; что Идегея-Кубугыла в свое время спасли от неминуемой гибели, а что вот тебя, хан, никто не будет спасать и ты пропадешь, – говорит Субра-жырау. Насколько нам известно, хан не послушался наставлений певца-прорицателя, предсказания которого потом полностью сбылись.

В каждодневном быту многих тюркских народов распространен такой обычай, по которому прежде чем человеку сообщать какую-либо неприятную, тем более трагическую весть, его соответственно психологически

готовят, чтобы трагическая весть не оказалась неожиданностью. Так, все приведенные выше отрывки из песни Субра-жырау служат подготовке Токтамыша к восприятию печальных пророчеств о его будущем. Лишь после этого Субра-жырау переходит к самой серьезной и опасной части своего повествования и говорит, чего же может Токтамыш-хан ожидать от Кубугыл-Идегея. По словам певца, Кубугыл прежде всего угонит все табуны лошадей хана. Затем он совершил нападение на его Орды: «Выберет иву батыр удалой, ту, что воткнута в песок, выберет ветревку с петлей, – твоих быстроногих коней, угон скота совершил Кубугыл». Токтамыш-хан должен ожидать от Идегея-Кубугыла и многих других бед: в будущем он перережет всех его овец, чтобы прокормить своих воинов; отберет весь его мед, чтобы их наполнить; разгромит столицу хана; захватит все его золото (речь идет, вероятно, о всех богатствах хана).

У тебя Орду отнимет он, хан, На твой престол накинет аркан. Темные твои волосы Поседеть заставит он. Мутные твои глаза Покраснеть заставит он. Жили здесь твои отец и дед, Но тебя, хан Токтамыш, Он прогонит на старости лет Разрежет он твою ступню, Волосами ее набьет.

Многое в прорицаниях Субра-жырау отражает практически все реальные события в жизни Токтамыша, на чем мы далее специально и подробнее остановимся. Здесь же отметим, что, судя по этому отрывку, Токтамыш-хана в будущем на самом деле ожидают самые тяжелые испытания. Одновременно следует отметить, что и в этой части песни Субра-жырау вдохновенно, убедительно и с широким эпическим размахом воспроизводит события реальной исторической действительности. Но никак не отступает от общего эпического стиля дастана и почти полностью основывается на традициях тюркского героического эпо-

са. Обратим внимание на некоторые примеры. Скажем, такой же эпизод, в котором говорится о возможности рассечения Идегеем ступни хана, имеется и в ряде других национальных версий: например, башкирской. Здесь уместно вспомнить следующий эпизод из либретто М. Джалиля к опере Н. Жиганова «Алтынчач», основанного на сюжете народно-героического сказания. Казанский хан Мамед, расправившись с многочисленным родом Тугзак-эби, уничтожив всех ее сыновей и внуков, старуху Тугзак – главу рода, не убивает, но ослепляет, рассекает ее ступни и одинокую, слепую и израненную, отпускает в степь на долгие мучения. К этим эпизодам сам поэт, позже Р. Мустафин дают такое примечание: «Согласно древнему жестокому обычаяу, побежденным, чтобы не могли уйти далеко, рассекали ступни и насыпали соль». Действительно, подобные картины встречаются в произведениях народного эпоса, что является, конечно, отражением конкретных фактов. Говоря о расправе героя когда-то усыновленным, но забывшим свои обязанности Ултаном, эпос «Алпамыс» в его казахской версии сообщает: «мстя за прежние обиды отца, Алпамыс вырезал Ултану уши и прорезал ступни» [2, 10]. В каракалпакской народной поэме «Сорок девушки» подробно рассказывается о расправе бая Алляра над пастухом:

Лучше бы за гроши вы его Уступили другим, чем зря Жечь да резать, злой горя. Твой отец подошвы его Приказал ножами рассечь, И огнем его спину жечь, И повесить на трех жердях, На всех четырех ветрах Семь недель качался пастух. (Пер. Тарковского).

Возвращаясь к эпосу «Идегей», отметим, что, судя по пророчеству Субра-жырау, большие несчастья ожидают и родственников Токтамыш-хана: его жена Джанике, прекрасные дочери Ха-неке и Кюнеке будут взяты в плен Идегеем. Сам хан в конце концов будет убит в схватке с ним же:

*Плетка шею твою рассечет.
Кровью грудь твоя истечет.
Венценосной твоей голове
Этот муж окажет почет:
С плеч ее отсечет
Ужели я не знаю людей,
Этот батыр, Кубугыл, –
Сын Кутлукии – Идегей.*

Подводя некоторые итоги рассмотрения песни Субра-жырау, скажем, что в композиции ее в книжной версии соблюдена непререкаемая логика. Кажется, поет эту песнь, вернее – импровизирует по законам тюркского эпического стиха не умудренный долголетней жизнью старец-прорицатель, а обыкновенный, но чрезвычайно умный и многоопытный певец. Очень важно при этом подчеркнуть, что Субра-жырау «не гадает», «не угадывает», не шаманит и не колдует, чтобы выяснить, кто же такой Кубугыл. Он не прибегает к каким-либо магическим

действиям, предметам, к таинственным мудрым книгам или сутрам: ничего загадочного и необъяснимого в песне Субра-жырау нет. Певец при помощи глубоких, логически выдержаных размышлений, сопоставлений, сравнений своим проницательным умом и многолетним опытом определяет, кто же такой стоящий перед ним Кубугыл.

И с точки зрения художественной логики развитие главы дастана, посвященной песне Субра-жырау, в высшей степени выразительно и убедительно. Это одна из самых лучших глав сказания не только в смысле художественном, но и в развитии сюжета. Именно после песни Субра-жырау, которая в сущности выяснила всю «таинственность», «загадочность» поведения Кубугыла-Идегея, начинается настоящая и жестокая схватка между Идегеем и Токтамышем, хотя назревание ее чувствовалось давно – она непременно должна была произойти.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Онон – название реки и страны в Монголии. В переводе, на наш взгляд, неудачно названо **Уньянь**.

Аннотация

В статье речь идет об одном из главных персонажей дастана «Идегей» - прорицателе-сказителе Субра-жырау, который определяет не только основное направление развития сюжета, но и судьбы основных героев дастана.

Ключевые слова: дастан, сказитель, прорицатель, судьбы, песнь.

Summary

The article considers one of the leading personages of ‘Idegei’ foreteller and narrator Subra Jyrau who defines not only the main direction of the development of the plot but also the fates of the main characters.

УДК 894. 321

НОВЫЙ ЖАНР В ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: «ТАТАРСКАЯ ТАНКА»

Ф. Ф. Хасанова, кандидат филологических наук

Все эти стихотворения очень коротки, а между тем ни к одному из них решительно нечего прибавить.

H.Некрасов

Эти слова русского поэта были сказаны о поэзии Ф.Тютчева. Известно, что Тютчеву, мастерски владевшему словом, особенно удавались стихи с глубоким философским содержанием. В литературоведении даже существует формула «тайна Тютчева» [9;200]. Поэзия Тютчева – это поэзия мысли. Его стихи звучали как ответ на реальные философские и политические вопросы времени. Некоторые смотрели на его стихи как на «чудесные вымыслы». А вот Иван Аксаков считал, что поэзию Тютчева нельзя препарировать, и взамен названия «мыслящая поэзия», скорее, нужно применять понятие «поэтическая мысль». В данном случае речь идет о том, что в стихах Тютчева мысль не надета, как перчатка на руку, на художественную форму, а является единым целым, как тело с кожей. Иначе говоря, это не поэтическая форма, а сама поэтическая мысль. Философская мысль в данном случае понимается как тема [9;201].

Процесс рождения нового жанра в русской поэзии активно шел в конце XVIII – начале XIX вв. Жанр может родиться только тогда, когда соединяются поэтическое слово и тема. Как принято считать в истории литературоведения, требуется некоторое время для того, чтобы тема слилась со стилем. Лишь потом этот союз становится формой, жанровой особенностью. В философской лирике не стихают спо-

ры о форме, жанрах. Новый материал, новый язык, «оттенки метафизики» [9;204] – понятия для философской лирики обыденные.

Ф.Тютчев рассматривал краткость через понятие «фрагмент». Эстетическую форму под названием «фрагмент» первыми признали романтики Запада, в этом случае мы имеем в виду прежде всего Г.Гейне.

Итак, речь в этой статье пойдет о коротком стихотворении. Говоря точнее, поговорим о творчестве татарского поэта Мухаммата Мирзы, который не только активно участвует в литературном процессе, но и прокладывает свою четкую дорогу в литературе (после Равиля Файзуллина это очень непросто!). Он никогда не оставался без внимания критиков и поэтов. О его творчестве высказывали свое мнение Рустем Мингалимов, Лена Шагыйрджан, Мударрис Аглямов, Нияз Акмал, Галимджан Гильманов, Мансур Валиев, Асия Юнусова, Ахмет Рашитов, Зиннур Мансуров, Рабит Батулла, Ркаил Зайдулла, Валентин Устинов. В этих отзывах упор делается на своеобразие его поэзии, умение выразить многое в нескольких словах, о том сильнейшем впечатлении, которое оказывает его поэзия на читателя. Также общим мнением стала мысль о том, что стихи М.Мирзы обогащают татарскую поэзию. Вместе с тем назрела необходимость дать оценку творчеству поэта

с научной точки зрения, исследовать ее в монографическом плане. Новый сборник «Сын Адама», вышедший недавно на четырех языках, особенно представленный в нем новый жанр, требует своей научной оценки. Поскольку в рамках одной статьи невозможно дать всесторонний анализ, а потому короткие (и не только короткие!) стихи М.Мирзы в перспективе требуют дальнейшего исследования в контексте тюркских литератур.

С учетом характера высказываемых мыслей и природы чувств лирику обычно делят на гражданскую, интимную, политическую, пейзажную, философскую. Однако в поэзии бытует и термин «поэзия мысли». Когда мысль и выражение своей точки зрения преобладают над чувством, получается философская лирика. В то же время не вызывает сомнения тот факт, что в основе стихотворения лежат чувство, переживание. В поэзии мысли также есть чувство, однако оно облекается в форму переживаний по поводу размышлений о человечестве, жизни, Вселенной. И чтобы понять такую поэзию, принять ее, необходимо проникнуться заложенной в нее философской мыслью.

После прочтения сборника Мухаммата Мирзы «Сын Адама» возникает желание снова обратиться к теории стихосложения. Вот для примера одно из стихотворений: «Порою жизнь сладка ему – / «Вот это я!» Он горд собой» /Таков от века сын Адама.../ Раскрыть глаза спеши тому, / кто от бахвальства сам не свой». [3;36] (Перевод А.Каримовой).

Поскольку в оригиналe чувствуется прозаизм, попробуем превратить стихотворение в прозаическую форму, но не получается. С синтаксической точки зрения предложение неправильное, мешает инверсия в последних двух строчках. А инверсия – это явление, свойственное поэзии. Чтобы стихи стали стихами, формально необходимы ритм и рифма. Во второй и пятой строках этого пятистишия рифма есть

(абвгб). Надо сказать, что в каждом стихотворении сборника этот способ рифмовки сохраняется, в некоторых наблюдается рифмовка трех строк. То, что каждая строка состоит из шести ритмически организованных слогов, уже ясно демонстрирует наличие ритма. На наш взгляд, в данном случае можно говорить о поэтической мысли в форме пятистишия, т.е. о своеобразном строе стиха, иначе говоря, ритмики Мирзы.

В поэзии Ближнего и Среднего Востока, у некоторых кавказских народов, в частности у армян, есть форма пятистишия, называемая «мухаммас». Но мухаммас состоит не из одной строфы. В его первой строфе наблюдается одна общая рифма или явление редифа (араб., букв. – сидящий позади всадника) – термин поэтики восточных народов, слово или группа слов, повторяющихся в стихе за рифмой [4;277]. В других строфах вид рифмы уже совсем другой. Например, так написан дастан туркменского поэта Молланепеса «Зухра и Тахир» [4;195]. Еще одна форма пятистишия существует в испанской лирической поэзии и называется квинтилла, ее рифма – абааб [4;154].

Как видно, приведенные примеры говорят о том, что пятистишие встречается в мировой поэзии. Но поэтические особенности их другие, нежели в стихах М.Мирзы.

Стихотворения, вошедшие в сборник, можно назвать миниатюрами с точки зрения композиции, содержания и объема. Миниатюра, т.е. произведение малого объема, содержит в себе мысль или образ с большой степенью обобщения. В поэтическом словаре «миниатюра» характеризуется как самая сложная, содержательная и в высшей степени отточенная форма, которая под силу лишь большим мастерам [4;186]. В число миниатюр включают философские четверостишия Омара Хайяма, японские танки, в эту группу также входят русские частушки и фольклорные анекдоты и мэзеки. Продолжим чтение М.Мирзы: «В bla-

гословенный, добрый час / да избежит напастей он... / Таков от века сын Адама – / идущий праведной дорогой / духовным светом защищен...» [3;132]. (Перевод Т.Шарафиевой).

В поэзии есть такой вид философских стихов, которые называются медитативной лирикой и для которых характерно глубокое погружение автора в размышления о проблемах человеческой жизни, о дружбе, любви, природе и т.д. [4;177]. По нашему мнению, стихотворения, вошедшие в сборник «Сын Адама», было бы закономерно рассматривать именно с этой точки зрения. Каждое стихотворение можно условно разделить на две части, как и японскую танку. Эти части соединяют образ «сына Адама». Здесь этот образ может претендовать на значение символа. И если в первых двух строках он является субъектом, то во второй части стиха «сын Адама» становится объектом. То есть сначала мы наблюдаем за действиями, мыслями сына Адама, а затем ему дается совет, высказываются предложения.

На первый же взгляд мы видим, что приведенные в качестве примера стихи обладают совершенно особой формой. Во-первых, почему пять строк? В татарской поэзии существует «строфа Хафиза» – стихотворение, состоящее из пяти пятистиший. Также не чужды татарской поэзии стихотворения, состоящие из одной строчки – формы, свойственной первоначально пословицам и поговоркам, затем вошедшие в татарскую поэзию с легкой руки Равиля Файзуллина. В творчестве М.Мирзы также есть стихотворения, состоящие из одной строки [6;251], но они еще не переведены на русский язык.

Двустишия искони присущи татарской поэзии, русские называли их виршами. В этом жанре работал Адхат Синугыл-Куганаклы. А в творчестве М.Мирзы двустишия наблюдались уже в сборниках «На Млечном пути» [5;303] и «Живая вода» [6;351]. Вот пример: «Весы поэзии, они точней иных. / Любую ценность можно

взвешивать на них» [6;63]. (Перевод Гаухар Хасановой). Стихотворения М.Мирзы требуют от читателя напряженной работы ума. Настоящая поэзия мысли такой и должна быть.

Трехстишие – терцет – появилось в XIII в. в Италии. Его классические образцы представлены в творчестве Дэрдменда. В творчестве М.Мирзы также немало трехстиший, состоящих точно из шести слогов.

В последние годы активизировалась форма рубаи – четверостишия. У татар теперь есть «свои Омары Хайямы». Классические образцы восточной поэзии можно встретить у Радифа Гаташа. Об этом писал Х.Миннегулов в своем труде «Жанр рубаи и Гаташ» [7;277-284].

Прекрасные образцы рубаи представлены также в творчестве Т.Миннгуллина, Д.Гарифуллина, Г.Мухамметшина. Другие наши известные поэты также все чаще начали обращаться к жанру рубаи. У Р.Хариса вышел сборник рубаи на трех языках. Вот пример рубаи М.Мирзы: «Нужна мне ясность, думаю, поймешь. /Скажи, где правда у тебя, где ложь? / Ответь, на чью телегу примостился, / Хороши ли тот, чью песню ты поешь?» [8]. (Перевод С.Малышева). Или: «Ты решился народ свой и веру предать, / В море благ окунулся, не жизнь – благодать... /Пышны проводы были – под стать фараону... / Каково тебе будет пред Богом предстать?» [8]. (Перевод С.Малышева).

Четверостишие в татарской поэзии – явление частое, не случайно Р.Файзуллин еще в 1977 г. писал: «Главное – это рубаи!...». Но не все четверостишия отвечают классическим требованиям, предъявляемым к жанру рубаи. Рифма в рубаи имеет форму аaaa, ааба, иногда аабб. Не все современные рубаи могут передать интонацию классических рубаи. В сегодняшние татарские рубаи часто врывается общественное звучание. Только Р.Гаташу удается сохранить традиционное философское и любовное со-

держение. Об этом его мастерском умении придерживаться классических традиций подробно писала профессор Резеда Ганиева [1;19].

Форма рубаи в творчестве М.Мирзы также занимает большое место [8;318]. Его рубаи несколько бедны с точки зрения любовной тематики, зато в них преобладает философичность, а временами даже начинает довлесть социальная тенденция. Для М.Мирзы с самого начала была свойственна краткая манера письма. В его поэзии ясно чувствуются традиции Акмуллы и Дэрдменда [10;114–124].

Вернемся к «Сыну Адама». Что касается пятистиший, то они в творчестве этого своеобразного поэта появились не сегодня. Они занимают довольно большое место и в предыдущих сборниках поэта. Однако по сравнению со стихотворениями, вошедшими в сборник «Сын Адама», они представляют собой лишь форму строфы, состоящей из пяти строк.

В творчестве Равиля Файзуллина пятистишия, каждое из которых имеет название, существуют с 1963 г. В основном поэт делит стих на части, состоящие из трех и двух строк, иногда – наоборот. Строки имеют разный размер, ритм в большинстве случаев соблюдается, рифма тоже есть, но она разная. В процессе рождения поэтической мысли в рамках одного стиха можно выделить этап «наблюдения» и этап «подведения итогов». В этом смысле два поэта схожи. Однако у М.Мирзы стихотворения более четко укладываются в некую систему. В отличие от пятистиший Р.Файзуллина здесь есть сквозной образ «сына Адама», который находится в середине стиха, широко используются народные пословицы и поговорки, четко соблюдается поэтический размер, рифмы располагаются точно, применяется прием инверсии. Также у М.Мирзы наблюдается сильная тяга к краткости и афористичности звучания. Пятистишия Р.Файзуллина тяготеют к свободному стилю, в них нет стремления «опоэтизировать» ес-

тественное звучание речи при помощи инверсии, а потому часть его стихотворений можно легко привести в прозаическую форму. К тому же мысль, которую собирается высказать поэт, вынесена в название стихотворения, а у Мирзы названий нет, точнее, его стихи имеют одно общее название – «Сын Адама».

Несомненно, сборник «Сын Адама» достоин отдельного внимания. Эти стихи демонстрируют новаторство поэта, они не просто своеобразная форма лирики, а скорее рождение и способ существования поэтической мысли. Еще один пример: «Чуть свет уж на работе он, / а ум его придет к обеду... / Таков от века сын Адама. / Но почему же обречен – / за что – жизнь такую он?» [3;30]. (Перевод А.Каримовой).

По интонации это стихотворение в оригинале также напоминает белый стих. Оно четко делится на две части. В первых двух строках описывается явление, здесь словно бы рисуется картинка. Остальные три строчки – это выводы или оценка. Попробуем рассмотреть эту новую поэтическую форму с точки зрения поэтики японской танки. Татарские поэты всегда восхищались жанром танки. Вот танка японского поэта X в. Асатады из японской антологии «Песни ста поэтов» (1905): «Когда бы в жизни / Ни с кем мы не сходились, / Тогда бы, верно, / Мы не нависти к людям / Как и к себе, не знали» [4;353]. (Перевод В.Макаровой).

В танке тоже пять строчек, но в ней нет рифмы и ясно ощутимого метра. В древних формах танки третья строка стоит немного особняком, она делит стихотворение на две части и в то же время является как бы связующим звеном между ними. В танках XIX в. эта особенность в глаза не бросается. Но у М.Мирзы этот феномен «третьей строки» как раз и наблюдается. И это не обычная деталь. Она претендует на то, чтобы восприниматься как символ, иногда – как аллегория и даже укор. В танках количество слогов – от пяти до семи, всего 31. У Мирзы – 30 слогов.

Различие небольшое. В танке главная мысль кроется в первых трех строках. У Мирзы – в первых двух, но третья строка – общая для обеих частей. Вывод содержится в последних строчках. С точки зрения организации мысли стих Мирзы похож на японскую танку. Напомним, что японские танки воспринимаются во всем мире как неповторимый образец поэтического мастерства, краткости формы и ясности мысли. Но краткость, ясность и остroe слово – качества, свойственные пословице. И действительно, в «Сыне Адама» их предостаточно. «Хвала и хворого поднимает, / хула же с ног сбьет быка... / Таков от века сын Адама: / всегда готова ложка дегтя / с его сорваться языка...» [4;122]. (Перевод Т.Шарафииевой).

Как видим, здесь есть не только пословица, но и афоризм. Еще один пример: «Людская мудрость по одежке / велит протягивать нам ножки, / иначе знай, о сын Адама: / свои прекрасные мечты / мечтами лишь оставил ты» [4;122]. (Перевод А.Каримовой).

Дидактический по характеру жанр малых объемов, заключающий в себе пословицу или толкование философских, просветительских вопросов, назывался в восточной поэзии «хикметом». В его основе лежит поучительная мысль, высказанная в афористичной форме. Наиболее прославлен был в этом жанре Мауля Колый. Известны также хикметы Акмуллы и Дэрдменда. Однако по форме стихи Мирзы не похожи на эти стихотворения названных поэтов.

В греческих античных трагедиях были двустишия или четверостишия, которые завершали монолог и содерж-

жали в себе оригинальную мысль или неординарное высказывание. Они получили название «гнома» [2;39]. Однако стихотворения Мирзы с точки зрения структуры не похожи и на гномы.

Следовательно, остается признать, что в татарской литературе возникла «татарская танка», являющаяся образцом медитативной лирики, возродившая жанр хикмета в новой форме миниатюры.

В истории мировой литературы известны факты, когда поэты давали имена новым, изобретенным им, поэтическим формам. Например, имя древнегреческого поэта Анакреона осталось в истории благодаря и тому, что он назвал своим именем стих, воспевающий красоту жизни [2;10]. В литературе также живут понятия «онегинская строфа» и «строфа Туфана». Однако в данном случае речь идет о новой поэтической форме.

Найдя свою своеобразную форму стихосложения, поэт, думаю, определит и вид этого жанра. В данном случае можно назвать новую жанровую форму исходя из псевдонима писателя. Может, это будет «мираз» (*miraz*) или «кrimaz» (*rimaz*). По-русски эта форма скорее всего будет названа «адамик». Так в поэтике часто и называют жанры. Например, *couleur locale* (фр.: местный колорит). *Couleur locale* в то же время считается и стилистическим приемом в художественном тексте, где описаны быт, природа, менталитет местного народа. Итак, новая форма существует. А является ли он фрагментом, миниатюрой или «*miraz*ом» – неважно. Пусть эта поэзия будет воспринята научными кругами и читателями. А найти ей название – это дело времени.

ЛИТЕРАТУРА

- Ганиева Р.К. Пророк-поэт современности: Традиционализм в творчестве Р.Гаташа / Поэт пророк современности / Резеда Ганиева // Просвещение, 2008. – 19 апреля.
- Елисеев И.А., Полякова Л.Г. Словарь литературоведческих терминов / И.А.Елисеев, Л.Г.Полякова. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. – 320 с.
- Ибрагимов И.М. Сын Адама: Стихи=Ademoglu:Surler=The Sons of Adam: Poems / Мухаммат Мирза. – Казань: Магариф, 2009. – 448 с.

4. Квятковский А.П. Школьный поэтический словарь: Справочное издание / А.П. Квятковский. – М.: Дрофа, 1998. – 464 с.
5. Мухаммат Мирза. На Млечном пути / Мухаммат Мирза. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2003. – 303 с.
6. Мирза М. Живая вода / Мухаммат Мирза. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2007. – 351 с.
7. Миннегулов Х.И. Вслушиваясь в голоса веков... / Хатип Миннегулов. – Казань: Магариф, 2003. – 335 с.
8. Мухаммат Мирза. Дорога к тебе: Стихи. Переводы с татарского / Мухаммат Мирза; Сост. С.Малышев, А.Каримова; Предисловие В.Устинова. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2006. – 318 с.
9. Тынянов Ю.Н. Литературный факт: Классика литературной науки / Вступ. ст., коммент. В.И.Новикова, сост. О.И.Новиковой. – М.:Высш. шк., 1993. – 319 с.
10. Хәсәнова Ф.Ф. Акмулла и его поэтический мир / Ф.Ф.Хасанова // Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции (Казань, 29 января 2007 г.). «Акмулла и современность». – Казань, 2007. – С.114-124.

Аннотация

В статье рассматривается творчество татарского поэта Мухаммата Мирзы. Об умении поэта выразить многое в нескольких словах, о том сильнейшем впечатлении, которое оказывает его поэзия на читателя. Сборник поэта «Сын Адама», вышедший недавно на четырех языках, особенно представленная в нем совершенно неизвестная литературоведению форма лирического жанра, требующая своей научной оценки, становится объектом исследования.

Ключевые слова: мыслящая поэзия, философская лирика, медитация, ритмика, поэтика, Восточная поэзия, пятистишие, афоризмы, миниатюры.

Summary

This article investigates the literary activity of the tatar poet Muhammat Mirza. The article is about the poets ability to express much in a few words and a great impression made by his poetry on the readers. His new collection of poetry «The Sons of Adam» has been published recently in four languages. It represents lyric genre which is completely unknown for the tatar literary criticism. This genre requires its scientific estimation and becomes an object of investigation in the article.

УДК 81'35; 81'26

ТАТАРСКИЙ ПИСЬМЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «НУР»(«ЛУЧ») И ЖУРНАЛА «ШУРА» («СОВЕТ»)

P.M. Хуснетдинов, аспирант отдела общей лингвистики

Вопросы татарского письменно-литературного языка, представленные для обсуждения на страницах газеты «Нур» («Луч») (1905-1914) и журнала «Шура» («Совет») (1906-1917), являлись продолжением ранее поднятых проблем структуры и употребления татарского литературного языка.

С приобретением возможности издания газеты на татарском языке (2 сентября 1905 года) нужно было определиться «с языком газеты». Редактор первой татарской газеты «Нур» коллежский асессор, драгоман министерства иностранных дел, военный акунду петербургского гарнизона, известный ученый богослов, публицист Гатаулла Баязитов (1847-1911) обратился ко всему татарскому народу: «Нә делдә язармыз?», «На каком языке будем писать?» («Нур» 1905, № 4). На страницах газеты по этой проблеме начинается «Тел бәхәсә» – дискуссия, спор о языке. В споре участвовали ученые, историки, богословы, мударисы-педагоги: И.Гаспринский (1851-1914), Х.-Г.Габаши (1863-1933), Г.Баруди (1857-1921), Г.Ахмеров (1864-1911) и др.; ученые языковеды и литературоведы : Х.Максуди (1868-1941), Г.Газиз (1887-1937) и др.; писатели: Ф.Карими (1870-1937), Г.Исхаки (1878-1954) и др.; мугаллимы-учителя, шакирды, ремесленники и т.п.

В ходе полемики поднимались основные теоретические и практические вопросы татарского национального литературного языка. В теоретическом аспекте впервые были выявлены и

терминологически оформлены структурные элементы классического старотатарского тюрки: а) классический тюркский литературный язык, б) джадидо-османский вариант, в) вариант письменного языка, который был обогащен общено-разговорными формами («Нур», 1905. № 4-13; 1906. – № 67).

В практическом плане просьба многочисленных читателей о создании письменных произведений всех жанро-стилей только на разговорном языке Казан теле – гавами тел была поддержана большинством представителей творческой интеллигенции (Г.Исхаки, Г.Газиз и др.).

Хотя многие авторы и продолжали писать на классическом тюркском и на османском варианте старотатарского языка (Р.Фахретдин, Ф.Карими и др.), разговорный стиль стал приобретать осознанное употребление, необходимое для читательских масс.

Дискуссия, начавшаяся на страницах газеты «Нур», продолжалась на страницах других газет: «Фикер» (1905-1907), «Казан мөхбире» (1905-1911), «Вакыт» (1906-1917) и др., в которых поддерживалось общее требование: «писать только на понятном народу языке».

Широкий резонанс вызвало «Языковое соревнование» – «Тел ярыши» (Каләм мәсабәкәсе) на страницах журнала «Шура» (1908-1918). Дискуссия началась с объявления (игълан), которое призывало всех желающих «...написать и отправить в редакцию статью

или рассказ на любую тему не более 40 и не менее 20 строк, написанную чисто на родном языке – тюрки, не употребляя ни единого заимствованного слова» («Шура», 1909. – № 15. – 1 августа). Объявление было написано редактором журнала, в то время оставившим пост казыя Оренбургского Духовного собрания, известным историком, писателем и публицистом, ученым-энциклопедистом, религиозным и общественным деятелем Ризаэддином Фахретдином (1859-1936). Он, конечно, изначально предвидел результат данного «соревнования».

По поводу этой дискуссии было написано 72 статьи. Основным вопросом был: как отразить на письме (арабской графикой) произношение татарских слов и словоформ. А также как писать газетные статьи, научные труды, официальные документы, художественную литературу, и вообще, как называть сам народ и его язык и т.д., т.е. продолжались в основном все те проблемы, которые были подняты на страницах газеты «Нур», все это нужно было излагать на чисто татарском разговорном языке.

Все авторы старались писать, не употребляя арабско-персидских заимствований, однако это дело оказалось почти невозможным, т.к. многие арабо-персидские заимствования, например, дөнья – мир, вселенная, сәгать – часы, акыл – разум и т.п. слова, воспринимались как исконно своими – тюрко-татарскими. В научной литературе нужно было употребить специальные термины, которые являлись заимствованиями: хәреф – буква, аваз – звук, жәмлә – предложение и т.д. Некоторые авторы предлагали заменять эти слова традиционно-общетатарс-

кими словами (Х.Гали. «Шура», 1910: 93-97). Такое решение Г.Тукай назвал «неразумным соревнованием» («тиле ярыш») («Ялт-йолт», 1911, № 29).

Первое место присудили М.Гафури за рассказ-сказку «Айсылу».

Таким образом, данная дискуссия в теоретическом плане доказала невозможность написания статей «на любую тему» только на чисто татарском языке, не употребляя заимствованных слов.

В практическом плане дискуссии о национальном татарском языке оказали влияние на творческую деятельность наших поэтов, таких, как Г.Тукай, Дэрдмэнд; татарских классиков писателей, как Г.Ибрагимов, Ф.Амирхан, которые в начале творчества придерживались традиций старотатарского языка и которые свободно употребляли основные его структурные варианты: общетатарские традиционно письменные формы и арабо-персидские заимствования в дальнейшем все больше и больше склонялись к гавам – народному варианту, не исключая заимствованных слов, которые были уже приняты и считались как бы своими – тюрко-татарскими.

В это же время татарский язык продолжает изучаться и в сопоставительном, и в структурном плане. Расширяется издательская деятельность, выпускается многочисленная литература всех жанро-стилей, написанная в основном в трех вариантах (классическим тюркским, джадидо-османским и народным) классического старотатарского языка, однако более или менее приближенного к общенародному разговорному языку, который является основой национального литературного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баширова И.Б. Теоретические основы татарской стилистики. – Казанский государственный университет, 2005. – 29 с.
2. Рами И.Г., Даутов Р.Н. Литературный словарь. – Казань: Тат. книж. издат., 2001. – 399 с. 191-192 с.

3. Сто лет татарской периодической печати: История, современность, будущее. Материалы научно-практической конференции (Казань, 17 мая 2005 года): доклады и тезисы. – Казань, 2005. – 144 с.

4. Языковые уровни и их анализ (на материале языков разных систем) – 2001: Ежегодник. – Казань: Изд-во Татарского гос. гуманитарного института, 2001. – 184 с.

Аннотация

Вопросы татарского письменно-литературного языка, представленные для обсуждения на страницах газеты «Нур» («Луч») и журнала «Шура» («Совет») являлись продолжением ранее поднятых проблем структуры и употребления татарского литературного языка. С приобретением возможности издания газеты на татарском языке (2 сентября 1905 года) нужно было определиться «с языком газеты». Редактор первой татарской газеты «Нур» Гатаулла Баязитов обратился ко всему татарскому народу: «Нә делдә язармыз?», «На каком языке будем писать?» («Нур», 1905, № 4). На страницах газеты по этой проблеме начинается «Тел бәхәсе» – дискуссия, спор о языке.

Широкий резонанс вызвало «языковое соревнование» – «Тел ярышы» на страницах журнала «Шура».

Таким образом, данная дискуссия доказала невозможность написания статей «на любую тему» только на чисто татарском языке, не употребляя заимствованных слов.

Ключевые слова: письменно-литературный язык, татарский язык, «Нур», «Шура», дискуссия, соревнование.

Summary

We can find discussions about the literary Tatar language on the pages of the Tatar newspaper «Nur» and the magazine «Shura». Some problems of the Tatar language were discussed in this newspaper and magazine such as using adoptions in Tatar speech and writing. As a conclusion, we can say, that it was impossible to write without any adoptions.

УДК 82-992

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ АНГЛИИ В НАЧАЛЕ ХХ ВЕКА В САЯХЕТНАМЭ САДРИ МАКСУДИ

A.X. Алеева, кандидат филологических наук

Записки путешественников (саяхетнамэ) – издревле известный жанр в татарской литературе. Наряду с отличием от других видов литературы, произведения, созданные в данном жанре, имеют свойственные только им особенности и определенные рамки, качественную характеристику, которая объединяет их в единый жанр саяхетнамэ.

В зависимости от эпохи и положения автора в обществе и от его взглядов на жизнь, в путевых записках поднимаются важные проблемы своего времени, точнее именно они и преобладают.

В данной статье речь будет идти о путевых записках, т.е. саяхетнамэ С.Максуди «Путешествие в Англию», написанное в 1909 г.¹ Книга повествует о поездке группы депутатов Государственной Думы России в 1909 году в Англию. Следует сказать несколько слов об авторе.

Садретдин Низаметдинович Максудов (1878-1957) – юрист, окончил юридический факультет университета Сорбонны во Франции. Видный общественный и политический деятель, депутат II и III Государственной Думы России. После Октябрьской революции жил в Париже, затем в Турции. Профессор Анкарского университета.

Известно, что с 1906 г. в России начинает свою деятельность I Государственная Дума. Избранные депутаты начинают участвовать в делах управления государством с надеждой на то, что царское правительство России встанет на путь демократического правления².

В 1909 г. Английский парламент, с целью сближения и налаживания дальнейших отношений между Англией и Россией, приглашает представителей основных партий III Государственной Думы России посетить Англию с официальным визитом для ознакомления с жизнью страны, деятельностью парламента Англии. Российская сторона принимает приглашение, решив, что молодая российская законодательная власть должна поддерживать контакты с ведущими европейскими парламентами, и из 442 депутатов Государственной Думы отбирает группу из 18 человек, в состав которой входит и Садри Максуди.

Когда была предложена кандидатура С.Максуди от мусульманской фракции, один из организаторов поездки с английской стороны профессор Перс заявляет: «У нас Индейские мусульмане не имеют право на выборы. Поэтому, не будет ли вызывать противоречие приезд в Англию депутатов Государственной Думы, мусульманами из России?»³. На что представитель октябристов А.И.Звегинцев ответил: «Садри Муксудов, хотя и является членом малочисленной фракции, он действительный представитель от двадцати миллионов мусульман России. И ни один депутат в Думе не сможет объявить себя представителем от 20 миллионов избирателей. Мы относимся к мусульманам как к достойным равноправными со всеми соотечественникам»⁴. Его мнение поддерживают председатель Думы Н.А.Хомяков, из депутатов П.Н.Милюков и др. Пос-

ле чего профессор Перс соглашается включить С.Максуди в состав почетной делегации, с надеждой: «Может, и наше правительство, увидев российского мусульманина, извлечет урок, сделает для себя выводы⁵. Итак, включение члена мусульманской фракции в состав межпарламентской делегации дало благоприятный имидж российскому парламенту. Как и в других европейских странах, в России была принята доктрина национального представительства: член парламента представляет не только избирателей своего округа, а нации в целом⁶.

В поездке приняли участие следующие депутаты Государственной Думы: Н.А. Хомяков, В.А. Бобринский, А.И. Гучков, С.И. Шидловский, А.И. Звегинцев, Г.Г. Лерхе, А.А. Крюденер-Струве, И.С. Монтивиль, С.Н. Максудов, И.Х. Ефремов, П.Н. Милюков, В.А. Маклаков, М.В. Челноков, Г.И. Свенцицкий, а также члены Государственного Совета – М.А. Стахович, В.П. Глебов, Д.А. Олсуфьев, Г.Р. Потоцкий⁷.

В период работы в составе III Государственной Думы С.Максуди становится авторитетным политиком, почтенным дипломатом. Он всегда одевался по-европейски, свободно общался на русском и французском языках, хорошо знал русскую, французскую литературу и историю. Свободно держался и мог вести дискуссии и с октяристами, и с кадетами, и с социалистами. Вообще со многими депутатами в Думе сумел найти общий язык и установить дружеские контакты, пользовался заслуженным авторитетом и уважением.

Естественно, неспроста ему оказывали особое уважение представители видной русской интеллигенции, такие как председатель Думы Н.А. Хомяков, П.Н. Милюков, А.И. Звегинцев, А.И. Гучков и др.

Данное саяхетнамэ «Путешествие в Англию» Садри Максуди написал, основываясь на своих ежедневных дневниковых записях во время путешествия

в Англию, как делегата от мусульманской фракции Государственной Думы.

В предисловии к путевым запискам автор объясняет свое решение написать саяхетнамэ следующими словами: «Целью данного путешествия является ознакомление англичан с российскими мусульманами, и сформировать у них хорошее мнение о татарах ... так как это первый официальный визит представителя мусульман России в Англию»⁸.

Летом 1909 г. с 5 по 22 июня, продолжительностью всего 17 дней визита, С. Максуди описал довольно много моментов из жизни англичан и по приезде на родину для ознакомления своих соплеменников в этом же году он опубликовал путевые записки в газете «Йолдыз», а позднее издал отдельной книгой.

Полный текст «Путешествия в Англию» С.Максуди довольно объемный – состоит из 31 главы. Он отвечает всем требованиям жанра саяхетнамэ. В вводной части подробно описываются дорожные сборы автора-путешественника, цель поездки.

Путешественники – группа делегатов Думы отправляются в путь из Петербурга поездом. Дорожные впечатления и пейзаж тесно переплетены с размышлениями автора, лирическими отступлениями, статистическими и историческими данными. Все события, произошедшие во время двухнедельного пребывания депутатов российской Думы в Англии, изображены последовательно изо дня в день. Саяхетнамэ заканчивается описанием выезда путешественников из Англии в обратный путь на Родину. Формально полностью представлены все моменты: отправление из конкретной точки, достижение намеченной местности, исполнение поставленной цели и обратное возвращение к прежней отправной точке.

Благодаря этому визиту С.Максуди стал известным и завоевал уважение и популярность среди депутатов Английского парламента. Встречи состоя-

лись с председателем парламента Великобритании, с премьер-министром Гербертом Генри Асквитом, с представителями Междупарламентского Союза, членами Палаты Общин и другими влиятельными членами парламента. С.Максуди везде показал себя как прекрасный дипломат, глубоко усвоивший ритуалы европейского стиля и манеры, держал себя деликатно, вежливо и глубоко интеллигентно.

Он утверждает, что непредпочитительно смотреть на мир только из своего горизонта, необходимо смотреть исходя из других позиций. Например, по дороге в Англию он с восхищением пишет о благоустроенной жизни некоторых стран, которые они проезжают (Бельгия, Франция), и приходит к такому выводу: есть две причины в том, что народы этих стран живут красиво и богато. Во-первых, народ этих стран очень старательный и трудолюбивый, во-вторых, в этих странах существует свобода личности, т.к. за несколько лет совместной работы в Государственной Думе с представителями разных сословий он убедился, что только при наличии уважения свободы личности можно говорить о правах народов России.

Надо сказать, самое глубокое впечатление произвел на С.Максуди во время его визита в Англию прием думской делегации королем Англии – Эдуардом VII.

Нет необходимости объяснять важность этого приема и речи короля. Это был первый официальный прием делегации Российской Думы правителем другого государства. Поэтому, несомненно, прием короля новой структуры власти России в лице Думы стал значительным событием. Об этом писали во всех газетах Англии и в России тоже, отмечали как событие, отражающее значение Думы.

Российских депутатов тепло встретили не только государственные структуры, но и дружелюбно относились к ним многие слои населения. Богатые аристократические дома Лондона уст-

раивали в их честь вечерние приемы. Многие министерства также давали банкеты.

Несколько раз на официальных встречах С.Максуди выступал с речью на французском языке: «Мы стоим в начале новой жизни в России. Сейчас время создания новых отношений между нациями в России. Мы должны обеспечить светлое будущее России, должны избегать тех поступков, которые могут создать охлаждение между нациями, и уберечься от исторических ошибок»⁹, –говорил он.

В работе Английского парламента С.Максуди особенно восхищало – смелая критика правительства со стороны рабочих депутатов в парламенте, делать разные запросы и вынуждать государство давать ответы на эти запросы. Возможно, С.Максуди в многократных своих речах в III Государственной Думе при рассмотрении разных проектов законов в комиссиях, защищая права российских народов, в том числе и мусульман, опирался на практику деятельности депутатов Английского парламента. Он старался выступать от имени делегации на многих встречах. Это было связано с его старанием доказать высшему обществу Англии, его интеллигенции и английскому передовому обществу, что в России живут татары, и они тоже имеют право занимать свое место в мировом сообществе. По его словам: «Эти выступления были направлены на возвеличивание своего народа в глазах англичан, если не получится, хотя бы не опускаться, а создать хорошее мнение и в парламенте, и в других местах положительное впечатление»¹⁰. Везде, где бы он ни выступал, – всегда с особой гордостью подчеркивал, что он сын татарского народа, в его речах ярко прослеживаются беспокойство за судьбу татарского народа, мысли и размышления о его будущем.

Визит делегатов Российской Государственной Думы в Англию был огромным событием для мирового сообщества. Всемирный Центр Печат-

ти в Лондоне собрал журналистов и организовал встречу с представителями Государственной Думы. На данном собрании присутствовали сотни корреспондентов разных стран, в том числе Англии и России. В своем выступлении перед журналистами, мастерами пера, С.Максуди сказал: «В ваших руках очень важное оружие – это печать, газета. При помощи прессы можно разжигать вражду между странами, можно установить стойкий мир, дружбу. Журналистика это очень тонкое искусство. Все в ваших руках. Все зависит от Вас»¹¹.

Итак, по просьбе председателя Думы Н.А.Хомякова, П.Н.Милюкова в Англии С.Максуди выступает и на встрече в честь Дж.Байрона, и на конференции, посвященной в честь столетия Ч.Дарвина, на встрече с королем Англии в Букингемском дворце, перед аристократами Ливерпуля и во Всемирном Центре Печати в Лондоне и каждый раз свое выступление заканчивает под бурные аплодисменты.

Надо отметить, что данное саяхетнамэ принципиально отличается от ранее известных путевых записок. Нагрузка жанра явно расширяется, в зависимости от цели путешествия и личности автора текст приобретает общественно-политическое содержание. В его основе лежит историческая ситуация той эпохи. В первую очередь здесь отражены социальная жизнь конкретной страны, ее государственное устройство, деятельность политических партий, отношение и внимание правительства данной страны к запросам народа, ее желаниям и обращениям. Во-вторых, отражены целенаправленная борьба народа с властью для защиты своих прав и некоторые результаты этих постоянных противостояний.

Одним словом, в рамках жанра саяхетнамэ изображены серьезные и важные события общественной жизни, политическая действительность того времени.

Автор, используя жанр путевых записок, смог изложить свои идеи, раз-

мышления, которые можно передать только в рамках публицистического жанра. Например, С.Максуди приводит слова своего собеседника, видного политика, государственного деятеля лорда Крумера, который почти 20 лет был правителем Египта, провел там реформу управления и экономики. Его мысли сводились к тому, что «мусульманам, не теряя времени, необходимо принять европейскую культуру. В противном случае они окажутся в тяжелом положении. Совершенно ошибочны утверждения, что ваша религия и современная культура несовместимы... Если не хотите исчезнуть, то постарайтесь обратиться к просвещению и культуре ...»¹². Действительно, татарские просветители были ориентированы на формирование татарской нации по европейскому типу, автономной в вопросах религии и образования. В российском масштабе целью движения являлось создание правового государства с равноправием всех граждан и равенством религии.

С другой стороны, на рубеже XIX–XX вв. мусульманская элита России переходит от идей прогрессивного просветительства к развитию в политическом плане. Это связано с появлением на политической арене татарских либералов, активной молодежи, побывавших и получивших образование в Европе, таких как Садри Максуди, Фуат Туктаров, Юсуф Акчура и др., которые сблизились с европейской цивилизацией, ее интеллектуальным климатом и политическими идеями. Они считали себя частью либерально-го европейского движения. Знакомство с конституционным устройством, основанным на парламентской системе европейских государств, привлекло мусульман-либералов России к этим же идеям. Достаточно сопоставить и проанализировать два наиболее известных памятника, созданных в начале XX в., чтобы проследить смену традиций: книги «Путешествие в Европу» Фатиха Карими (1902)¹³ и «Путешествие в Англию» С.Максуди (1909).

Ф.Карими основное место уделяет прогрессу европейских наций в сфере образования. Для него во Франции существуют религиозная свобода, свобода печати и равноправие. Это государство представляет пример расцвета искусства, науки и культуры для других стран. Положительным примером в мусульманском мире Ф. Карими считает Турцию. По его мнению, Турция испытывает влияние европейских стран, особенно Франции. Он пишет, что российские мусульмане, получившие образование в светских учебных заведениях Стамбула, могли преодолеть разрыв между уровнем образования в мусульманских и европейских странах. Для мусульман России Ф.Карими ставит задачи развития светских учебных заведений, печати, обучение в турецких вузах, что характерно для просветительского этапа джадидизма.

С.Максуди в своей книге «Путешествие в Англию», написанной под впечатлением визита в 1909 г. в эту страну, подробно описывает социально-политическую жизнь страны, функционирование парламентской системы, деятельность политических партий, способов правления Империей. Автор считает, что Англия несравнима с другими нациями и по духовному развити-

тию – в сфере философии, литературы и наук. Англия является конституционным государством с 1688 г., т.е. когда правительство стало формировать партию, получившую большинство мест в парламенте. Он призывал мусульман России идти по пути Англии и бороться за свои политические права. При этом он отдает преимущество либералам, указывая, что они, постоянно расширяя права общества, увеличивая степень равенства, являются защитниками интересов не только аристократии, но и всех слоев нации.

Таким образом, за десятилетие, прошедшее между поездками Ф.Карими и С.Максуди, основной спектр интересов либералов-мусульман России переместился от борьбы за прогресс образования и создания печати к политической реформе, созданию конституционного государства и обеспечению равноправия мусульман с другими нациями – одним словом, общественное движение передовых мусульман приобретает целенаправленность, становится на ступень выше – от просвещения к общественно-политическому движению. Это является основной идеей «Путешествия в Англию» С.Максуди как художественного произведения, выполненного в жанре саяхетнамэ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Максуди С. Англиягә сәяхәт. – Казан: Типогр. «Өмет», 1914. – 144 с.

² Усманова Д.М. Документы от Казанской губернии в Государственной Думе России. 1906-1917. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2006. – 495 с.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Максуди С. Англиягә сәяхәт. – С. 7.

⁶ Демин В.А. Государственная Дума России (1906-1917): Механизм функционирования. – М.: РОССПЭН, 1996. – С. 32.

⁷ Ефремов И.Н. Русские народные представители в Англии и Франции летом 1909 г. – СПб.: Типолитогр. Б.Авидона, 1911. – 161 с.

⁸ Там же. – С.1.

⁹ Там же. – С.27.

¹⁰ Там же. – С.101.

¹¹ Там же. – С. 128.

¹² Там же. – С. 64.

¹³ Кәрими Ф. Аурупа сәяхәтнамәсе. – СПб.: Типолитогр. И.Бораганского, 1902. – 201 с.

Аннотация

Статья посвящена анализу путевых записок С. Максуди «Путешествие в Англию», написанных в жанре саяхетнамэ во время его посещения Англии в составе делегации депутатов Государственной Думы России. Даётся обобщенный анализ содержания саяхетнамэ. В статье отражаются социально-политическая жизнь, деятельность политических партий, функционирование парламентской системы Англии. Подчеркивается актуальность общественно-политических проблем татарского общества начала XX века.

Ключевые слова: жанр саяхетнамэ, Садри Максуди, «Путешествие в Англию», путевые записки, парламентская система, конституционное государство, Государственная Дума.

Summary

The article is devoted to the analysis of travel notes «Travel to England» by S. Maksudy. It is written in the genre of «sayahatname» during his visit to England in the delegation of deputies of State Duma of Russia. The generalised analysis of the contents is given in «sayahatname». The social and political life, the activity of political parties, functioning of the parliamentary system of England are written in the article. The actuality of social and political problems of Tatar society at the beginning of the 20 th century is underlined in it.

УДК 930.1(470.41)

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КАЗАНИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Р.А. Гильмутдинов, соискатель

На современном этапе развития российской исторической науки, обусловленной сложным процессом переосмысливания исторических явлений и процессов и обретением разнообразных методологических подходов, перед исторической урбанистикой открываются новые горизонты. Сегодня важнейшими задачами являются не только эмпирическое изучение различных сторон истории городов, но также обобщение и теоретическое осмысливание изучаемых проблем. Одним из таких вопросов, требующих всестороннего рассмотрения, является история средневековой Казани.

В российской историографии изучение истории средневековой Казани насчитывает несколько столетий. На протяжении этого времени оно велось с разной интенсивностью и глубиной. Это было вызвано слабостью источников базы, а также отсутствием законченной концепции города и урбанизации. Несмотря на это, накопилось немало научных и научно-популярных трудов историко-публицистического, краеведческого и справочного характера, в которых с разной степенью полноты рассматриваются и освещаются проблемы истории средневековой Казани. При этом требует внимания отсутствие обобщающих научных трудов по историографии города, раскрывающих эволюцию взглядов и мнений российских историков.

Одним из первых авторов, затронувших историю средневековой Казани, был А.И. Лызлов. В «Скиф-

ской истории» он продолжает традицию, начатую «Казанской историей» (1564–1565 гг.), где неизвестный автор основание Казани относит к 1172 г. (1177 г.): «Бысть же на Каме на реке старый град именем Брягов, оттуду же прииде царь, именем Сайн Болгарский. И поискав по местам проходя в лета 6685 (1177) и обрете на Волге... Царь возгради на месте том Казань»¹. В большинстве списков этого же сочинения дается более поздняя дата возникновения города («двадцать лет спустя после нашествия Батыя...»), т.е. в 1257 г. По Лызлову, именно Сартак, сын Батыя, носивший титул «Сайн», построил не только город, но и образовал первоначальное Казанское государство. Точка зрения А.И. Лызлова, определившего время строительства Казани золотоордынским временем на основании непроверенного источника, долгое время господствовала в исторической науке.

Основоположник русской исторической науки В.Н. Татищев оставил ряд ценных сведений по истории средневековой Казани. Он, в частности, одним из первых объяснил значение слова «Сайн». Опираясь на мнение В.Н. Татищева, другой исследователь истории Казани, П.И. Рычков, писал впоследствии, что Сайн «ничто иное есть, как предикат или титул у татар знатным людям прилагаемой, и значит твердаго, изящного и превосходнаго человека»².

До сих пор не потеряло своего значения описание города Казани геоде-

зистом М.С. Пестриковым, сделанное в 1739 г. по поручению В.Н. Татищева для его «Географического словаря». В нем имеются исторические данные о построенных зданиях XVI, XVII вв., а также некоторые топографические указания, в том числе о расположении посадской стены с ее башнями и т.д.³ Схожей работой является рапорт А. Свечина Правительствующему Сенату, написанный в 1765 г.⁴ В ней содержатся историко-географические сведения по более чем 300 населенным пунктам Российской империи⁵. Именно у А. Свечина впервые встречаем подробности о легендарном царе Сaine, основателе Казани в середине XIII столетия. Затрагивается в «рапорте» и проблема этимологии города: «Казань по-татарски называется котел...»⁶.

Итогом плодотворной работы упомянутого выше П.И. Рычкова стало создание «Опыта Казанской истории древних и средних времен», где на более высоком научном уровне, по сравнению со «Скифской историей» А. Лызлова, освещена история города Казани. Город был основан, по мнению П.И. Рычкова, Батыем в 1250 году, и это он объяснил тем, что «он около Волги в разных местах города строил и населял», а по реке Казанке «болгары, называемые казанцы, жительствовали и города свои по ней и близ ея имели»⁸.

В начале XIX в. крупным событием в научной жизни страны стало появление труда «История государства Российского» дворянского историографа Н.М. Карамзина. У Карамзина мы можем найти данные, которые указывают на то, что первые упоминания в русских летописях о городе Казани (Старой?) датируются в связи с событиями 1229, 1230, 1232 гг. Но, по мнению некоторых историков, эти сведения вызывают сомнения, так как другие летописи при описании тех же событий используют название Болгар. Не случайно С.М. Шпилевский считал, что эти данные были взяты Н.М. Карамзиным, затем С.М. Соловьевым из Никоновской летописи⁹.

Н.М. Карамзин сообщает также факты и версии о постройке города Казани, взятые им из «Казанской истории». Автор впервые связывал Новую Казань на современном месте ее расположения с именем хана Улу-Мухаммеда, который прия на «новое лучшее место, близ старой крепости построил новую, деревянную, и предстал оную в убежище болгарам, черемисам, монголам»¹⁰.

Известным историком начала XIX в. был Н.С. Арцыбашев (1773–1841), автор статьи «О старом городище Казани»¹¹, где впервые высказано предположение о нахождении старого городища Казани на месте Зилантова монастыря. Свое мнение автор обосновал широко распространенной среди населения легендой о строительстве Казани после истребления змея на высокой горе, названной впоследствии Зилантовой. Это случилось, по мнению автора, при хане Улуг-Мухамеде. Арцыбашев поясняет, что город на новом месте – настоящая Казань, на Зилантовой горе – Старая.

Большой вклад в изучение прошлого местного края внес видный ученый Карл Федорович Фукс, который на протяжении нескольких десятилетий интересовался историей и бытом народов, проживающих в Казанской губернии. В «Краткой истории города Казани» К.Ф. Фукс последовал той же гипотезе, что и П.И. Рычков, когда связывал название города Казани с именем «его основателя»¹². Данная гипотеза имела под собой основание, так как если обратиться к тюрко-монгольским средневековым личным именам и, прежде всего, к именам тюркской и монгольской аристократии эпохи Чингизидов, то можно заметить частое упоминание имени Казан (Газан) и его несомненную связь с ханскими родами. Однако это еще не доказывает достоверность происхождения названия города и, как отмечает видный петербургский ученый С.Г. Кляшторный, «этот гипотеза, построенная на теоретически допустимом пределе, слишком искусственна»¹³.

Данная работа явилась значительным шагом вперед по сравнению с предшествующими книгами А. Лызлова и П.И. Рычкова. Если последние излагали, в сущности, один-единственный источник, то К.Ф. Фукс использовал целый комплекс источников, поэтому недаром эта книга, по оценке крупного русского историка В.С. Иконникова, «представляет пре-восходный систематический свод всех документальных источников (более 100 ссылок) по истории Казани...»¹⁴.

В это же время вышла «Краткая история города Казани»¹⁵, опубликованная в 1834–1849 гг. адъюнктом Казанского университета, редактором журнала «Заволжский муравей» М. Рыбушкиным (1792–1849). Появление интереса к изучению истории города проявилось еще раньше, когда в издаваемом им журнале была опубликована статья под заглавием «Поездка в Старую Казань»¹⁶. Он начал свою статью переводом отрывка из одной татарской рукописи о построении Старой Казани, доставленного ему профессором И.Ф. Яковкиным. К этому отрывку И.Ф. Яковкиным было добавлено краткое описание городища, названного им «Иски Казанью». При раскрытии проблемы возникновения города Казани М. Рыбушкин следовал за «Казанской историей», считая ее «достоверной книгой»¹⁷. Автор допускал вероятность основания Новой Казани в середине XIV столетия, а именно в 1362 г. (вероятно, 1262 г. – Р.Г.), Саином и Сартаком, сыном Батыевым¹⁸. К тому же, по мнению Рыбушкина, Казань являлась столицей ордынских царей.

Много интересных сведений по истории города Казани публиковалось в «Казанских губернских ведомостях» (1840–1850-е гг.). В эти годы газетой руководили талантливые люди – литератор и любитель-краевед Н.И. Второв, историк А.И. Артемьев, профессор И.Н. Березин. А.И. Артемьев напечатал ряд очерков о памятниках древности Казанской губернии, в

том числе и о Казани¹⁹. В 1856 г. вышла статья «Какой вид имела Казань в XVI в.» неизвестного автора (скорее всего А.И. Артемьева)²⁰, где обстоятельно были разобраны некоторые вопросы исторической топографии города Казани.

В эти же годы ряд работ публикует Н. Баженов, штаб-лекарь Казанского порохового завода. Одна из его работ, опубликованная в 1847 г. в Казани, известна под названием «Казанская история»²¹. Затрагивая проблему основания города, автор лишь перечисляет те версии, которые существовали в татарских преданиях. Так, в частности, используя «Дафтар-и-Чингиз-наме», которая сообщает, что в 700 г.х. (1300/01 гг.) после взятия Тимуром города Булгара и гибели хана Абдуллы его сыновья Алтын-бек и Алим-бек основали Казань (Старую), которая существовала 104 года, а затем была перенесена на кремлевский холм, где просуществовала еще 158 лет до взятия ее русскими войсками, Н. Баженов не соглашается с этим народным преданием по причине хронологической неувязки «по времени, в котором Алтын-бек и Алим-бек» являются в связи с происшествием²². Поэтому автор больше склоняется к версии П.И. Рычкова, который основание Старой Казани соотносит с деятельностью Батыя²³. Причину создания Старой Казани Н. Баженов видит в том, что «Казань сначала не была городом, но действительно юртом. Это населенное местечко с именем юрта построено на тот конец, чтобы в нем была станция для сборщиков податей»²⁴. Баженов проводит мысль о прямой преемственности Булгара и Казани, так как, по его мнению, время возникновения последней тесно переплетается с событиями, связанными с угасанием Волжской Булгарии.

А.И. Артемьев, опубликовав специальную статью, посвященную разбору книги Баженова, высказал резкие замечания его автору²⁵. В этой обстоятельной статье перечислены новые источ-

ники по истории Казани, в том числе «Писцовые книги 1566–68 гг.», приведены «новые» факты, не использованные Н. Баженовым (сведения русских летописей о г. Казани конца XIII в., середины XIV в., упоминание о Казан-хане, известия о разорении Казани в 1376, 1391 гг.).

Важным событием в историографии второй половины XIX в. явилось издание многотомного труда «Истории России» С.М. Соловьева. Город Казань автор упоминает в своей «Истории России» неоднократно. Так, следя «Казанскому летописцу», он сообщает, что Улу-Мухамед между 1437 и 1439 г. пробрался в Казань²⁶, вопреки тому же источнику, но вполне справедливо говорит об освобождении великого князя Василия II из плена не в Казани, а в Курмыше²⁷. Далее автор приводит рассказы о военных походах и столкновениях 1469 г., 1487 г., 1506 г., 1524 г., 1531 г., 1549–1550 гг., более подробно говорит о событиях 1552 г.²⁸ Все эти упоминания о Казани в труде С.М. Соловьева касаются лишь политических событий и ничего не говорят о самом городе. Примечательно, однако, отношение автора к главному источнику по истории города – «Казанскому летописцу», которым так доверительно пользовались все предшествующие историки. Хотя критического разбора этого источника у С.М. Соловьева мы не найдем, но в ряде случаев, например, говоря о событиях 1505–1506 гг., он отвергает известия из «Казанского летописца» как источника мутного, требующего к себе осторожного обращения, и предпочитает известия других письменных источников²⁹.

Новые сведения об Иски Казани и ее окрестностях дал в 1853 г. П. Малов, священник соседнего с дер. Камаево с. Чурилино³⁰. Он представил более подробное описание городища, указал первые находки с его территории в виде серебряных джучидских монет, часть из которых, по определению П.С. Савельева, относится к 1407 и

1413 гг.³¹ Среди своих находок П. Малов отмечал также медные кресты, связывая их «или с русскими пленными, или с русским отрядом при взятии Казани».

Вторая половина XIX в. характеризуется расширением исследовательской деятельности в различных областях науки. Образовались многочисленные научные общества. По решению IV Археологического съезда в Казани в 1878 г. при Казанском университете было создано Общество археологии, истории и этнографии.

Среди опубликованных в то время исследований выделяется фундаментальный труд профессора кафедры истории русского права Казанского университета С.М. Шпилевского «Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии»³². Работу ученого отличает сопоставительный анализ комплекса разнообразных источников – археологических, письменных, нумизматических, языковедческих (топонимы) и фольклорных. Что касается истории Казани, то С.М. Шпилевский, к сожалению, опирался преимущественно на татарские предания об «Иски Казан», основанной, по его подсчетам, в 1290 (1298) г. Впоследствии места эти для жителей показались неудобными, и спустя 104 года они переселились в устье Казанки и основали там нынешнюю Казань, в 804 г. хиджры (1394 или 1402 г.)³³. Примененная Шпилевским методика подсчетов была использована в наши времена Р.Г. Фахрутдиновым³⁴ и раскритикована С.Х. Алишевым³⁵.

Важно отметить, что С.М. Шпилевский одним из первых выдвинул гипотезу о том, что стены кремля (крепости) были сооружены из камня еще в период существования ханской Казани. Археологические исследования последних лет действительно выявили участки каменной стены и Северной башни, функционировавших еще в первой половине XVI в.

Наряду с работой С.М. Шпилевского были опубликованы «Очерки древ-

ней Казани»³⁶ протоиерея Платона Заринского, в которых автор затрагивал историю г. Казани преимущественно второй половины XVI в. Описывая географический ландшафт местности, на которой располагалась древняя Казань, автор обращает внимание на то, что вся прилегающая местность «была изрезана оврагами, изменявшими свой вид и направление ежегодно от весеннего таяния снегов ... и от проливных дождей». В связи с этим появлялись на почве промоины и обвалы, которые явились отличительной особенностью данной местности и поэтому, по мнению автора, Казань и получила свое название от характера данного ландшафта в виде котловин и омутов (казан)³⁷.

В связи со скучностью достоверных сведений по истории средневекового города историки продолжали изыскания в области накопления источников базы, основываясь уже на этнографических, лингвистических, и особенно археологических данных. Использование археологического материала способствовало изучению проблем фортификационной системы города. Появляются исследования по историко-топографическому описанию Казани до ее завоевания русскими войсками³⁸. В этих работах средневековая Казань представляется превосходной крепостью. Оборонительную конструкцию усиливал природный ландшафт. «Строя город на новом месте, — писал К. Воронцов, — основатель новой Казани предвидел непременные столкновения татар с русскими, которым путь в эту страну был издревле знаком, и на этом основании избрал для Казани местность, весьма удобную к упорной обороне»³⁹. М. Богдановский писал: «Стены татарской Казани — города и посада — были дубовые, рубленые тарасами и засыпанным внутренним пространством хрящем, камнем и глинистым илом... Эта бетонная кладка препятствовала пробиванию стен артиллерийскими снарядами насквозь»⁴⁰.

В начале XX в. начались первые археологические обследования Иски (Старой) Казани. В 1900 г. Старую Казань посетили В.Л. Борисов и И.Н. Смирнов. В 1904 г. однодневную поездку на городище совершил известный казанский археолог П.А. Пономарев⁴¹. Последним дерево-люционным исследователем Старой Казани был М.М. Хомяков, который, осмотрев городище в 1910 г., выступил с отрицанием существования здесь древней Казани. Кстати, это утверждение в последние годы нашло аргументированную поддержку со стороны современных исследователей⁴². Поводом для такого вывода послужило отсутствие на поверхности городища остатков древних построек. По мнению исследователей, памятник является остатками крепости князя Камая, который в XVI в. при взятии Казани перебежал на сторону Ивана Грозного и показал ему Тайницкий ключ — источник воды для осажденных казанцев. Однако суждения М.М. Хомякова об остатках Иски Казани противоречивы. Он мысленно искал их то на Архиерейской даче (Кабанское городище) в Казани и там не находил «следов былых построек», то в пределах «Новой» Казани, безуспешно представляя ее себе летописным «Старым городищем» на месте Федоровского монастыря, то на Зилантовой горе.

Вторая половина XIX — начало XX вв. в исторической науке характеризуются появлением различного рода путеводителей по городу Казани, авторы которых описывают историю древней Казани уже на основе сложившихся стереотипов в изучении истории города. В 1862 г. выходит путеводитель Н.П. Боголюбова «Волга от Твери до Астрахани»⁴³. У автора нет достоверных сведений о том, когда появилась Казань. В качестве ранней даты города он готов предложить и конец XIII, и XIV век, время, когда город стал упоминаться в русских летописях. Он называет «отцом» города хана Улу-Магмета (Улу-Мухаммеда) — именно

тот якобы нашел близ старой крепости «новое, более удобное место, построив новую крепость»⁴⁴.

В 1884 г. в Казани вышел «Иллюстрированный спутник по Волге»⁴⁵, составителем которого стал С. Монастырский. Автор «Спутника» лишь констатирует, что Казань происходит от татарского слова «казан», означающего котел, так как располагалась в круглой и замкнутой долине, имеющей вид котла. Не углубляясь в подробности, он предполагает, что Казань основана в XIII в. Батыем или одним из его сыновей⁴⁶.

В «Путеводителе по Волге, Каме, Белой и Вятке», изданном И.И. Ивановым в 1890 г., привлекают внимание читателя описание событий, связанных со взятием Казани Иваном Грозным, и сведения о возникновении в 1555 г. Казанской епархии. Среди достопримечательностей автор указывает казанский Кремль, «основанный ханом Улу-Махметом в XV веке»⁴⁷. Книга В. Рогозина «Волга. От Оки до Камы» содержит подробное описание Булгарского городища и некоторые факты из истории Казанского ханства. Толкования по поводу основания города Казани автор обходит молчанием, отмечая лишь, «что с запустением Булгара на Волге возник новый политический и торговый центр – Казань, перенесенный с верховьев Казанки на ее устье»⁴⁸.

В 1895 г. вышел «Спутник по Казани» под редакцией профессора Н.П. Загоскина. По мнению автора, «основание Старой Казани последовало после покорения татарами Булгарского царства и основателем этого города явился один из ордынских ханов-саинов, преемников Батыя»⁴⁹. Это событие он относит к 1288–1298 гг.⁵⁰ Высказано предположение, что Старая Казань ведет свое название от сарайского хана Туда-Менгу, который носил придаточное имя «Казгана», означающее «котел»⁵¹. Эту версию автор заимствовал у Ш. Марджани, полагавшего, что Казань была названа в честь сарайского хана Казан-хана, который, однако, в

списках золотоордынских ханов не значился. Попытка разрешения данной проблемы была осуществлена как раз Н.П. Загоскиным, предложившим версию, согласно которой Казан-хан являлся народным прозвищем Туда-Менгу. В обоснование своей гипотезы автор ссылался на джучидскую монету, на которой читалась надпись: «Казан-Хан»⁵². Н.П. Загоскин делает заключение о том, что перенесение Казани на место нынешнего расположения этого города состоялось в пределах 1394–1402 гг.⁵³ Это переселение было осуществлено, по мнению ученого, в устье реки Казанки, где «казанская цитадель была поставлена не на месте современного казанского кремля, но версты на полторы выше по течению р. Казанки, на бугре нынешнего Федоровского монастыря. Эта последняя местность долго слыла под наименованием «Старого казанского городища»»⁵⁴.

Авторы «Путеводителя по Волге и Каме» Г.П. Демьянов и Д.К. Зеленин склонны полагать, что Казань существовала «еще раньше нашествия на Булгарию Менгу-Тимура»⁵⁵. По их мнению, возникновение города «теряется в древности». Во всяком случае, авторам известны упоминания о нем русских летописей под 1164 г. Далее авторы отмечают, что «Казань имела очень серьезное значение: во-первых, она замыкала вход в низовье Волги и в устье Камы, а во-вторых, как крепость она могла считаться неприступной, так как была окружена водой, непроходимыми болотами и топями...»⁵⁶.

Продолжением исторических исследований по проблеме средневековой древней Казани в начале XX в. стала работа Н.А. Спасского «Очерки по родноведению»⁵⁷, изданная в 1910 г. Автор придерживается традиционной для первой половины XIX в. точки зрения о происхождении города: «Сын Зюзи (Джучи. – Р.Г.) Батый, осевши в поволжских степях,... построил много татарских поселений. Одно из таковых и было на реке Казанке, в берегах от Волги, под именем Саино-

ва Юрта; основано в честь Батыя, который именовался Саин-ханом (около 1250 г.). Этот юрт потом заменил собой разоренную болгарскую Иски-Казань»⁵⁸. Впоследствии Иски-Казань была разорена и властила жалкое существование, была восстановлена в XV в. бежавшим ханом Золотой Орды Улу-Мухаммедом и его сыном Махмутеком (в 1437 г.). Начало современной Казани, по мнению автора, было заложено при хане Махмутеке, который «построил новую крепость-город» на месте нынешнего Казанского кремля.

В конце XIX – начале XX вв. к изучению проблем средневековой Казани проявила интерес татарская историческая наука. К первым исследователям средневековой Казани можно отнести И. Хальфина, Х. Фаизханова, К. Насыри, Ш. Марджани, Г. Ахмарова, Х. Атласи, Р. Фахреддина⁵⁹.

Всеобщее признание русских ученых получил труд Ш. Марджани (1818–1889) «Гилалат аз-заман фи тарихи Булгар ва Казан» («Завеса времени, прикрывающая историю Булгара и Казани»). Сведения из этого сочинения, как ценные и надежные, использовали в своих трудах Ф. Готвальд, С.М. Шпилевский, Н.И. Ашмарин и др. На основе анализа ряда восточных источников Ш. Марджани приходит к заключению, что город ведет свое название от имени основателя – Казан-хана, одного из потомков Батыя, царствовавшего в Орде «после Токтагу-хана и прежде Узбек-хана». Ш. Марджани оставил краткое описание внешнего вида мечетей и медресе, исчезнувших после событий 1552 г. Интересны и оригинальны его сведения о мечетях Нури-Али и Кул Шарифа на территории нынешнего Кремля⁶⁰.

В трудах Г. Ахмарова и Х. Атласи дается краткий обзор русской историографии Казани, письменных источников и татарских преданий. Г. Ахмаров считал, что еще до основания Казани в середине XII в. здесь проживали булгары-казанцы. Он видел неразрывную связь между Булгарам, Старой и

Новой Казанью в плане политической преемственности. Все они по очереди были политическими резиденциями правителей государств и их экономическими центрами. Исследователь не считал современную Казань обязанной своим происхождением Старой Казани. Старая Казань и Новая Казань являются самостоятельными городами, даты их возникновения не связаны друг с другом. Этой точки зрения придерживаются и современные исследователи.

На основе детального изучения русских летописей Х. Атласи установил, что первое упоминание Казани относится к началу XIV в. Город был основан, по его мнению, булгарскими князьями на месте «Иски Казан», а в середине XV в., при хане Улу-Мухаммеде, переместился в устье Казанки.

Как видим, до начала XX столетия по истории Казани было создано значительное количество научных и научно-популярных трудов, путеводителей. Основными источниками являлись русские летописи, «Казанская история» («Казанский летописец») анонимного автора второй половины XVI в., татарские легенды и предания. Археологических раскопок (кроме небольших наблюдений) в рассматриваемый нами период еще не производилось, что сильно мешало установлению истины в отношении времени возникновения города. Среди исследователей преобладало мнение о золотоордынском возрасте Казани и основании ее на месте Иски-Казани одним из ханов Улуса Джучи – Бату-ханом или его сыном Сартаком, Улу-Мухаммедом или его сыном Махмутеком.

Исследователями XIX – начала XX вв. был накоплен также значительный материал по исторической топографии города, локализации посадских стен и башен, об отдельных архитектурных памятниках периода Казанского ханства.

Вопросы, поставленные дореволюционными учеными в своих трудах, традиционно перешли в исследования

советского периода и только в конце XX в., когда на территории Кремля и в исторической части города проводились масштабные археологические раскопки, некоторые из них нашли положительное решение. Так, на основе целого комплекса источников, изучен-

ных с применением естественнонаучных методов, появилась возможность дать твердое основание для определения времени возникновения древнейшей Казани – булгарского поселения на Кремлевском холме концом X – началом XI вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Казанская история / Подготовка текста, вступ. статья и примеч. Г.Н. Моисеевой. Под ред. В.П. Адрияновой-Перетц. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 47.

² Рычков П. Опыт казанской истории древних и средних веков. – СПб., 1767. – С. 70.

³ Описание Пестрикова издано неоднократно, впервые у П.И. Рычкова в «Опыте...», в «Казанских губернских ведомостях» за 1844 г., во 2 томе «Симбирского сборника», И. Березиным в «Казанских губернских ведомостях» за 1852 г. в № 19, Г.З. Кунцевичем в «Истории о Казанском царстве». – СПб., 1905. – С. 23-29, 63-85 и т.д.

⁴ РГАДА. – Ф.248. – Оп.41. – Д.3419. – Л.813.

⁵ Саначин С.П. «Новая» древняя Казань в первом любительском краеведческом труде XVIII столетия // История и историки в Казанском университете: Сб. науч. ст. – Казань, 2005. – С. 194.

⁶ Там же. – С. 188.

⁷ Рычков П.И. Указ соч. – С. 70.

⁸ Там же. – С. 71.

⁹ Шпилевский С.М. Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. – Казань, 1877. – С. 180.

¹⁰ Карамзин Н.М. История государства Российского. Книга вторая. Т.5. – Ростов-на-Дону, 1989., – С. 290.

¹¹ Арычбашев Н.С. О старом городище Казани // Вестник Европы. – 1822. – Ч. 126. – № 21. – С. 12-73.

¹² Фукс К. Казанские татары в статистическом и этнографическим отношениях. Краткая история города Казани. – Казань: Фонд ТЯК, 1991. – С. 160.

¹³ Кляшторный С. О времени основания Казани // Казань. – 1999. – № 5/6. – С. 37.

¹⁴ Иконников В.С. Опыт русской историографии. – М. Т.1, кн.2. – С. 932.

¹⁵ Рыбушкин М. Краткая история города Казани. – Казань, 1843. Ч.1. – 149 с.; Ч.2. – 150 с.

¹⁶ Рыбушкин М. Поездка в Старую Казань // Заволжский муравей. – Казань. – 1833, ч. III, № 21. – С. 1169-1189.

¹⁷ Там же. – С.19.

¹⁸ Там же. – С. 19.

¹⁹ Артемьев А.И. Нечто для истории Казани // Казанские губернские ведомости. – Казань. – 1844. – № 18, №20.

²⁰ В статье автор не упоминается, Н.Ф. Калинин, С.Х. Алишев относят авторство А.И. Артемьеву, исходя из того, что в этот период наиболее активно проявилась деятельность историка в плане изучения истории Казани.

²¹ Баженов Н. Казанская история. Ч.1. Казанское царство. – Казань, 1847. XIII. – 138 с.; Ч.2. По покорении Казани. – Казань, 1847. IV. – 146 с.

²² Там же. – С. 20.

²³ Там же.

²⁴ Там же. – С. 21.

²⁵ Артемьев А.И. Н. Баженов. Казанская история. Казань. 1847 // Северное обозрение. – 1848. – №1. – С.26-29.

²⁶ Соловьев С.М. История России. – М. Т.4. – С.1063.

- ²⁷ Там же. – С.1064.
- ²⁸ Там же, V т. – С.1415, 1419, 1421, 1639, 1637, 1837, 1587, VI т. – С. 65, 81, 360.
- ²⁹ Там же, т. V – С. 1581.
- ³⁰ Малов П. Городище Старая Казань и город Арск // ЗАО. 1853, т. V. С. 116-120.
- ³¹ Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. – М., 1960. – Т. I. – С. 94 – 192.
- ³² Штилевский С.М. Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. – Казань, 1877.
- ³³ Там же. – С. 70.
- ³⁴ Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. – М., 1984. – С. 161.
- ³⁵ Алишев С.Х.
- ³⁶ Заринский П. Очерки древней Казани, преимущественно XVI в. – Казань, 1877. – 218 с.
- ³⁷ Там же – С. 7.
- ³⁸ Заринский П.Г. Топография г. Казани в 1552 г. во время осады ее русскими войсками // Труды IV АС. – Казань, 1884. – Т.І. – Отд.2. – С. 59 – 98; Воронцов К. Историко-топографический очерк Казани перед завоеванием ее русскими. – Казань, 1890. – 40 с.; Трофимов В. Поход на Казань, ее осада и взятие в 1552 году. – Казань, 1890. – 114 с.; Богдановский М. Инженерно-исторический очерк осады Казани 7060 – 7061 гг. (1552). – СПб., 1898. – 60 с.; Богдановский М. Разъяснение на ответ г-на Борисова / на статью авт.: «К вопросу расположения городской стены Казанского посада в 1552 г.». – Казань: Типо-лит. ун-та, 1899. – 6 с.; Борисов В.Л. Рецензия на книгу Богдановского «Инженерно-исторический очерк осады Казани» // ИОАИЭ. – Казань, 1899. – Т.14. – Вып.6. – С. 700 – 715; Кунцевич Г.З. Описание города Казани (стен и башен) 1675 г. – Казань, 1906. – 11 с.
- ³⁹ Воронцов К. Историко-топографический очерк Казани перед завоеванием ее русскими. – Казань, 1890. – С. 2.
- ⁴⁰ Богдановский М. Инженерно-исторический очерк осады Казани 7060 – 7061 гг. (1552). – СПб., 1898. – С. 10.
- ⁴¹ Пономарев П.А. На татарских святынях в Иски Казани (из поездки летом 1904 года) / Казанский телеграф. – 1904. – № 3540. – 17.Х.
- ⁴² Хомяков М. М. Где была Старая Казань // ИОАИЭ. 1910, т. XXVII, вып. 6. – С. 625–639; Хузин Ф.Ш. Еще раз об «Иски» Казани // Средневековая Казань: возникновение и развитие. – Казань, 2000. – С. 181–185; Галлямов Р.Ф. Иски Казань – Ички Казань // Там же. – С. 186–189.
- ⁴³ Богослов Н.П. Путеводитель «Волга от Твери до Астрахани». – СПб: Издание общества «Самолет», 1862. – 415 с.
- ⁴⁴ Там же. – С. 234.
- ⁴⁵ Монастырский С. Иллюстрированный спутник по Волге в 3-х частях. (Историко-статистический очерк и справочный указатель). Сост. С. Монастырский. – Казань, 1884. – 441 с.
- ⁴⁶ Там же. – С. 96.
- ⁴⁷ Путеводитель по Волге, Каме, Белой и Вятке / Сост. Иванов И.И. – СПб., 1890. – С. 179.
- ⁴⁸ Рогозин В. Волга. Т. 1- 3. От Оки до Камы. – СПб., 1881. – С. 256.
- ⁴⁹ Спутник по Казани. Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города / Под ред. Н.П. Загоскина. – Казань, 1895. – С.16.
- ⁵⁰ Там же. – С. 17.
- ⁵¹ Там же. – С. 18.
- ⁵² Там же. – С. 19
- ⁵³ Там же – С. 24.
- ⁵⁴ Там же. – С. 34.
- ⁵⁵ Кама и Вятка. Путеводитель и этнографическое описание Приволжского края / Сост. Д.И. Зеленин-Юрьев, 1904. – 180 с.

⁵⁶ Там же. – С. 56.

⁵⁷ Спасский Н.А. Очерки по родиноведению. Казанская губерния. Изд. 2-е, испр. и доп. – Казань, 1912. – 376 с.

⁵⁸ Там же. – С. 114.

⁵⁹ См.: Хальфин И. Ахвала Чингиз-хан ва Аксак –Тимур (на татарск. яз.). – Казань, 1822; Эмирханов Х. Төварихе Болгария. – Казань, 1883.; К. Насыри. Избранные произведения. Казань, 1974, т.1, на тат. яз.; Мөржсани Ш. Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Булгар. (Казан һәм Болгар хәлләре түрында файдаланылган ҳәбәрләр) / Тәрҗемә итүче һәм төзүчесе Ә.Н. Хәйруллин. Казан: Тат. кит. нәшр., 1989. – 415 б.; Ахмеров Г. Избранные труды. (История Булгарии. История Казани. Этнические группы и традиции татар) / Сост., вступ. ст. и comment. проф. Р.Г. Хайрутдинова. – Казань: Таткнигоиздат, 1998. – 240 с.; Амласи Һади. Себер тарихы. Сөембикә. Казан ҳанлыгы – Казан: Тат. кит. нәшр., 1993.- 448 б.; Фәхреддинев Р.С. Болгар вә Казан төрекләре. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1993. – 287 б.

⁶⁰ Мөржсани Ш. Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1989. – Б. 206-208.

Аннотация

В статье освещены основные проблемы истории средневековой Казани, без изучения которых невозможно представить полную картину развития города. В этой связи несомненный научный интерес представляет изучение исторического наследия отечественных историков, осмысление которого позволяет отобрать ценные идеи, необходимые для дальнейшего развития и использования в практической деятельности.

Ключевые слова: булгарский город, средневековая Казань, названия древней Казани, время основания города.

Summary

The article is devoted to investigating the main problems of the history of Kazan in the Middle Age. And it is impossible to imagine the whole picture of the city life without knowing it. Eventually studying the historical heritage of the Russian historians, and comprehension of it is undoubtedly of scientific interest for people, we will have a good opportunity to find out the valuable ideas which are necessary for the further development and use in the practical activity.

УДК 050

ТАТАРСКАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ АСТРАХАНИ НАЧАЛА ХХ ВЕКА

Б.К. Миннуллин, аспирант

До начала ХХ в. такое явление, как татарская газета на татарском литературном языке, как таковое в природе отсутствовало. При глубочайшем уважении народа к первым газетам, таким, как «Тарджеман», «Шәркый Рус», учитывая даже огромное их значение в становлении и развитии всего тюрко-мусульманского мира, они не соответствовали данной роли. Но уже в начале ХХ в., особенно после революции 1905-1907 гг., активное развитие получают печатные издания на татарском языке. Это наблюдается не только в Казани, но и в Оренбурге, Уфе, Петербурге и других городах России. В 1905-1917 гг. на территории России издается более 120 газет и журналов на татарском языке [Эмирханов 1997, 266]. Такие газеты, как «Вакыт» («Время», Оренбург), «Йолдыз» («Звезда», Казань), «Кояш» («Солнце», Казань), «Ил» («Страна», С.-Петербург), за короткий период времени завоевывают огромную популярность среди народа. Это не могло не повлиять на общественно-культурную ситуацию жизни татар России. Не осталось за бортом культурных событий и татарское общество Астрахани. В 1906 г. наряду с газетой «Борнане тәрәкъый», с которой далее мы познакомимся ближе, здесь выпускаются газета «Ислах» («Реформа») и журнал «Туп» («Пушка»). Начиная с 1907 г., к вышеперечисленным изданиям присоединяются и «Идел» («Волга»), «Хәмият» («Спасение»), «Яңа тормыш» («Новая жизнь»), а позже «Мәгариф» («Просвещение»),

«Мизан» («Весы»), «Хак» («Истина») и «Халык» («Народ»).

В начале ХХ в. в Астрахани создаются два противоборствующих друг с другом общества – «Жәмгыяте Исламия» и «Шураи Ислам». Если «Шураи Ислам» является приверженцем новометодного направления джадидов, то «Жәмгыяте Исламия», в свою очередь, делало акцент в обучении на религиозное образование. Оба общества создают свои средства периодической печати и открывают издательства – рычаги управления народными массами. Общество «Шураи Ислам» 14 апреля 1906 г. начинает издавать литературную и политическую газету «Борнане тәрәкъый» («Доказательство прогресса»). Редактором газеты становится Мустафа Лутфи Исмагилов-Ширванский. Газета «Борнане тәрәкъый», издаваемая в собственной типографии Мустафы Исмагилова «Мизан», своей целью ставит освещение следующих пунктов:

- деятельность правительства и законодательные нововведения;
- государственные вопросы и частично жизнь мусульман;
- жизнь местного народа;
- публикация фельетонов, беллетристики и стихотворений;
- новости биржи;
- судебная хроника;
- справки и объявления.

В периоды, когда сам Исмагилов отсутствовал в городе, его работу вели люди, чей вклад в развитие местной печати нельзя не оставить без внимания: Курбангали Иримбитов, Назиб

Гасрый, Закир Хаджиев, Загидулла Шарифуллин и др.

Газета «Борнане тәрәкъый» движется по пути социал-демократических настроений, на что намекают заглавия и содержания статей. В статьях, в большей степени, говорится о неудовлетворительном положении пролетариата России, а следовательно, и рабочих-крестьян из числа татар-мусульман. В рубрике «Чит мәмләкәтләрдән хәбәрләр» («Новости из-за границы») освещается жизнь Турецкого султаната.

Следует отметить, что газету «Борнане тәрәкъый» в некоторых кругах интеллигентии недолюбливали, а порой даже осуждали. В первую очередь это было связано с прямолинейностью, а если говорить точнее, грубостью языка газеты. Параллельно с этим на страницах газеты публиковались статьи о работе общества «Шураи Ислам», обсуждался его годовой бюджет, говорилось о планах на будущее новометодной школы «Дәрел-Әдәп». Не оставались незамеченными и действия общества «Жәмғыяте Исламия», говорилось об устаревших и поэтому ошибочных действиях данного кадимистского общества и духовенства – приверженцев старых взглядов.

Почти в каждом номере газеты «Борнане тәрәкъый» имели место фельетоны. Они по своему содержанию, подчеркиваемой проблеме также напоминали прокламации и листовки РСДРП. Автором данных статей, судя по некоторым источникам, являлся Зариф Садыйков – казанский большевик, который скрывался в Астрахани от всесторонних политических гонений под именем Ибрагима Муратова. Авторство фельетонов ставится под сомнение, по причине того, что подписывались они поначалу псевдонимом «Ибрагим». По всей видимости, окончательную точку в данном вопросе, подтверждая теорию о работе именно Зарифа Садыйкова в газете «Борнане тәрәкъый», ставит в своей работе М.Х. Гайнуллин [Гайнуллин, 1978, 143-155].

Газета «Борнане тәрәкъый» – это лишь один представитель многочисленной армии татарской периодической печати, вышедшей на передовую в 1905-1907 гг., в битве за прогресс.

Газета «Мизан» – еще один представитель татарской периодической печати Астрахани. Это еще одно детище Мустафы Лутфи Исмагилова, так же как и «Борнане тәрәкъый», и по большому счету, повторяющая ее программу. Научная, политическая, литературная тюрко-мусульманская газета «Мизан» выходила недолго – в 1908-1909 гг. Всего было опубликовано 24 номера этой газеты, которая выходила раз в неделю. В отличие от других газет того времени, газета «Мизан» ставит целью оперативную и своевременную доставку народу информации и новостей, связанных с ситуацией и происшествиями в других регионах, населенных татарами, новостей из Турецкого султаната, законодательных нововведений Российского государства и освещение внешней политики России. Не забывает М. Исмагилов донести до народа и борьбу между обществами «Жәмғыяте исламия» и «Шураи Ислам», которая нередко описывается на страницах газеты, естественно склоняясь к справедливости действий джадидистского общества.

Так же как и в газете «Борнане тәрәкъый», в «Мизан» публиковался финансовый отчет общества «Шураи Ислам», а в рубрике «Хажитархан хәбәрләре» («Новости Астрахани») можно было ознакомиться с новостями города и области, без комментариев. Что касается статей газеты, то им был присущ социал-демократический дух того времени. Равно как и газета «Борнане тәрәкъый», газета «Мизан» не была равнодушна и к поэзии. В обеих газетах в разные времена печатались стихотворения Дж. Джаббарова, а в «Мизане» автор публиковался в каждом номере. Следует отметить, что такая поэзия была далека от идеальной литературы и преследовала она совсем другие цели – публицистические-

кие. Именно при помощи поэзии, по мнению М. Исмагилова, можно было грамотно высказаться с точки зрения политики и журналистики по злободневной теме дня, а вдобавок приевшиеся газетные статьи разбавлялись стихотворными формами. Справедливости ради следует отметить, что такого рода нелитературность поэзии была присуща не только изданиям М. Исмагилова, скорее это было вением времени, когда за неправильно высказанное мнение печатное издание могло поплатиться собой. А газетная поэзия не разговаривала на четком языке, и идеи, высказанные автором стихотворения, не обязательно соответствовали пониманию цензоров.

Учитывая огромный вклад в культурную жизнь астраханских татар газеты «Идел», редактором которой был Г. Гумеров, следует более подробно остановиться и на истории данного издания. Данная литературная, экономическая, политическая газета, издававшаяся в 1907-1914 гг., как и многие газеты того времени, уделяла внимание общественно-политической, культурной жизни области, образованию, проблемам литературы того времени, контактам с другими национальными регионами России, воспринимая при этом Астраханскую область как одну из разветвлений всего татарского мира. В то же время газета старалась обратить внимание и на географические, этнические и этнографические особенности самого астраханского региона. Следует отметить также, что за мягкость и лаконичность статей газета «Идел» была удостоена ярлыка «либеральная» со стороны жандармерии Астраханской области, которая жестко проверяла всю мусульманскую периодическую печать области. Именно по данной причине, по сравнению с другими национальными изданиями того времени, газета просуществовала не так уж и мало – около семи лет, всего в свет вышло 623 номера. За этот период времени газета внесла и свой вклад в формирование татарской интеллигент-

ции Астраханской области, в число которых входят прославленные поэты Габдрахман и Габделгани Ниязовы, Бадретдин Мустафаев-Килачи и др.

Особое внимание следует уделить взаимоотношению газеты «Идел» с другими представителями татарской периодической печати Астраханской губернии. Отдельно стоит подчеркнуть отношения с газетой «Борhanе тәрәкъый». Вместо того, чтобы объединиться и работать сообща во благо народа, развивая культуру и образованность, обе эти газеты не прочь были завязать междуусобную борьбу, которая выливалась во все обозрение на страницы обеих газет. Причем обе стороны (М. Исмагилов – издатель и редактор газеты «Борhanе тәрәкъый» и Г. Гумеров – издатель и редактор газеты «Идел») не затрудняли себя поисками яблока раздора и сталкивались по любому поводу, хотя следует отметить, главной причиной почти всегда являлись разногласия в национальной политике. Нельзя не учесть и возможный факт, при котором эти столкновения были спровоцированы местными властями, дабы не дать возможность объединению национальных сил, что могло создать огромную угрозу столь уникальной, с точки зрения националистических настроений, территории. О постоянных стычках между газетами «Борhanе тәрәкъый» и «Идел» в шутливой форме, присущей только ему самому, упоминает и великий татарский поэт Г. Тукай в своем произведении «Авыл жырлары». В первой части данного стихотворения он преподносит «Борhanе тәрәкъый» и «Идел», как «два петуха», готовых в любой момент склестнуться в одиночном бою [Тукай, 1985, т.1, 250].

Таким образом, мы можем констатировать, что в начале XX в. формируется сеть национальной периодической печати. Та или иная ситуация, имевшая место в одном регионе, уже была доступна и для татар, проживающих в других точках России, т.е. появляются дополнительные варианты пе-

редачи информации. В свою очередь, прогресс периодической печати не мог не отразиться положительным образом и на общих интересах татарского

народа, что приводит к объединению народа вокруг общих идеалов и целей, а это в свою очередь говорит о формировании национальной психологии.

Аннотация

До начала XX в. такое явление, как татарская газета на татарском литературном языке, как таковое в природе отсутствовало. Все изменилось после революции 1905-1907 гг. Та или иная ситуация, имевшая место в одном регионе, уже была доступна и для татар, проживающих в других точках России. В свою очередь, прогресс периодической печати не мог не отразиться положительным образом и на общих интересах татарского народа, что приводит к объединению народа вокруг общих идеалов и целей, а это в свою очередь говорит о формировании национальной психологии.

Ключевые слова: Татарский литературный язык, татарская периодическая печать, газета, «Боръане тәрәккый», «Мизан», «Идел».

Summary

There was no such phenomena as Tatar newspaper in literary tatar until the beginning of the XXth century. The whole thing changed after the revolution in 1905-1907. The situation that took place in one region, already was true for other regions of Russia with Tatar population. The progress of the Tatar periodicals inevitably had an effect on goals, common for the Tatar people, which united peoples common ideals and aims. That indicates forming of national consciousness.

УДК 314.952/954

К ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ТАТАР МЕЩЕРЫ (МИШАРЕЙ)

P.G. Мухамедова

Мишари представляют субэтнос татар Среднего Поволжья. Территорией их формирования являются правобережные районы Волги, называемые в русских источниках XIV–XV вв. Мещерой. (По историческим сведениям в это время граница Мещеры занимала большую территорию. Ее граница на юге доходила до Дона, восточная – до Волги, западная – до Оки, северная – до Мокши)¹.

Литература и источники о мишарях значительны. Большинство авторов интересует ранняя этническая история (происхождение) мишарей, но взгляды авторов довольно противоречивы. Так, наиболее распространенной в конце XIX в. была гипотеза В.В.Вельяминова-Зернова о мордовско-финском происхождении мишарей. По его мнению, в бассейне Оки жило родственное мордве, тоже финского происхождения, племя, «мещера» (*мочар, можар*), оттатарившейся частью которого и являются татары-мишари. «Слово мочарин (и можар), – писал он, – сохранилось до сих пор в татарском имени «мишяр», которым называет себя часть татарского по языку населения (мещеряки) губерний: Нижегородской, Пензенской, Саратовской, Симбирской и Тамбовской, составляющая, как думать можно, оттатарившиеся остатки прежней мещеры (мочаров и можаров)»². Несколько позже к этой гипотезе присоединились и некоторые другие авторы. Например, В.В.Радлов считал, что термины *мишяр* и *можар* родственны: «Так как переход гласного звука коренного слова «я» («а»)

в «и» совершился только в последних столетиях, то прежде это племенное название выговаривалось «мяшар», что довольно близко к слову «мажар»³.

А.Ф. Можаровский подкреплял гипотезу В.В. Вельяминова-Зернова топонимическими данными. Он находил, что топонимические названия с именем маджар в пределах бывшей Казанской губернии бытуют на правом берегу Волги, а именно в Тетюшском уезде⁴.

В 20-х гг. прошлого столетия С.П. Толстов выдвигает мадьяро-венгерскую гипотезу происхождения мишарей. Она довольно близка к гипотезе В.В. Вельяминова-Зернова в том отношении, что С.П. Толстов также считает мишарей оттатарившейся частью древней мещеры или мажар. Но в отличие от В.В. Вельяминова-Зернова он полагает, что мажары – не финская, а угорская народность, ответвлением которой являются и мадьяры Венгрии.

Мадьяро-венгерскую гипотезу происхождения мишарей поддерживал Б.А. Куфтин⁵. Он допускал мысль, что термины *мишар* и *мажар* могут исходить от *мадьяр*. Но в отличие от В.В.Вельяминова-Зернова и С.П.Толстова он не признавал древнего племени *мещера*, следовательно, и концепцию об их обрушении или оттатаривании. Присоединяясь к гипотезе С.П.Толстова, Т.А.Трофимова, связывая раннюю этническую теорию мишарей с территорией Северного Кавказа и даже с Мадьярским племенным Союзом, не высказывает мысли об этнической их принадлежности. Она, в

отличие от предыдущих авторов, работала с конкретными материалами, взятыми из разных территорий, используя при этом метод сравнительного анализа⁶.

Определенный интерес заслуживает буртасская гипотеза, которую выдвинул на VIII Археологическом съезде Ф.Ф.Чекалин⁷. Он связывает «мешеру», упоминаемую в русских летописях XVI в., с буртасами IX-X вв., о которых писали восточные авторы. Эту гипотезу поддерживает наш современник Б.А.Васильев⁸. Он также утверждает, что этноним *буртас* вплоть до XVI в. употреблялся как параллель этнонима *мещера*. В противовес А.Куфтину Б.А.Васильев доказывает, что топографические названия *мещера* произошли от названия народности, переселившейся сюда под давлением половцев, вторгшихся в южнорусские степи.

Оценивая эти взгляды с точки зрения научной обоснованности, следует заметить, что они хотя и носили в некоторой мере умозрительный характер, безусловно, содержат и верную, на наш взгляд, мысль о генетической связи мажар и мишарей, а также объясняли происхождение этнонима *мишэр*. Однако ответ на вопрос о происхождении этнонима не решает проблемы происхождения самого народа, хотя и ускоряет его решение. Недостатком этих выводов, на наш взгляд, является то, что этногенез мишарей сводится лишь к одному генетическому источнику (финскому, угорскому) и почти не учитывается роль других этнических компонентов, особенно тюркских. Сторонники как финского, так и угорского происхождения мишарей совершенно не учитывали данные языки. Между тем в языке мишарей Г.Ахмаров находит много тюркских архаизмов; слова, характерные для мишарского диалекта, он связывает со словами восточно-турецких наречий⁹. В результате Г.Ахмаров выдвигает гипотезу о тюркском происхождении мишарей. К сожалению, он в своей

гипотезе совершенно не учел роли дозолотоордынского тюркского компонента в формировании этнической основы мишарей; Г.Ахмаров не видел различия между касимовскими татарами и татарами-мишарями, считал тех и других ногайскими татарами, которые якобы переселились в правобережные районы Средней Волги в период Золотой Орды¹⁰. Его гипотеза также страдает односторонностью. Отмечая этот недостаток в работе Г.Ахмара, Т.А.Трофимова пишет, что он, увлекшись своей гипотезой, сам того не замечая, соскальзывает на путь просто неверных утверждений.

Особая активизация изучения мишарей приходится на вторую половину XX в. В это время появилось значительное число публикаций, в том числе и монографические исследования их языка, этнографии, антропологии; проводились археологические изучения Правобережья Волги, а также восточных источников и русских летописей, где имеются сведения о мишарях и их предках. Мы считаем, что сегодня ученые уже подошли к этапу комплексного изучения этнической истории мишарей и татар Среднего Поволжья и Урала в целом. В работах исследователей этих лет все ярче выражается мнение о том, что формирование мишарей, как и других народов, не сводится лишь к одному источнику: финскому, угорскому или тюркскому. История не знает чисто тюркских или чисто угорских, финских, славянских народов, так как каждый из них проходит долгий путь развития, и при этом подвергается определенным этническим смешениям. Особенно это относится к тюркским, в прошлом кочевым, народам. Ведь древнетюркские племена, в том числе и мажары (о том, что они в своей основе тюрки, говорит сам этноним с окончанием *ар*), изначально формировались на землях Алтая, Южной и Западной Сибири среди угорских племен. Определенные контакты их продолжались и на территории Северного Кавказа. При таких этнических ситуациях одни

из них приобрели угорское, а другие – тюркское этническое самосознание и культуру. В конце I – нач. II т.н.э. каждый из них развивался и формировался самостоятельно (мадьяры-венгры – в Прикарпатье, а мажары-мишари – на территории Мещеры) и у каждого из них сохранились некоторые следы этих контактов.

Ниже, на основе имеющегося в нашем распоряжении материала, мы предлагаем краткий историко-этнический очерк формирования мишарей.

Еще задолго до появления на исторической арене Чингиз-хана на территории Центральной Азии и Алтая сложились два древних народа: хунны и тюрки. Хунны еще до нашей эры имели государственное образование, которое в начале нашей эры распалось, после чего основная часть хуннов двинулась на запад.

Древние тюрки появились на исторической арене позже хуннов. В VI в. они сформировали государство Тюркский каганат (позже Восточный и Западный каганаты), развивали собственную, отличную от традиций Китая, Индии, Ирана и Византии, культуру. Древние тюрки исчезли, оставив в наследство свой язык и зревшую в хуннской среде степную культуру тюркоязычным племенам и народам. Позже значительная, входившая в состав Западно-турецкого каганата, часть тюркских общностей оказалась под влиянием Хазарского каганата, образованного в Прикаспийских степях во второй половине VII в. Территория формирования тюрков, кроме Центральноазиатских степей и Алтая, включает междуречье Средней Азии, Южную Сибирь и Приаралье. Все эти земли долгое время оставались исходными районами миграции тюркоязычных и тюркоугорских племен на запад. Но на правобережные земли Средней Волги, в том числе и в районы Окско-Сурского бассейна, они в основном проникали не непосредственно из названных мест, а через степи Прикаспия и Восточной Европы, находясь значи-

тельное время в этнокультурных контактах с народами (уграми, аланами и др.) Сибири, Северного Кавказа и Приазовья.

В V в. вслед за хуннами на запад продвинулись протоболгары и авары, которых в этнографической литературе называют «предшественниками тюрков». В середине VI в. Прикавказье и Приазовье были ужеочно заняты этими племенами, которые еще до прихода сюда испытывали влияние хуннов. В первой четверти VII в. они здесь образовали государство (или союз племен) Великая Болгария.

Протоболгары и, возможно, другие «предшественники тюрков» рано овладели господствующими позициями и в правобережных районах Средней Волги; часть из них, очевидно, проникла и в лесостепные районы Верхненесурского и Окского бассейнов. Эти земли, считающиеся прародиной финноугорских племен, вплоть до середины I т.н.э. в социально-экономическом отношении были развиты слабо, что объясняется природно-географическими условиями и отдаленностью их от основных центров мировой цивилизации. Этот регион долгое время оставался малозаселенным. Начало проникновения на эти земли тюркских племен археологи относят к IV–V вв.¹¹ Об этом свидетельствуют обнаруженные в раннемордовских захоронениях, например, в Селексинском, Армееевском могильниках Пензенской области, предметы кочевнического мира (в мужских погребениях – мечи, кинжалы, копья и др., а в женских – ажурные бляхи, инкрустированные камнями). Начиная с VI в. предметы кочевнической культуры в пензенских могильниках еще встречаются. Очевидно, эти предметы проникали сюда с юга в результате установившихся контактов между раннетюркскими и финноугорскими племенами. Об этом же говорят подкурганные погребения: Зиновьевское (в верховьях р. Суры), Арцыбашевское (в Скопинском уезде Рязанской губернии). Их погребальный обряд (захоро-

нение с конем, северная ориентация погребенного, поясные наборы, кочевническое оружие и т.д.) имеет черты сходства с собственно-турецким погребальным обрядом. Арцыбашевское подкурганное погребение конного воина археологи относят к гунно-аварскому типу¹². В Рязанском крае, особенно в Нижнеокском бассейне, обнаружено много других раннетюркских подкурганных погребений, которых исследователи также относят к VI–VII вв. О них пишут проф. А.В. Селиванов¹³, Д. Иловайский¹⁴ и многие другие учёные. Например, А. Богданов считает их «туземцами» этих мест¹⁵, которые позже уступили место мордве, затем славянам (русским). А А.Монгайт также считает, что южная часть Рязанского края в VI–VII вв. была занята не только мордвой, но и отличными от мордвы племенами¹⁶. Этими ранними племенами, возможно, были протоболгары или даже хуны. По утверждению М.И.Артамонова, еще во II в. часть хуннских племен (их называли гуннами) прошла на запад вплоть до Днепра¹⁷; большой приток хуннов на запад имел место в IV в. По утверждению известного языковеда Б.А. Себренникова, приток раннетюркских племен на древнемордовские земли был значительным. Он пишет, что «под давлением этих племен мордовский этнический массив был разрезан», и некогда единый мордовский язык распался на два диалекта, которые позже стали двумя самостоятельными языками (эрзя и мокша)¹⁸. Этим районом, где установились первоначальные контакты раннетюркских и финноугорских племен, был район Нижней Оки (включая и его правобережные районы), где, как отметили выше, археологи обнаружили многочисленные подкурганные (раннетюркские) погребения. Известный языковед и топонимист В.А. Никонов в районе устья Оки, в бассейне р. Клязьмы, а также в окрестностях г. Касимова находит большое число топонимов с окончанием на *ус* (и на *ас.* – Р.М.), которых

он относит к раннетюркским¹⁹. Как видим, территории распространения тюркских топонимов и обнаруженных археологами ранних могильных курганов, принадлежащих какому-то, но не финского происхождения, племени, совпадают; повторением такой территории является Нижнеокский бассейн. Этим загадочным племенем, очевидно, были предшественники тюрков (хуны и ранние болгары). Они и явились той основой (субстратом), на которой не позже X–XI вв. начался процесс формирования мишарей. По-видимому, на этой же прототюркской основе происходил процесс формирования так называемой «русской мещеры». Кстати, в этнографической культуре татар-мишарей и «русской мещеры» имеется много общего²⁰.

Во второй половине VII в. под давлением хазар в степях Приазовья распалась Великая Болгария. Часть болгарских племен, после некоторого пребывания на территории Северного Кавказа в VIII в., начинает продвигаться на север. В IX в. на левобережье Средней Волги, в районе Западного Закамья современного Татарстана, они основывают феодальное государство Волжская Булгария.

В Прикаспийских и Приазовских степях, возможно в одном союзе с болгарскими племенами, жили тюркские племена – *буртасы*, *можары*, которые после распада Болгарского союза племен оказались под властью хазар. По численности и исторической активности они были значительными этническими образованиями. Не позже конца IX в. *буртасы* (или только их часть), так же как и болгары, двинулись на север. Б.А. Васильев, на основании тщательного изучения посвященных буртасской проблеме источников, отмечает, что какие-то буртасские группы, возможно, остались в степях между Азовским и Каспийским морями, но основная их часть передвинулась к северо-западу Среднего Поволжья²¹, т.е. в глубь его правобережных районов.

В X в. источники сообщают о буртасах в верховьях р. Суры. По утверждению Н.А. Фирсова, в это время здесь существовал город Буртас, насчитывающий до 10 тыс. жителей. Часть из них исповедовала мусульманскую веру, для них были построены две мечети: соборная и простая²². Отдельные находки булгаро-буртасской керамики археологи обнаружили по всему Верхне-Сурскому бассейну, особенно вдоль торговой трансевропейской дороги из Булгара в Киев. На этой трассе и находился город Буртас²³.

В 60-х гг. прошлого столетия на территории Пензенской области, в верховьях р. Суры, археологами обнаружено большое число памятников (городищ и селищ) с «красной круговой керамикой», которые содержат характерные для булгарских городищ и селищ предметы. Эти памятники, по определению их исследователей, относятся к XI – нач. XIII вв., т.е. к домонгольскому времени, и принадлежат буртасам²⁴. Судя по обнаруженным археологическим материалам, обитатели этих памятников были оседлыми, занимались земледелием и скотоводством. Их городища были укреплены земляными валами. В числе хозяйственных построек, кроме остатков жилищ, обнаружены и остатки амбаров (зернохранилищ), остатки больших корчаг с обгоревшими остатками зерна, земледельческие орудия производства (серпы, обломки косы-горбушки, топоры, ручные жернова болгарского типа). О наличии развитого скотоводства у обитателей поселений говорят останки (кости) лошадей, коров и овец. Наибольшее развитие у жителей названных городищ имело ремесло гончарной керамики. Глиняная посуда буртас («с красной, круглой керамикой») выделялась из местных качественных глин, обнаружена гончарная обжигательная печь. «Керамическая посуда буртасов была настолько хорошей выделки, что сделала бы честь и некоторым гончарам нашего времени», – пишет М.Р.Полесских²⁵; имели место железовыжигание и куз-

нечное дело, найдены железные шлаки, многочисленные бытовые железные изделия, детали боевого оружия (наконечники стрел, боевая булава, удила и др.), а также женские ювелирные украшения, среди них ажурные височные подвески с тремя желудевидными бусинками, плетеные браслеты и другие, характерные для волжских булгар изделия.

Буртасы не были первоходцами (из тюрков) на Окско-Сурских землях, поэтому их приход сюда не являлся для местных племен неожиданным вторжением. Он скорее имел характер продолжения начатых предшествующими тюркскими племенами контактов. Буртасов привлекали здешние лесные богатства. Как и все степняки, они были хорошими охотниками, выработали навыки лесного пчеловодства и, конечно же, участвовали в обменных процессах, которые с древнейших времен происходили на пограничных ландшафтных зонах. Степняки с юга привозили «лесным людям» оружие для охоты, женские украшения и другие предметы, а увозили пушнину, мед, воск. Все это носило естественный, т.е. мирный, характер и способствовало их осаданию на этой земле.

В XI–XII вв. территория Окско-Сурского бассейна (вплоть до низовьев р. Оки) находилась под контролем и влиянием Волжской Булгарии. Приокшанская земля составляла северо-западную территорию этого государства и ее население (мордва, буртасы) на протяжении многих лет являлось верным стражем его западной границы. Через эти земли, по Волге, булгарские купцы выходили на экономические и торговые связи с восточнославянскими племенами (русскими). Возможно, здесь находилась торговая фактория булгар. По сведениям исторических источников, здесь обосновался Пургас, который выполнял роль местного (васального), «мордовского князя» Волжско-Булгарского государства. Мы считаем, что князь Пургас был из буртас. Этот антропоним (Пургас), так же как

и этноним *буртас*, представляет двухосновное словосочетание, где второе слово – *ас* является тюркским этнонимом. В VIII – IX вв. этот этноним имел широкое распространение среди тюркоязычных племен²⁶ (т.е. этот этноним в указанное время перестал быть только синонимом *алан*). По сведениям Б.А. Калоева, осетины Балкарию называли Ассы, а балкар (Северного Кавказа) – *асиагами*²⁷. В VIII–IX вв. в районах Верхней Волги и левобережья Оки появляются восточнославянские племена (русские).

С XI в. хозяевами Восточноевропейских степей становятся кипчаки (в русских источниках «половцы»), которые представляли последнее звено, или «крепилкт», древнетюркского эль²⁸. Здесь, на обширной степной территории Восточной Европы, образуется страна Дешт-и-Кипчак, на основе общекипчакского языка и степной культуры происходит активная интеграция разных по происхождению тюркских племен; идет массовое расселение кипчак и кипчакизированных племен по всем окраинным землям Дешт-и-Кипчака (Прикавказья, Причерноморья, Приуралья, Поволжья и т.д.). Возможно, в это время на территорию Нижнеокско-Примокшанских земель, под давлением кипчак (половцев) проникли с юга *можары*.

В начале XII в. славянские племена (русские) в соседстве с Волжской Булгарией создают Рязанское, Владимиро-Суздальское, а позже Нижегородско-Суздальское княжества, начинается или намечается также процесс продвижения русских на восток, прежде всего на «Пургасовы земли». В письменных источниках появляется термин «Пургасова Русь»²⁹, а позже – «Русская мещера». В гуще мордовы и тюркских племен (булгар, буртасов и можар) появляются русские поселения, русские города Кадом, Нижний Новгород, которые были построены на месте ранних булгаро-буртасских городищ. Это было время напряженных отношений между Волжско-Булгар-

ским государством и русскими княжествами. Летописи отмечают частые столкновения между ними, имеющие характер военных акций. Например, в 1209 г. состоялась битва рязанских дружин с булгарами, в г. Кадом³⁰, в 1228 г. русские князья предприняли поход на Пургасовы земли³¹, а в 1229 г. Пургас с мордвой совершил поход на Н. Новгород³². Как видим, Пургас в этих сражениях все еще выступал во главе местной рати, на стороне булгар, как защитник своей земли.

Отношения кипчак (половцев) с русскими князьями были неровными. Чаще они находились в дружественном состоянии, нередко роднились (через браки), отдельные половецкие князья (язычники) приняли крещение. Так, в летописи 1122 г. сказано: «Того же лета крестился в Рязане половецкий князь Амурат³³. Часто половецкие князья входили в договорные отношения с русскими князьями и участвовали в их междуусобных боях, или в других столкновениях (на стороне русских). Например, в вышеназванных сражениях булгар – буртас и мордвы с русскими князьями на стороне русских воевал князь Пуреш, который, по мнению ученых, был половчанином³⁴. Но бывали случаи, когда они (половцы и русские князья) конфликтовали и даже вступали в сражения. Одно из таких событий описано в памятнике XII в. «Слово о полку Игореве»³⁵. Но русские князья в битвах с Волжской Булгарией не всегда пользовались услугами кипчак (половцев). Например, в 1183 г. князь Владимиро-Суздальского княжества перед выступлением против булгар ставит в известность киевского князя Святослава о том, что он половцев призвать не хочет, ибо у них с булгарами «язык и род едины»³⁶.

Важным периодом этнической истории народов Азии, Кавказа, Восточной Европы и Поволжья был XIII в., связанный с захватом этих земель чингизидами (монголами). За несколько лет они подчинили себе их население. Хан Батый завоевал и разорил террито-

рию Дешт-и-Кипчак, Волжскую Булгарию и восточнославянские княжества. В 1239 г. он прошел через земли Окско-Сурского бассейна и покорил буртас, можар (мачар). В двухтомном сборнике В.Г. Тизенгаузена булгары, буртасы, можары и кипчаки значатся как покоренные монголами народы³⁷. Буртасы встречаются в «Слове о погибели Русской земли (XIII в.)»³⁸ наряду с мордвой и другими местными народами.

Посланник французского короля Людовика IX, к ставке монгольского хана, ученый монах Рубруквис проезжал из Крыма в Сарай (1253 г.). Он пишет, что «вся страна за пройденным им Доном очень хороша и с северной стороны изобилует лесами и реками, во всех обширных лесах живут два разноплеменных народа, из которых один называется мокша, он не имеет городов и деревень, лишь несколько хижин, разбросанных в лесах. Близ него живет народ по имени *Merdas* (буртас. – Р.М.), это магометане, за ними р. Итиль»³⁹.

В период монгольского нашествия население разоренных городищ и селищ верхней Суры (буртасы, можары) переселилось в более северные земли – в верховья рек Выши и Мокши. Об этом говорит обнаруженное здесь значительное число селищ с «красной круговой керамикой», относящееся к XIII – XV вв.⁴⁰ В период Золотой Орды здесь, в окружении тюркоязычного и мордовского населения, основывается улусный центр Орды – Наровчат (Мокша). Ознакомление с археологическим материалом Примокшанских (или Наровчатских) селищ с красной круговой керамикой дало возможность исследователям заключить, что «находки этих селищ почти не отличаются от находок с верхнесурских городищ, XI – нач. XIII вв., но они значительно беднее»⁴¹ (т.е. эти селища также принадлежали буртасам, которые переселились сюда из городищ верхней Суры в период монгольского нашествия). Среди археологического материала

элементы монгольской культуры не обнаружены, это и понятно, ведь монголы не задерживались на завоеванных местах. Ставка Батыя находилась на нижней Волге – в Сарае (в столице Золотой Орды), из этого центра на места посыпались лишь небольшие отряды для сбора дани.

Вторая половина XIII – XIV вв. – расцвет Золотой Орды. В этот период она превратилась в одну из крупных держав средневековья. Здесь большое распространение получает высокая восточная (арабская) культура, в частности ислам и письменность на основе арабского алфавита, процветают города и городская культура⁴². На территории Нижней Волги и Северного Кавказа, кроме Сарая, выросли такие известные города, как Укек, Маджар и др. Основная часть кипчак в эпоху Золотой Орды в основном превращается в оседлое население. В конце XIII – первой половине XIV вв. г. Наровчат (Мокша) становится крупным административным и торговым центром Золотой Орды. Построенный на месте старого буртасского города, он в период Золотой Орды расширился: застроился кирпичными общественными зданиями (мечетями, мавзолеями, банями) и жилыми домами знати⁴³. Здесь был также караван-сарай – постоянный и торговый двор. Как известно, такие дворы возникали на больших торговых дорогах. Во время археологических раскопок на этом месте найдено много монет XIV в., в том числе с надписью «*Махша*». Это говорит о том, что в Наровчат (Мокша) чеканились деньги. Небезынтересно также заметить, что на месте предполагаемой бани обнаружены остатки керамических водопроводных труб, а под кирпичным полом – дымоходы, т.е. признаки центрального водоснабжения и отопления. Как видим, в период расцвета Золотой Орды на территории Наровчатского улуса (княжества) сложился городской быт (хотя у болгар и буртас до этого были города и традиции городской культуры). В этот пери-

од здесь, кроме города Наровчат, был построен город Темников (татарское население его называет «Томэн») – как местонахождение ордынского темника (десигитысячника); здесь же археологами обнаружены и места бывших княжеских замков (городищ), например, Итяковское городище. В золотоордынский период увеличиваются торгово-экономические связи Наровчатского княжества с востоком, продолжаются традиционные связи с Волжской Булгарией и соседними русскими княжествами, в развитии торговых отношений активное участие принимали половецкие князья, которые еще до появления чингизидов играли значительную роль в этнокультурных процессах Мещеры, происходящих на территории Восточной Европы.

Наровчат (Мокша) находился на большой посольской дороге из Нижней Волги (Сарай) во Владимир. Эта дорога шла по Сурско-Мокшанскому междуречью, через Темников. По ней с древнейших времен с юга проникали на Мещеру тюркоязычные группы.

С конца XIV в. в Золотой Орде намечаются признаки распада (междоусобица, сепаратизм). Недовольные политикой Орды крупные феодалы уходили с войсками на подвластные Орде земли, поселялись среди местного населения и устанавливали свое господство. Например, в 1298 г. Бахмет Усеинович Шпринский «из Орды пришел и захватил земли по Цне»⁴⁴. Он и его потомки входили в контакты с рязанскими князьями, а внук его Юрий Беклемешев принял крещение. В период междоусобиц в Золотой Орде летописи отмечают появление на Наровчатской земле сепаратиста Тагая⁴⁵ – выходца из Бездежа (Нижней Волги), который в 1361 г. захватил Наровчат (Мокшу) и на его основе создал «свое» княжество. В Наровчате (Мокше) он чеканил медные монеты со своим именем. Согласно Рогожской летописи, в том же году на р. Пьяне «обрывся рвом и осел там» Секизбей⁴⁶. К прибывшему из Орды татарскому

князю некоторые источники⁴⁷ относят и князя Бехана, который владел городом Темниково и землями вокруг него. Потомками Бехана считают князей Кугуша, Кутуя, Акчуру и некоторых других. Образование татарских поселений вблизи г. Темникова (деревень Адаево, Акашево, Дашино, Идеево, Тарханы, Тювеева, Митрялы и других) М.Г.Сафаргалеев связывает с появлением на Мещере названных татарских князей⁴⁸. Однако, говоря о новых тюркоязычных этнических включениях на Мещере, не следует забывать и о том, что здесь, еще до вхождения этих земель в состав Золотой Орды, жили тюркские племена: булгары, буртасы, можары и кипчаки; последние смешались с другими местными тюркскими племенами и как самостоятельное этническое образование уже не значатся. Что же касается этнонима *можар*, то он продолжал встречаться, иногда под термином *мещеряки*, вплоть до середины XVI в. Например, в грамоте 1483 г., которой обменялись между собой князья Рязанского и Московского княжеств, *мачары* значатся рядом с мордвой как «черные люди»⁴⁹ (как местные ясачные земледельцы). В декларации Касимовского царевича Шигалея, данной царю в 1551 г., можары значатся в ряду с чувашами, черемисами и мордвой⁵⁰. Термин *буртасы* встречается в качестве синонима *татары* (буртасы – посопные татары) в XVII в. в Писцовых книгах Алатырского уезда Симбирской губернии⁵¹.

Русские источники XVI – нач. XVII вв. зафиксировали буртасов, буртасские ухожеи, буртасские вотчины также в Кадомском уезде⁵². По мнению И.Н. Смирнова, выделение буртасских вотчин из других инородческих земель указывает на то, что в XVII в. буртасы представляли собой еще заметный элемент в Алатырском уезде⁵³. Кстати, на этой территории сосредоточена основная компактная группа ц-окающих татар-мишарей. Что касается территории старинного Кадомского уезда, то здесь сохранилось крупное село (*иль*)

ц-окающих мишарей – Азеево (*Ас-иле*), которое в настоящее время значится в Елатомском районе Рязанской области. Ц-окающие мишари живут также в бывшем Буинском уезде Симбирской губернии (Дрожжановский и Шаймурзинский кусты). Некоторые следы этнографической культуры ц-окающих мишарей заметны также в языке и быте керенских мишарей, которые образовались на месте и, отчасти, на основе древних селищ с «красной круговой» керамикой. Заметим, что на территории проживания ц-окающих групп мишарей (курмышской, буинской и керенской) имеются населенные пункты под названием «Мочалы». Мы полагаем, что топоним *мочалы* этнологически восходит к этническому термину *мочар* (*мочар-иле*). Из вышеизложенных фактов также можно говорить о наличии генетической преемственности между *буртасами*, *можарами* (*мочарами*) и татарами-мишарями. Этот тюркский этнический пласт на территории Мещеры был значительным, об этом также говорят распространенные там топонимы *буртас*, *можар*, *мачар*.

Борьба феодальных группировок в сер. XV в. привела к распаду Золотой Орды. На ее территории возникли новые государственные образования (Большая Орда, Астраханское, Крымское, Сибирское, Казанское ханства, а на территории Мещеры – Касимовское царство). Это привело к серьезным изменениям этнических процессов на бывшей территории Золотой Орды. С распадом этого государства исчезла социально-политическая основа существования макроэтнонима «татар». Этнические процессы больше приняли местный (территориальный) характер, в исторических документах появились термины, такие как казанские, касимовские, астраханские и другие татары. Мишари также делились на темниковских, кадомских, симбирских и других.

Большие изменения в этнические процессы народов Окско-Сурского бассейна, в том числе татар-мишарей,

внесло вхождение этого края в состав Русского государства. Еще в середине XIV в. в междуречье Оки и Волги властовали московские князья. В XV в. в состав Московского государства уже входила вся северо-западная часть Среднего Поволжья с обитавшими там мордвой и тюркоязычным населением. В этот период происходит активная колонизация края русскими, что привело к обновлению этнического состава населения этого края. За сравнительно короткое время местное население мордва и формировавшиеся на основе местных тюркских этнических групп (буртас, мажар, кипчак) татары-мишари оказались на Мещере в меньшинстве. В процессе усиления этнических контактов на Мещере происходило и значительное культурное обновление местных народов.

В XVI в. Московское государство особое значение придавало сохранению и даже приумножению татар на этой территории. Татары-мишари во главе своих князей использовались для защиты границ Русского государства. Они привлекались на службу и наделялись дополнительными земельными угодьями. Например, князь Кугуш, его сын Тениш за добровольное присоединение к Русскому государству в 1528 г., кроме г. Темниково, были пожалованы еще дополнительными селами. В 1536 г. сын Тениша князь Еникей получил право «судить и вязать тарханов (*тархан* здесь значится как раннетюркский этноним) и башкир и мажаров, которые живут в Темникове, по старине потому ж как наперед его судил и вязал отец его Тениш»⁵⁴. Известны имена и других служилых темниковских людей – Тювея Асбердеева и его сыновей, которым в 1535 г. были пожалованы большие земельные угодья близ Темникова и разрешено здесь «дворы себе ставить и пашни пахати»⁵⁵. В районе г. Кадома на Мокше ниже Темникова находились земли служилых князей Бедиша, Янгалыча и его братьев. Как видим, в нижнем течении р. Мокши в Темниковском и Кадомском уездах

отмечается большая группа татарских деревень (*авыл* или *иль*), образованных еще до колонизации этих земель русскими. За добровольное присоединение к Московскому государству и за верную службу их князья наделялись передаваемыми по наследству поместьями. Татары-мишари составляли значительную часть служилого сословия Российского государства и сыграли большую роль в укреплении его обороноспособности.

В середине XVI в. правительство Ивана Грозного, из необходимости дальнейшего укрепления и развития Русского централизованного государства, приглашало новых представителей татар из Орды на Мещеру. «Похотите себе нашего жалования и вы бы приехали к нам со всеми своими людьми, которые ныне с вами, — писал Иван Грозный в 1551 г. ногайским мурзам. — А мы вам всем и вашим людям дадим место на украине Мещеры, где вам пригоже кочевати и пожалуем вас великим своим жалованием и устрой вам ученим, как вам мочно быти бескорбным». В 1560 г. в Москву пришли служить во главе с ногайским мурзой Акзенишев сын значительное число татарского (ногайского) населения. Новоприбывшие «татарские князья», так же как и «туземные», зачислялись на службу Московскому государству. Рядовых ногайцев и мишарей (их в Москве называли татарами) тоже записывали в «служилые» и наделяли поместьями, но уже меньших размеров, чем у князей и мурз. Новоприбывшее из-под Астрахани население заселилось на той же территории, где жили древние буртасы и мажары. В этнографической литературе их называют «Бастанскими татарами» (по названию одного из населенных пунктов) в Сасовском районе Тамбовской обл.

Вышеприведенные материалы дают возможность говорить, что татары-мишари не появились на Мещере уже в готовом или сформированном виде. Они формировались здесь (т.е. на территории Мещеры) из различных, ран-

них и поздних, в своей основе тюркских, групп. Этот процесс был долгим и включает ряд следующих исторических периодов.

Первый – ранний период, он включает V–X вв. (до прихода в районы Правобережья Средней Волги булгаро-буртасских племен). Здесь на основе финно-угорских и пратюркских племен был заложен субстрат этноса мишарей.

Второй период включает X – нач. XIII вв. Это время консолидации тюркских племен (булгаро-буртас, мажар, кипчак) и формирования этнического ядра мишарей. Одновременно в этот период происходит и формирование их культуры (осваивается территория, устанавливаются культурные взаимосвязи с мордовскими племенами и т.д.).

Третий период – XIII–XV вв. – эпоха Золотой Орды. Этот период связан с заметным этнокультурным обновлением населения Мещеры, особенно тюркских этносов, здесь мы также имеем в виду появление ногайских и, в меньшей степени, монгольских родов, представлявших тогда элитный (татарский) слой. Этот слой особенно заметен в этнической структуре касимовских татар.

Четвертый период – XVI – конец XIX вв. (мишари в составе Русского государства). В начале этого периода происходит окончательный распад Золотой Орды, а чуть позже и Большой Орды. На Мещере образуется Касимовское царство, которое сыграло большую роль в консолидации тюркских этнических групп. В это время происходит окончательное формирование, наряду с казанскими татарами, самостоятельного этноса *мишари*, а возможно касимовских татар, на этнической основе мишарей (в этнографической литературе сегодня касимовские татары рассматриваются отдельно от мишарей). Я считаю, что этот вопрос требует дальнейшего исследования. Мишарей и касимовских татар связывали и общие социально-экономические условия, имевшие место в Русском государстве. Их культура в одинаковой степени испытала влия-

ние культуры русского народа. После присоединения Среднего Поволжья к России в составе единого государства укрепились этнокультурные связи

с казанскими и другими татарами и в конце XIX – нач. XX вв. происходило формирование татарской буржуазной нации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Васильев Б.А. Буртасская проблема и этногенез мишарей / Б.А. Васильев // Вопросы этнической истории мордовского народа. – М., 1960. – С. 206.

² Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах / В.В. Вельяминов-Зернов. Ч. I. – СПб., 1863. – С. 30 – 31.

³ Труды IV Археологического съезда России. – Казань, 1884. – С. 17.

⁴ Полетаев С.П. Итоги и перспективы этнографического изучения национальных групп Нижегородской губернии / С.П. Полетаев // Культура и быт народов Центрально-промышленной области. – М., 1929. – С. 149-161.

⁵ Куфтин Б.А. Татары касимовские и татары-мишари Центрально-промышленной области / Б.А. Куфтин // Культура и быт народов Центрально-промышленной области. – М., 1929. – С. 135-149.

⁶ Трофимова Т.А. Этногенез татар Поволжья в свете данных по антропологии / Т.А. Трофимова // ТИЭ. – Т.7. – М., 1949.

⁷ Чекалин Ф.Ф. Мещера и буртасы по сохранившимся о них памятникам / Ф.Ф. Чекалин // Труды VIII Археологического съезда в Москве в 1890 г. – М., 1891. – С. 114-115.

⁸ Васильев Б.А. Проблема буртасов и мордвы / Б.А. Васильев // Вопросы этнической истории мордовского народа. – М., 1860. – С. 180-209.

⁹ Ахмаров Г. О языке и народности мишарей / Г. Ахмаров // ИОАИЭ. – Т. XIX, вып. 2. – Казань, 1903. – С. 91-160.

¹⁰ Трофимова Т.А. Указ. работа / Т.А. Трофимова; Мухамедова Р.Г. Татары-мишари / Р.Г. Мухамедова. – М., 1972; Махмутова Л.Т. Опыт исследования тюркских диалектов / Л.Т. Махмутова. – М., 1978.

¹¹ Халиков А.Х. Мордовские и болгаро-татарские взаимоотношения по данным археологии / А.Х. Халиков // Этногенез мордовского народа. – Саранск, 1965 – С. 153; Полесских М.Р. Пензенские могильники IV – V вв. / М.Р. Полесских // С.А. – 1964, № 4; Он же. Могильники «ахмыловского» типа в Пензенской области. – КСИИМК, №55, 1954.

¹² Монгайт А.Л. Из истории бассейна среднего течения Оки / А.Л. Монгайт // С.А. – XVIII. 1953. – С. 169.

¹³ Селиванов А.В. О древнейшем населении Приокского района / А.В. Селиванов // Труды РУАК – Т.21. – Вып. 2. 1908. – С.93.

¹⁴ Иловайский Д. История Рязанского княжества / Д. Иловайский. – М., 1958. – С.109.

¹⁵ Богданов А. Материалы для антропологии курганного периода в Московской губернии / А. Богданов // Известия Общества любителей естествознания. – Т. IV, вып.1. – М., 1876. – С. 13.

¹⁶ Монгайт А.Л. Археологические заметки / А.Л. Монгайт. – КСИИМК, XII., 1951. – С.129.

¹⁷ Артамонов М.И. История хазар / М.И. Артамонов. – Ленинград, 1962.

¹⁸ Серебренников Б.А. История мордовского народа по данным языка / Б.А. Серебренников // Этногенез мордовского народа. – Саранск, 1965. – С. 255– 256.

¹⁹ Никонов В.А. Неизвестный язык Поочья / В.А. Никонов// Вопросы языкоznания. – 1960. – № 5.

²⁰ Куфтин Б.А. Материальная культура русской мещеры / Б.А. Куфтин // Вопросы этнической истории мордовского народа. – М., 1926.

²¹ Васильев Б.А. Проблема буртасов и мордвы / Б.А. Васильев // Вопросы этнической теории мордовского народа. – М., 1960.

²² Фирсов Н.А. Обзор внутренней жизни инородцев пред временем вступления их в состав Московского государства / Н.А. Фирсов // Ученые записки Казанского университета (по отделению историко-филологических наук). – В. 1-2. – Казань, 1866. – С. 72.

- ²³ Белорыбкин Г.Н. Буртасы / Г.Н. Белорыбкин // Пензенская энциклопедия. – М., 2001.
- ²⁴ Полесских М.Р. Древнее население Верхнего Поволжья и Примокшанья / М.Р. Полесских. – Пенза, 1977. – С.72.
- ²⁵ Там же. – С. 70.
- ²⁶ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа / Р.Г. Кузеев. – М., 1974. – С. 229-230.
- ²⁷ Калоев Б.А. Осетино-балкарские этнографические параллели / Б.А. Калоев // С.Э. – 1972. – № 5.
- ²⁸ Артамонов М.И. Указ. работа / М.И. Артамонов. – Л., 1962. – С. 423.
- ²⁹ Документы и материалы по истории Мордовской АССР. – Саранск, 1940. – Т 1. – С. 250.
- ³⁰ Гераклитов А.А. Материалы по истории мордвы / А.А. Гераклитов. – СОЦЭКГИЗ, 1931. – С. 5.
- ³¹ ПСРЛ. – Т. 1. Сузdalская летопись по Лаврентьевскому списку. – Л., 1927. – С. 451.
- ³² ПСРЛ. – Т. 10. – С. 94-95.
- ³³ ПСРЛ. – Т. 9. Патриаршая или Никоновская летопись. – С. 158.
- ³⁴ Мокшин Н.Ф. Этническая история мордвы / Н.Ф. Мокшин. – Саранск. – 1977. – С. 65-68.
- ³⁵ Слово о полку Игореве. – М., 1967.
- ³⁶ Татищев В.Н. История Российской / В.Н. Татищев. – Т. III. – М. – Л., 1964. – С. 126.
- ³⁷ Тизенгаузен В.Г. Указ. работа. – С. 234-235.
- ³⁸ Слово о погибели Русской земли. – М., 1959. – С. 326.
- ³⁹ Рубруквис. Путешествие в восточные страны. – СПб., 1868. – С. 92.
- ⁴⁰ Полесских М.Р. Древнее население Верхнего Поволжья и Примокшанья / М.Р. Полесских. – С. 75.
- ⁴¹ Полесских М.Р. Там же / М.Р. Полесских. – С. 80.
- ⁴² Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов / Г.А. Федоров-Давыдов. – М., 1966. – С. 205.
- ⁴³ Алихова А.Е. Постройки древнего города Мокша / А.Е. Алихова // Советская археология. – 1976. – № 4; Кротков А.А. В поисках Мохши / А.А. Кротков // Труды ОИАЭ при Саратовском университете – М., 1929. – Т. 54. – Ч. 1.
- ⁴⁴ Бархатная книга. – Ч. 3. – С. 239.
- ⁴⁵ ПСРЛ. – Т. XV. Вып. I. – М., 1965. – С. 71.
- ⁴⁶ ПСРЛ. – Т. XV. – Вып. I. – М., 1965. – С. 70.
- ⁴⁷ Республиканский архив Мордовии. Фонд Саровского монастыря. – Ф. I. , оп. I, ед. хр. 35. – ЛЛ. 123 – 156.
- ⁴⁸ Сафаргалеев М.Г. К истории татарского населения Мордовской АССР / М.Г. Сафаргалеев // Труды МНИИЯЛИЭ. – Вып. XXIV. – Саранск, 1963. – С. 74.
- ⁴⁹ Духовные договорные грамоты великих удельных князей XIV – XVI вв. – М. – Л., 1950. – № 76. – С. 284.
- ⁵⁰ Гераклитов А. Материалы по истории мордвы / А. Гераклитов // Сборник выписок из печатных источников (Х – XVIII вв.). – М.–Л., 1931. – С. 5.
- ⁵¹ Симбирский сборник. – Т.II. – Симбирск, 1870. – С.72.
- ⁵² Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ. – И – 218. – С. 81–100.
- ⁵³ Смирнов И.Н. Мордва / И.Н. Смирнов. – Казань, 1895. – С. 52.
- ⁵⁴ Известия ТУАК. – Вып. 23. – С.31.
- ⁵⁵ Известия ТУАК. – Вып. 34. – С. 56.

Аннотация

Татары-мишари представляют собой вторую по численности группу татар Среднего Поволжья, предки которых задолго до появления Чингизидов освоили эту территорию.

Ключевые слова: мишари, постройки, нашествие, распад, источники.

Summary

The Tatars-meshers are the second group of the Tatars in population size in the middle Volga region, the ancestors of which opened up this territory long before the appearance of the chingizids.

УДК 94'04/14'

КАСИМОВСКОЕ ХАНСТВО В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ¹

Б.Р. Рахимзянов, кандидат исторических наук

Зарубежная историческая наука в течение 1940–2000 гг. уделяла значительное внимание теме территориального расширения Российского государства. Пристальное внимание данная проблематика получила в США и Великобритании.

Во второй половине XX в. это внимание во многом было связано с тем интересом, который Запад проявлял к Советскому Союзу как противостоящей ему на мировой арене державе. В этих условиях изучение истории внешней политики России и поиск ее преемственности с экспансионизмом внешней политики СССР стали одним из важных направлений исследования англо-американской русистики. Особо актуальной признавалась проблема восточной политики Московского государства в середине XVI в., в рамках которой получила свое освещение и история Касимовского ханства.

Пионером изучения Касимовского ханства на Западе стал Георгий Владимирович Вернадский, работавший в разные периоды его жизни в России, Европе и США² и оказавший сильное влияние на так называемые «Russian Studies»³ в мире в целом. В своем труде «Начертание русской истории» он датирует окончание монгольского владычества не 1480 годом, а годом образования Касимовского ханства – 1452⁴. Эта оригинальная мысль была многократно повторена в трудах зарубежных коллег.

Английский историк М. Флоринский в вышедшей в 1953 г. в Нью-Йорке монографии «Россия. История и

интерпретация» справедливо замечает по поводу образования Касимовского ханства: «Среди новшеств Василия было создание на Нижней Волге полузависимого государства для Касима, сына Улу-Махмета. Нюансы образования нового государства, известного как Касимовское царство, так же как и точная дата его образования, остаются неясными. Возможно, образование этого государства было одним из смутных обязательств, принятых Василием как цена за его освобождение. Летопись по этому вопросу хранит молчание. ... Касимовское царство, как нам кажется, служило своего рода барьером против растущей моши Казани, ...»⁵. Данный подход не блещет оригинальностью, базируясь на монографии Вельямино-ва-Зернова.

Американский исследователь О. Бакус в своей статье «Была ли Московская Русь империалистичной?» вслед за Г. Вернадским отмечает: «В 1452 году Москва избавила себя от зависимости от Золотой Орды, если не де-юре, то хотя бы фактически, образовав вассальное татарское Касимовское царство в районе, ранее контролировавшемся Ордой. С этого момента начинаются длительный подъем Москвы и ее экспансия»⁶. Важно отметить, что для зарубежных коллег весьма характерно затрагивание истории Касимовского ханства именно в русле имперской экспансии Российского государства. На их взгляд, образование Касимовского ханства стало одним из шагов в этом направлении.

Англичанин С. Зенковски в вышедшей в 1960 г. в издательстве

Гарвардского университета работе «Пантюркизм и ислам в России» рассматривает Касимовское ханство как «первое тюркское меньшинство (minority group) в Русском государстве»⁷. Данный подход интересен в плане перспективных исследований тюркских групп в России.

Английский историк Дж.Кларксон в обзорной работе «История России» в следующих выражениях говорит об образовании Касимовского ханства: «Василий II был захвачен в плен и ослеплен своими родственниками (1446) – с этих пор он известен как «Темный», но татарские отряды сыграли важную роль в окончательной победе Василия. Один из их лидеров был награжден – он был признан «царем» буферного Касимовского ханства, вассального княжества Москвы (1452)»⁸. Здесь так же, как и во многих других работах, широкий хронологический охват работы не способствует оригинальности мыслей автора в отношении Касимовского ханства.

В вышедшей впервые в 1963 г. обзорной работе «История России» американский историк Николас Рязановский, ссылаясь на Г.Вернадского, так трактует образование Касимовского ханства в рамках взаимоотношений Руси с монголами: «1452 год обозначил новое достижение: монгольский князь, принадлежащий к правящему дому, принял сузеренитет великого князя; так было образовано Касимовское княжество. ... Образование этого монгольского княжества, зависимого от Московского великого князя, было всего лишь одним из показателей упадка мощи Монголов. ... Рассуждая практически, Москва может рассматриваться как независимая от Монголов начиная по крайней мере с 1452 года»⁹. Здесь важен акцент на принадлежности Касима к правящему дому Джучи.

Эдвард Л. Кинан, долгое время проработавший деканом и профессором исторического факультета в Гарварде, затрагивает историю Касимовского ханства в своей докторской

(Ph.D.) диссертации «Московия и Казань, 1445-1552 гг.: исследование степной политики»¹⁰. Она была защищена в Гарварде в 1965 г. К сожалению, этот фундаментальный труд, показывающий недюжинную эрудицию и провокационный ум автора, а также глубокое знание им источников, так и не был полностью опубликован. Правда, отдельные моменты были доступны читателям в виде статей.

Касаясь образования Касимовского ханства¹¹, автор называет этот вопрос критическим для понимания властных взаимоотношений того времени. Высказанные интересные (но не всегда подтвержденные источниками данными) мысли по поводу хронологии образования Касимовского ханства, а также о проблеме «выхода» в Касимов.

Говоря в целом о Касимове, автор отмечает: «Место» в Касимове в начале своей истории не было ни татарским аванпостом, ни московским орудием против Казани, ни резиденцией и экономической базой казанских сил, возглавляемых сыновьями хана (Улуг-Мухаммеда. – Б.Р.), которые были отданы в распоряжение Василия II во время борьбы против Шемяки. Мамутеку (Махмуду, второму хану Казани. – Б.Р.) было выгодно, чтобы его младшие братья, потенциальные очаги оппозиции, были «расквартированы» и «трудоустроены» вне его центральных территорий (имеется в виду территория Казанского ханства. – Б.Р.), как и в целом существование между двумя государствами (Казанью и Москвой. – Б.Р.) земель, принадлежавших Василию, но обращенных в средство поддержки Касима и Якуба и их свиты, обеспечивающих удобный буфер»¹².

В большой дискуссии, развернувшейся в 1967 г. на страницах американского журнала «Славянское обозрение» («Slavic Review») по поводу взаимоотношений Москвы и Казани в средние века, американский историк, основоположник школы украинских исследований в Гарварде Омельян

Прицак высказал интересные и крайне важные, на мой взгляд, наблюдения по поводу изменения политического положения Касимова. Он считает, что вассальный статус Касимовское ханство приобрело не сразу при его образовании в середине XV в., а только после смены представителей династии Гиреев на потомков Ахмада: «Поворотным пунктом во взаимоотношениях между Москвой и Казанью был не 1487 год, ... а 1512. ... Я всего лишь хочу подчеркнуть, что с данного момента казанско-крымская династия оставила Касимов. Юрт в Мещерской земле отныне был передан членам династии бывшего хана Золотой Орды, Ахмеда, с одобрения Москвы. Только теперь касимовские Чингизиды стали марionетками в руках Москвы...»¹³. Автор справедливо отмечает, что прежнее мнение о Касимове как о «творении Московии» неверно, как отметил еще М.Г. Сафаргалиев. Говорится о выходе в Касимов (ссылка на «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв.»)¹⁴.

Американец Майк Раефф в своей статье «Модели российской имперской политики относительно национальностей», вышедшей в 1971 г., рассматривает Касимовское ханство как «пятую колонну» по отношению к другим татарам ханствам¹⁵. Данный подход не лишен логики.

Историк Дж.Харрисон в книге «Распространение Российской империи в Азии и Америке» (уже по названию можно судить об идеологической заданности работы) по проблеме истории Касимовского ханства дает информацию с множеством фактических ошибок и непонятных причинно-следственных связей, причем без ссылок на источники¹⁶. Иногда такое характерно и для российских исследователей в трудах со слишком широким проблемно-географическим охватом.

Английский исследователь Н.Чировски в своем труде «История Российской империи» так оценивает факт образования Касимовского

ханства: «Исторически создание этого княжества может быть рассмотрено как практическое освобождение Московии-России от монгольского владычества. Оно означало, что с данного момента и в течение последней декады своего правления Василий был полностью независим от какого-то ни было татарского владычества»¹⁷. Как видим, здесь вновь повторена мысль Г.Вернадского.

Английские исследователи Дж. Лантзев и Р. Пирс в своей работе «На восток к империи. Исследования и за воевания на российской открытой границе до 1750 г.» оценивают Касимов как «действительную пограничную точку (true frontier mark), управляемую татарами на русской службе»¹⁸. Ссылки даются на работы Вернадского и Вельяминова-Зернова.

Английский автор М. Ривкин в своей статье «Российская колониальная экспансия до Ивана Грозного: обзор основных тенденций», опубликованной в журнале «Русское обозрение» («Russian Review») в 1973 г., рассматривая события 1445-1446 гг., справедливо говорит о Касиме: «Неясно, был ли он изначально московским агентом или нет». Вслед за О. Прицаком исследователь отмечает, что только в 1512 г. Касимовское ханство стало московским протекторатом. Рассматриваются вопросы, связанные с управлением Касимовским ханством, в том числе и русской администрацией: «Ранний прототип первого российского «колониального офиса», Мещерский двор, или Приказ, был основан чуть позже (1512 г. – Б.Р.). После взятия Казани, в 1553 году, он был поглощен Приказом Казанского дворца. К сожалению, о Мещерском приказе, его структуре и властных полномочиях почти ничего не известно»¹⁹. Как видим, вновь рассмотрение истории Касимова идет в русле российской имперской экспансии.

Один из ведущих американских исследователей взаимоотношений Московии и тюркского мира в сред-

ние века, Чарльз Гальперин, касается истории Касимовского ханства в работах «Россия и Золотая Орда. Монгольское влияние на средневековую историю России» (1985 г.) и «Татарское иго» (1986 г.). Касимовское ханство рассматривается им как одно из государств, образовавшихся в результате распада Золотой Орды, вместе с Казанским, Астраханским, Крымским, Сибирским ханствами, Ногайской и Большой Ордами²⁰. Отмечается, что Касимов получал от Московии дань наряду с другими наследниками Золотой Орды²¹. Замечая, что хронология образования Касимовского ханства спорна, автор пишет: «Возможно, образование Касимовского ханства испугало московское население и способствовало возвышению Шемяки, но это всего лишь предположение, так как летописи никогда не отмечали образование этого вассального государства»²². Последний тезис весьма важен для понимания политической ситуации середины XV в. Автор ссылается на российских и советских историков, в том числе и на Г. Вернадского.

Интересные мысли по поводу Касимова можно обнаружить в работе исследовательницы А. Рорлих «Волжские татары: очерк национальной устойчивости». Отмечая, что 1445 год явился годом образования не одного, а двух татарских ханств (Казанского и Касимовского. – Б.Р.), она считает причиной образования ханства не «изначальную идею», а случай (по всей видимости, имеется в виду битва 1445 г. под Суздалем, пленение Василия II и выкуп за него). По ее мнению, данный факт «оставил свой след как на внутренних делах ханства, так и на его структуре». Оно отличалось от других ханств, образовавшихся после распада Золотой Орды, отсутствием собственной правящей династии. Как следствие этого, Касимовское ханство существовало как зависимое государство и часто служило в роли «станции ожидания» для изгнанных из Казани ханов или новых претендентов на казанский

престол²³. Подход автора базируется на материалах работы Вельяминова-Зернова и штудиях турецких исследователей, на которых и даются ссылки.

Английский исследователь Роберт Крамми в своей книге «Формирование Московского государства, 1304–1613 гг.», в главе «Победа Москвы, 1380–1462 гг.» так оценивает положение Касимовского ханства: «В 1452 или 1453 году он (Касим. – Б.Р.) обосновался в Городце Мещерском на реке Ока и образовал свое собственное княжество. Здесь он и его преемники заняли стратегическую позицию между Москвой и Казанью. Правители Касимовского ханства – под этим именем оно стало позднее известно – постепенно стали зависимыми от московских князей и помогали им играть активную и информированную роль в политической и дипломатической жизни татарского мира Степи»²⁴.

Англичанин Крейг Кеннеди, к сожалению, порвавший с исторической наукой и работающий на данный момент в бизнесе, затрагивает историю касимовских династов в своей докторской (Ph.D.) диссертации «Джуиды Московии: изучение персональных связей между знатными татарскими эмигрантами и московскими великими князьями в XV–XVI веках»²⁵. Она была защищена в Гарварде в 1994 г. Научным консультантом являлся Эдвард Л. Кинан. Его научное влияние постоянно ощущается в работе. Как и диссертация Кинана, этот достаточно серьезный труд, показывающий глубокое знание автором русских (и не только) источников, так и не был опубликован.

Кеннеди относит образование Касимовского ханства к 1456 г. (вслед за Зиминым, по всей видимости)²⁶. Отмечается, что соглашение об образовании ханства как постоянного лагеря в Мещере, равно как и соглашение о получении татарами оброков и пошлин с ясачных людей, было закреплено письменным договором, который, правда, не сохранился. Данний тезис

(о существовании именно письменного договора) не бесспорен.

В целом труд весьма полезен читателям при комплексном изучении геополитической и социокультурной ситуации в Евразии в указанный период.

Профессор университета Майами Дж.Мартин в своей большой монографии «Средневековая Россия, 980-1584 гг.» касается истории Касимова во взаимосвязи с историей Казанского ханства, да и других наследников Золотой Орды. Образование Касимовского ханства она расценивает как поворотный момент в взаимоотношениях Москвы с татарским миром: «Это событие явилось также одним из индикаторов сдвига в раскладе сил «Московия-Татары»; Касим и все последующие ханы Касимова являлись уже не сюзеренами Василия (кем они могли быть по праву рождения – они были Чингизидами. – Б.Р.), но слугами великого князя Московского»²⁷. Мысли автора в основном базируются на взглядах Георгия Вернадского, но творчески развиты. В то же время г-жа Мартин рассматривает Касимовское ханство как полноправную сторону среди действующих сил постзолотоордынской международной сцены: рассуждая по поводу воцарения Шах-Али в Казани в 1519 г., она пишет: «Поддержав кандидатуру представителя астраханской династии на казанский трон, Василий III создал новую коалицию для доминирования в степи. Эта коалиция включала Москву, Казанское и Астраханское ханства и, конечно, Касимов»²⁸. Также автор касается истории Касимовского ханства в своей статье «Мультиэтничность в Московии: размышления по поводу татар-христиан и татар-мусульман в 1550–1580-х гг.»²⁹.

Профессор Иезуитского университета в Чикаго Михаил Ходарковский рассматривает процессы инкорпорации нерусских элит в состав русского дворянства в работе «Не словом единым»: Миссионерская политика и религиозное обращение в России раннего Нового времени». Касаясь плюсов

присоединения к российскому правящему классу, он пишет: «Более великолукшие дары ожидали нерусские элиты, присоединившиеся к русскому двору начиная с XVI века и далее, причем во все возрастающем количестве, в поисках защиты и привилегий. Большинство этой знати пришло с Юга и Юго-Востока, где расширяющееся Русское государство предлагало новые возможности для местных элит. После завоевания Казани в 1552 г. различные представители Чингизидской династии из Астрахани, Крыма, Казани, Сибири и Касимова обратились в христианство. Один из наиболее известных примеров такого рода – крещение касимовского хана Сайн-Булата в 1573 году. Более известный как Симеон Бекбулатович, он был посажен на московский трон Иваном IV для правления Россией на протяжении почти года»³⁰. М. Ходарковский также затрагивает историю Касимова в своих работах «Приручая Дикову Степь: южная граница Московского государства, 1480-1600 гг.»³¹, «Степная граница России: создание колониальной империи, 1500-1800 гг.»³².

Исследователь Лео де Хартог в работе «Россия и монгольское иго: история русских княжеств и Золотой Орды, 1221-1502 гг.» рассматривает Касимовское ханство как «военную колонию» («military colony»). Он считает, что образование этого ханства привело к значительному повышению престижа Московии: «Осознание того, что татары уже были когда-то принятые на службу Московского государства, способствовало переходу под патронат великого князя Московского многочисленного количества татар, которые покинули родные ханства. Эта ситуация обозначила начало конца эры монгольского доминирования и начало новой эпохи для России»³³. Как видим, это вновь переложение старой мысли Г. Вернадского.

Дональд Островски, работающий в Гарвардском университете, в 1998 г. опубликовал провокационную монографию «Московия и Монголы: меж-

культурные влияния на степной границе, 1304–1589 гг.»³⁴, концептуальные построения которой были приняты далеко не всеми исследователями, работающими на поле средневековой истории России. Написанная на хорошем источниковом материале и предлагающая альтернативные взгляды на многие проблемы, она в числе прочих рассматривает и вопросы, связанные с Касимовским ханством. Автор неоднократно упоминает его как одного из наследников Кипчакского ханства (так Островски именует Золотую Орду), в общем ряду с Крымским, Казанским, Астраханским ханствами и Ногайской Ордой.

Итак, период с начала 1950-х гг. характеризуется началом научных штудий интересующей нас проблематики зарубежными исследователями. Американские и английские историки рассматривали историю Касимовского ханства преимущественно в контексте российской имперской и колониальной экспансии, которую они начинают с завоевания Казани и Астрахани в середине XVI в., в некоторых трудах – с аннексии Новгорода в 1478 г. На формирование подходов зарубежных коллег к истории Касимовского ханства большое влияние оказали мысли

Георгия Вернадского, высказанные им еще в 1927 г., а также татарских историков.

Делая в целом выводы о вкладе зарубежных ученых в изучение средневековой истории Руси и тюрко-татарского мира³⁵, можно констатировать, что в плане концептуальных построений глубины понимания закономерностей исторического процесса они ушли сильно вперед по сравнению с российскими коллегами, в особенности с некоторыми московскими и санкт-петербургскими³⁶. Имперский подход к истории нерусских народов, столь ярко проявивший себя в работах классических русских историков (С.М.Соловьева можно привести как наиболее яркий пример такого подхода), к сожалению, несколько затуманивает головы и современных российских исследователей, не говоря уже о более чем 70-летней истории советской исторической науки. Не сыграла здесь положительную роль и практически полная «выключенность» советских историков из мировой гуманистической канвы в период 1917–1991 гг., когда «советские историки упустили буквально все новые тенденции западной историографии с 30-х по 90-е гг. XX века»³⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Я хотел бы выразить благодарность программе Фулбрайт (Fulbright Senior Visiting Scholar Program) за прекрасную возможность провести исследование в Гарвардском университете в 2006/07 академическом году.

² Подробнее о жизни и творчестве этого выдающегося историка см.: Halperin Ch. George Vernadsky, Eurasianism, the Mongols, and Russia // Slavic Review. – 1982. – Vol.41. – N 3. – P.477–493; Halperin Ch. Russia and the Steppe: G. Vernadsky and Eurasianism // Forschungen zur Osteuropaischen Geschichte. – 1985 – Vol .36. – P. 55–193.

³ Изучение истории России.

⁴ Вернадский Г.В. Начертание русской истории. – Прага, 1927. – Т.1. – С. 67 – 111.

⁵ Florinsky M. Russia. A History and an Interpretation. – N.Y.: The Macmillan Company, 1953. – Vol.1. – P. 68.

⁶ Backus O. Was Muscovite Russia Imperialistic? // American Slavic and East European Review. 1954. Vol. 13. N 4. P. 523.

⁷ Zenkovsky S.A. Pan-Turkism and Islam in Russia. – Cambridge: Harvard University Press, 1960. – P. 13.

⁸ Clarkson J. A History of Russia. – N.Y.: Random House, 1961. – P. 80-81.

- ⁹ Riasanovsky N. A History of Russia. – N.Y. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – Vol. 1. – P. 94.
- ¹⁰ Keenan E. Muscovy and Kazan, 1445-1552: a study in steppe politics / by Edward Louis Keenan, Jr. 1965. 7, xiii, 429 leaves.
- ¹¹ Ibid. – P. 136 – 140.
- ¹² Ibid. – P. 140–141.
- ¹³ Pritsak O. Moscow, the Golden Horde, and the Kazan Khanate from a Polycultural Point of View//Slavic Review. 1967. Vol. 26. N 4. P. 579–580.
- ¹⁴ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв. / Подг. к печ. Л.В. Черепнин; отв. ред. С.В. Бахрушин. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 589 с.
- ¹⁵ Raeff M. Patterns of Russian Imperial Policy Toward the Nationalities // Allworth E. Soviet Nationality Problems. – N.Y. – L.: Columbia University Press, 1971. – P. 27.
- ¹⁶ Harrison J.A. The Founding of the Russian Empire in Asia and America. – Coral Gables (Florida): University of Miami Press, 1971. – P. 48, 50.
- ¹⁷ Chirovsky N. A History of Russian Empire. – N.Y.: Philosophical Library, 1973. – Vol.1. – P. 226.
- ¹⁸ Lantzeff G., Pierce R.A. Eastward to Empire. Exploration and Conquest on the Russian Open Frontier, to 1750. – Montreal-L.: McGill – Queen's University Press, 1973. – P. 54.
- ¹⁹ Rywkin M. Russian Colonial Expansion before Ivan the Dread: A Survey of Basic Trends // Russian Review. – 1973. – Vol.32. – N 3. – P. 293.
- ²⁰ Halperin Ch. Russia and the Golden Horde. The Mongol Impact on Medieval Russian History. – Bloomington: Indiana University Press, 1985. – P. 29.
- ²¹ Ibid. – P.60.
- ²² Halperin Ch. The Tatar Yoke. Columbus (Ohio): Slavica Publishers, 1986, c 1985. P. 145.
- ²³ Rorlich A. The Volga Tatars: A Profile in National Resilience. Stanford: Hoover Institution Press, 1986. – P. 25-26.
- ²⁴ Crummey R.O. The Formation of Muscovy, 1304-1613. – L., N.Y.: Longman, 1987. P. 76.
- ²⁵ Kennedy C. The Juchids of Muscovy: a study of personal ties between emigre Tatar dynasts and the Muscovite grand princes in the fifteenth and sixteenth centuries / by Craig Gayen Kennedy. 1994. 238 leaves.
- ²⁶ Ibid. – P. 39.
- ²⁷ Martin J. Medieval Russia, 980-1584. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – P. 315.
- ²⁸ Ibid. – P. 324.
- ²⁹ Martin J. Multiethnicity in Muscovy: a Consideration of Christian and Muslim Tatars in the 1550s-1580s. // Journal of Early Modern History. 2001. Vol. 5. № 1. P. 1-23.
- ³⁰ Khodarkovsky M. «Not by Word Alone»: Missionary Policies and Religious Conversion in Early Modern Russia // Comparative Studies in Society and History. – 1996. – Vol.38. – № 2. – P. 274-275.
- ³¹ Khodarkovsky M. Taming the ‘Wild Steppe’: Muscovy’s Southern Frontier, 1480-1600 // Russian History/Histoire Russe. 1999. Vol. 26. № 3. P. 241–297.
- ³² Khodarkovsky M. Russia’s steppe frontier: the making of a colonial empire, 1500-1800. Bloomington: Indiana University Press, c2002. xii, 290 p.
- ³³ Hartog L. Russia and the Mongol yoke: the history of the Russian principalities and the Golden Horde, 1221-1502. London; New York: British Academic Press, 1996. P. 133.
- ³⁴ Ostrowski D. Muscovy and the Mongols: Cross-cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304-1589. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – XVI, 329 p.
- ³⁵ На примере изучения Касимовского ханства.
- ³⁶ Даже несмотря на некоторые проблемы в плане доступности источников.
- ³⁷ Дэвид-Фокс М., Холквист П., По М. Журнал «Критика» и новая, наднациональная историография России // НЛО. – №50. – 2001.

Аннотация

Статья посвящена изучению в США, Великобритании и других странах, публикующих свои тексты на английском языке, истории одного из татарских ханств – Касимовского. Это ханство являлось одним из государств, образовавшихся на территории Западной (Кипчакской) степи в результате распада Монгольской Империи и Золотой Орды. Несмотря на то, что по своим размерам Касимовское ханство не было большим, оно играло существенную роль во взаимоотношениях Московии (России) со степными ханствами, такими как Казанское ханство и Крымское ханство. Труды, написанные ранее по истории Касимовского ханства, на данный момент устарели и нуждаются в ревизии. Англо-американская историография является важной частью изучения русско-татарских отношений. Ее анализ и посвящена данная статья.

Ключевые слова: Историография, англо-американская русистика, Московское государство, Касимовское ханство, Russian Studies, имперская экспансия.

Summary

The article covers English-writing Russian Studies, mainly in UK and USA, dealing with history of one of the Tatar khanates, namely the Kasimov Khanate. This khanate is one of the successor khanates in the Western (Qipchaq) steppe that formed after the break up of the Mongol Empire in general and the Golden Horde specifically. The Kasimov Khanate is worth studying because although it was not large in relative size, it figured greatly in the relations of Muscovy (Russia) with the steppe khanates, such as the Kazan Khanate and the Crimean Khanate. Previous work on the Kasimov Khanate is now outdated and much in need of a thorough reconsideration. English-writing Russian Studies is an important part of the historical study of Russian-Tatar relations. Its analysis is the main object of this article.

УДК 37.034:37.036

МЕТОДОЛОГИЯ И ВАЖНЕЙШИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ДУХОВНОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

A.A. Абдуллина, кандидат педагогических наук

«Чувство гражданской чести и гордости начинается с эстетического наслаждения высоким моральным поступком. Эстетическое переживание моральной красоты – важное условие познания общественного величия человека» (9, 483). Эти слова принадлежат выдающемуся педагогу–гуманисту В.А. Сухомлинскому, наиболее последовательно претворившему в своей деятельности концепцию неразрывного единства Красоты и Добра. Безгранична любовь к детям, глубокая вера в их будущее, стремление через понимание прекрасного в окружающей жизни приобщить своих воспитанников к высшим моральным ценностям дали поразительные результаты, позволившие ему с гордостью заявить: «*Мои воспитанники чувствительны к красоте, и прежде всего, к красоте в человеке. Я убежден, что никто из них не обидит человека, не унизит его достоинство... Сердца моих воспитанников стали непримиримыми к злу*» (9, 538).

Можем ли мы подобное с той же убежденностью сказать о своих молодых современниках?

Реалии наших дней, свидетельствующие о пугающих последствиях нерешенности проблем молодежи (проявление радикальных и экстремистских тенденций, рост наркомании и преступности, отсутствие социальной зрелости и признаки деградации и др.), вызывают острую необходимость формирования приоритета духовно-ценостного отношения подрастающего поколения к жизни. В условиях распуска и отсутствия молодежных

организаций, в прошлом отвечавших за идеально-нравственное воспитание, определенные надежды в решении задач стимулирования личностного развития молодого человека возлагаются на учебно-образовательные заведения. Однако и в вузах, охватывающих наиболее продвинутую, интеллектуально-развитую часть молодежи, произошло неоправданное сужение целивой направленности образования до обеспечения профессиональной компетентности будущих специалистов. Превращение воспитательной работы в среде студенческой молодежи в приданок ее профессионального образования противоречит сущности выдвигаемого ныне принципа личностно-ориентированного обучения. Развитие личности – это прежде всего возвышение и обогащение ее духовных запросов, стимулирование творческой самореализации и формирование нравственно устойчивой жизненной позиции. Как никогда остро стоящие перед педагогической наукой вопросы совершенствования личностной направленности обучения студенчества вызвали интерес к выявлению воспитательного потенциала содержания высшего образования.

О возросшей активности в поисках решения данной научной проблемы свидетельствует появление в последнее время разноспектных, весьма плодотворных подходов к разработке личностно-ориентированного обучения в условиях высшей школы: концепции развития профессионально-смыслового потенциала (И.Э. Ярмакеев), духовно-нравственной культуры

(Л.П.Илларионова, В.А.Макарова, В.А.Токарева, Е.И.Хачикян и др.), эстетического компонента как возможности реализации идеала творческой образованности студентов (И.В.Арановская) и др. Одним из, на наш взгляд, перспективных направлений, позволяющих усилить воспитательную направленность содержания вузовской подготовки, может стать целенаправленная деятельность по преодолению сложившегося в сегодняшней практике разрыва между нравственным и эстетическим воспитанием студентов.

Разработка теории единства нравственного и эстетического – двух относительно самостоятельных специфических сторон общественной жизни, форм ее познания и оценки, способов регуляции человеческой деятельности – входит в число фундаментальных проблем науки, поскольку основные ее положения составляют методологическую базу исследований широкого спектра явлений социальной сферы, искусства и внутреннего мира человека. Началом, первым шагом в развитии данного направления явилось учение античных философов о «калокагатии» (от греч. *calos* – прекрасный и *agathos* – хороший, нравственно совершенный), означающее неразрывное единство прекрасно-доброго. Рассматривая все явления окружающей действительности в тесной взаимосвязи, они основополагающий принцип всеобщей гармоничности перенесли и на развитие человека, гражданина античного полиса. Калокагатийная (гармоничная, совершенная) личность сочетала в себе все лучшие качества: внутреннюю красоту, духовное богатство, благородство, мудрость, высокую нравственность и внешнее совершенство.

Вслед за античными мыслителями значительный вклад в разработку данной проблемы внесли такие видные философы, как Бэкон, Гоббс, Шеффери, Лессинг, Кант, Гегель, Шиллер, Чернышевский и др.

Наиболее активное развитие на современном этапе данная проблема получила в рамках философских исследований. В трудах А.И. Фортовой, В.И. Толстых, А.А. Нукина, Н.Л. Лейзерова, И.Н. Михеевой, Б.Ф. Сикорского, А.С. Каргина, Л.В. Алёхиной, Л.А. Калинникова, Л.Я. Рубиной, О.В. Лармина, Л.Д. Завьялова, О.А. Зоровой и др. на основе общефилософского, гносеологического, аксиологического, социологического, культурологического подходов раскрывается сущность диалектического единства нравственного и эстетического как закономерности развития духовной культуры общества и личности.

Согласно данной теории соотношение нравственного и эстетического не образует тождество и не складывается механически, но в своем развитии представляет единый процесс их гармонизации и взаимообогащения.

Сущность данного процесса заключается в установлении тесного взаимодействия, взаимовлияния, взаимопроникновения и синтеза нравственного и эстетического, что приводит к образованию качественно нового явления, несводимого ни к первому, ни ко второму. «В определенном смысле развитие связи нравственного и эстетического раскрывается как самодвижение, как саморегулируемый процесс», «их отношения приобретают характер целостной системы, элементы которой должны изучаться уже в новом качестве, определяемом их теснейшей связью между собой» (7, 26, 22).

Нравственное в данном единстве выступает как социально-содержательный компонент, поскольку составляет одно из сущностных свойств человека. Оно, по признанию естествоиспытателей, сыграло огромную роль в эволюционном процессе и наряду с разумом является основной отличительной чертой рода «человек». Эстетическое в рассматриваемом единстве актуализируется в качестве формы выявления данного содержания, как мера совершенного во всем

многообразии проявления человеческой нравственности.

Важнейшими предпосылками взаимодействия нравственного и эстетического являются наличие объективных границ их совпадения, а также существование у них общих черт. Нравственное и эстетическое в их исторически непреходящем значении – духовные сферы эмоционально-ценостного отражения, объектом которого выступают социальная практика и жизнедеятельность человека.

Принципиальным моментом в теории единства нравственного и эстетического является признание диалектического характера данной взаимосвязи, обусловленного наличием специфики рассматриваемых явлений. К числу признаков, определяющих своеобразие взаимодействующих сторон, относят их отличия по форме и характеру отражения окружающей действительности (соответствие абстрактного, понятийно-логического этическим и целостно-образного, конкретно-чувственного эстетическим отношениям). Диалектика взаимосвязи нравственного и эстетического проявляется в том, что их «*соотношение никогда не бывает абсолютным..., а имеет передко сложную и противоречивую форму*». Такие противоречия, по мнению ученых, могут быть следствием:

- уродливых социальных условий,...где красота и добро часто исключают друг друга, либо оказываются в противоестественном сочетании – порок, безнравственность претендуют на положительное эстетическое значение, а красота лишается нравственного начала;

- одностороннего развития и воспитания личности, когда...стремление к красоте и следование общепринятым нормам морали носит чисто внешний или показной характер (11, 345).

Последовательное претворение в исследованиях принципа историзма позволило ученым выявить единые социально-исторические предпосылки

возникновения нравственных и эстетических отношений, объективную основу их взаимодействия, а также единую направленность на гармонизацию социальной сферы и внутреннего мира человека.

На заре человечества по данным ряда наук (археологии, этнографии, лингвистики, психологии и др.) архаическое, примитивное сознание первобытного человека представляло собой форму «простого тождества» (10, 194, 163), где наблюдалась нерасчлененность, слитность его составляющих. В условиях жесточайшей борьбы за существование все окружающие явления рассматривались с точки зрения их утилитарной пользы для жизнедеятельности первобытного общества.

Происхождение духовных способов освоения мира, к которым относятся нравственное и эстетическое, – результат длительного исторического развития, единую основу которого составляет практическая деятельность людей. Их дифференциация и обособление в процессе материальной практики знаменует собой более высокий уровень развития как самого человека, так и его отношения к окружающему миру, более значительную степень его свободы от природной стихии.

Так, появление эстетического как творчески преобразующего начала было обусловлено потребностью первобытного общества в специфическом способе передачи социального опыта. В историческом плане зарождение эстетического отношения к действительности ученыe связывают с достижением такого уровня развития человеческой природы, когда стало возможным преодоление сугубо утилитарного подхода к результатам трудовой деятельности и осознание относительной самостоятельности, практической значимости, целесообразности и привлекательности формы изготавливаемых орудий, производственных действий, предметов природы, которые становились объектом преобразования (14, 66).

В результате предметно-преобразовательной деятельности человек, совершенствуя свою чувственность и практические навыки, постигал секреты мастерства, обретал определенную степень свободы, которая позволяла наслаждаться самим процессом труда. По мнению ученых, «в этом эмоциональном, интуитивном сознании своей свободы в труде генетически заложены основы любого эстетического переживания» (5, 180).

Возникновение морали как совокупности предъявляемых индивиду общественных требований изначально также было обусловлено социальной потребностью в механизме регулирования отношений внутри племени с целью сохранения человеческого рода. В своих исторических истоках нравственная детерминация поведения имела табуальный, императивный характер непреложного долженствования, и беспрекословное выполнение моральных норм общежития являлось непременным условием принадлежности индивида к данному обществу. Лишь в результате длительного развития наращивались ситуативно-вариативные черты нравственной детерминации, все отчетливее проявлялся субъективный, индивидуально-творческий способ присвоения общественной морали, обеспечивающий индивиду все большую свободу выбора нравственной позиции. Вместе с тем степень этой свободы подразумевала преодоление личной корысти, достаточно глубокое усвоение требований общины и добровольное подчинение не из страха вызвать гнев соплеменников и быть изгнанным из рода, а по своему непосредственному побуждению. «Сфера свободы является не сферой произвола, а высшего овладения законом и необходимостью, при котором человек сам действует целесообразно, как общество, и продуктивно, как природа, превратив долженствование условий и принуждение среды в свою внутренне осознанную потребность». Как видим, генезис нравственного со-

знания запечатлел отдельные следы его взаимодействия с эстетическим, поскольку «сфера свободы, по существу, – сфера творчества вообще, отсюда и эстетической деятельности и переживаний» (1, 56, 20-21).

Итак, генезис нравственного и эстетического указывает на единый источник их возникновения. В жесточайших условиях выживание именно понятия «полезного» и «вредного» предшествовали зарождению способности человека к нравственным и эстетическим оценкам. Генетическое родство «добра» и «красоты» исторически предопределено формирование ценностного отношения к действительности и принципов регуляции жизнедеятельности с позиций общественных приоритетов, общечеловеческого блага. В процессе развития нравственное и эстетическое как способы духовного освоения индивидом окружающей действительности претерпевают изменения, в определенной мере вызванные особым характером их взаимодействия, а именно, тенденцией непосредственного их взаимовлияния и взаимопроникновения.

Важнейшей предпосылкой и значительным обоснованием существования объективной основы взаимодействия нравственного и эстетического является социально-эмоциональная природа человека, по определению И.А. Фортовой, его способность «относиться». Данное качество составляет основу нравственности, которая является каналом внедрения социального в сферу индивидуально-психологического, в содержание эстетического, объективно существующего как родовой признак. Этическое в единстве с эстетическим изменяет содержание человеческой личности. По утверждению автора, «взаимосвязь этих свойств в сферах общественной жизни и возникает как органическое для процесса становления и развития природы человеческого единство двух его сторон. Каждая из них в процессе развития человеческого способна перейти в другую и воплотиться в гармонической личности как

в совершенстве своего осуществления. Этим же определяются функции взаимосвязи этического и эстетического, то, что она (взаимосвязь) осуществляет совершенствование личности» (12, 22-23). Иначе говоря, человек как существо общественное свое социально-этическое начало в процессе жизнедеятельности синтезирует с мерой объективного всеобъемлющего свойства прекрасного. Это возвышает личность, обогащает ее природу и выводит на более высокий качественный уровень социализации, духовный уровень, на котором она начинает жить и творить «по законам красоты».

Таким образом, основу духовности составляют нравственно-эстетические качества человека. Каков же психологический механизм взаимодействия нравственного и эстетического как основных сторон индивидуального сознания?

Важнейшим условием социализации личности являются активная переработка и освоение ею системы духовных ценностей, принятых в окружающей ее социальной среде. К числу таковых относят морально-этические нормы, отражающие многовековой опыт человеческого общежития. Выработке ценностного отношения к общезначимым моральным нормам и закреплению их на личностном уровне способствует образование интеллектуально-эмоциональных комплексов. В русле культурно-исторического подхода в психологии (Л.С.Выготский) нерасторжимое единство интеллектуального и эмоционального находит свое выражение в форме аффективно-смысловых образований (М.М.Бахтин, В.П.Зинченко). Данные образования, аккумулирующие в культуре исторический опыт ценностно-смыслового отношения, существуют объективно относительно развивающегося субъекта как духовное достояние определенного сообщества (язык, нравы, традиции, право, искусство, вкусы и т.д.) и выступают как идеальные формы. В процессе опосредованного общением

освоения индивидом ценностей культуры, «вживания», «врастания» его в смысловое пространство культурно-исторической памяти осуществляются субъективирование идеальной внешней формы и трансформация ее во внутреннюю, реальную форму психики и сознания.

«Окультуривание натуры», приобщение к высшим образцам человеческой культуры, интериоризация культурных ценностей и трансформация их в ценностно-смысловые ориентации личности – одна из сторон диалектического взаимодействия идеальной и реальной форм, рассматриваемого как процесс взаимообмена, взаимообогащения двух миров. Мир общечеловеческой культуры в таком толковании выступает как сфера свободы самовыражения и духовных исканий человеческих индивидуальностей, как реализация творческого потенциала в совокупном результате их созидающей деятельности. Мир же нравственной активности личности, ее духовно-нравственной культуры – высший уровень проявления творческой активности; это личное творчество во имя Добра и всеобщего Блага, которое, перерастая в транссубъективную форму, врастает в недра культурно-исторического опыта и служит обогащению, углублению универсального содержания общественной морали.

Показателем нравственности в полной мере ее развития является свобода морального выбора, отражающая возможность личного самоопределения в системе общественных ценностей и способность человека выстраивать линию поведения в соответствии с принципами индивидуальной морали. Социальная норма, детерминированная инстинктом группового самосохранения, ограничена и относительна, индивидуальная нравственность безусловна, поскольку связана со свободой и потенциальной универсальностью человека как трансцендирующего субъекта. Свобода – фундаментальное качество личности, необходимое для ее

плодотворного функционирования и духовного саморазвития. Это – автономность личности, ее независимость от социальных и биологических детерминант, это – власть над собой и обстоятельствами, проявление личной воли в формировании своего отношения к жизни, это – свобода сознания, свобода выбора ценностей, идеалов, духовно-нравственной позиции.

Однако нравственная свобода – это не попрание моральных норм и устоев, а глубоко осознанная, эмоционально принятая необходимость следования общественным требованиям, способность человека поступать осознанно и добровольно, а вместе с тем и абсолютно бескорыстно, т.е. из своей личной потребности действовать по совести и справедливости. Именно отсутствие личной корысти, по признанию ученых, является признаком, обусловливающим психологическое сходство эстетических эмоций и нравственных переживаний, что становится основанием для переноса эстетических определений (категорий, понятий) на нравственные явления.

Высокая степень свободы раскрывает эстетический аспект деятельности, ее эстетическую значимость, эстетический же критерий оценки отражает уровень реализации творческого потенциала, целостность и меру совершенства нравственных деяний. «*Эстетические аспекты проявляются, когда социальный субъект достигает определенной, достаточно высокой, степени свободы в процессе труда, в каком-либо физическом упражнении или в общественном поведении. Только при достижении этой высокой степени свободы человек начинает наслаждаться игрой своих умственных и физических сил, получает возможность создавать и творить прекрасное, испытывая при этом высокое чувство эстетического наслаждения. Подобным же образом эстетический аспект в нравственном поведении человека проявляется, когда он творит добро и борется со злом свободно и*

бескорыстно... Такие важнейшие категории, как «нравственные убеждения», «моральная ответственность», «долг», «совесть», не существуют вне свободной нравственной деятельности и поэтому всегда приобретают эстетическую окраску» (4, 48).

Преодоление корысти, собственного эгоизма (внутреннее принятие общечеловеческих ценностей и добровольное подчинение им своих поступков), с одной стороны, а с другой, осознание и переживание личной свободы волеизъявления и нравственной самореализации возвышают человека, одухотворяют его деятельность. Достижение уровня нравственной свободы является тем этапом социализации, когда духовное развитие личности приводит к гармонизации нравственной и эстетической ее сторон.

Необходимым условием претворения в жизнь морального намерения является наличие должным образом сформированных механизмов морально-волевой саморегуляции субъекта, способности усилием воли управлять собой, подавлять свои негативные, эгоистические импульсы, сомнения и страхи, активизировать внутренние ресурсы для преодоления возникающих на пути достижения цели объективных препятствий. Значение волевых процессов в гармонизации духовной и практической деятельности личности ученыe (3, 85; 8, 264) обосновывают их непосредственной связью с мотивационно-смысловой сферой. Роль морально-волевых качеств как промежуточного звена в системе смысловой регуляции поведения заключается в создании ими дополнительного смысла действия, благодаря чему оно выполняется уже не только ради мотива, но и ради личностных ценностей.

Подчинение деятельности глубинным личностным смыслам делает жизненную позицию человека наиболее прочной и устойчивой: в ситуативных целях, детерминированных конкретно решаемой проблемой, – «мягкий компромисс, в смыслах – твердая нравс-

твенность» (6, 118). Осуществление функции стабилизации жизненной (нравственной) позиции становится возможным в силу феноменологических особенностей смысла. Всегда порождаемые в сложных и многогранных соотнесениях меньшего к большему, целостных ситуаций, актов поведения менее общих к более широкому для них контексту жизни смыслы задают плоскость отношений между мотивами конкретных видов деятельности, самые общие принципы их соотнесения, иерархического соподчинения. Благодаря, главным образом, осознанию и реализации данных принципов, с опорой на смысл как прообраз, эскиз будущего и критерий соответствия принятому эталону нравственности, становится возможной самостоятельная смысловая регуляция личностью процесса своего духовного саморазвития (2, 118-126).

Естественной предпосылкой формирования эстетического компонента индивидуального сознания, а также материальным основанием является природа. Ее имманентным признаком, а вместе с тем и свойством объективно существующей и развивающейся материи признается «красивое». Однако в отличие от «прекрасного» «красота» является более узким понятием. Так, в истории русского и зарубежного искусства мы находим неоднократные обращения к проблеме недопустимости отождествления этих весьма близких, но не однозначных понятий (В.Вересаев «Состязание», О.Бальзак «Неведомый шедевр», Н.Заболоцкий «О красоте человеческих лиц» и др.). Прекрасное как фундаментальная категория эстетики не означает лишь превосходную степень красивого (т.е. прекрасное), а характеризует явления с точки зрения единства их содержания и формы. Если красивое в природе – лишь совершенная форма, то основу прекрасного составляют гармония внешней формы и внутреннего содержания, особая соразмерность, пропорциональность, упорядоченность всех

частей целого. Красивое в природе нравственно нейтрально, оно лишено какого бы то ни было этического содержания, т.к. отношения между животными регулируются биологическими законами и инстинктами. Прекрасное же представляет собой «общественно-человеческую ценность» (13, 217), выступает как органическое единство природного и общественного. Смысл данного определения раскрывается при учете социального характера отношений индивида к окружающему миру. Включенность индивида в систему межличностных отношений обусловливает необходимость регуляции деятельности и поведения исходя из принятых в данном социуме норм, идеалов и принципов. Нравственность человека, отражающая усвоение значения социальных ценностей на психологическом уровне, определяет его родовую сущность как представителя человеческого сообщества и является ядром, системообразующим центром в иерархии личностных качеств. Поэтому ценностное восприятие человека всегда опосредовано его социальной природой. Так человек как существо социальное в переживаемую гармонию и красоту форм природы вносит жизненное содержание, так объективно-эстетическое, отраженное в индивидуальном сознании синтезируется с нравственным, приобретая выраженную морально-этическую окраску и свойства прекрасного. Прекрасное, таким образом, выступает как единство природной гармонии и человеческой нравственности. Сознание, будучи высшей понятийной формой отражения человеком окружающей действительности, запечатлело смысловое единство нравственного и эстетического в содержании ряда категорий. Помимо представленной ранее категории прекрасного, к ним относятся такие, как возвышенное, низменное, героическое, добро и др.

Как видим, в процессе развития эстетического отношения человека к действительности происходит сбли-

жение, переплетение, взаимопроникновение нравственной и эстетической сторон его сознания. Нравственное выступает как неотъемлемая часть эстетического, вместе с тем критерий прекрасного переносится индивидом в сферу общественной жизни. Культура поведения, эстетика общения, гармоничность отношений, возвышенность чувств, красота души, искусственная работа, вдохновенный труд и т.п. – это понятия, отразившие результат взаимопроникновения нравственно-го и эстетического в сферу социальных явлений. Через данные понятия объективируется основа рассматриваемого взаимодействия: это явления духовной жизни общества и человека (культура, поведение, труд, общение, художественное творчество и т.д.), которые в потенциале могут обладать и эстетической, и этической ценностью, что делает возможным применение к ним единой нравственно-эстетической оценки. Как особый вид оценочных суждений она устанавливает соответствие значимости свойств объекта сформировавшейся у личности потребности в прекрасном, а также сложившемуся нравственно-эстетическому отношению к действительности. Данное отношение характеризуется как личностно-избирательный подход, сугубо индивидуализированная расположленность к высшим духовным ценностям и в определяющей степени обусловлено наличием единого психологического механизма целостного нравственно-эстетического отражения окружающего мира, нацеливающего на постижение ценностного значения объекта через выявление их сущности.

Применительно к характеристике внутреннего мира человека, единая нравственно-эстетическая оценка наиболее уместна и адекватна в случае, когда нравственное в полной мере своего развития проявляет себя как эстетическое и вызывает соответствующую эмоциональную реакцию, сочетающую в себе и моральное удовлетворение, и эстетическую радость.

Целостная нравственно-эстетическая характеристика предполагает выявление внутренних побудительных причин, истинной мотивации поведения человека, а также соизмерение ценностно-смыслового содержания личного с позиций общечеловеческого блага.

На личностном уровне взаимодействия эстетическое не ограничено функцией транслятора высоконравственного: не только является его, т.е. служит формой выражения соответствующего содержания. Эстетическое характеризует уровень и меру творческого освоения нравственного, обеспечивающего свободу самоопределения и волеизъявления личности. Представление о прекрасном как критерии совершенного в сфере человеческих отношений становится мощным стимулом процесса нравственного саморазвития личности, служит ориентиром ее духовного возвышения. Утвердившись в индивидуальном сознании, данное представление определенным образом детерминирует линию поведения человека: оно обогащает мотивацию, пробуждает стремление к воплощению идеи прекрасного в жизнь. Развитое чувство прекрасного как фактор, регулирующий деятельность людей, совпадает с требованиями высокой морали и в своей единонаправленности усиливает их значимость в ситуации морального выбора, помогая преодолеть человеку его внутренние противоречия, страхи, эгоизм.

Совершенствуя чувственную сферу индивида, эстетическое развивает и его эмоциональную отзывчивость, душевную чуткость, которые, как известно, являются сердцевиной акта межличностного общения, и это – также важная сторона его (эстетического) влияния на нравственное. Способность гармоничной, эстетически развитой личности дифференцировать прекрасное от проявлений уродливого, ее вкусовые предпочтения и симпатии служат надежным барьером, отвращая от всего, что чуждо, противно человеческой природе. В этой своей функции

эстетический вкус сходится с таким важнейшим механизмом внутренней нравственной саморегуляции личности, как совесть: «*при угрызениях совести одновременно страдает и эстетический вкус человека*». Во многом благодаря этой связи «*достигается нравственно-эстетическое единство внутреннего мира личности*» (7, 90).

Как видим, динамика развития функциональной связи нравственного и эстетического выражается в тенденции перехода от их взаимовлияния к взаимопроникновению. Данные процессы мы наблюдаем и в момент установления ценностно-избирательного отношения человека к отражаемым явлениям, непосредственно проявляющемся в эмоционально-оценочной форме через сближение нравственных и эстетических чувств, оценок, как это было представлено выше. Аналогичный механизм срабатывает и в ответственный момент принятия решения в ситуации морального выбора, когда, по описанию Б.Ф.Сикорского, «*эстетический вкус все в большей степени «проецируется» на нравственные отношения*» и в качестве первоначальной реакции человека на определенные явления начинает играть роль «*пускового механизма*» для актуализации соответствующих нравственных регуляторов линии поведения (7, 90). На уровне же ценностно-смысловых ориентаций личности нравственное и эстетическое составляют нерасторжимое единство.

Таким образом, можно констатировать, что в процессе духовного развития личности нравственная и эстетическая ее стороны не существуют автономно, а пребывают в состоянии постоянного взаимодействия, взаимовлияния. Диалектический характер данного явления, обусловленный закономерностью целостности психического отражения индивидом многообразия проявлений окружающей действительности, приводит к слиянию нравственного и эстетического, образуя неделимую динамическую структуру человеческого

сознания. Нравственная сторона сознания эстетизируется, эстетическая – морализируется, образуя органическое единство, неделимый динамический механизм нравственно-эстетического освоения индивидом окружающей действительности. Сформированность данного психологического феномена обуславливает духовное саморазвитие личности и обнаруживает себя в процессе деятельности, особо, если она протекает на уровне творчества: человек преобразует свой внутренний мир и окружающую действительность по законам красоты. Об образовании единой нравственно-эстетической структуры индивидуального сознания свидетельствует наличие таких ее компонентов, как нравственно-эстетические потребности, чувства, оценки, взгляды, убеждения, идеалы и т.д. На общность и функциональное единство отдельных структурных компонентов нравственной и эстетической сторон индивидуального сознания в процессе саморазвития личности указывают Михеева И.Н., Джидарьян И.А., Калинников Л.А., Осипова Т.Г. и др. Причем важным моментом в их изысканиях является общий вывод о том, что такое взаимодействие способствует формированию целостности личности, ее духовной зрелости. Разрабатывая проблему стадийности личностного развития индивида, ученые, имеющие оригинальную концепцию и индивидуальный подход к ее решению (Кольберг, Б.С.Братусь, Д.А.Леонтьев, В.И. Слободчиков), однако сходятся во мнении, что развитие личности есть восхождение ее к духовным ценностям, и указывают на высший, почти недосягаемый уровень самосовершенствования, где непременно смыкаются нравственное и эстетическое, образуя незыблемый пласт универсальных потенций.

Обобщая вышеизложенное, следует сделать следующие выводы:

- духовное развитие личности связано в первую очередь с формированием ее ценностно-смысловой сферы;

– важнейшие вехи данного развития свидетельствуют об объективном характере взаимодействия нравственной и эстетической сторон личности;

– активный, творческий характер формирования индивидуальной морали, обеспечивающей автономность

личности, свободу ее волеизъявления и устойчивость жизненной позиции, отражает эстетический аспект нравственного развития;

– через восхождение к единым нравственно-эстетическим ценностям осуществляется духовное развитие личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горанов К. Сущность и цели эстетического воспитания // Эстетическое воспитание студентов. – М.: Высшая школа, 1980. – С.17-33.
2. Зейгарник Б.В., Братусь Б.С. Очерки по психологии аномального развития личности. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1980. – С.151.
3. Иванников А.А. Психологические механизмы волевой регуляции. – М., 1991. – С.85.
4. Лармин О.В. О взаимосвязи нравственного и эстетического воспитания // Актуальные проблемы теории и практики нравственного воспитания студентов. – Л.: ЛГУ, 1978. – С.46-53.
5. Лармин О.В. О соотношении нравственного и эстетического воспитания // Проблемы нравственного воспитания. – М.: МГУ, 1977. – С.168-201.
6. Пономаренко В.А. В праведности жизни – смысл наших предназначений // Антология современной психологии / Ежегодник Рос. псих. об-ва, т.7, вып.3. Казань, 2001, с.117-126.
7. Сикорский Б.Ф. Нравственное и эстетическое в жизнедеятельности людей. – М., 1985.
8. Слободчиков В.И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности / В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев. – М.: Школа-Пресс, 1995. – С.384.
9. Сухомлинский В.А. Избранные педагогические соч. В 3-х т. Т.1. – М., 1979.
10. Титаренко А.И. Структура нравственного сознания. – М.: Мысль, 1974.
11. Толстых В.И. Мораль и искусство. – М.: Политиздат, 1973.
12. Фортова А.И. О диалектическом единстве нравственного и эстетического. – Киев, 1985.
13. Эстетика (словарь). – М., 1989.
14. Этическое и эстетическое . – Л.: ЛГУ, 1971.

Аннотация

В статье поднимается проблема необходимости повышения уровня воспитательной работы среди молодежи. Одним из перспективных направлений данной работы является преодоление разрыва между нравственным и эстетическим воспитанием. Данное положение в статье обосновывается исходя из методологии единства нравственного и эстетического, а также психологической закономерности целостного отражения индивидом окружающей действительности.

Ключевые слова: духовное развитие, нравственное, эстетическое, единство нравственного и эстетического, свобода морального выбора, самоопределение личности, ценностные ориентации, совершенствование воспитательного процесса, единый нравственно-эстетический компонент индивидуального сознания, целостность личности.

Summary

The article is about the necessity of raising in level the educational work among the youth. One of the promising areas of the work is overcoming the break between moral and aesthetic education. The author proves this thesis basing on the methodology of unity of moral, aesthetic and psychological regularity of man's complete reflection of reality.

УДК 81:372.8

РЕАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСАХ ПО ТАТАРСКОМУ ЯЗЫКУ

К.С. Фатхуллова, кандидат педагогических наук, доцент

Как отмечается в методической литературе, «средства обучения – это своеобразное связующее звено между учеником и учителем. Наряду с методами и организационными формами работы они способствуют успешной реализации целей обучения»¹.

Основным средством обучения татарскому языку является программа общеобразовательной школы, построенная на сознательно-коммуникативном и личностно-ориентированном подходах². Она формулирует цели и задачи обучения, регламентирует отбор языкового и речевого материала для практического усвоения учащимся на протяжении всего школьного курса, так как «... от качества программы в значительной степени зависит и качество других средств обучения, а значит и сама организация педагогического процесса»³.

Согласно программе, обучение татарскому языку как неродному включает в себя овладение основными видами речевой деятельности – аудированием, говорением, чтением, письмом. Учебный процесс строится с учетом принципов практической направленности обучения, активной речевой деятельности, устной основы обучения чтению и письму. Темы для развития связной речи и чтения, представленные в программе, выбраны с учетом познавательно-коммуникативных интересов учащихся на разных этапах обучения и направлены на информирование школьников о национальных традициях, культуре и искусстве, ли-

тературе и истории, выдающихся личностях татарского народа. Программа акцентирует внимание учителей на таких важных методических положениях коммуникативной методики, как функциональный подход к отбору лексико-грамматического материала; ситуативно-тематическое представление учебного материала и усвоение его на синтаксической основе; концентрическое расположение учебного материала и выделение этапов обучения; учет специфических особенностей родного (русского) языка учащихся.

В настоящее время на основе выше-названной программы нами разработаны учебно-методические комплексы (УМК) по татарскому языку для русских школ, которые включают в себя учебник, методическое руководство для учителей, рабочую тетрадь для учащихся. Они направлены на решение следующих лингвометодических задач:

- развитие и совершенствование навыков употребления лексико-грамматических единиц в устной и письменной речи;
- привитие умений последовательно передавать свои мысли при общении на татарском языке;
- практическое усвоение и систематизация лингвистических знаний учащихся по фонетике, лексике, грамматике с учетом таких специфических явлений татарского языка, как закон сингармонизма; фиксированное словесное ударение, временные формы глагола; склонение имен существи-

тельных с аффиксами принадлежности; изафетные конструкции; аналитические формы глагола, послелоги и послеложные слова; сложноподчиненные предложения синтетического типа и т.д.;

- приобретение необходимого словарного запаса за счет изучения активной лексики по предложенным темам, а также синонимов, антонимов, омонимов и наиболее употребляемых фразеологических единиц;

- пробуждение у школьников интереса и положительной мотивации к изучению татарского языка;

- приобщение учащихся к духовной культуре татарского народа.

Таким образом, УМК предстает как подсистема, обусловленная целями и содержанием учебного предмета, методами и средствами обучения и педагогическим процессом, которая направлена на формирование у школьников коммуникативной компетенции. В настоящее время в лингвометодике выделяют несколько составляющих коммуникативной компетенции: 1) лингвистическая, 2) социолингвистическая, 3) дискурсивная, 4) стратегическая, 5) социокультурная, 6) социальная⁴. Следовательно, при изучении татарского языка учащиеся должны овладеть определенным уровнем коммуникативных умений в устной и письменной речи, а также навыками говорения на изучаемом языке с учетом конкретной ситуации общения.

Остановимся на тех примерах, которые содержатся в учебниках татарского языка и позволяют в той или иной степени сформировать у учащихся коммуникативные умения. Формирование лингвистической компетенции предполагает, в первую очередь, практическое усвоение фонетического, лексического, грамматического минимумов неродного языка. Для этого на уроках необходимо в методическом плане правильно организовать изучение языкового материала. Разработанные нами учебники татарского языка для русских школ содержат практи-

ческие сведения по фонетике, лексике и грамматике с конкретными примерами. После ознакомления с данными правилами учащиеся выполняют языковые упражнения, направленные на активное усвоение лексико-грамматического материала. Можно привести следующие задания, представленные в учебниках татарского языка: 1) Прочитайте текст, найдите фразеологические единицы и объясните их значение; 2) Прочитайте слова и скажите, которые из них произносятся твердо, а которые – мягко; 3) Прочитайте предложение и по данному образцу составьте предложения с аналитическими глаголами со значением желания и т.д. Как показывает опыт преподавания татарского языка в русской школе, кроме этих заданий следует использовать упражнения, направленные на выработку умений употреблять языковые единицы в диалогической или монологической речи. Например, 1) Расскажите о своей семье, используя существительные с аффиксами принадлежности; 2) Составьте диалог о посещении музея Г.Тукая, используя глаголы в прошедшем определенном времени; 3) Подготовьте сообщение о выдающихся представителях татарского народа, используя глаголы в прошедшем неопределенном времени; 4) Расскажите о своем летнем открытии, используя сложноподчиненные предложения, и т.д. Применение таких заданий, несомненно, способствует углублению лингвистических знаний учащихся и выработке навыков их употребления в речи.

При изучении татарского языка, помимо лингвистической компетенции, учащиеся овладевают и социолингвистической компетенцией, которая предусматривает формирование способности к речевому общению в соответствии с определенной коммуникативной ситуацией. С этой целью в учебниках даны образцы диалогов, в которых представлены наиболее употребительные в татарской речи грамматические структуры, устойчивые

выражения, необходимые для ведения разговора. Они представлены в следующих рубриках: 1) «Давайте поговорим»; 2) «Говорим по-татарски»; 3) «Образцы татарского речевого этикета» и т.д. Учитель может использовать их в различных целях, например, для выразительного чтения диалога по ролям; заучивания наизусть; составления диалога по аналогичной ситуации и т.д. В учебниках содержатся также многочисленные ситуативные задания, направленные на развитие навыков диалогической речи: 1) Продолжите начатый диалог; 2) Составьте диалог о режиме дня; 3) Прочитайте диалог, подставляя нужные реплики; 4) Организуйте полилог об изучении языков и т.д.

Дискурсивная компетенция предусматривает формирование у учащихся способности логично, последовательно и убедительно излагать свои мысли на татарском языке по заданной ситуации или изученной теме. Уже в начальной школе учащиеся должны научиться строить высказывание на татарском языке в соответствии с речевой ситуацией. С этой целью в учебниках включены задания следующего типа: 1) Продолжите предложение; 2) Придумайте начало предложения; 3) Составьте рассказ по рисунку; 4) Придумайте конец монолога; 5) Расположите предложения в логической последовательности и составьте рассказ и т.д. В старших классах учащимся можно предложить более сложные задания, связанные с изучаемыми лексическими темами. Например, 1) Придумайте и запишите вопросы, которые вы задали бы как журналист при встрече с Президентом Республики Татарстан; 2) Составьте рассказ о том, как вы поздравили бы выпускников вашей школы, если бы были директором школы; 3) Расскажите о школьном празднике, выразив к нему свое отношение, и т.д. Как видно, выполнение таких заданий требует от учащихся самостоятельной подготовки, коммуникативной и творческой активности.

Стратегическая компетенция направлена на то, чтобы учащиеся практически овладели навыками получения и передачи информации, научились быстро находить нужные слова или грамматические конструкции при общении. Поэтому учителю необходимо помнить, что следует учить детей пользоваться вербальными и невербальными средствами общения. К вербальным средствам мы относим употребление синонимичных форм; обращение к собеседнику с просьбой о помощи оказания содействия в выборе нужных языковых форм и т.д. К невербальным средствам общения относятся жесты, мимика, интонация, смысловые паузы и т.д. При составлении диалогических и монологических высказываний учащиеся должны научиться использовать и эти средства общения, чтобы их речь носила живой характер и была близка к реальному общению. С этой целью мы предлагаем использовать на уроках ситуативные задания, как можно больше приближенные к условиям реального общения: 1) Вы заболели. Вам нужно позвонить в поликлинику и вызвать врача. Составьте диалог по данной ситуации; 2) Составьте диалог о покупке платья на выпускной вечер; 3) Представьте, что к вам в школу приехала делегация американских школьников, среди которых есть и представители татарской диаспоры. Расспросите их о зарубежных татарах; 4) Расскажите о праздновании Сабантуй в вашем городе (районе) и т.д. Формированию стратегической компетенции могут служить и диалоги, содержащиеся в учебниках. Заучивание наизусть и воспроизведение этих диалогов помогают учащимся практически усвоить различные реплики, необходимые для ведения разговора на татарском языке (вопрос, переспрос, повторный вопрос, согласие, несогласие, просьба, предложение, удивление, радость и т.д.).

При обучении татарскому языку необходимо формировать у учащихся и социокультурную компетенцию, которая предусматривает развитие

способности к речевому общению с учетом национально-культурных особенностей татарского народа и правил этикета. Эта разновидность коммуникативной компетенции тесно связана с такими понятиями, как «лингвострановедение», «лингвокультурология». Эти два понятия вбирают в себя знания о духовной культуре народа, которые усваиваются в процессе изучения языка. Следовательно, на уроках татарского языка учащиеся должны получать сведения о достижениях татарского народа и практически усвоить те лексические единицы, которые служат для обозначения национальной одежды, блюд, праздников, обычаев и исторических событий и т.д. В связи с этим мы включили в учебники тексты, которые дают возможность представить и понять национальные традиции татарского народа (отрывки из литературных произведений; научно-популярные тексты из периодической печати, учебные тексты и т.д.). В учебниках также широко представлены образцы устного народного творчества (пословицы, поговорки, приметы, загадки, скороговорки). В качестве примеров можно привести следующие задания: 1) Прочтите приметы. Найдите глаголы условного наклонения и переведите их; 2) Прочтайте пословицы. Укажите сложноподчиненные предложения; 3) Прочтайте пословицы. Назовите их русские эквиваленты; 4) Произнесите правильно скороговорку.

Как отмечают многие авторы, в современных учебниках необходимо еще шире использовать коммуникативно-ориентированные технологии, которые предполагают создание ситуаций инициативного общения. Они делают знания, необходимые для усвоения, личным достоянием каждого ученика. Без этих знаний ученик не может удовлетворить свои потребности в речевом общении. Поэтому главным при использовании таких технологий являются моделирование и реализация ситуаций, стимулирующих речевую инициативу учащихся⁵.

Система обучения говорению в различных коммуникативных ситуациях, представленная в учебниках татарского языка, состоит из нескольких этапов. Например, обучение диалогической речи необходимо организовать в следующей последовательности: знакомство с диалогическим образом и воспроизведение его вслед за учителем или диктором; выполнение упражнений, нацеленных на подбор подходящей реплики из данных вариантов; подбор реплики-реакции к реплике-стимулу; составление диалогического единства по образцу или заданной схеме; развертывание реплики; замена тех или иных реплик; продолжение диалога по данному началу и т.д. Что касается монологической речи, учитель должен использовать такие формы, как составление связного высказывания по заданной теме или предложенной ситуации: описание, сравнение, пересказ прослушанного или прочитанного, составление рассказа по рисунку, по образцу, по плану, по данному началу и т.д. При этом важно научить школьников выражать свое отношение к теме сообщения и отстаивать свое мнение, логично и последовательно излагать свои мысли. Этапы обучения монологической речи должны включать составление высказывания на уровне фразы, сложного синтаксического цеплого и связного текста.

Как показывает опыт обучения татарскому языку как неродному, учителю важно творчески подходить к системе упражнений, представленной в учебниках, т.е. вносить индивидуальные корректировки, приспособливая задания к определенным условиям работы, упрощая или усложняя их. Не менее важно учитывать уровень знаний учащихся, стараться сделать обучение языку более информативным и содержательным, привлекать дополнительные страноведческие материалы, чтобы усилить воздействие на личность школьника средствами изучаемого языка. Для этого он должен уметь выбрать из многообразия заданий, содер-

жащихся в учебниках, именно те, которые востребованы в этой конкретной ситуации, или же видоизменять их, используя свой творческий потенциал и опыт работы. Только в этом случае учебник предстает как средство, направленное на организацию педагогического процесса и достижения целей обучения.

В последние годы происходят существенные изменения в области обучения неродным языкам. Они освещены, в первую очередь, в русской версии монографии «Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка», которая была опубликована в 2005 г. и рекомендована Министерством образования и науки РФ учителям иностранных языков общеобразовательных школ, а также преподавателям высших учебных заведений⁶. В ней нашли отражение наиболее актуальные вопросы современной лингводидактики, в том числе полилингвизм, оценка уровня обученности иностранному языку, виды коммуникативной деятельности, темы общения, разработка программ обучения и т.д. Среди них наиболее важным, на наш взгляд, является проблема создания системы уровней знания языка. В настоящее время определены 3 таких уровня: 1) элементарный уровень (A); 2) уровень самостоятельного использования языка (B); 3) уровень свободного использования языка (C). Каждый из этих уровней подразделяется на 2 подвида, а в целом указываются 6 уровней владения языком. Как считают авторы этой концепции, уровень знания того или иного языка должен определяться на основе международных стандартов. Только в этом

случае можно объективно оценить знания обучающихся, независимо и от места обучения, и от средства обучения. Вот почему одним из актуальных вопросов татарской лингвометодики являются разработка и внедрение в учебный процесс средств обучения, имеющих коммуникативную направленность и отвечающих современным стандартам.

Анализ основных средств обучения татарскому языку в русской школе позволяет сделать вывод о том, что в дальнейшем необходимо совершенствовать учебно-методические комплексы с тем, чтобы учащиеся могли овладеть коммуникативными единицами татарского языка. Все это побуждает нас обобщать накопленный опыт при переиздании учебников татарского языка, тем более что в последние годы в методической литературе не раз подчеркивалось, что необходимо учить детей не запоминанию правил и определений, не грамматическому разбору и письму диктантов, а ориентировать их на практическое овладение языком.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что результаты учебно-воспитательного процесса по всем предметам зависят во многом от того, насколько он обеспечен разнообразными средствами обучения, а также от мастерства учителя, который эти средства использует. Правильный выбор средств обучения, подходящих по объему и характеру языкового, ситуативно-тематического и лингвострановедческого материалов, должен способствовать повышению качества и результативности обучения татарскому языку как государственному языку Республики Татарстан.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Обучение русскому языку в школе: Учебное пособие / под ред. Е.А.Быстровой. – М.: Дрофа, 2004. – С.194.

² Программа по обучению татарскому языку русскоязычных учащихся. 1–11 классы /Составители Ф.С.Сафиуллина, К.С.Фатхуллова. – Казань: Магариф, 2003. – 63 с.

³ Бим И.Л. Методика обучения иностранным языкам как наука и проблемы школьного учебника / И.Л.Бим. – М.: Русский язык, 1977. – С.42.

⁴ Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: Базовый курс лекций / Е.Н.Соловова. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 2003. – С. 9-11.

⁵ Габдулхаков В.Ф. Современная языковая коммуникация и технология развития речевой деятельности в условиях билингвизма/ В.Ф.Габдулхаков. – Казань, 1999. – С.11.

⁶ Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка. – М.: МГЛУ, 2005. – 247 с.

Аннотация

Одним из актуальных вопросов татарской лингвометодики являются разработка и внедрение в учебный процесс средств обучения, имеющих коммуникативную направленность и отвечающих современным стандартам. Анализ основных средств обучения татарскому языку в русской школе позволяет сделать вывод о том, что в дальнейшем необходимо совершенствовать учебно-методические комплексы с тем, чтобы учащиеся могли овладеть коммуникативными единицами татарского языка. Необходимо учить детей не запоминанию правил и определений, не грамматическому разбору и письму диктантов, а ориентировать их на практическое овладение языком.

Ключевые слова: обучение татарскому языку как неродному, лингвометодические задачи, виды речевой деятельности, учебник татарского языка, система уровней знания языка, полилингвизм, лингвометодика.

Summary

One of the urgent problems of Tatar linguistic methods is working out and application of the training aids having the communicative directivity and satisfying modern standards into educational process. The analysis of the main means of teaching the Tatar language in Russian school allows concluding that in future it is necessary to improve educational methodical complexes so that pupils can master the communicative units of the Tatar language. It is necessary to teach children not to remember rules, definitions, grammatical analysis and writing of dictations, but to direct them at the practical application of the language.

УДК 81:372.8

ВОСПРИЯТИЕ И ПОНИМАНИЕ ТАТАРСКОЙ РЕЧИ НА СЛУХ: ТИПОЛОГИЯ УПРАЖНЕНИЙ

*Д.Р. Шарифуллина, аспирант
Казанского государственного университета*

Навыки восприятия речи на слух играют ключевую роль в формировании коммуникативной компетенции учащихся на уроках татарского языка. На начальном этапе, когда младшие школьники учатся составлять свои первые предложения, система упражнений на развитие навыков аудирования приходит на помощь учителю в формировании необходимого механизма внутреннего проговаривания, который в свою очередь участвует в формировании произносительных навыков ученика. Согласно Л.С. Выготскому, этот механизм называется *внутренней речью*¹.

Включая систему упражнений для обучения аудированию в план занятий, учителю следует учитывать следующие требования: упражнения должны соответствовать лингвистическим сложностям аудиосообщения; по возможности, они могут быть основой для развития других видов речевой деятельности, в первую очередь, говорения; они должны быть нацелены непосредственно на формирование умений и навыков аудирования.

В отечественной лингвометодике принято различать две подсистемы упражнений: подготовительную (или тренировочную) и речевую (или коммуникативную)².

Подсистема **тренировочные упражнения** является основой для речевой деятельности и средств ее осуществления. Понимание услышанного в таких упражнениях остается на втором плане. Ученики мотивированы

ны напрягать слух, прислушиваться и учиться различать различные звуки, комбинации звуков и интонационные модели. Эти упражнения нацелены на развитие навыков восприятия речи на слух, они обеспечивают техническую сторону аудирования, преодоление психологической сложности смыслового восприятия, развитие умения логико-смысловой обработки знаков более низкого уровня – от слов к микротекстам. В качестве примера тренировочных упражнений можно привести следующие:

1. Повторение татарской речи за диктором/учителем.

Это упражнение считается базовым. Его необходимо включать в планы уроков татарского языка в начальных классах, так как оно развивает все механизмы аудирования, которые эффективно тренируются при синхронном проговаривании. Такие упражнения используются даже при подготовке переводчиков-синхронистов. Слова или предложения можно повторять в паузу или синхронно на том же языке. Например:

а) Прослушайте пары слов и повторяйте за учителем в паузы, обращая внимание на произношение звуков [к] и [х].

хүп – күп	как – хак
хат – кат	хас – каз
кан – хан	

б) Слушайте и повторяйте вслух за учителем.

- Чәчәкләр миңа кирәк. Миңа чәчәкләр кирәк.

• Син театрға әни белән бардыңмы? Син әни белән театрға бардыңмы?

• Чәк-чәк белән чәчәк – уқытучы осталенә. Уқытучы осталенә – чәк-чәк белән чәчәк.

в) Прослушайте стихотворение два раза, попробуйте рассказать его по памяти.

*Борауны борам, борам,
Борам, остара барам!
Боравымны кулдан алып,
Колакны борды бабам.*

(Ш. Галиев)

2. Упражнения на развитие речевого слуха.

Речевой слух – это важнейший среди механизмов аудирования. Он обеспечивает восприятие устной речи, деление ее на синтагмы, словосочетания, слова. Выделение единиц восприятия речи, их различие и узнавание их характерных признаков возможны лишь при наличии хорошо натренированного речевого слуха³. Примеры упражнений:

а) Прослушайте пары слов, поднимите руку, когда услышите слово со звуком [ж].

җил – чир	чир – жир
чиләк – җиләк	ян – жсан

б) Определите на слух рифмующиеся слова, отметьте их цифрами, например:

хәл – тел – тән – шәл (1, 4)

в) Прослушайте пары слов, подчеркните слово на татарском языке:

май – май [ма'й]
бал [ба'l] – бал
пар – пар [па'r]

г) Прослушайте предложения, подчеркните верное слово:

- Агачның йоны/жсаны бар ми-кән? – дип сорады энем.

- Кәефе начар булганга, күршие кызытын гына жырлы/елый иде.

- Язғы кар/kyr, гадәттә, соры тошта була.

- Нәкъ Казан артында бардыр бер авыр/авыл – «Кырлай» диләр. (Г.Тукай)

д) Прослушайте предложения, обращая внимание на интонацию. Изобразите интонацию стрелочкой:

- Ул укучымы? Эниң мондамы?
- Кил монда! Утыр. Күнегүне эшлә.
- Син нишләп өй эшен эшләмәдөн?

Син кем белән урамга чыгасың?

3. Упражнения на тренировку механизма вероятностного прогнозирования.

а) Подберите определения к существительным: кыз, укучы, алма, эши.

б) Составьте наиболее типичные словосочетания в рамках конкретной ситуации. Например, по теме «Летний лагерь» учащиеся могут составить следующие типичные выражения: күчелле ял итү, уеннада катнашу, спорт уеннары уткәру, урманга бару, су коену, эти-энине сагыну и т.д.

4. Упражнения на тренировку памяти.

а) Запомните все даты (имена, географические названия), прозвучавшие в тексте, и повторите их в той же последовательности.

б) Прослушайте слова и повторите лишь те из них, которые относятся к теме «Ашамлыклар».

в) Прослушайте словосочетания, составьте из них одно предложение: кызыклы спектакль, матур күлмәк, эти белән әни.

Речевые упражнения.

Эти упражнения учат устранять проблемы в понимании за счет прогнозирования на уровне текста, делить аудиотекст на смысловые части и определять основную их мысль, объединять разрозненные смысловые куски в аудиотекст, приспособливаться к индивидуальным особенностям говорящего, к различным темпам и условиям предъявления аудиоматериала, приближают учащихся к естественному речевому общению. Другими словами, речевые упражнения можно назвать упражнениями на развитие навыков понимания речи на слух. Именно эти упражнения могут использоваться учителем в качестве «трамплина» к работе над навыками говорения. На

начальном этапе обучения татарскому языку творческий подход учителя к использованию речевых упражнений может значительно повысить интерес учащихся к изучаемому языку. Среди наиболее активно используемых упражнений можно привести следующие:

1. Прослушивание (реакция или ответ учащихся на услышанное необязательна).

В жизни бывают ситуации, когда слушающий не реагирует на услышанное (информация на радио и телевидении, объявления на вокзалах и т.д.). Кроме того, такие упражнения дают возможность учащимся сфокусироваться исключительно на процессе восприятия и понимания информации, а учителю – включать в уроки прослушивание цельных аудиотекстов в исполнении носителей татарского языка. Учителя средних школ привыкли работать с аудиотекстами только для контроля уровня навыков школьников. Однако прослушивание фрагментов аудиосообщений можно использовать как при введении в новую тему, так и при подведении итогов по пройденной теме. Задача учителя заключается в удержании внимания школьников на прослушиваемом сообщении. Креативность, использование визуальных опор, схем, интересных сюжетов в текстах помогут учителю справиться с этой задачей. Приведем примеры некоторых упражнений.

а) Песни. Песни часто успешно используются учителями татарского языка в начальных классах. С одной стороны, прослушивание и пение песен добавляют элемент развлечения и компонент национальной культуры в процесс изучения языка, с другой стороны, ученики запоминают новые слова и словосочетания из слов песни.

б) Прослушивание уже знакомых текстов, например, диалогов, стихотворений. Слушающий не думает о значении новых слов, грамматических форм, когда текст ему знаком. Он воспринимает текст целиком, запоминает

intonационные модели, произношение сложных слов.

в) Описание картины или фотографии. Например, после изучения послесложных слов места (*артында*, *алдында*, *остендо*, *янында* и т.д.) учитель показывает классу фотографию комнаты или улицы и читает ее описание, рассказывающее о расположении предметов на фотографии относительно друг друга.

Также можно подготовить портретные фотографии нескольких человек разного пола и возраста. Учитель читает краткое описание каждого из них, ученики слушают, рассматривают фотографии и определяют, о ком говорится в тексте.

г) Британский методист П.Ур предлагает использование карт, схем и диаграмм⁴. Ученикам показывают карту местности, города, схему расположения отделов в универмаге и т.п. Учитель зачитывает текст или включает аудиозапись текста по рисунку. Ученики прослеживают по карте или схеме, как развиваются события, описанные в тексте. П.Ур подчеркивает, что такие диаграммы и карты лучше не использовать в начальных классах, т.к. у младших школьников еще плохо развита способность понимать изображения в символах.

2. Восприятие информации на слух и проявление реакции на услышанное.

В этой подгруппе упражнений предъявляются недлинные монологи или диалоги, а также отдельные предложения. Ученики дают короткий ответ-реакцию, согласно заданию. Такие упражнения часто могут иметь игровой характер, чем особенно интересны на уроках у младших школьников.

а) Учитель раздает ученикам карточки со словами по пройденной теме (например, цвета, животные, учебные принадлежности) и читает короткие предложения, в каждом из которых есть одно из этих слов. Ученики поднимают вверх карточку с нужным словом.

б) «Зарядка». Учитель называет глаголы: *басыгыз, утырыгыз, уңга борылыгыз, сүл кулны күтәрегез* и т.д. Ученики выполняют команды.

в) «Найди ошибку». Например, после завершения изучения послесложных слов (*артында, алдында, өстенәндә* и т.д.) учитель показывает классу фотографию комнаты и читает вслух ее описание, описывающее расположение предметов на фотографии относительно друг друга, но делает несколько ошибок. Задача учеников – услышав неправильные предложения, поднять руку, исправить ошибку.

На среднем этапе изучения языка вместо картинки уже можно предлагать раздаточные тексты, где в нескольких местах допущены ошибки. Учащиеся несколько раз прослушивают аудиозапись или речь учителя и исправляют фактические ошибки в тексте.

г) Диктант рисунка. Это упражнение будет интересно ученикам младшего возраста. Учитель читает короткий текст, ученики зарисовывают описанные в тексте предметы. Например, *Менә бакча. Бу – алма бакчасы. Монда алмагачлар усә. Алмагачларда алмалар усә. Алмалар кызыл һәм сары. Бер алмагач янында кечкәнә кыз тора. Аның исеме Алсу. Алсу алмалар жыяя. Ул алмалар жыяярга яратта. Инде бер зур чиләк алма жыйиды. Алсу елмая, ул бәхетле. Ул әнисенә алмалар жыяярга бұлышты.*

д) «Верно/неверно». Это широко известный тип упражнений, когда ученикам предъявляется утверждение, а они должны определить, верно оно или нет. Ученики могут записывать в тетрадях «әйе» или «юк» напротив номера прочитанного предложения или поднимать карточки разного цвета, например, зеленый как «верно» и красный как «неверно». Утверждения могут касаться общезвестных фактов (*Балыклар йөзә. Филләр оча*) или пройденной темы (*«Матур» «ямы сезнең» катма-каршиысы. Уқытучыларга ялқау укучылар ошый*) и т.д.

е) Изложение услышанной информации другими словами используется в средних и старших классах. Ученик должен перефразировать текст, используя другие слова изучаемого языка, чтобы выразить ту же самую идею.

ж) Перевод. Это упражнение позволяет учителю быстро определить, смогли ли ученики понять аудиофрагмент.

з) Ответы на вопросы. Рекомендуется использовать при прослушивании аудиозаписей или просмотре коротких видеосюжетов.

3. Упражнения для развития навыков фиксации воспринятой на слух информации.

Эти упражнения предлагаются уже на продвинутом этапе. Часто в жизни воспринятая информация обсуждается, интерпретируется, фиксируется письменно. Поэтому важно развивать умение смысловой обработки услышанной информации⁵.

а) Прослушайте текст, составьте краткий план текста.

б) Оцените прослушанный текст с точки зрения того, что было интересно или неинтересно.

в) Укажите, где можно использовать данные, содержащиеся в прослушанном тексте.

Как видно из приведенных упражнений, формирование навыков аудирования возможно не только при работе с аудиотекстами. Упражнения для развития механизмов восприятия на слух татарской речи необходимо использовать с первого класса. Тем более что, согласно принципу интеграции и дифференциации, развивая любой вид речевой деятельности, мы одновременно совершенствуем и остальные. Упражнения на повторение речи за диктором развивают произносительные навыки, а прослушанное интересное описание картины или предложения по определенной лексической теме могут стать основой для последующего коммуникативного задания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Выготский Л.С. Психология. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. – С.480.

² Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика. – М.: Академия, 2004. – С. 179.

³ Соловьева Е. Н. Методика обучения иностранным языкам: Базовый курс лекций. – М.: Просвещение, 2003. – С.129.

⁴ Ur Penny. Teaching Listening Comprehension. – Cambridge University Press, 1994. – Р.59.

⁵ Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика. – М.: Академия, 2004. – С. 184-185.

Аннотация

Навыки восприятия речи на слух играют ключевую роль в формировании коммуникативной компетенции учащихся на уроках татарского языка. Упражнения для развития механизмов восприятия на слух татарской речи необходимо использовать с первого класса. Согласно принципу интеграции и дифференциации, развивая любой вид речевой деятельности, мы одновременно совершенствуем и остальные. Упражнения на повторение речи за диктором развивают произносительные навыки, а прослушанное интересное описание картины или предложения по определенной лексической теме могут стать основой для последующего коммуникативного задания.

Ключевые слова: восприятие речи, коммуникативная компетенция, аудирование, уроки татарского языка, система упражнений, татарская речь, повторение речи, описание картины, коммуникативные задания.

Summary

The skills of speech perception by ear play a dominant role in the formation of the pupils' communicative competence at the lessons of the Tatar language. It is necessary to use exercises beginning from the first form in order to develop the mechanisms of perception of the Tatar speech by ear. According to the principle of integration and differentiation developing some kind of speech activity we improve other kinds simultaneously. The exercises aimed at the repetition of the announcer's speech develop speech habits and listening to an interesting description of the picture or the sentences devoted to a particular lexical theme may become the basis to the following communicative task.

ХРОНИКА ЖИЗНИ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

9 сентября президент Академии наук Татарстана Ахмет Мазгаров принял участие в открытии Международной научно-практической конференции «Инновационные технологии в геологии и разработке углеводородов».

Татарстан является огромной экспериментальной площадкой, где апробируются и внедряются новые методы поиска и разработки залежей нефти. Об этом заявила государственный советник при Президенте РТ по вопросам недропользования, нефти, газа и экологии Ирина Ларочкина, открывая Международную научно-практическую конференцию «Инновационные технологии в геологии и разработке углеводородов». Несмотря на большую разведенность территории республики, открываются новые месторождения, в основном очень мелкие. В связи с этим возрастает роль наукоемких технологий. «Без науки и с нефтью потемки», – сказала Ирина Ларочкина.

За последние 5-6 лет открыты 48 мелких месторождений и сотни новых залежей в пределах лицензионных территорий нефтяных компаний. В основе этих открытий лежит новая модель тектонической схемы. Все открытия сделаны в основном в восточной и центральной частях Татарстана. Вместе с тем перспективными считаются и западные территории, примером чему служит открытие «Татнефтью» в Рыбно-Слободском районе Шадринского месторождения, сообщила Ирина Ларочкина.

По ее информации, на основе новых геологических данных в Татарстане после 1999 года заново пересчитаны прогнозные ресурсы нефти, которые теперь составляют 1020 млн. тонн. По словам госсоветника, «это пятый миллиард тонн, который лежит на ладони республики» (четвертый миллиард – это запасы категорий А, В, С, С1, С2, С3). Впервые в прогнозной оценке учтены ресурсы высоковязкой нефти, которая составляет четвертую часть прогнозных ресурсов. ОАО «Татнефть» впервые поставило на государственный баланс 21 месторождение природного битума на 40 млн. тонн извлекаемых запасов категорий С1, С2. Говоря об освоении залежей этого вида нефти, Ирина Ларочкина заявила, что в нефтяную историю России войдет начало разработки «Татнефтью» Ашальчинского месторождения.

* * *

Издательство «Фэн» Академии наук Республики Татарстан выпустило в свет две новые книги – это справочник Академии наук Татарстана и большая монография действительного члена академии Р.Х.Муслимова «Особенности разведки и разработки нефтяных месторождений в условиях рыночной экономики».

Последний подобный справочник Академии был издан в 2002 году. За пять лет появилось много новой информации, произошли

некоторые изменения. В новой редакции справочника приведены основные сведения о нынешних членах Академии наук Республики Татарстан. Отдельный раздел содержит сведения о докторах наук, работающих в научно-исследовательских и учебных организациях республики, а также имеется раздел, посвященный членам академии, ушедшим из жизни.

Монография Р.Х.Муслимова содержит богатейший материал. Автор рассмотрел ресурсную базу и показал огромный углеводородный потенциал Земли и нефтегазовые ресурсы различных регионов мира, привел обзор мировых рынков нефти, рассмотрел вопросы стратегии и тактики геологоразведочных работ, особенности освоения нефтяных ресурсов на поздней стадии разведки и разработки, новые геологические идеи и перспективы воспроизводства запасов в XXI столетии за счет их реализации и т.д. Книга может быть использована в качестве учебного пособия для обучающихся по специальностям «Геология нефти и газа», «Геология и геохимия горючих ископаемых», «Разработка и эксплуатация нефтяных и газовых месторождений», а также специалистами нефтяных и газовых компаний и широкого круга людей, интересующихся вопросами топливно-энергетического комплекса.

* * *

11 сентября 2009 года состоялось первое после летних каникул заседание Президиума Академии наук Республики Татарстан.

Заседание открыл президент Академии наук РТ А.М.Мазгаров, который рассказал собравшимся о самых важных событиях, произошедших в жизни академии в летние месяцы. Затем академик-секретарь Отделения физики, энергетики, наук о Земле АН РТ академик Н.А.Сахибуллин подробно доложил Президиуму об итогах участия Академии наук РТ в организации Международной астрофизической конференции «Астрономия и Всемирное наследие: через время и континенты», которая проходила в Казани с 19 по 26 августа.

Сообщение о том, как взаимодействует Академия наук Татарстана с РГНФ и РФФИ, сделал академик АН РТ А.В. Ильясов. Также был утвержден состав экспертных комиссий, советов и рабочих групп Совета по присуждению грантов и премий по государственной поддержке молодых ученых. Последним вопросом повестки дня были результаты конкурса стипендий АН РТ за 1-й семестр 2009 учебного года.

На конкурс было подано 32 студенческие работы. Комиссия по проблемам отбора и поддержки талантливой молодежи АН РТ выбрала из них 15 лучших, авторы которых будут получать стипендию АН РТ.

В осенне-зимний семестр 2009/10 учебного года (с 1 сентября 2009 года по 28 февраля 2010 года) стипендии Академии наук Республики Татарстан будут получать следующие студенты:

1. Зайцева Екатерина Валерьевна – студентка физического факультета Казанского государственного университета.

2. Юнусов Динар Шамилевич – студент биологического-почвенного факультета Казанского государственного университета.

3. Юсупов Ильнур Ильсирович – студент факультета татарской филологии и истории Казанского государственного университета.

4. Агафонова Мария Александровна – студентка факультета социально-культурной деятельности Казанского государственного университета культуры и искусств.

5. Биктимирова Алия Равилевна – студентка факультета социально-культурной деятельности Казанского государственного университета культуры и искусств.

6. Шарафисламова Сания Искандеровна – студентка лечебного факультета Казанского государственного медицинского университета.

7. Шарипов Дмитрий Дамирович – студент факультета нефти и химии Казанского государственного технологического университета.

8. Мухамадиев Даulet Тендикович – студент Казанского государственного технологического университета, кафедра общей химической технологии.

9. Батракова Алена Владимировна – студентка института полимиров Казанского государственного технологического университета.

10. Ганиева Нурия Нургаяновна – студентка факультета истории и юриспруденции Елабужского государственного педагогического университета.

11. Ядутова Наталья Владимировна – студентка факультета энергомашиностроения Казанского государственного энергетического университета.

12. Бусыгина Татьяна Владимировна – студентка факультета автоматики и электронного приборостроения Казанского государственного технического университета им. А.Н.Туполева.

13. Шарафутдинов Марат Мансурович – студент факультета менеджмента Казанского государственного финансово-экономического института.

14. Замалиева Эльвира Иршатовна – студентка строительного факультета Казанского государственного архитектурно-строительного университета.

15. Фомин Станислав Николаевич – студент строительно-технологического факультета Казанского государственного архитектурно-строительного университета.

В соответствии с Положением о стипендиях АН РТ почетные дипломы стипендиатам будут вручены на очередном Общем собрании АН РТ.

* * *

С 15 по 20 сентября делегация Академии наук РТ находилась с визитом в Крымском научном центре Национальной Академии наук Украины. В составе делегации были вице-президент АН РТ, депутат Госсовета РТ А.Ш.Зиятдинов, директор Института истории им. Ш.Марджани АН РТ Р.С.Хакимов, руководитель Национального центра археологических исследований АН РТ А.Г.Ситдиков.

В течение пяти дней ученые Татарстана посетили Симферополь, Бахчисарай, Ялту, Евпаторию, встретились с коллегами и представители власти Республики Крым. Главным результатом поездки стало заключение договора о сотрудничестве между Институтом истории Академии наук Татарстана и Институтом археологии Крымского научного центра Национальной Академии наук Украины – планируются совместные археологические экспедиции.

* * *

21-22 сентября президент Академии наук РТ Ахмет Мазгаров принял участие в выездном расширенном заседании Совета Российской академии наук по координации деятельности региональных отделений и региональных научных центров РАН, которое состоялось в Хабаровске. Главным вопросом заседания было взаимодействие региональных отделений и региональных научных центров РАН с органами государственной власти и системой образовательных учреждений субъектов РФ в федеральных округах.

На заседании присутствовали члены Совета РАН, члены Президиума РАН и Президиумов СО РАН, УрО РАН, ДВО РАН, руководители РФФИ, региональных научных центров РАН и университетов, представители органов государственной власти Российской Федерации.

На первом заседании, состоявшемся 21 сентября, от Республики Татарстан выступили президент Академии наук РТ А.М.Мазгаров с докладом «Особенности в деятельности Академии наук Республики Татарстан: опыт взаимодействия с органами государственной власти РТ» и председатель Казанского научного центра РАН О.Г.Синяшин с темой «Академическая наука и региональная власть. Опыт Казанского научного центра». Указом президента РАН А.М.Мазгаров принят в члены Совета РАН по координации деятельности региональных отделений и региональных научных центров РАН.

На основе всех представленных докладов – а их прозвучало в течение двух дней более десяти – Совет РАН обобщил опыт взаимодействия региональных отделений и региональных научных центров РАН с администрациями краев и областей РФ и принял «Решение Совета РАН», в котором намечены перспективы дальнейшей координации деятельности академических учреждений в научном обосновании решений территориальных проблем и главные направления совершенствования взаимодействия региональных отделений и научных центров РАН с органами власти.

* * *

23 сентября в Академии наук Республики Татарстан состоялся «круглый стол» по теме «Река Казанка в черте города Казани в условиях строительства объектов Универсиады – 2013».

В работе «круглого стола» приняли участие председатель научного совета по проблемам экологии при президиуме АН РТ В.З. Латыпова, зам.директора по научной работе Института проблем экологии и недропользования АН РТ Р.Р.Шагидуллин, декан биологического факультета КГУ Р.М.Сабиров, зав.лабораторией гидрологии ИПЭН АН РТ А.Т.Горшкова, декан факультета географии и экологии КГУ О.П.Ермолаев и др.

* * *

28 сентября вечером в Академии наук РТ состоялся прием Генерального директора ИСЕСКО (Исламской организации по вопросам образования, науки и культуры) при ОИК господина Абдулгиза аль-Тувейджри.

Гостя принимали президент АН РТ А.М.Мазгаров, вице-президент АН РТ А.Л.Абдуллин, главный ученый секретарь академии Д.Ф.Загидуллина. Также во встрече участвовали академик-секретарь Отделения гуманитарных наук АН РТ Р.М.Мухаметшин, директор Института истории им. Ш.Марджани АН РТ Р.С.Хакимов, директор Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова К.М.Миннурлин, зам.директора Института Татарской энциклопедии Р.М.Валеев и др.

Президент Академии наук Татарстана А.М.Мазгаров рассказал о структуре, основных направлениях деятельности Академии наук РТ и современных проблемах экономики, над которыми работают татарстанские ученые. Особый интерес у гостей вызвала та часть выступления Ахмета Мазгаровича, которая была посвящена предложениям Академии наук Татарстана по сотрудничеству с Исламской организацией по вопросам образования, науки и культуры. Эта программа состояла из нескольких позиций гуманитарного характера: приглашение исламских стран к участию в новом проекте Института истории АН РТ «Идель-Алтай» и тематике Центра исламоведческих исследований, поиск и сохранение старинных татарских рукописей, продолжение исследований истории Булгар и работа с татарской диаспорой с целью развития мирового татароведения. Президент АН РТ А.М.Мазгаров сказал: «Так сложилось исторически, что Казань, находясь на Великом перекрестке, всегда выполняла особую роль во взаимоотношениях между Севером и Югом, Западом и Востоком. И ученые в этом играли не последнюю роль. Татарстан старается возродить эту важную миссию».

В ответном слове Генеральный директор ИСЕСКО господин Абдулгазиз аль-Тувейджри поблагодарил Академию наук Татарстана за столь теплый прием и особенно за интересные предложения. Он сказал: «Изучив вашу структуру, я убедился в том, что вы представляете серьезное научное учреждение. В дальнейшем мы обязательно выстроим с вами сотрудничество по тем пяти направлениям, которые сейчас прозвучали. Все они так или иначе связаны с наследием и цивилизационными процессами. Хотелось бы добавить к ним еще несколько направлений. Первое – это науки и технологии. В свою Стратегию развития, которая была утверждена на Саммите исламских стран, мы заложили программу по развитию науки и технологий в исламском мире и стараемся ее претворять в союзе с международными и региональными отделениями. И второе – мы сотрудничаем со многими международными научными организациями и проводим интересные совместные конференции. Ваша Академия наук могла бы также стать площадкой для проведения таких научных форумов. Например, мы могли бы провести конференции на темы охраны окружающей среды, по новейшим энергосберегающим технологиям, проблемам нефтехимии и физики... Я благодарен вам за открытость к сотрудничеству».

Справка.

Исламская организация по делам образования, науки и культуры при ОИК (ИСЕСКО) была основана согласно Резолюции № 12/10-C на Десятой исламской конференции министров иностранных дел, которая состоялась в г.Фесе (Королевство Марокко) в мае 1979 г. С 30 ноября 1991 г. Генеральным директором ИСЕСКО является г-н Абдулгазиз Осман аль-Тувейджри.

* * *

2 октября в Академии наук Республики Татарстан (Баумана, 20) состоялась торжественная церемония вручения Международной премии им. Е.К. Завойского. Престижная премия была вручена профессору Даниэлле Гольдфарб (Израиль).

Президент Академии наук РТ А.М.Мазгаров в своем приветственном слове сказал: «Сегодня мы собрались с вами в этом прекрасном зале Академии наук Татарстана по замечательному поводу – на торжественную церемонию вручения Международной премии имени Е.К.Завойского. Ученого, с чьим именем связано величайшее открытие в мире науки – явления электронного парамагнитного резонанса. Ежегодное вручение Международной премии имени Е.К.Завойского, которое происходит сегодня в 19-й раз, – это огромное событие для научной общественности Татарстана, для всей республики в целом. Наука «стирает» территориальные, государственные, политические границы и в стремлении улучшить жизнь человечества делает ближе друг к другу ученых разных континентов и стран».

Ахмет Мазгарович напомнил собравшимся, что родиной этого замечательного открытия является Казань – именно здесь, в лаборатории Казанского университета, в 1944 году Евгений Константинович наблюдал это явление. В тяжелейшие военные годы его увлеченность и огромное трудолюбие были примером для его учеников. Вот уже 25 лет Казанский физико-технический институт РАН, который является одним из ведущих мировых научных центров в области магнитной радиоспектроскопии, носит имя Е.К.Завойского. И именно по инициативе Казанского физико-технического института в 1991 году была учреждена Международная премия им. Е. К. Завойского, которая присуждается за выдающийся вклад в развитие применения электронного парамагнитного резонанса.

В этом году открытию Е.К.Завойского – 65 лет. Открытие метода дало толчок образованию и развитию научных центров во многих странах мира, где проводятся интенсивные исследования различных объектов. Сегодня метод электронного и ядерного парамагнитного резонанса широко используется в ядерной физике, химии, минералогии, биологии, медицине. Среди лауреатов этой престижной Международной премии – ученые самых различных областей, разных стран мира: США, Швейцарии, Германии, Великобритании и Нидерландов. Три лауреата представляют Россию.

Президент Академии наук Татарстана Ахмет Мазгаров обратил внимание на то, что в год 65-летия премии им. Е.К. Завойского она впервые вручается ученому-женщине.

Профессор Даниэлла Гольдфарб (Израиль) награждена за вклад в развитие метода импульсного высокополового двойного электронно-ядерного резонанса и его приложения к изучению металлопротеинов и цеолитов. Она работает в Вейцмановском научном институте, Реховот (Израиль), в настоящее время возглавляет Совет профессоров института.

Научные интересы Даниэллы Гольдфарб сфокусированы на развитии и применениях электронного парамагнитного резонанса и двойного электронно-ядерного резонанса к проблемам в биофизике и материаловедении. Широко известны ее исследования механизмов

формирования мезопоровых материалов как на молекулярном уровне, так и на уровне мезошкалы, а также их корреляции, что ведет к более эффективному дизайну мезопоровых материалов. Большое внимание ученой уделяется совершенствованию техники ЭПР.

* * *

9 октября 2009 года в Академии наук Татарстана состоялась первая «встреча без галстука» нового сезона, организованная Отделом по связям с общественностью и СМИ АН РТ. Герой встречи – Андрей Павлович Киясов, член-корреспондент АН РТ, ведущий ученый в области клеточной трансплантологии не только в Республике Татарстан, но и за ее пределами, инициатор создания на территории Татарстана банка стволовых клеток и разработчик Республиканской целевой программы «Внедрение клеточной медицины в РТ».

А.П.Киясов является доктором медицинских наук, профессором, заведующим кафедрой нормальной анатомии, научным руководителем банка стволовых клеток Казанского государственного медицинского университета.

Научные исследования в области клеточной трансплантологии были начаты А.П. Киясовым в 80-х годах XX столетия, когда он был студентом и Ленинским стипендиатом Казанского медицинского института. В результате ранних работ он впервые в мире показал, что стволовые клетки, выделенные из мышц и трансплантированные облученным животным, восстанавливают кроветворение. Все его дальнейшие исследования, в том числе и во время двухлетней стажировки в Бельгии, были посвящены изучению механизмов развития и регенерации органов, с позиции поиска региональных стволовых клеток, которые могут быть использованы для трансплантации и генотерапии.

На встрече присутствовали журналисты из различных СМИ Татарстана. А.П.Киясов объяснил журналистам особенности лечения стволовыми клетками, а также ответил на многочисленные вопросы журналистов.

* * *

20 октября 2009 года состоялось очередное заседание президиума Академии наук Республики Татарстан, в котором приняли участие первый вице-премьер Республики Татарстан Р.Ф.Муратов, министр экономики М.Р.Сафиуллин и другие члены президиума АН РТ.

Перед началом заседания члены президиума поздравили Равиля Фатыховича с прошедшим юбилеем и правительенной наградой. Вице-президент АН РТ, академик К.М.Салихов подарил юбиляру роскошное подарочное издание только что вышедшей книги о параметромагнитном резонансе, которая была подготовлена к печати не без участия казанских ученых.

Заседание открыл президент АН РТ А.М.Мазгаров, традиционно проинформировавший президиум о событиях, произошедших в Академии наук в период между последними заседаниями.

Первый вопрос повестки дня касался концепции создаваемого в настоящее время Центра электроники Республики Татарстан. С до-

кладами по концепции Центра выступили директор Института информатики АН РТ, член-корреспондент Ф.М.Аблаев и заведующий кафедрой электронного приборостроения КГТУ им. А.Н.Туполева Ф.А. Карамов. После докладов развернулась дискуссия.

Затем сделала сообщение член-корреспондент АН РТ О.Н. Ильинская. Она рассказала о новом проекте микробиологов «Новые биотехнологии очистки нефтезагрязненных почв». Доклад вызвал большой интерес, было решено для экспериментальной реализации этого проекта объединить усилия ученых и производственников, например, ОАО «Нижнекамскнефтехим» или ОАО «Казань Оргсинтез».

С комплексным планом археологических исследований на территории Болгарского и Суварского городищ познакомил участников заседания руководитель Национального центра археологических исследований им. А.Х.Халикова Института истории им. Ш.Марджани АН РТ А.Г.Ситдиков. После обсуждения плана было предложено включить в него и археологические исследования на территории Бильярского городища, являющегося таким же важным и ценным объектом для истории Татарстана и Болгарской цивилизации.

Членам президиума Академии наук РТ был представлен план конференций, семинаров, симпозиумов, школ и т.д., которые планируется провести под эгидой Академии наук Республики Татарстан в 2010 году. Отделениям АН РТ было предложено ознакомиться с ним и при необходимости внести свои коррективы.

* * *

29 октября 2009 года в Академии наук РТ состоялась «встреча без галстука». Герой встречи – профессор Ренад Ибрагимович Жданов, почетный член Академии наук РТ, инициатор российских исследований в области генного переноса и генотерапии, один из ведущих экспертов в области ДНК-липидных взаимодействий и комплексов. Он одним из первых начал исследования в области липидомики ДНК-связанных липидов и мембран и «липидного кода ДНК».

На встрече присутствовали журналисты из различных СМИ Татарстана. Р.И.Жданов рассказал о генной терапии и различных проблемах, над которыми в настоящее время работают российские и зарубежные генетики, о последних достижениях ученых в этой научной области. Большой интерес у журналистов вызвали размышления генетика о проблеме долголетия. Ренад Ибрагимович поделился и своими секретами поддержания работоспособности и хорошей физической формы. Ученый также ответил на многочисленные вопросы журналистов.

Была также представлена коллекция научной филателии Р.И.Жданова, первая подборка которой уже выставлена на сайте АН РТ <http://www.antat.ru>. Вся коллекция включает в себя более 4000 филателистических материалов (почтовые марки, блоки, конверты), посвященных великим ученым, открытиям и событиям в мире науки и технологий. Более 9 лет Ренад Ибрагимович, работая в крупнейших Научно-исследовательских центрах и Университетах Германии, Канады, Италии и Турции, выступая с лекциями на Конгрессах в зарубежных странах, постоянно пополнял свою коллекцию уникальными почтовыми марками и собрал одну из крупнейших в мире коллекций

научной и медицинской филателии. Профессор Р.И. Жданов планирует подарить коллекцию Академии наук Республики Татарстан.

* * *

Президент Академии наук Татарстана А.М.Мазгаров и член президиума АН РТ Р.С.Яруллин награждены за большой вклад в развитие нефтехимической науки Серебряной медалью имени Н.А.Платэ Российской академии наук. Награждение состоялось в рамках III Российской конференции «Актуальные проблемы нефтехимии».

А.М.Мазгаров и Р.С.Яруллин приняли участие в работе III Российской конференции «Актуальные проблемы нефтехимии», которая состоялась 27-30 октября в Звенигороде. Конференция была посвящена 75-летию со дня рождения академика Н.А.Платэ. Организаторами научного форума выступили Отделение химии и наук о материалах РАН, Объединенный научный совет по химии нефти, газа и ископаемого твердого топлива, Институт нефтехимического синтеза им.А.В.Топчиева и Федеральное агентство по науке и инновациям РФ.

Ключевые и стендовые доклады были посвящены таким направлениям, как современные проблемы химии полимеров и новые полимерные материалы, новые процессы и продукты нефтехимии и нефтепереработки, катализаторы нефтехимических процессов, химия и технология получения моторных топлив, смазочных материалов и присадок, нефтехимические продукты из природного газа и угля, экологические проблемы нефтехимии и нефтепереработки. В числе сопредседателей оргкомитета конференции был почетный академик Академии наук Татарстана – директор Института нефтехимического синтеза им. А.В.Топчиева РАН С.Н.Хаджиев.

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Журнал «Научный Татарстан» ориентирован на публикацию научных статей по следующим научным направлениям: 07.00.00 (исторические науки), 09.00.00 (философские науки), 10.00.00 (филологические науки), 12.00.00 (юридические науки), 17.00.00 (искусствоведение) и 23.00.00 (политические науки). При подаче материалов в редакцию вы должны учесть следующие наши требования (в противном случае статьи будут отклонены без рассмотрения):

– необходимо наличие распечатанного на бумаге текста (2 экз.) и его электронного варианта на 2 дискетах 3,5" (шрифт Times New Roman, размер шрифта 14-й, межстрочный пробел полуторный, одно из полей – не менее 2 см, обязательная нумерация страниц) объемом не более 1 авторского листа (40 тысяч знаков), без иллюстраций, с указанием УДК и ключевых слов, краткой аннотацией на русском и английском языках (1/3 + 1/3 страницы), примечаниями (ссылки необходимо указывать в тексте сплошной надстрочной нумерацией «1, 2, 3 и т.д.», а сами примечания размещать в конце текста; Ф.И.О. авторов цитируемых материалов выделяются курсивом) или списком литературы (в конце текста строго в алфавитном порядке, Ф.И.О. авторов выделяются курсивом), сведениями об авторе/авторах (Ф.И.О. полностью, год рождения, данные об оконченном вузе, ученая степень и занимаемая должность, тематика и общее число опубликованных работ, контактная информация);

– необходимо наличие 2 рецензий на статью от двух докторов наук либо одного доктора и одного кандидата наук (научные направления 07.00.00, 09.00.00, 10.00.00, 12.00.00, 17.00.00, 23.00.00);

– оформление подписки на журнал будет способствовать сотрудничеству.

При соблюдении вами указанных требований редакция журнала в обязательном порядке направит поступившие материалы на дополнительное независимое рецензирование, после чего будет принято решение об их публикации или отказе в публикации.

Адрес редакции: 420111, Казань, ул. Баумана, 20

Телефоны: 292-40-34 (гл. редактор), 292-79-39 (зам. гл. редактора),

292-15-64 (ответ. секретарь)

Факс: 292-02-72 (обязательно указать – «для редакции «НТ»)

e-mail: anrt@rambler.ru (обязательно указать – «для редакции «НТ»)

С наилучшими пожеланиями
и с надеждой на плодотворное сотрудничество

Редакция журнала «Научный Татарстан»

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ ЖУРНАЛА!

ПОДПИСКА НА «НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН»
ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПО КАТАЛОГУ «ТАТАРСТАН ПОЧТАСЫ»,
ИНДЕКС 78700.

ПО ВОПРОСАМ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ
ОБРАЩАЙТЕСЬ В БИБЛИОТЕКУ АКАДЕМИИ НАУК
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН (ТЕЛ. 292-27-23;
ЗАВЕДУЮЩАЯ – ВАЛИАХМЕТОВА Т.К.)
ЛИБО В ФГУП УПС «ТАТАРСТАН ПОЧТАСЫ»
(420111, КАЗАНЬ, УЛ. РАХМАТУЛЛИНА, 3; ФАКС 292-88-77;
E-MAIL: delo@tatpochta.ru).

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ
ОБЛЕГЧИТ ВАШЕ ОБЩЕНИЕ С РЕДАКЦИЕЙ
НА ПРЕДМЕТ ПУБЛИКАЦИИ ВАШИХ МАТЕРИАЛОВ!